

2022. Vol. 15. Is. 6

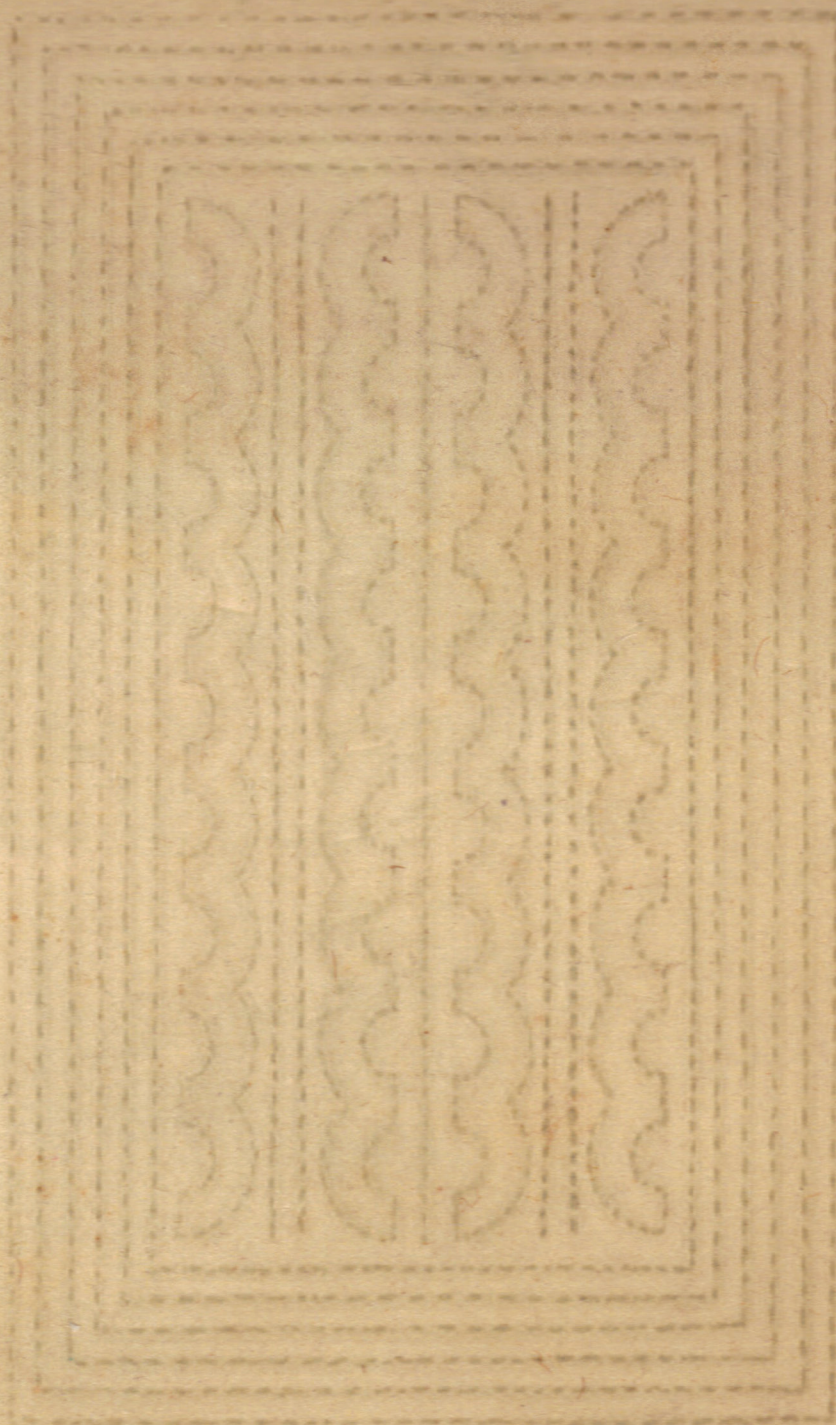
ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2022. Т. 15. № 6

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
- Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design and page layout: *Dz. Tatninov*

Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абиля Е. А., Тылахметова А. С.</i> Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников)	1202
	<i>Баикуев В. Ю., Миягашева С. Б.</i> Советский геополитический проект в МНР и проблемы демографии в середине 1920-х – начале 1940-х гг.	1217
Отечественная история	<i>Бреславский А. С.</i> Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х – 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей	1227
Этнология и антропология	<i>Салмин А. К.</i> История савиров / суваров по археологическим сведениям	1244
	<i>Кара-оол Л. С., Кормушин И. В.</i> Названия родовых групп тувинцев	1254
	<i>Бакаева Э. П.</i> Нойон Галдама в письменной и устной традиции монгольских народов	1271
	<i>Ховалыг Р. Б.</i> Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды <i>эдектиг тон</i>	1293
	<i>Вагнер-Сапухина Е. А., Пежемский Д. В.</i> Этническая антропология тувинцев: история и перспективы развития. Часть 1	1308
Источниковедение	<i>Абдрафикова Г. Х., Игдавлетов И. С.</i> Башкирская рукопись «Усерган таварихы»	1325
Языкознание	<i>Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.</i> Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика	1333
	<i>Савельев А. В.</i> К вопросу о чувашских материалах Ф. И. фон Страленберга	1352
	<i>Иванов Е. Е.</i> Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики)	1373
	<i>Товуу С. С.</i> Тувинский язык в образовании: вопросы витальности языка	1389
Фольклористика	<i>Садалова Т. М., Паштакова Т. Н.</i> Образ культурного героя Сартакпая в алтайском фольклоре	1401
	<i>Горяева Б. Б.</i> Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer	1410
	<i>Хабунова Е. Э.</i> Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012–2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков	1422

CONTENTS

General History	<i>Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S.</i> Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing Archival Sources for Some Historical Aspects of Relations	1202
	<i>Bashkuev V. Yu., Miyagasheva S. B.</i> Soviet Geopolitical Project in the Mongolian People's Republic and Demographic Problems: Mid-1920s to Early 1940s	1217
National History	<i>Breslavsky A. S.</i> Urbanization Crisis in Magadan Oblast, Late 1980s to 2010s: Analyzing Structural and Demographic Trends	1227
Ethnology & Anthropology	<i>Salmin A. K.</i> The History of the Savirs/Suvars from the Archaeological Data	1244
	<i>Kara-ool L. S., Kormushin I. V.</i> Names of Tuvan Clan/Tribal Groups Analyzed	1254
	<i>Bakaeva E. P.</i> Noyon Galdama in Written and Oral Traditions of Mongolic Peoples	1271
	<i>Khovalyg R. B.</i> <i>Edektig Ton</i> : Historical and Ethnographic Aspects of the Tuvan Women's Shoulder Garment	1293
	<i>Vagner-Sapukhina E. A., Pezhemsky D. V.</i> Tuvan Physical Anthropology: History and Development Prospects. Part One	1308
Sources Studies	<i>Abdrafikova G. Kh., Igdayev I. S.</i> <i>Usergan Tavarikhy</i> ('History of the Usergan'): One Bashkir Manuscript Reviewed	1325
Linguistics	<i>Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N.</i> Words Denoting the Sky in Mongolic Languages: Etymology and Semantics	1333
	<i>Savelyev A. V.</i> Ph. J. Strahlenberg's Chuvash Language Materials Revisited	1352
	<i>Ivanov E. E.</i> Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics	1373
	<i>Tovuu S. S.</i> Tuvan in Education: Vitality of the Language Revisited	1389
Folklore studies	<i>Sadalova T. M., Pashtakova T. N.</i> Culture Hero Sartakpai: The Image in Altaian Folklore Revisited	1401
	<i>Goryaeva B. B.</i> ATU 300 The Dragon-Slayer: Motif of Way in Kalmyk Folktales	1410
	<i>Khabunova E. E.</i> Folklore Expeditions of 2012–2017: Oral Narratives as a Representation of Kalmyk Collective Memory	1422

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1202–1216, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(574)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216

Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников)

Зиябек Ермуханович Кабульдинов¹, Акмарал Рашидкызы Бейсембаева², Еркин Аманжолович Абиля³, Анар Советхановна Тылахметова⁴

¹ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

² Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

PhD-докторант, научный сотрудник

 0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

³ Институт истории государства (д. 4, ул. Бейбитшилик, 010000 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0001-8722-3992. E-mail: yerkinabil@gmail.com

⁴ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

младший научный сотрудник

 0000-0002-7323-0515. E-mail: anora_1986@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абиля Е. А., Тылахметова А. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В 1740–1780-е гг. процессы децентрализации Казахского ханства привели к тому, что оно оказалось в орбите сложных внешнеполитических отношений. В этот период отстаивания политической самостоятельности из наиболее авторитетных лидеров Казахского ханства одним из главных акторов принятия политических решений Великой степи становится Абылай-хан. В процесс развития дипломатических связей с Цинской империей включился и продолжил его сын Уали, сохранивший в основе своего дальнейшего управления казахскими землями курс балансирующей стратегии по дипломатическому лавированию в условиях двойного подданства. Таким образом, *целью* исследования является изучение дипломатических отношений Абылая и Уали с Цинской империей; привлечение архивных материалов для изучения редких, по сравнению с личностью Абылая, сведений о деятельности

Уали. Источниковой базой работы послужили документы из фондов Исторического архива Омской области, Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива древних актов. Многие документы из Исторического архива Омской области стали рассекреченными лишь в 2019 г. и еще не введены широко в научный оборот. Благодаря этому удалось выявить новые исторические факты, в том числе о деятельности малоизвестной личности Уали-хана в контексте его дипломатических связей. Известные сейчас материалы, предоставляющие сведения о событиях XVIII–XIX вв., в отличие от освещения деятельности Абылая, не проливают полностью свет на проблему роли Уали в исторических процессах. Поиски информации о данной исторической личности показали, насколько он является малоизученным персонажем. *Результаты.* В ходе казахско-цинских переговоров по урегулированию земельных конфликтных вопросов после падения Джунгарского ханства и налаживания торгово-экономических отношений обе стороны начинают более активно обмениваться дипломатическими миссиями, появляется возможность получения цинского подданства и основание для дальнейшего развития взаимоотношений. Принятие цинского подданства казахскими правителями Абылаем и Уали в значительной степени позволило расширить для них область маневров на политической арене. В роли основной фигуры, наладившей казахско-цинские дипломатические отношения, по-прежнему рассматривается Абылай, взявший на себя наибольшую часть ответственности в этом деле среди личностей, облаченных влиянием в степи. В свою очередь роль и значение деятельности Уали остается малоизвестной для исследователей при обсуждении дипломатических отношений казахов с сопредельными государствами.

Ключевые слова: Казахское ханство, Российская империя, Цинская империя, дипломатия, посольства, дипломатические миссии, казахи, ханы, султаны, Абылай, Уали, Цяньлун, международные отношения, казахско-китайские отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации программы программно-целевого финансирования «Разработка академического издания „История Казахстана с древнейших времен до наших дней“» (индивидуальный регистрационный номер: OR11465469).

Для цитирования: Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абиль Е. А., Тылахметова А. С. Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 15. № 6. С. 1202–1216. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216

Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing Archival Sources for Some Historical Aspects of Relations

Ziyabek E. Kabuldinov¹, Akmaral R. Beisembayeva², Yerkin A. Abil³, Anar S. Tylakhmetova⁴

¹ Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

² Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD Candidate (History), Research Associate

 0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

³ Institute of History of the State (4, Beibitshilik St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0001-8722-3992. E-mail: yerkinabil@gmail.com

⁴ Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Junior Research Associate

 0000-0002-7323-0515. E-mail: anora_1986@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S., 2022

Abstract. *Introduction.* In the 1740s–1780s, decentralization processes within the Kazakh Khanate led to that it was involved into somewhat troubled foreign policy relations. The period of struggle for political independence witnessed the emergence of Abylai — among most authoritative leaders of the Kazakh Khanate — as a key political decision-maker of the Great Steppe. His son Uali joined and continued the process of developing diplomatic relations between the Kazakh Khanate and the Qing Empire. In the future, it was a balanced strategy of diplomatic maneuvers under conditions of dual citizenship that constituted the basis of the latter ruler's administrative agenda across Kazakh lands. *Goals.* Thus, the study aims to examine Abylai and Uali's diplomatic relations with the Qing Empire. The paper shall also explore archival materials for data pertaining to diplomatic endeavors of Uali which are scarce enough as compared to those on Abylai's activities. *Materials and methods.* The work focuses on documents stored at the Historical Archive of Omsk Oblast, Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, and Russian State Archive of Ancient Acts. Quite a number of the documents from the Historical Archive of Omsk Oblast have been declassified only in 2019, and were never introduced into wide scholarly circulation. The newly obtained records reveal certain historical facts, including about certain diplomatic endeavors definitely adding to the little-known personality of Khan Uali. The currently available documentary evidence dealing with the events of the 18th–19th centuries virtually shed no light on Uali's role in historical processes. Our search for information about activities of this historical figure shows how poorly investigated the latter is. The study employs the principles of scientific and historical knowledge, with due regard the value approach. *Results.* The Kazakh-Qing land-related negotiations after the collapse of the Dzungar Khanate continued with the establishment of trade and economic relations — to witness an increase in mutual diplomatic missions. So, Abylai faced an opportunity to obtain the Qing citizenship as a basis for further development of ties with the Manchu imperial palace. The Qing citizenship of Kazakh rulers Abylai and Uali did significantly expand room for political maneuver of theirs. Abylai is still considered to be a key figure in establishing Kazakh-Qing diplomatic relations, he who had taken the bulk of the responsibility — in this matter — among the then individuals of power and influence in the Steppe. Whereas, the role and activities of Uali remain little-known when it comes to discuss diplomatic relations between the Kazakhs and neighboring states.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Empire, Qing Empire, diplomacy, embassies, diplomatic missions, Kazakhs, Khans, sultans, Abylai, Uali, Qianlong Emperor, international relations, Kazakh-Chinese relations

Acknowledgements. The reported study was funded by PTF program no. OR11465469: Preparation of the Academic Publication 'History of Kazakhstan from Ancient Times to Present Days'.

For citation: Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S. Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing Archival Sources for Some Historical Aspects of Relations. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1202–1216. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216

Введение

Султан Абылай (с 1771 г. — хан), государственный деятель казахской степи XVIII в., проводил политику лавирования между крупнейшими империями того времени — Российской и Цинской, поддерживая дипломатические отношения с обоими государствами. В 1740 г. Абылай, формально приняв российское подданство, в то же время с 1757 г. сумел наладить дипломати-

ческие связи с Цинской империей. Постоянное поддержание этих контактов позволяло замедлить продвижение Российской империи на территории Казахского ханства и предотвращать возможную эскалацию активных военных действий со стороны цинского Китая, имевшее место в 1756–1757 гг. [Onuma 2014: 1].

Первое Цинское посольство в ставку Абылая прибыло в 1755 г. во главе с

Шуньдэной и Даюна, при урегулировании приграничных вопросов, возможно, султан Уали уже тогда встречался с цинскими посланниками. Следующее посольство прибыло в 1758 г., в результате которого казахи заключили договор с цинской династией о ведении торговли при урочище, называемом Ирен-Хабырга в Восточном Тянь-Шане. Впервые Уали-султан прибыл в столицу Цинской империи 1 мая 1769 г. Есть ценные данные, свидетельствующие о посещении султаном дворца императора династии Цин в конце 1760-х гг. [[Прошлое Казахстана 1997: 316](#)].

Состав прибывшего казахского посольства состоял из 15 человек из числа преданных соратников, которых Абылай отрядил для сопровождения сына. Согласно китайским источникам, фиксировавшим в том числе строгую рассадку чиновников и гостей на приемах императора, Уали-султан как чингизид сидел рядом с представителями монгольской знати. Так же было отмечено, что император Айсиньгёро Хунли в честь данного события создал стихотворение. Пребывание в цинском императорском дворе должно было иметь значительные политические и экономические последствия для дальнейшего развития казахско-китайских отношений [[Бейсембаева 2021: 131](#)].

Роль и деятельность видных степных правителей до сих пор мало изучена и недостаточно широко известна общественности. Например, если хану Абылаю посвящено немало научных трудов, то личности других его современников и соратников оказались несколько обойденными вниманием исследователей.

Уали был старшим сыном Абылай-хана и Сайман-ханым, его второй супруги, дочери каракалпакского бека Сагендек-Чувакбая. Юные годы Уали проходили в исторический период, насыщенный многими событиями политического и военного характера. Его окружение в основном составляли представители семей приближенных и соратников Абылая, который являлся одним из самых влиятельных государственных деятелей в казахской степи XVIII в. Несомненно, это оказывало влияние на формирование характера и личности Уали-бахадура с ранних лет, а также на приобретаемый им опыт в развитии казахско-китайских отношений.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, собранные в фондах архивов Российской Федерации, и опубликованные в составе различных сборников документы. Первую группу составляют материалы фондов Исторического архива Омской области (далее — ИА ОО), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), Государственного архива Оренбургской области (далее — ГА ОО), касающиеся обозначенного периода. Во вторую группу источников вошли опубликованные документы. Это сборники документов и материалов: «Цинская империя и казахские ханства: вторая половина XVIII — первая треть XIX в.» в двух томах; «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков»; «История Казахстана в документах и материалах: Альманах»; «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» [[Цинская империя 1989а](#); [Цинская империя 1989б](#); [ИКРИ 2005](#); [ИКРИ 2006](#); [ИКРИ 2007а](#); [ИКРИ 2007б](#); [История Казахстана 2013](#); [Эпистолярное наследие 2014](#)].

Методологическую основу работы составили такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность, а также применяемый в исторических исследованиях ценностный подход. Они предполагают всестороннее, объективное рассмотрение тех или иных исторических событий, учет целого спектра факторов, влиявших на деятельность исторической личности и его окружения, рассмотрение исторического события во взаимосвязи всех элементов.

Падение Джунгарского ханства — требование цинского императора о выдаче Амурсаны

Как известно, вместе с началом падения и тотальной ликвидации Джунгарского ханства территориальные конфликты казахских правителей с цинскими властями приобрели тенденцию к обострению. Так, летом 1755 г. в казахские земли прибыло посольство Цинской империи, достигнув территорий базирования султана Абылая. Император династии Цин желал скорого

разрешения вопросов, касавшихся новых пограничных земель. В свою очередь Абылай не признал захват войсками Джунгарского ханства и начал оказывать свою поддержку Амурсане, главе восстания выживших джунгар. Казахи надеялись вернуть часть своих исконных земель, захваченных ранее джунгарами.

С приходом весны в 1756 г. казахские отряды пробрались вглубь территорий джунгар для оказания военной помощи. Император Айсиньгёро Хунли, придерживавшийся девиза Цяньлун «непоколебимо и славно», получив это донесение, сразу направил войска на территорию казахских земель. Цяньлун приказал развертывать войска в южном и восточном направлениях для нападения на территорию Среднего жуза. Цинский император категорически потребовал у Абылая выдать мятежного Амурсану, в 1755 г. поднявшего восстание против цинов. Когда армия императора весной 1756 г. вторглась в Джунгарию, Амурсана бежал к казахам, найдя покровительство у Абылая [Акимбеков 2018: 127].

Это обстоятельство описывается в указе цинского императора о направлении очередной дипломатической миссии к казахам с требованием задержать и выдать цинским властям Амурсану; письмо было адресовано Абылаю от 1 апреля 1756 г. В нем император говорил, что казахи еще недавно пострадали от нашествия «варваров» и что нужно положительно относиться к нынешнему положению дел джунгар. Так же он предупреждал о возникновении конфликтной ситуации из-за укрывательства участников восстания против Цинской империи [Цинская империя 1989а: 81–82].

Как видим, поимке авторитетного и влиятельного Амурсаны цинский император уделял очень большое внимание, поскольку с его именем могло начаться новое возрождение Джунгарского государства. Из этого письма мы также усматриваем и желание Абылая сохранить политический авторитет джунгарского правителя. Видимо, Абылай хотел видеть в лице уже нового возрожденного и ставшего дружественного казахам Амурсаны противовес набравшей в регионе силу Цинской империи.

Поэтому под разными уловками, предложениями Абылай пытался не выдавать своего союзника Амурсану, что следует из донесе-

ния Цзянцзюня Дардана военному совету сведений, полученных от казахских пленных Чулука и Аралбая, и из приказа императора о выводе войск из казахских земель от 4 октября 1756 г. В донесении приводятся в подтверждение наших размышлений слова Абылая, в которых он уверял цинского военачальника об отсутствии каких-либо намерений сражаться против Цинской империи. Наоборот, с его слов он подвергся нападению цинских войск во время своих поисков Амурсаны, ставшего сейчас легкой добычей, поймать которую не составит труда [Цинская империя 1989а: 112].

Далее цинская сторона подробно и скрупулезно сообщала, что Абылай под разными предложениями не выдает предводителя восстания. В донесении для военного совета предполагали о намеренном замедлении продвижения цинских войск. Данное обстоятельство могло подвергнуть казахский народ большой опасности [Цинская империя 1989а: 108].

Цинская армия, выдвинувшаяся с восточного направления, встретила отряды, координируемые Амурсаной и казахским батыром Кожабергенем. В южном направлении войска столкнулись с отрядами под предводительством Абылай-султана и Богенбай-батыра. Ряд сражений замедлил продвижение цинских войск глубоко в степь, и выигранное время позволило казахским аулам перекочевать в противоположном направлении от мест сражений и спасти от гибели и плена сотни тысяч соплеменников.

Об одном из этих сражений Абылай с китайцами писал в своем рапорте сибирский губернатор В. А. Мятлев в Коллегию иностранных дел Российской империи от 27 октября 1756 г., когда казахи, дав небольшой бой, были вынуждены отступить из-за своей малочисленности: «По объявлению вышедших из киргис-кайсацкого полону и восприявшие святое крещение Зенгорской земли калмыки Кубина Акдыева, Полваны Халваева, Тубежа Маряхалова, Бика Манкуева объявляют же, что на киргис-кайсаков идет мунгальское войско многое число и пошли в погоню, а киргисской владелец Аблай-салтан со своим войском против того мунгальского собрался было на баталию и встретился в урочище Нор-Ишимском, где и зделалась у них баталия, точию де за малолюдством у него Аблая в собрании войска

против мунгальской силы состоять не мог и побежал со своими улусами к урочищу Яр-гис-Тургай» [АВПРИ. Ф. 3Д. 1755–1757 гг. Оп. 113/1. Д. 4. Л. 539об.]. Казахские отряды различными маневрами и нападениями не позволяли объединиться силам цинской армии, выступившей с южного и восточного направлений. Поэтому армии императора Цяньлуна были вынуждены вернуться обратно из-за наступившей холодной зимы.

Следующим летом, 29 июня 1757 г., вышел указ императора, повелевавший чиновникам направить специальное посольство в Старший и Средний жузы с требованием незамедлительно выдать Амурсану. Согласно данному указу, император назвал Амурсану «бандитом» за его ненадежность и непостоянство, он изъявлял опасения, что казахи могли угодить в его ловушку [Цинская империя 1989а: 115–116]. В этом императорском указе есть и убеждение, угроза и даже предложение получения наград: видимо, Амурсана все еще представлял серьезную угрозу для Цинской империи, которая решила уничтожить джунгар во главе с Амурсаной.

Абылай решил пойти на маневр, показывая желание принять и цинский протекторат. Во-первых, надо было остановить цинское вторжение на территории Казахского ханства. Во-вторых, Абылай претендовал на часть земель в Джунгарии. Это было время, когда решался и вопрос выживания Казахского ханства между двумя империями [Из истории 2020: 6]. В этой связи 31 августа 1757 г. казахский султан писал императору Цяньлуну, что изъявляет желание присоединиться к великой цивилизации, которую представляет Цинская империя [Эпистолярное наследие 2014: 289]. Уже в сентябре 1757 г. казахское посольство принимали в Пекине [Цинская империя 1989а: 141].

В стан Абылая были направлены люди от цинского императора, с требованием срочно схватить и немедленно выдать Амурсану. Переговоры продолжались до поздней осени. Вот как докладывал на этот счет Чжао Хоя о переговорах его людей с Абылаем от 19 ноября 1757 г., когда султан в свою очередь выдвинул встречные требования о выводе цинских войск из казахских земель, ссылаясь на то, что Амурсаны у него нет: «Аблай подробно рассказал, как бунтовщику Амурсане удалось бежать из окру-

жения. Мы ответили, что до тех пор, пока разбойник Амурсана не захвачен, невозможно выводить войска из казахских пределов... Мы отвечали: „Вы уже долгое время тянете и не передаете нам разбойников, поэтому хотели послать отряды в помощь. Однако опасаемся, что переполошим ваши кочевья, поэтому предварительно оповещаем вас...“. Аблай обещал встретиться через день... Договорились встретиться еще раз на следующий день. В тот день Аблай прислал человека сообщить, что он заболел. Не встречались более 10 дней, поэтому мы стали посещать его приближенных, они говорили, что Аблай связан с Амурсаной клятвой... Аблай клялся своими детьми и братьями. С этого дня встречались с Абылаем более 10 раз...» [Цинская империя 1989а: 129–130]. Позже Абылай сообщил о побеге Амурсаны в Российскую империю. Как видим, Абылай, будучи связанный какими-то обязательствами с Амурсаной, пытался вымотать цинскую депутацию, избегая с ними встречи и выигрывая время.

О мерах пресечения казахско-цинских контактов

В последующие годы, когда цинская угроза Джунгарии отошла на второй план, казахи рассматривали возможность цинской угрозы по отношению к себе, о чем свидетельствует рапорт командующего в Звериноголовской крепости секунд-майора Д. Скотина командующему Сибирским корпусом — бригадиру К. Л. фон Фрауендорфу от 1 апреля 1758 г. Согласно сведениям из рапорта, казахи опасались нападения войск императора Цяньлуна и в связи с этим намеревались перекочевать ближе к российским крепостям [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 74–75]. В то же время из этого письма выходит, что Российская империя несколько подвергала сомнению эту опасность, видимо, опасаясь активности в районе новых крепостей Новоишимской линии, построенной на казахских землях в 1752–1755 гг.

Данные сомнения вытекают и из усилившихся именно в это время попыток контактов казахов с Цинской империей. В этой связи Российская империя предпринимала меры по недопущению установления устойчивых политических контактов казахов и Цинской империи. В Указе Коллегии иностранных дел исполняющему обязанности

оренбургского губернатора А. И. Тевкелеву и советнику П. И. Рычкову от 6 мая 1758 г. сказано о мерах по пресечению попыток цинского правительства установления политических контактов с казахскими владельцами. Абылай-султан сообщал о достижении перемирия с Цинской империей, которое было заключено в начале июня 1757 г. в урочище Айгуз и Айсантык, близ реки Аягоз, и взаимном обмене посольствами. В результате переговоров стороны договорились также организовать торговлю в урочище под названием Ирен-Хабырга [АВПРИ. Ф. ККД. 1758 г. Оп. 122/1. Д. 3. Л. 7–16об.].

Тем временем именно в период полного разгрома джунгар в 1758 г. отношения между казахами подвластными Абылаю и Цинской империей складывались весьма благоприятные, о чем красноречиво свидетельствует донесение сибирского губернатора Ф. И. Соймонова в коллегию иностранных дел от 14 июля 1758 г. Китайцы рассматривали казахов как своих сторонников и в случае войны Амурсаны с династией Цин казахи могут принять их сторону. Согласно сведениям, излагаемым в донесении, командованию цинских войск было известно о том, что Амурсана находился в Российской империи, в связи с этим они планировали отыскать его военными силами, а казахские кочевья в это время должны были уже располагаться у российских границ [АВПРИ. Ф. ЗД. 1758 г. Оп. 113/1. Д. 4. Л. 220–221].

Иногда Абылай «открыто» выражал свою позицию Российской империи по отношению к цинскому императору, касавшуюся поимки и возврата Амурсаны, о чем свидетельствует его письмо исполняющему обязанности оренбургского губернатора А. И. Тевкелеву об отношениях с цинским правительством от 22 июля 1758 г., решительно настроенном как против Амурсаны, так и против Российской империи, пытавшейся спасти джунгарского беглеца. По его словам, с целью требования выдать Амурсану цинскому правительству в Российскую империю будет направлен посол Цяньлуна, в случае же отказа император прибегнет к силовым методам [АВПРИ. Ф. ККД. 1758 г. Оп. 122/1. Д. 3. Л. 99–99об.].

Хотя можно открыто предположить, что этим сведениям Российская империя не доверяла, и они обязательно сличались.

Имели место перекрестные перепроверки через разведчиков и лазутчиков из числа, к примеру, «проверенных» бухарцев или татар. В «сказке» посланца оренбургской губернской канцелярии Мурзалея Шихова передавалось об установлении Абылаем посольских связей с цинским двором, о политической обстановке в регионе от 29 августа 1758 г. Мурзалея Шихов сообщал, что, по известным ему данным, Абылай принял цинское подданство весной 1757 г. Цинские войска располагались на расстоянии двух месяцев пути от кочевий Абылая у озера Баркуль. На реке Или не имелось поселения, однако были устроены почтовые станции цинского войска, а также ими были разведаны там пашни. К казахам прибыли цинские послы, которые, по словам М. Шихова, разместились у Абилмамбет-хана в ожидании султана Абылая, батыров Кулсары и Куляка [АВПРИ. Ф. ККД. 1750 г. Оп. 122/1. Д. 6. Л. 36–39].

Из этого письма видно, что Российская империя была прекрасно осведомлена о событиях — как в Казахском ханстве, так и у его соседей. Во-первых, в 1757 г. Абылай принял цинское подданство. Во-вторых, империя имела армию, которая была должна быть направлена против казахов в случае осложнения с ними отношений. В-третьих, россиянами было выяснено, что китайцы были плохо вооружены. В-четвертых, в новых местах, где ранее кочевали джунгары, китайцы еще не возвели укрепления. В-пятых, между казахами и китайцами имели место посольские связи [АВПРИ. Ф. ККД. 1758 г. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 23–24].

В следующие годы началась длинная череда дипломатических переговоров казахов с цинским Китаем, в которых были заинтересованы обе стороны. Так, 8 марта 1759 г. в своих письмах казахи Мамык и Базара в адрес Оренбургской губернской канцелярии сообщали о том, что Абылай султан получил почести и подарки от цинского императора. Более того, они докладывали, что казахский султан заключил мир с Цинской империей ради сохранения жизни своих подданных, благодаря чему и получил немалое благоволение императора Цяньлуна [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 189–190]. Более того, эти же информаторы сообщили российской стороне одно весьма важное сообщение о занятии султаном Абылаем нейтральной позиции и его отказе оказывать помощь какой-либо

стороне в случае военного столкновения Российской и Цинской империй: «но в собственной только осторожности пребудет» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 189–190].

Вместе с тем казахский хан Абилмамбет и султан Абылай проводили сложные переговоры с китайцами, о чем свидетельствует промемория Оренбургской губернской канцелярии на адрес бригадира Сибирского корпуса К. Л. Фрауендорфу от 23 марта 1759 г. Безусловно, главный вопрос был о свободном кочевании казахов на опустевших от джунгар землях. Более того, Российская империя была заинтересована в недопущении китайцев на территорию бывших джунгарских земель. Об этом еще 11 февраля 1759 г. императрицей Екатериной II издан указ генерал-майору А. И. Тевкелеву и коллежскому советнику П. И. Рычкову [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 230–231].

Интересы Российской империи и казахов практически совпадали: Российская империя не хотела допускать Цинскую империю в Джунгарию, а казахи желали попасть на земли Джунгарии.

Переговоры о возвращении урянхайцев и калмыков Цинской империи

Из рапорта сибирского губернатора Ф. Соймонова в Коллегию иностранных дел от 30 сентября 1759 г. известно, что в ответ на дипломатические миссии китайцев Абылай также отправлял послов в Пекин [АВПРИ. Ф. 3Д. 1759 г. Оп. 113/1. Д. 2. Л. 185–186об.]. Согласно сведениям из данного рапорта можно сделать следующие выводы. Во-первых, в Цинскую империю была отправлена дипломатическая миссия во главе с родственником Абылая — Урус-султаном. Во-вторых, была достигнута предварительная договоренность о торговле с китайцами в районе местности Ирен-Хабырги, что располагалась на землях бывшего Джунгарского государства. Цинская сторона делала попытки принятия в подданство казахов и других соседствующих народов, кто еще не входил в Российскую империю.

Начался процесс длительных дипломатических переговоров. Несмотря на то, что Абылай с 1757 г. находился в мирных отношениях с Цинской империей, он нередко нападал на ее подданных — урянхайцев, что вызывало негодование со стороны цинских властей. Так, империя продолжила возведение укрепленных линий в долине реки Или

и в Тарбагатае. 9 марта 1760 г. вышел указ императора Цяньлуна военному совету отправить посольство к Абылаю в связи с нападением его людей на урянхайцев. Согласно указу, император повелел разобраться в донесениях о нападениях казахов на Урянхай, а также выразил сомнение в подлинности сведений о личном участии Абылая в нападениях. В связи с тем, что текущая торговля в Урумчи с постоянно прибывавшими казахами протекала плавно, такие нападения со стороны казахов не должны были происходить [Цинская империя 1989а: 172].

В мае 1760 г., видя возмущение цинской стороны, озлобленной угоном урянхайцев, Абылай старался успокоить цинские власти, выражая им верность и уважение в письмах, адресованных императору Цяньлуну [Эпистолярное наследие 2014: 301].

5 июля 1760 г. в стан султана Абылая при речке Кылчакты прибыл цинский посол Наван, о чем переводчик Ф. Гордеев сообщал коменданту Троицкой крепости полковнику П. П. Родену [ГА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 245–250]. Из сообщений переводчика можно узнать некоторые детали казахско-цинских отношений. Во-первых, в стане Абылая была цинская дипломатическая миссия с целью вернуть подданных урянхайцев, калмыков¹ со скотом, которые были угнаны казахами. Во-вторых, они требовали у казахов, которые участвовали в этом угоме, компенсировать урон пострадавшим. Со стороны китайцев прозвучала угроза войной в случае невыполнения их условий. Во время переговоров выяснилось, что пленные, действительно, находятся у казахов, когда к послам прорвались 2 пленных урянхайца, которых китайцы отстояли силой оружия, когда новые владельцы-казахи попытались силой их вернуть. Более того, посол вместе с сопровождавшими людьми отправился к Абилмамбет-хану в район Сырдарьи.

Казахские правители вступали в активные контакты с мусульманским населением Восточного Туркестана, которые начали притесняться Цинской империей в этот период. Согласно сведениям, полученным от некоего Раимбека, тулунгута султана Абылая, русским переводчиком Я. Гуляе-

¹ Под калмыками понимаются этнические группы, проживавшие на территории Центральной Азии отдельно от основного места расселения своего народа.

вым и князем И. В. Ураковым о прибытии в Средний жуз послов из Восточного Туркестана 10 апреля 1760 г., к Абилмамбет-хану и Абылай-султану приезжали «нарочные люди» от кашгарских и яркентских ходжей¹ с просьбами о содействии в борьбе с цинскими войсками, выделив людей и лошадей, либо в приостановлении торговли лошадьми с китайцами. Однако ответа не получили, Абылай планировал выехать весной к Абилмамбет-хану для обсуждения данного вопроса [АВПРИ. Ф. ККД. 1760 г. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 72].

На фоне относительно мирных отношений казахов с китайцами имели место целые сражения объединенных войск кыргызов и узбеков против маньчжуро-цинских войск, упомянутых в показаниях жителя г. Тары А. Шихова в канцелярии командующего войсками на сибирских военных линиях генерал-майора И. И. Веймарна от 30 августа 1760 г. [ГА ОО. Ф. 1. 1760 г. Оп. 1. Д. 89. Л. 233–234об.]. Из этого документа следует, что при покорении китайцами мусульманских городов Восточного Туркестана некоторые предводители спаслись бегством в города Средней Азии, в погоню за которыми был отправлен цинский отряд численностью в 9 тыс. чел. Однако навстречу им выступили объединенные войска узбеков и кыргызов общей численностью в 100 тыс. чел., которые перебили до 7 тыс. китайцев.

Для того чтобы прекратить набеги казахов на урянхайцев, император Цяньлун в своей грамоте на имя султана Абылая от 18 ноября 1760 г. раз и навсегда запретил нападать на подвластных Цинской империи — урянхайцев [Цинская империя 1989б: 21]. Следовательно, китайцы выяснили, что грабежом урянхайцев занимались казахи. Только после этого казахи стали возвращать скот и захваченных в резуль-

тате набегов людей, подвластных Цинской империи. В свою очередь цинский Китай дал гарантию, что ойраты впредь не будут беспокоить казахов.

К вопросу верности российскому престолу и двойного подданства

В конце 1760 г. в стан китайцев было отправлено казахское посольство во главе с Жолбарыс-султаном. Это вызвало сомнения в российских кругах. Но они были развеяны в ходе беседы командующего на сибирских военных линиях генерал-майора И. И. Веймарна с приближенным султана Абылая — старшиной Байджигитом о причинах отправки казахского посольства в цинский Китай от 1 января 1761 г. Абылай отправил своего брата Жолбарыс-султана с делегацией в Цинскую империю в связи с тем, что люди Среднего жуза с Барак-батыром по недосмотру захватили вместо джунгарских калмыков урянхайцев из Садацкой волости, подданных Цинской империи. Жолбарыс-султан отправился вернуть в империю всех захваченных цинских подданных — кого смогли найти [Цинская империя 1989а: 181]. Абылай послал к цинскому правителю своих людей с целью урегулировать вопрос возврата урянхайцев, угнанных некогда казахами. В 1761 г. цинский император в наказание запретил казахам использовать пастбищные угодья южнее реки Аягуз, однако это все равно не помешало им следовать своим маршрутом кочевания на Тарбагатае.

В этом же году казахам приходилось несколько раз оправдываться в своей верности российскому престолу: Российская империя была обеспокоена тем, что Абылай часто общался с цинским Китаем, о чем свидетельствовало одно из сообщений султана Жолбарыса о взаимоотношениях Абылая с цинскими властями и его верности присяге российскому подданству от 28 декабря 1761 г. [Цинская империя 1989а: 182]. Из этого письма, кроме слов верности российскому престолу и отсутствия намерения получить цинское подданство, казахский султан назвал места для торговли с китайцами: Тарбагатай, Ирен Кабырга и у реки Или. Более того, казахам со стороны Цинской империи было заявлено о запрете кочевать за реку Аягуз. В этой же беседе Жолбарыс сообщал о том, что казахи никаких переписок не имели и послов в Цинскую империю не отправляли. Безусловно, здесь казахи от-

¹ В переводе с персидского означает «господин, хозяин». Термин использовался в Центральной Азии для обозначения титула потомков исламских суфийских миссионеров. Они относились к аристократической прослойке общества и находились вне жузовой принадлежности. Кашгарские ходжи в Восточном Туркестане — это представители мусульманского духовенства, имевшие влияние на все сферы жизни общества. Ходжи часто назначались Цинской империей административными управителями в Алтышаре или Синьцзяне.

крыто лукавили и вводили в заблуждение российскую сторону, что подтверждается многими архивными документами, содержащими информацию о десятках посольств до этой встречи и после.

Об этом свидетельствует и тот факт, что вскоре в Пекин было отправлено новое посольство, о чем можно узнать из рапорта комиссии «О заграничных обращениях» при тобольской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел о направлении султаном Абылаем очередного посольства и ходе колонизации цинами Джунгарии от 29 июля 1763 г. [Цинская империя 1989б: 37].

Из данного документа следует, что на бывших джунгарских землях были уже возведены цинские крепости, где были размещены войска для удержания завоеванных земель. В этот регион были направлены и бывшие военнопленные джунгары, во главе которых были поставлены китайцы. Чтобы сделать джунгар верными империи, цинские чиновники начали практиковать межэтнические браки, замуж джунгарам выдавали китайок, а китайцам — джунгарок, в результате началась ассимиляция джунгар. Все казахские послы всегда щедро одаривались, что было своего рода подкупом казахских представителей [Цинская империя 1989а: 193–195]. Кстати, это посольство возглавил сын двоюродного брата Султанмамета — султан Урус. К этому посольству присоединились депутаты от Нуралы-хана и его сына Ералы [Хафизова 2019: 121–122].

Несмотря на то, что Российская империя болезненно воспринимала попытки сближения казахских правителей с цинским Китаем, ханы и султаны продолжали принимать цинские посольства. Башкирский старшина К. Казанбаев побывал в кочевьях Среднего жуза и был свидетелем прибытия в ставку султана Абылая цинского посольства, о чем было сообщено 2 ноября 1765 г. В 1767 г. делегация, направленная Абылаем в Цинскую империю, вернулась с подарками, оцененными в денежном эквиваленте в 2 000 рублей. Со слов старшины: на территории джунгар возводят крепости, располагают селения и войска. Стало также известно, что занятые цинскими войсками два кашгарских города были освобождены, а цинские управители перебиты, и теперь империя послала карательные отряды [Цинская империя 1989а: 212–214].

С целью разрешения приграничных проблем казахи предпринимали отправку послов с миссиями. Об этом свидетельствует один из рапортов командующего Петропавловской крепости генерал-майора А. П. Девица, в котором он 10 октября 1765 г. сообщает командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. И. Шпрингеру о возвращении посольства Абылай-султана в Цинскую империю и о ее войне с Дурранийской империей (т. е. с афганцами) [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 199]. Некоторые казахские старшины, батыры периодически передавали информацию России, видимо не бесплатно.

Распри между казахами и китайцами по земельным вопросам

В казахско-китайских отношениях часто имели место военные конфликты из-за пастбищных угодий, некогда занятых джунгарами. В рапорте сибирского губернатора Ф. И. Соймонова в Коллегию иностранных дел о казахско-цинских столкновениях от 15 января 1763 г. говорилось, что в кочевьях близ реки Сарысу китайцами захвачено в плен немалое количество казахов, подвластных Казбек-бию и Кабай-бию. Переводчик Филат Гордеев и купец Михаил Возмилов сообщали, что многих людей и угнанных лошадей после требования из империи не вернули [АВПРИ. Ф. ККД. 1763 г. Оп. 122/1. Д. 1. Л. 1–12].

Земельные распри между казахами и китайцами не могли не привлечь к этому конфликту внимание других государств, с которыми у Цинской империи складывались непростые отношения. В этой связи со стороны Ирданы-бия, узбекского правителя Средней Азии, имелась попытка заключить военный союз с казахами, согласно письму Ирданы-бия Абылаю о союзе против циннов от 13 августа 1764 г. [Цинская империя 1989а: 202–203].

В 1767 г. после ряда дипломатических переговоров император Цяньлун разрешил казахам кочевать в Тарбагатае и на реке Или в обмен на принятие ими цинского подданства и выплаты налога за использование пастбищ, о чем мы говорили ранее. Однако согласно указу Цяньлуна о направлении Абылаю грамоты о взимании платы за пастбища в случае перекочевки казахов за линию цинских караулов от 17 февраля 1767 г. в виде лошадей и другого скота

[Цинская империя 1989а: 214–215]. При этом в случае осложнений в отношениях казахов с узбекским правителем (беком Ирда-ной) султан Абылай отправлял посольство в Пекин с просьбой оказать ему военную помощь. В составе посольства из 12 человек отправился и племянник Абылая — султан Давлет-Гирей, о чем 14 октября 1767 г. сообщили башкиры Кутлучара Абзанов, Азибай Курманаев и Валит Тунгатаров, возвратившиеся из Среднего жуза [Цинская империя 1989а: 219].

На наш взгляд, сам Абылай не верил в успех предприятия, заведомо подозревая, что Цинская империя не будет оказывать военную помощь казахам, о чем было сообщено 21 октября 1767 г. в грамоте императора Цяньлуна Абылаю с отказом в оказании военной помощи в войне с Кокандским ханством в связи с тем, что и казахи, и кокандцы являются подданными императора и в данный вопрос он вмешиваться не будет [Цинская империя 1989а: 220–221].

В последующие годы Российская империя продолжала наблюдать за ходом казахско-цинских отношений, в том числе и через русских толмачей. Так, в сведениях, полученных от переводчика М. Ф. Арапова от 17 марта 1769 г. в оренбургской канцелярии, содержится информация о торговых и посольских связях хана Абилмамбета и султана Абылая с цинским двором [Цинская империя 1989а: 166].

Одним из требований цинов было оказание им помощи Абылаем, выделение казахских вооруженных отрядов для захвата ряда городов Средней Азии — Самарканда, Ташкента, Бухары и других поселений — на что они, видимо, дали отказ, ссылаясь на ряд трудностей, в том числе и на то, что там проживают много их соплеменников-казахов [Цинская империя 1989а: 166–168]. Позже выяснилось, что китайцы от своего намерения захватить города Средней Азии отказались.

Согласно этому документу, к Абылаю и Абилмамбету обратились ходжи из этого мусульманского региона, которые просили казахских правителей помочь войсками против притеснений китайцев, убеждали казахскую сторону «не прельщаться» цинскими товарами. Другими словами, имели место попытки создания мусульманского блока, инициированного влиятельными ходжами.

К вопросу об откочевке и укреплении казахско-китайских отношений

В последующие годы стали усиливаться посольские связи Абылая с Китаем и в связи с тем, что в 1771 г. Абылай был избран общеказахским ханом вместо хана Абилмамбета. Так, 3 сентября 1773 г. батыр Кулсары докладывал командующему Петропавловской крепости генерал-майору С. К. Станиславскому, что в ставку хана Абылая вернулся его сын Адиль из Цинской империи, находившийся во дворце императора в качестве аманата [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 174–175].

В последние годы правления хана Абылая его отношения с Россией (на фоне усиления контактов первого с Цинской империей) начали меняться в худшую сторону. Российская империя не желала признавать его общеказахским ханом. Более того, были попытки его ареста и замены другими султанами и даже батырами, что не соответствовало законам Казахского ханства. В этих условиях Абылай пытался сблизиться с Цинской империей, на наш взгляд, с целью вынуждения Российской империи пойти ему на существенные уступки и получения преференций. В письме командующему Петропавловской крепости бригадиру С. В. Суморокову от 16 января 1778 г. Кулебаки-батыр сообщал о желании Абылай-хана вместе со своими подвластными казахами перейти в цинское подданство, отказавшись и от торговых отношений с Российской империей [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 56–56об.]. При этом казахский батыр не только изъявлял знаки покорности власти Российской империи и отхода от Абылая, но и оскорбительно отзывался о нем, видимо, желая получить выгоды и награды со стороны империи [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 56–56об.].

Этот же батыр, побывав у Абылая вместе с капитаном Михаилом Бреховым и Байжигит-мурзою, сообщал и о тайных «сношениях» хана с цинским императором и его непостоянстве по отношению к Российской империи, о чем было сказано в письме от 25 февраля 1778 г. в адрес С. В. Суморокова. Согласно данному сообщению, Абылай отправил императору Цяньлуну калмыцкого нойона с письмом и пять сопровождавших его казахов в составе посольской миссии [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 161–164об.]. Российская империя предприняла попытки

смещения и даже ареста Абылая, поставив вместо него атыгайского батыра Кулебаки [Султаны и батыры 2018: 5].

Осенью 1780 г. не стало Абылая. Казалось бы, вместе с ним должны были прекратиться связи и контакты с цинским Китаем. Но традиция поддержания добрых отношений нашла продолжение в лице Уали-султана.

Признание ханского титула Уали Цинской империей

Абылай-хан сохранял и удерживал свою власть с помощью двусторонней дипломатии с Российской и Цинской империями. После его смерти старший сын Уали продолжил следовать политике отца. Дипломатические миссии подвластных Уали-хану казахов в Цинскую империю и посещения посольств от императоров Цяньлуна и Цзяцина продолжались, хотя и не с такой частотой, как при Абылае. В материалах отчетов о расследовании избрания нового хана также упоминалась цинская дипломатическая миссия принявшая участие в мероприятиях признания правопреемственности Уали в отношении титула «хан» [Бейсембаева, Кабульдинов 2021: 48].

О том, что цинский император Цяньлун до последнего времени поддерживал отношения с Абылаем, свидетельствует и тот факт, что после кончины хана в своей грамоте от 27 июля 1781 г. император выразил слова соболезнования его сыну Уали и сообщил о проведении обряда поминаения. Как сообщили императору чиновники Тарбагатай, Абылай умер вследствие перенесенного тяжелого заболевания. Об Уали у императора Цяньлуна уже имелось глубокое представление и понимание его личности, а также о наличии всех качеств, необходимых для правителя казахского народа. В грамоте он упоминает время пребывания в прошлом Уали в Пекине и полученных им тогда знаках благоволения от правителя Поднебесной. Как старшему сыну Абылая Цяньлун повелевал Уали наследовать титул казахского хана, отправив в казахские земли чиновников с «подношениями». В ответ на оказанную милость Уали должен был «строго сдерживать» и править казахами в окружении своих братьев, поддерживать мир и дружественные отношения с соседями и предотвращать конфликтные ситуации [История Казахстана 2013: 31]. Таким обра-

зом, Цинская империя в лице императора однозначно признавала Уали следующим казахским правителем. На официальную церемонию избрания хана от Цинской империи прибыло солидное посольство, состоявшее из 300 человек с многочисленными и богатыми подарками. Тем самым они хотели выразить слова уважения Уали и поздравить его с выборами в качестве хана [АВПРИ. Ф. 122. 1786 г. Д. 3. Л. 9].

Российская империя об этом прекрасно знала. К примеру, в рапорте от 19 ноября 1781 г. комендант Ямышевской крепости полковник Н. С. Федцов писал командующему войсками на сибирских линиях генерал-майору Н. Г. Огареву о цинском посольстве к хану Уали. Кулебак-батыр 18 ноября лично сообщил Н. С. Федцову, что цинский посол остановился недалеко от Иртышских крепостей. Посол прибыл с объявлением о признании цинским императорским двором Уали-хана на месте умершего Абылая. Уали, созвав старшин, выдвинулся к послу для получения уведомления, а Кулебак-батыр направился с известием в Ямышевскую крепость [Цинская империя 1989а: 243–244].

Очевидно, что китайцы провели обряд поминаения умершего хана. Сам новый хан не скрывал ни одной из миссий китайцев. Так, в письме хана Уали генерал-майору Н. Г. Огареву от 30 ноября 1781 г. сообщалось, что осенью в урочище Баянаула приезжало цинское посольство, состоявшее из 300 человек, с немалым количеством даров. Уали выехал в Баянаул для совершения поминок, а в кочевьях замещать его остался брат — Чингис-султан [Цинская империя 1989а: 244].

В своем рапорте командующий войсками на сибирских линиях генерал-майор Н. Г. Огарев подробно писал в Коллегию иностранных дел от 22 января 1782 г. о поминках по Абылаю и утверждении в ханском звании его сына Уали цинскими послами. Сообщалось, что Уали-хан встретился с посланниками императора именно с целью подтверждения ханского титула. Прибыло 130¹ человек, 50 верблюдов, которые были нагружены подарками, вещами и продовольствием для посольства. Уали подняли на белом войлоке, провели поминки с подношением 100 голов овец и сожжением бумажных денег [Цинская империя 1989а: 245–246].

¹ В документе приводится другая цифра.

В обратный путь цинское посольство выдвинулось в сопровождении ответной дипломатической миссии Уали-хана во главе с его младшим братом султаном Шигаем для получения ханского патента и выражения личной благодарности императору, а также подарками в виде лошадей [Хафизова 2019: 157].

Засуха 1785 г. в казахских землях

Избранный ханом после Абылая Уали и далее продолжал отношения с Цинской империей. Следует обратить внимание на отношения между Уали-ханом и Цинской империей в течение 1785 г. В отчете генерал-губернатора Астраханского, Уфимского и Симбирского, Иркутского и Колыванского И. В. Якоби в Коллегию иностранных дел 12 ноября 1785 г. описывали Уали-хана как имевшего дружеские отношения с дворцом Цяньлуна, отметили получение указа от императора Цинской империи в сентябре того же года, в котором цинский император выразил намерение начать военные действия с Российской империей и потребовал, чтобы Уали выполнил свои обязательства в качестве внешнего подданного, поддерживая действия императора. Уали-хан вел переговоры с цинским императором о возможности перекочевки в пределы империи из-за тяжелой засухи, произошедшей в 1785 г. [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 60–221].

В архивных источниках 1785 год отмечается небывалой засухой на территориях, подвластных Уали-хану. В ноябре Уали-хан отправил запрос генерал-майору Н. С. Федцову на пропуск табунов в количестве 90 тыс. на территории внутренних земель [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 217]. Со стороны Н. С. Федцова появилось некоторое подозрение, что отклонение данной просьбы повлечет за собой выражение «неудовольствия» со стороны Уали-хана и возможное предъявление претензий Российской империи [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 217]. Позднее ему удалось разведать, через торговые каналы, что Уали в этот период принимал цинских послов и, кроме того, посылал своего младшего брата Касым-султана с письмом в китайские пределы [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 84].

Из отчета татарских мулл, связанных с правителем, известно, что Уали-хан отправил пять представителей, включая своего брата, на аудиенцию к цинскому им-

ператору. В составе делегации выехал Касым-султан в качестве посланника хана. По возвращению в казахские земли с султаном прибыли послы Цинской империи, которые встретились с Уали-ханом и провели с ним переговоры, а после и с его султанами [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 447–448]. Кроме того, был известен план Уали по переселению в начале XIX в. на территорию Цинской империи. К этому времени отношение Российской империи к хану Уали стало чрезвычайно осторожным, и местный офицер считал Уали весьма хитрым и изворотливым человеком [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 716].

Казахские депутации к цинскому императорскому двору

К концу XVIII в. часть казахов Среднего и Старшего жузов приняли подданство Цинской империи, получив доступ к пастбищным угодьям Тарбагатай, долины р. Или и Монгольского Алтая, где Цинская империя возводила военные укрепления при переговорах с Абылаем, чтобы не допустить возвращения казахов на освободившиеся от джунгар земли. Следующие исторические источники способствуют пониманию того, как Уали-хан постоянно укреплял свои отношения с Цинской империей. Китайские дворцовые хроники содержат информацию о 7 официальных посольствах Уали-хана за 40 лет его правления. Согласно этим сведениям, казахские посольства прибывали в 1782, 1787, 1791, 1795, 1800, 1803 и 1809 гг. [Хафизова 2019: 161].

В китайских источниках имеются некоторые сведения о депутациях: Уали-хан направил своего брата Досали-султана для поздравления с 80-летним юбилеем императора Цяньлуна в 1790 г. Указ Цяньлуна от 30 апреля 1791 г. также говорит о приезде посольства хана Уали во дворец цинской династии, которое возглавил его сын — Амиртай-султан [Цинская империя 1989а: 259–260].

Уали-хан имел взаимовыгодные торговые отношения с цинскими рынками. Еще в 1790 г. Уали-хан направил Досали в Кульджу с важной торговой целью. Султан привез очень дорогие и редкие меха, часть из которых не входила в список разрешенных товаров для продажи в Поднебесной. Однако брат хана получил личное императорское разрешение на торговлю этими

товарами. В 1791 г. Досали присоединился к составу казахского посольства в Пекине и должен был остаться на празднование 80-летия императора Цяньлуна осенью [Хафизова 2019: 160].

Весной 1791 г. Пекин посетил также Амиржан, сын Уали-хана. Младший брат и сын правителя Среднего жуза имели политический вес, отправленные миссии имели большое значение для будущего утверждения наследного правопреемника хана.

Уже новый правитель Цинской империи Цзяцин признал преемником хана Уали — султана Габбаса в 1800 г., в посольстве хан отправил своего брата Бегали. Уали планировал по примеру Абылай-хана заручиться поддержкой цинского императора для наследника казахского престола и укрепить его влияние титулом гуна, дарованным Айсиньгёро Юнъянем. Однако ранняя смерть Габбаса повлечет за собой серьезные последствия для самой возможности проведения ханских выборов и проблемы выдачи патента Цинской империей на титул хана в казахских землях.

Заключение

Абылай поддерживал мирные отношения с цинским Китаем примерно с 1757 г., когда закончились военные конфликты

между двумя государствами. Впоследствии эту же практику продолжил его сын Уали. Правители Абылай и Уали были личностями сильными, влиятельными и дальновидными. Кроме того, они поддерживали постоянные дипломатические связи с Цинской империей. Обе империи считали казахов своими подданными, и казахские правители отправляли посольства и в Российское, и в Цинское государства. Двойное подданство, во-первых, предоставляло некоторую свободу Абылаю и Уали в политических решениях, во-вторых, позволяло казахам в различных сложных ситуациях, возникавших между империями, занимать нейтралитет и, в-третьих, открывала дополнительные возможности для торговых обменов. Другими словами, именно тот факт, что Абылай и Уали имели помимо российского подданства дипломатические отношения с Цинской империей, позволял им действовать произвольно. Попытки продолжить практику поддержки отношений были предприняты и после кончины Уали в 1821 г. Но Российская империя приступила к отмене ханской власти в Среднем жузе, введя новые правила в 1822 г., и силовыми методами пресекла движение цинских дипломатических миссий на казахских территориях.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
ГА ОО — Государственный архив Оренбургской области (Объединенный государственный архив Оренбургской области).
ИА ОО — Исторический архив Омской области.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Акимбеков 2018 — Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: Институт азиатских исследований, 2018. 503 с.
Бейсембаева 2021 — Бейсембаева А. Р. Ранние упоминания в источниках Уали бахадур султана — казахского правителя XVIII века // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76 (3). С. 130–133
Бейсембаева, Кабульдинов 2021 — Бейсембаева А. Р., Кабульдинов З. Е. Предпосылки, причины и ход выбора в ханское достоинство султана Уали // Вестник Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Серия историческая. 2021. № 1 (100). С. 47–57.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
Historical Archive of Omsk Oblast.
Russian State Archive of Ancient Acts.
State Archive of Orenburg Oblast.

Из истории 2020 — Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.) / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2020. 544 с.
ИКРИ 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 3 / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
ИКРИ 2006 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 8 / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 с.

- ИКРИ 2007а — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 5 / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.
- ИКРИ 2007б — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 6 / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- История Казахстана 2013 — История Казахстана в документах и материалах: Альманах. В 3 тт. Т. 3 / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Караганда: ПК Экожан, 2013. 496 с.
- Прошлое Казахстана 1997 — Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1: (V в. до н. э. – XVII в. н. э.) / под ред. С. Д. Асфендиярова, П. А. Кунте. Алматы: Казахстан, 1997. 383 с.
- Султаны и батыры 2018 — Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.). Сборник документов / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Хафизова 2019 — Хафизова К. Ш. Степные владетели и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
- Цинская империя 1989а — Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. В 2 ч. Ч. 1 / сост. К. Ш. Хафизова. Алма-Ата: Наука, 1989. 216 с.
- Цинская империя 1989б — Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. В 2 ч. Ч. 2 / сост. К. Ш. Хафизова. Алма-Ата: Наука, 1989. 227 с.
- Эпистолярное наследие 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов. В 2 тт. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АО АБДИ Компани. 2014. 696 с.
- Onuma 2014 — Onuma T. Dispatch of the Nusan Mission: The Negotiations between Qing and Ablay in 1757 // *Azia Bunkashi Kenkyu*. 2014. № 14. Pp. 1–20.

References

- Akimbekov S. Kazakhstan in the Russian Empire. *Almaty: Institute of Asian Studies*, 2018. 503 p. (In Russ.)
- Asfendiyarov S. D., Kunte P. A. (eds.) *The Past of Kazakhstan in Sources and Materials. Coll. 1: 5th Century BCE – 17th Century CE*. Almaty: Kazakhstan. 1997. 383 p. (In Russ.)
- Beisembayeva A. R. Earliest mentions of Uali Bahadur Sultan — a 17th century Kazakh ruler. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021. № 76 (3). S. 130–133
- Beisembayeva A. R., Kabuldinov Z. E. Prerequisites, reasons and course of choosing the khan dignity of the sultan Uali. *Journal KazNU: History (Bulletin of History)*. 2021. No. 1 (100). Pp. 47–57. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. (comp.) *Qing Empire and Kazakh Khanates: Mid-18th to Early 19th Century*. In 2 parts. Part 1. Alma-Ata: Nauka, 1989. 216 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. (comp.) *Qing Empire and Kazakh Khanates: Mid-18th to Early 19th Century*. In 2 parts. Part 2. Alma-Ata: Nauka, 1989. 227 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacies: 18th–19th Centuries*. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute of Strategic Studies, 2019. 480 p. (In Russ.)
- Onuma T. Dispatch of the Nusan mission: The negotiations between Qing and Ablay in 1757. *Azia Bunkashi Kenkyu*. 2014. No. 14. Pp. 1–20. (In Jap.)
- Sirik V. A. (comp.) *Histories of the Great Steppe: 1770s–1790s*. Almaty: Litera-M, 2020. 544 p. (In Russ.)
- Sirik V. A. (comp.) *Sultans and Batyrs of the Middle Zhuz: Mid-to-Late 18th Century*. Collected documents. Almaty: Litera-M, 2018. 560 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) *History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources*. In 10 vols. Vol. 3. Almaty: Daik-Press, 2005. 484 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) *History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources*. In 10 vols. Vol. 5. Almaty: Daik-Press, 2007. 620 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) *History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources*. In 10 vols. Vol. 6. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) *History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources*. In 10 vols. Vol. 6. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) *Epistolary Legacy of Kazakh Political Elites: 1675–1821*. Collected historical documents. In 2 vols. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 696 p. (In Russ.)
- Zhanaev B. T. (ed.) *History of Kazakhstan in Documents and Materials. Almanac*. In 3 vols. Vol. 3. Karaganda: PK Ekozhan, 2013. 496 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1217–1226, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.5)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1217-1226

Советский геополитический проект в МНР и проблемы демографии в середине 1920-х – начале 1940-х гг.

Всеволод Юрьевич Башкуев¹, Суржана Борисовна Миягашева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-3646-0370. E-mail: surjana@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Башкуев В. Ю., Миягашева С. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Советско-монгольское сотрудничество в области здравоохранения являлось одним из главных компонентов советского проекта модернизации кочевого общества и имело геополитическую подоплеку. Взявшись за строительство института здравоохранения, советское руководство не только приобрело эффективный инструмент «мягкой силы» и нейтрализовало конкуренцию других медицинских систем, но и создало предпосылки для демографического благополучия МНР в более поздний период. *Цель* статьи — выделение основных направлений деятельности монгольских и советских врачей в 1920–1940-е гг. для улучшения демографической ситуации в стране. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории, неопубликованные диссертации монгольских и русских врачей. Основу исследования сформировали ретроспективный, сравнительный и геополитический методы. *Результаты.* В основе демографического неблагополучия Монголии в 1920–1940-х гг. лежали проблемы здоровья населения, были распространены сифилис и гонорея, снижавшие репродуктивную способность и вызывавшие повышенную младенческую смертность, а также имели место традиционные практики родовспоможения и антисанитарный кочевой быт. Демографические проблемы влияли на весь ход социалистической модернизации, тормозя социально-экономическое развитие МНР. Борьба с венерическими болезнями, создание службы охраны материнства и младенчества, развитие системы детских дошкольных учреждений и санитарное обучение женщин создали ранний задел, обеспечивший кардинальные изменения в плане здоровья (*health transition*). *Выводы.* Работа советских врачей на раннем этапе развития здравоохранения МНР обеспечила рост демографических показателей МНР в 1940–1960-е гг.: двукратное снижение смертности и повышение рождаемости и 60-кратный прирост населения в промилле. Таким образом, была

обеспечена основа реализации комплексного проекта социалистической модернизации МНР, имевшего геополитическое значение как для СССР, так и для Монголии, ставшей после 1961 г. полноправным членом ООН и СЭВ.

Ключевые слова: геополитический проект, демографические проблемы, венерические болезни, родовспоможение, охрана материнства и младенчества, «мягкая сила», Монголия, СССР

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «„Мягкая сила“ советской медицины: трансфер знаний, технологий и идеологий в международных связях Наркомздрава РСФСР/СССР (1921–1947)» (№ 19-18-00031).

Для цитирования: Башкуев В. Ю., Миягашева С. Б. Советский геополитический проект в МНР и проблемы демографии в середине 1920-х – начале 1940-х гг. // Oriental Studies. 2022. № 6. С. 1217–1226. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1217-1226

Soviet Geopolitical Project in the Mongolian People's Republic and Demographic Problems: Mid-1920s to Early 1940s

Vsevolod Yu. Bashkuev¹, Surzhana B. Miyagasheva²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-3646-0370. E-mail: surjana@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bashkuev V. Yu., Miyagasheva S. B., 2022

Abstract. Introduction. The Soviet-Mongolian public health cooperation was a major component of the Soviet project (with geopolitical motives) aimed at modernizing the nomadic society. The Soviet shaping of Mongolia's public health institutions not only yielded an efficient tool of soft power and neutralized competition from other medical systems, but also set the stage for the country's demographic well-being in subsequent periods. **Goals.** The article aims at highlighting some pivotal points of medical efforts undertaken to improve the MPR's demographic situation in the 1920s to 1940s. **Materials and methods.** The study analyzes documents housed at the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Sociopolitical History, examines some unpublished dissertations authored by Mongolian and Russian physicians. The employed research methods include the retrospective, comparative, and geopolitical ones. **Results.** In the 1920s to 1940s, the key problems of Mongolia's demography were social diseases, primarily syphilis and gonorrhea, that reduced reproductive capacities and caused increased infant mortality, these having been aggravated by traditional obstetric practices and unsanitary conditions of nomadic life. The former were adversely affecting the entire course of socialist modernization and hindering socioeconomic development of the nation. The anti-venereal disease campaign, establishment of maternity and child health services, development of pre-schools, and health education for women laid the early groundwork for a dramatic health transition. **Conclusions.** The efforts of Soviet physicians at earliest stages of the MPR's healthcare system development ensured the growth of demographic indicators in the 1940s–1960s, namely: a two-fold decrease in infant mortality paralleled by increased birth rates, and a population growth of 60 %. So, all that served a basis for the comprehensive implementation of Mongolia's socialist modernization project, which had geopolitical significance both for the Soviets and the MPR, the latter to have become a full member of the UN and the CMEA after 1961.

Keywords: geopolitical project, demographic problems, venereal diseases, obstetrics, maternity and child welfare, 'soft power', Mongolia, USSR

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-18-00031 ‘Soft Power of Soviet Medicine: Transfer of Knowledge, Technologies, and Ideologies in International Relations of the RSFSR/USSR People’s Commissariat for Health (1921–1947)’.

For citation: Bashkuev V. Yu., Miyagasheva S. B. Soviet Geopolitical Project in the Mongolian People’s Republic and Demographic Problems: Mid-1920s to Early 1940s. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1217–1226. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1217-1226

Введение

Несмотря на то, что сейчас уже третья декада XXI в., Монголия остается страной огромных незаселенных пространств. Столетие же назад врач и экономист Госплана СССР И. Л. Баевский, автор первой государственной программы развития здравоохранения МНР, сравнивал плотность ее населения с показателем пустыни Сахара (0,26 чел. / км² и 0,2 чел. / км² соответственно). По его данным, на территории в 2 700 тыс. км² проживало всего около 700 000 чел. [Хаин-Хирба, Баевский 1930: 97].

Современный демограф Т. Спуренберг, опираясь на материалы монгольских переписей населения, приводит более точные цифры: в 1918 г. население Внешней Монголии составляло 647,5 тыс. чел.; на 1 июня 1935 г. — 738,2 тыс. чел.; на 15 октября 1944 г. — 738,2 тыс. чел.; на 5 февраля 1956 г. — 845,5 тыс. чел. и лишь на 1 мая 1963 г. — 1,017 тыс. чел. По его расчетам, в интересующий нас исторический период пиковое значение среднего годового прироста населения составило лишь 0,78 %. При таком показателе удвоения населения пришлось бы ждать 89 лет [Spoorenberg 2015: 846]. Однако уже через 28 лет население МНР превысило 1 млн чел., а к 2010 г. достигло 2 647 600 чел., т. е. не удвоилось, а утроилось с 1935 г.

Рост стал возможен благодаря реализации инициированного Советским Союзом проекта социалистической модернизации Монголии, в основе которого лежали геополитические мотивы. Не вдаваясь в ее подробности, описанные в современных исторических исследованиях [Башкуев 2016; Башкуев 2021a; Башкуев 2021b], отметим, что существенная часть геополитической составляющей зиждилась на подготовке

образцовой для Азии трансформации «ма-локультурного народа» (по терминологии большевиков) в новую социалистическую нацию. Решающее значение в этом процессе играла политика в улучшении состояния здоровья человека, которую современные западные демографы называют *health transition* [Riley 2005: 741].

В контексте новой истории медицины нас интересуют именно глубинные предпосылки радикальных изменений в демографии страны, начавшихся в конце 1950-х гг., когда общий показатель фертильности начал расти с 5,5 детей на женщину до 7–7,5 детей на женщину в 1970-х гг. [Spoorenberg 2015: 852]. В основе этих процессов лежали меры по улучшению здоровья населения и созданию соответствующей медицинской инфраструктуры, которые осуществлялись монгольским правительством совместно с советскими медицинскими миссиями в 1920–1940-е гг. Для того чтобы выделить значимые направления деятельности советских и монгольских врачей в решении демографической проблемы МНР и объяснить их значение в геополитическом контексте межвоенного периода, мы предпримем экскурс в начальную стадию советско-монгольского медицинского сотрудничества.

Здравоохранение как геополитический фактор в советско-монгольских отношениях 1920–1930-х гг.

Геополитический интерес России к Монголии строился на парадоксальном осознании важности этого демографически разреженного и культурно чуждого пространства — классического лэттиморовского фронта [Lattimore 1947a: 318; Lattimore 1947b: 26–27; Lattimore 1947b: 185–186], отделяющего Китай от Европы — для собственной военной, политиче-

ской, экономической и даже эпидемиологической безопасности. Парадокс был в том, что именно такие факторы, как демографическая дисперсность, политическая аморфность и экономическая отсталость этой территории, давали «пищу» главной фобии российских геостратегов — мучительному ожиданию чужого влияния в уязвимом «подбрюшье» империи. Даже большевики, отказавшиеся от колониального прошлого России и провозгласившие пролетарское «освобождение» Востока от империализма, летом 1920 г. «погрузились в раздумье», когда возникла необходимость реальной помощи монгольским революционерам против китайской оккупации. Решающий аргумент представил белогвардейский генерал Р. Ф. Унгерн-Штернберг, неожиданно захвативший Ургу. Позволить белым использовать территорию Монголии для операций против Советской Сибири большевики не могли [Isono 2010: 914–924]. Их вмешательство не остановили даже параллельные неудачные действия в Персии (Гилянская республика, июнь 1920 – сентябрь 1921 г.) [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 44. Л. 1, 1об.].

Близкая по конфигурации схема легла в основу советско-монгольского медицинского сотрудничества. Уже наученные тому, что на Востоке «освобождение» и «советизация» местных обществ не должны осуществляться параллельно [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 44. Л. 1об., 2], большевики поначалу не форсировали события, направляя в МНР символическую медицинскую помощь и экспертов [Башкуев, Ратманов 2020a: 1028–1029].

В правительстве МНР, и без того «правуюклонистском», влиянием пользовались бурятские национал-демократы (Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Д. Сампило) [Rupen 1956: 388–392], боявшиеся русского колониализма [Tolz 2015: 734], уже тогда искавшие «третьего соседа» и посылавшие на учебу в Европу первые группы монгольских детей [Wolff 1945: 41–42]. В такой атмосфере приезд в Улан-Батор летом 1925 г. малоизвестного немецкого профессора-патолога М. Кучински (1890–1967) [Solomon 2010: 73–74] и его, по-видимому, случайные разговоры о готовящейся в 1926 г. германской медицинской экспедиции произвели мощный эффект в местном

советском сообществе. Информация, спешно отправленная полпредом П. М. Никифоровым в НКВД СССР, запустила приводной механизм регулярной медицинской помощи МНР. При поддержке НКВД в декабре 1925 г. Наркомздрав РСФСР обратился в Совет народных комиссаров СССР с ходатайством о выделении 175 000 руб. на организацию первой медицинской экспедиции в МНР. Стилистика обоснования четко демонстрирует геополитическую подоплеку. «Интересы укрепления дружественных отношений с Монголией...», — писал в поддержку ходатайства нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, — требуют немедленной организации пионерского в Монголии дела — здравоохранения, которое должно обеспечить культурное и экономическое ее развитие и предотвратить возможность в ущерб влиянию и политике СССР в Монголии организации здесь дела здравоохранения Германией» [Башкуев 2021b: 48].

Взявшись за строительство в МНР современного здравоохранения, большевистское руководство планировало создать не только зависимый от СССР «клон» системы Н. А. Семашко, но и надежный инструмент советизации кочевого общества. Чтобы обеспечить идеологически правильную реализацию проекта, в 1929 г. при монгольском медицинском ведомстве была создана должность советника, замещающаяся кадрами из СССР. В годы становления института здравоохранения профессиональный профиль советника Минздрава МНР соответствовал специфике поставленных задач. Назначенный в 1929 г. И. Л. Баевский был не только врачом, но и экономистом Государственного планового комитета Совета Министров СССР, для которого монгольская командировка стала началом успешной карьеры [Башкуев 2020: 48]. Именно он разработал государственную программу развития здравоохранения МНР. Собственных кадров подобного уровня в стране еще не было. Как врач и экономист-плановик И. Л. Баевский понимал, что хозяйственное развитие Монголии, увеличение благосостояния населения, национального дохода и бюджета напрямую связаны с государственными мерами по борьбе с инфекционными болезнями, увеличению рождаемости и уменьшению детской смертности [Хаин-Хирба, Баевский 1930: 98].

Причины демографических проблем Монголии по материалам Минздрава МНР и данным советских врачей

Главной причиной демографических проблем МНР врачи видели венерические болезни, прежде всего сифилис. В начале XX в. это заболевание считалось безусловным индикатором культурной отсталости [Шперк 1863: 45; Энгельстайн 2000: 218–219]. Врачи-большевики представляли сифилис как «страшнейший бич человечества» в руках мирового капитализма [Броннер 1921: 26]. Ситуация с заболеваемостью люэсом в МНР была серьезной. В докладе о работе Министерства здравоохранения МНР, представленном на заседании Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии весной 1930 г., говорилось, что «Минздрав не имеет данных о сифилизации населения по всей МНР, те данные, которые имеются, заставляют весьма серьезно ставить вопрос о значительности распространения сифилиса» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432]. Ссылаясь на данные венеролога из Сан-Бэйсэ С. Т. Ильина, министр здравоохранения Д. Пунцаг указывала, что в Онон-Гольском хошуне МНР количество сифилитиков составляло 33,4 % всех обследованных, а материалы Хаин-Хирбы и И. Л. Баевского дали 28 % больных среди учащихся Улан-Баторской партийной школы [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432].

Современные же исследователи считают, что пораженность населения сифилисом составляла не менее 40 %, а гонорей — не менее 50 % [Филин 2017: 56]. О вероятности этих цифр свидетельствует сделанная Д. Пунцаг оговорка «...данные, характеризующие степень распространения сифилиса среди отдельных групп населения МНР, судя по наблюдениям большинства работающих врачей в МНР, являются скорее преуменьшенными, чем преувеличенными» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432].

Сифилис был основной причиной выкидышей, мертворождений, преждевременных родов. Даже если ребенка удавалось выносить, он заражался и умирал в первые месяцы жизни [Башкуев 2016: 278]. Пагубную роль играла и гонорея. Вызывая тяжелые поражения женской половой сферы, она приводила к бесплодию после рождения первого ребенка [Баренбойм, Гурина

1928: 94]. Борьба с половыми инфекциями ставилась Министерством здравоохранения МНР «в основу всей своей деятельности» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432].

Другим фактором низкой рождаемости были гинекологические заболевания. Кочевой быт веками вырабатывал народные акушерские практики, расходившиеся с общепринятыми в Европе и России методами родовспоможения. Монголки рожали, сидя на корточках, опираясь руками на постель, перевернутую корзину для аргала, или держась за специально укрепленную между столбами юрты деревянную перекладину. Ребенок буквально выпадал из утробы матери на подстилку из измельченного помета, войлочную кошму или овчину. На руки младенца брали лишь после того, как он издал первый крик [Лхагвасурэн 2013: 101].

При осложненных родах монголы приглашали эмчи-ламу, читавшего молитвы и оказывавшего «акушерскую помощь», прикладывая к низу живота роженицы компресс из земли, взятой около мышиной норы, обращенной к северу или востоку [Монгол улсын 2012: 350]. Если приемы не оказывали действия, ламы переходили к практике «выколачивания» плода. Врач А. И. Гурина описала этот метод: «...чтобы ускорить роды, женщину положили на землю, подвели под нее две доски — одну сзади в область поясницы, другую под ноги и сильным ударом по выступающему концу доски, находящейся под ногами, вызвали сотрясение всего тела роженицы. Подобное встряхивание лама объяснял ускорением продвижения ребенка из утробы» [Баренбойм, Гурина 1928: 95].

Специального хирургического инструмента тибетское акушерство не имело. Зачастую отделение последа проводилось ручным способом не дезинфицированными, а просто чисто вымытыми руками [Варлаков 1932: 18]. Это негативно сказывалось на здоровье рожениц. Г. В. Ивицкий, руководивший второй медико-санитарной экспедицией Наркомздрава РСФСР, отмечал, что у монголох, особенно в худонах, наблюдается высокий процент смертности от родов из-за отсутствия у эмчи-лам каких-либо рациональных мероприятий при неправильном положении ребенка. Ламы предпочитали не акушерские методы, а молитвы [Ивицкий 1928: 98].

Здоровье рожениц подрывалось и архаичными практиками послеродового ухода. Существовал ритуальный запрет *торсний цээр* на сон и пищу. Первые трое суток после родов женщине запрещалось спать днем, а сидеть можно было только на корточках, не разгибая ног. Спать ночью приходилось в том же положении. Ламы объясняли это необходимостью выпустить «дурную кровь». Считалось, что если женщина выпрямит ноги, то кровь может застояться в ногах [Монгол улсын 2012: 351]. Такая практика приводила к аномальному смещению матки и ее анатомическим патологиям. Поэтому количество женщин, ставших бесплодными после первых родов, было стабильно высоким.

Одной из причин высокой детской смертности в МНР являлось отсутствие правильного ухода за новорожденными. Младенцев заворачивали в тряпку, а затем — в конвертик из бараньей шкуры, покрывавший все тело, голову и туго перетягивавшийся ремнями. Купали ребенка один раз, на третий день жизни, и не в воде, а в теплом бараньем бульоне или крепком чайном отваре. Подобный уход провоцировал загрязнение, опрелости кожи, перегревание ребенка. В семьях, где часто умирали дети, существовал обычай заворачивать младенца в подол (рукав) отцовского халата или его же штанину для удержания души [Монгол улсын 2012: 352]. Отсутствие гигиенических процедур вело к инфицированию через пупок или чувствительную младенческую кожу. Новорожденные также страдали от неправильного вскармливания и слишком раннего прикорма [Баренбойм, Гурина 1928: 99].

В целом традиционные практики вызвали острую критику советских врачей, справедливо считавших, что антисанитарное состояние юрт, заворачивание младенцев в грязное тряпье и шкуры, боязнь купания в воде (с мытьем терялось счастье *хишиг*) [Батоев, Дугаржапова, Борголов 2012: 17] и неправильное вскармливание приводят к кожным, желудочно-кишечным, инфекционным заболеваниям и смерти детей в раннем возрасте.

Медицинские меры по улучшению демографической ситуации

Провозгласив цель оздоровления матерей и детей одним из приоритетов, организаторы монгольского здравоохранения

начали проводить работу в нескольких направлениях. Для решения основной проблемы — заболеваемости венерическими болезнями — стране требовались врачи-венерологи. Этот ресурс обеспечивал Наркомздрав РСФСР. С 1930 г. в г. Улан-Баторе уже функционировал венерологический диспансер, где трудились русские врачи Н. М. Орлов, М. М. Плоткина и Т. Г. Таубкин. Работа была организована по советской модели. Кроме лечения, каждый врач отвечал за сегмент общественно-профилактической деятельности (учет и статистика, бюро обследования, санитарно-просветительная работа, борьба с детским венеризмом, семейные обследования, обследования школьников). Основная нагрузка приходилась на лечение сифилиса (31,1 %) и гонореи (31,5 %). Курс противосифилитического лечения в то время включал вливания неосальварсана, уколы биохиноля, перевязки. Большинство монголов принимало 1–2 курса лечения; количество тех, кто оставался на третий курс измерялось десятками, а на пятый — единицами [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 30. Л. 432].

По отдаленным аймакам курсировали венерологические отряды из состава экспедиций Наркомздрава РСФСР. Венерологи были в каждой из пяти довоенных экспедиций (1926, 1927, 1929, 1933, 1936) [Башкуев, Ратманов 2020б: 1395–1399]. В Сан-Бэйсэ, Цэцэрлэге и других аймачных центрах они обустроивали венерологические пункты, ежедневно принимавшие сотни больных. Монголовед Инес Штольпе, интервьюировавшая пожилых монголов на тему социальных кампаний по гигиене, обратила внимание на сходство в ответах. «Мы – дети „красного укола“, — говорили ее информанты, имея в виду не «инъекцию» идеологии, а лекарство, которым советские врачи лечили монголов от венерических болезней [Stolpe 2008: 62].

Медицинскому обследованию подверглись крупные буддийские монастыри. Русские врачи считали, что сифилис и гонорея распространялись оттуда, так как жизнь лам нередко отличалась половой разнузданностью [Башкуев 2021а: 246–247; Terbish 2013: 246; Цагаанхуу 1963: 60]. Из окрестностей крупных хурэ иногда поступали сведения о большом количестве больных третичным сифилисом, и туда направля-

лись обследовательские венотряды. Например, в сентябре 1930 г. в Чжанзоблинский монастырь в 75 км на восток от г. Улан-Батора отправился отряд под руководством М. М. Плоткиной. В ходе обследования сифилис был обнаружен у 37,5 % осмотренных лам. Советские врачи провели лечение 106 первичных и 773 повторных больных-«венериков» в местной амбулатории. Был сделан вывод о том, что сифилис распространен очагами вокруг монастырей. По горячим следам отряда в Богдохан-хошуне был открыт фельдшерский пункт [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 397. Л. 29–34].

Большое значение имела работа учреждений охраны материнства и младенчества. Работа по охране материнства и младенчества началась в МНР в 1928 г., когда при гражданской больнице Улан-Батора была открыта первая детская и женская консультация. В родильное отделение врачом была назначена С. И. Баренбойм [Немой 1978: 55]. В худонах охрана материнства и младенчества велась с помощью «красных юрт», при которых функционировала «школа матерей». Читались лекции, проводились практические занятия, посвященные вопросам беременности, родам, гигиене, причинам заразных болезней. При консультации работала патронажная медсестра, проводившая осмотр на дому, помогавшая создать в юрте гигиенические условия, на практике обучавшая правильному уходу за новорожденными детьми, гигиеническому режиму в семье, правильному воспитанию детей [Баренбойм, Гурина 1928: 102].

В 1931 г. С. М. Немой и Х. М. Немая открыли в Цэцэрлэге образцовые детские ясли. Первый воспитанник яслей, ребенок-сирота, отданный туда бабкой после долгих уговоров, послужил живым примером для монгольских матерей, несколько недель наблюдавших за ним. После того, когда своих детей привели работницы больницы, новое дело прижилось, а детские ясли стали открываться и при других аймачных медицинских пунктах [Немой 1978: 96]. К 1932 г. в МНР функционировало уже 7 яслей и один дом ребенка. Всего же в 1932 г. в Монголии работало 21 детское учреждение (в 1930 г. их было 5): 5 женских и 9 детских консультаций, 7 детских яслей. Из 2 850 тыс. тугриков бюджета на здравоохранение в 1932 г. 119 тыс. тугриков приходи-

лись на охрану материнства и младенчества [Немой 1978: 92].

Заключение

Геополитический интерес красной нитью проходил сквозь все аспекты комплексного проекта советизации Монголии. Архивные документы свидетельствуют, что советская помощь в создании европейского здравоохранения тоже имела геополитическую подоплеку. Начав строительство нового для Монголии социального и государственного института, большевистское руководство приобрело инструмент влияния «мягкой силой», закамуфлировав гуманистическими целями геополитические и идеологические подтексты. Создание в МНР «клона» системы Н. А. Семашко обеспечивало зависимость Монголии от СССР в кадровом и материальном плане, а также распространение коммунистических идеалов и ценностей внутри самого важного для человека контекста — охраны здоровья и жизни.

Задачи повышения рождаемости, снижения младенческой и материнской смертности, ликвидации дегенерирующих социальных заболеваний были неотъемлемой частью советского плана по превращению МНР в полноценный геополитический форпост социализма на «буддийском Востоке». Советские специалисты справедливо считали борьбу с венерическими болезнями, создание службы охраны материнства и младенчества и санитарное просвещение женщин осевыми народнохозяйственными аспектами, понимая, что социально-экономическое развитие этой огромной буферной территории станет залогом ее геополитической функциональности. Созданные ими предпосылки демографического благополучия показали свою эффективность не сразу. С 1926 по 1940 гг. население МНР выросло по меркам большого государства совсем незначительно: с 633 961 до 738 596 чел. Однако уже в период с 1938 по 1961 г. рождаемость выросла с 21,0 до 40,2 на 1 000 чел., смертность упала с 20,5 до 10,2 на 1 000 чел., а прирост населения увеличился с 0,5 до 30,0 на 1 000 чел. [Цагаанхуу 1963: 61].

Созданный советскими врачами в конце 1920 – начале 1940-х гг. задел стал фундаментом дальнейшего развития населения и

реализовал свою глубинную геополитическую задачу. К 1957 г. по темпам рождаемости и общему приросту населения в промилле МНР занимала лидирующую позицию среди социалистических стран (38,3 и

27,0 соответственно) [Цагаанхуу 1963: 62]. Успехи построенного с помощью СССР здравоохранения позволили МНР уверенно обрести субъектность среди систем здравоохранения стран СЭВ после 1962 г.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Литература

- Баренбойм, Гурина 1928 — *Баренбойм С. И., Гурина А. И.* К вопросу об охране материнства и младенчества в Монголии // *Хозяйство Монголии*. 1928. № 4(11). С. 92–103.
- Батоев, Дугаржапова, Борголов 2012 — *Батоев Д. Б., Дугаржапова Т. Д., Борголов А. В.* История акушерско-гинекологической службы Республики Бурятия. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 472 с.
- Башкуев 2016 — *Башкуев В. Ю.* Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с.
- Башкуев 2020 — *Башкуев В. Ю.* Вклад советников Минздрава Монгольской Народной Республики в развитие здравоохранения (1920–1940-е гг.) // *Дальневосточный медицинский журнал*. 2020. № 4. С. 46–53.
- Башкуев 2021a — *Башкуев В. Ю.* Европейская медицина и традиционное общество в монгольском мире (последняя треть XIX – первая половина XX в.). Иркутск: Оттиск, 2021. 416 с.
- Башкуев 2021б — *Башкуев В. Ю.* «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920–1940-е гг. Хабаровск: Дальневост. гос. мед. ун-т, 2021. 502 с.
- Башкуев, Ратманов 2020a — *Башкуев В. Ю., Ратманов П. Э.* Организационные формы советско-монгольского медицинского сотрудничества в области медицины и здравоохранения в 1920–1930-х гг. Ч. I. Формирование двух подходов // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2020. Т. 28. № 5. С. 1027–1032.
- Башкуев, Ратманов 2020б — *Башкуев В. Ю., Ратманов П. Э.* Организационные формы советско-монгольского медицинского сотрудничества в области медицины и здравоохранения в 1920–1930-х гг. Ч. II. Работа экспедиций Наркомздрава РСФСР // *Проб-*

Sources

Russian State Archive of Sociopolitical History. (In Russ.)
State Archive of the Russian Federation. (In Russ.)

- лемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 6. С. 1395–1400.
- Броннер 1921 — *Броннер В. М.* Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями. М.: Госиздат, 1921. 40 с.
- Варлаков 1932 — *Варлаков М. Н.* Частная патология и терапия тибетской медицины // *Советская клиника*. 1932. Т. 17. № 1. С. 12–28.
- Ивицкий 1928 — *Ивицкий Г. В.* Итоги работ 2-й медико-санитарной экспедиции // *Хозяйство Монголии*. 1928. № 5(12). С. 92–102.
- Лхагвасурэн 2013 — *Лхагвасурэн И.* Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (кон. XIX – нач. XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2013. 178 с.
- Монгол улсын 2012 — *Монгол улсын угсаатны зүй (Халхын угсаатны зүй) (XIX–XX зууны зааг уе) (Этнография Монголии (Этнография халха-монголов) / Бадамхатан С., Цэрэнханд Г. I боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. 536 х.*
- Немой 1978 — *Немой А. С.* Советские медики в Монгольской Народной Республике. М.: Медицина, 1978. 120 с.
- Филин 2017 — *Филин С. А.* Формирование европейских систем здравоохранения и ветеринарии в Монголии в XIX–XX вв. // *История медицины*. 2017. Т. 4. № 1. С. 52–61.
- Хаин-Хирба, Баевский 1930 — *Хаин-Хирба, Баевский И. Л.* Вопросы организации здравоохранения в Монгольской Народной Республике // *Хозяйство Монголии*. 1930. № 1(19). С. 96–123.
- Цагаанхуу 1963 — *Цагаанхуу Д.* Здравоохранение Монгольской Народной Республики 1919–1960 гг.: дисс. ... канд. мед. наук. М., 1963. 307 с.
- Шперк 1863 — *Шперк Э. Ф.* Медико-топографические замечания о сифилисе в Северо-Восточной Сибири, называемом там «проказою»: дисс. ... д-ра медицины. СПб.: Тип.

- духовного журнала «Странник», 1863. 62 с.
- Энгельштейн 2000 — *Энгельштейн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // *Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарск. ун-т, 2000. С. 217–268.
- Isono 2010 — *Isono F.* Soviet Russia and the Mongolian Revolution of 1921 // *The History of Mongolia. Vol. III. The Qing Period. Twentieth Century Mongolia* / D. Sneath and C. Kaplonski (eds.). Folkestone: Global Oriental, 2010. Pp. 910–929.
- Lattimore 1947a — *Lattimore O.* Some Recent Inner Asian Studies // *Pacific Affairs*. 1947. Vol. 20. Pp. 318–325.
- Lattimore 1947b — *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion // *The Journal of Economic History*. 1947. Vol. 7. No. 1. Pp. 24–52.
- Lattimore 1947в — *Lattimore O.* An Inner Asian Approach to the Historical Geography of China // *Geographical Journal*. 1947. Vol. 110. No. 4/6. Pp. 180–187.
- Riley 2005 — *Riley J. C.* The Timing and Pace of Health Transitions around the World // *Population and Development Review*. 2005. Vol. 31. No. 4. Pp. 741–764.
- Rupen 1956 — *Rupen R. A.* The Buriat Intelligentsia // *The Far Eastern Quarterly*. 1956. Vol. 15. No. 3. Pp. 383–398.
- Solomon 2010 — *Solomon S. G.* Foreign Expertise on Russian Terrain: Max Kuczinski on the Kirghiz Steppe, 1923–24 // *Soviet Medicine: Culture, Practice. and Science*. F. L. Bernstein, C. Burton and D. Healey (eds.). DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2010. Pp. 71–91.
- Spoorenberg 2015 — *Spoorenberg T.* Reconstructing Historical Fertility Change in Mongolia: Impressive Fertility Rise before Continued Fertility Decline // *Demographic Research*. 2015. Vol. 33. Pp. 842–869.
- Stolpe 2008 — *Stolpe I.* Display and Performance in Mongolian Cultural Campaigns // *Conflict and Social Order in Tibet and Inner Asia* / F. Pirie, T. Huber (eds.). Leiden: Brill, 2008. Pp. 59–84.
- Terbish 2013 — *Terbish B.* Mongolian Sexuality: A Short History of the Flirtation of Power with Sex // *Inner Asia*. 2013. No. 15. Pp. 243–271.
- Tolz 2015 — *Tolz V.* Reconciling Ethnic Nationalism and Imperial Cosmopolitanism: The Lifeworlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942) // *Asia*. 2015. Vol. 69. No. 3. Pp. 723–746.
- Wolff 1945 — *Wolff S. M.* Mongols in Western Europe in 1925–1929 // *Man*. 1945. Vol. 45. Pp. 41–42.

References

- Badamkhatan S., Tserenkhand G. Ethnography of Mongolia. Vol. 1: Ethnography of the Khalkha Mongols, 19th–20th Centuries. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. 536 p. (In Russ.)
- Barenboim S. I., Gurina A. I. Maternity and infant care in Mongolia revisited. *Khozyaystvo Mongolii*. 1928. No. 4(11). Pp. 92–103. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. 'Soft Power' of Soviet Medicine in the Foreign East: 1920s–1940s. Khabarovsk: Far Eastern State Medical University, 2021. 502 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Contribution of advisers of the Ministry of Health of the Mongolian People's Republic to the development of healthcare (1920s – 1940s). *Far East Medical Journal*. 2020. No. 4. Pp. 46–53. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. European Medicine and Traditional Society in the Mongolian World: Late 19th to Mid-20th Century. Irkutsk: Ottisk, 2021. 416 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Russian Medicine and the Mongolian World, Late 19th – Early-to-Mid 20th Century: Historical Experience of Interaction. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu., Ratmanov P. E. The organizational forms of the Soviet-Mongol cooperation in the area of medicine and health care in 1920s–1930s. Part I. Formation of two approaches. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2020. Vol. 28. No. 5. Pp. 1027–1032. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu., Ratmanov P. E. The organizational forms of the Soviet-Mongol cooperation in the area of medicine and health care in 1920s–1930s. Part II. The operation of expeditions of the Narkomzdrav of the RSFSR. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2020. Vol. 28. No. 6. Pp. 1395–1400. (In Russ.)
- Batoev D. B., Dugarzhapova T. D., Borgolov A. V. History of Buryatia's Obstetric-Gynecologic Services. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 472 p. (In Russ.)
- Bronner V. M. The Influence of Social Factors on Venereal Disease Rates, and the Role of Government in the Struggle against Such Diseases. Moscow: Gosizdat, 1921. 40 p. (In Russ.)
- Engelstein L. Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and

- Sexual Behavior, 1890-1905. In: David-Fox M. (comp.) *Russian Studies in the U.S.: Modern Historiography Reviewed. The Imperial Period*. Samara: Samara University Press, 2000. Pp. 217–268. (In Russ.)
- Filin S. A. The formation of the European health-care systems and veterinary medicine in Mongolia in the 19th–20th centuries. *History of Medicine*. 2017. Vol. 4. No. 1. Pp. 52–61. (In Russ.)
- Isono F. Soviet Russia and the Mongolian Revolution of 1921. In: Sneath D., Kaplonski C. (eds.) *The History of Mongolia. Vol. III: The Qing Period. Twentieth Century Mongolia*. Folkestone: Global Oriental, 2010. Pp. 910–929. (In Eng.)
- Ivitsky G. V. The Second Health and Sanitary Expedition: Outcomes of work reviewed. *Khozyaystvo Mongolii*. 1928. No. 5(12). Pp. 92–102. (In Russ.)
- Khain-Khirba, Baevsky I. L. Healthcare system of the MPR: Organizational arrangements revisited. *Khozyaystvo Mongolii*. 1930. No. 1(19). Pp. 96–123. (In Russ.)
- Lattimore O. An Inner Asian approach to the historical geography of China. *Geographical Journal*. 1947. Vol. 110. No. 4/6. Pp. 180–187. (In Eng.)
- Lattimore O. Inner Asian frontiers: Chinese and Russian margins of expansion. *The Journal of Economic History*. 1947. Vol. 7. No. 1. Pp. 24–52. (In Eng.)
- Lattimore O. Some recent Inner Asian studies. *Pacific Affairs*. 1947. Vol. 20. Pp. 318–325. (In Eng.)
- Lkhagvasuren I. The Altai Uriankhai, Late 19th – Early 20th Centuries: Essays on History and Ethnography. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2013. 178 p. (In Russ.)
- Nemoy A. S. Soviet Medical Professionals in the Mongolian People's Republic. Moscow: Meditsina, 1978. 120 p. (In Russ.)
- Riley J. C. The timing and pace of health transitions around the world. *Population and Development Review*. 2005. Vol. 31. No. 4. Pp. 741–764. (In Eng.)
- Rupen R. A. The Buriat intelligentsia. *The Far Eastern Quarterly*. 1956. Vol. 15. No. 3. Pp. 383–398. (In Eng.)
- Shperk E. F. Syphilis in Northeastern Siberia Referred to There as 'Leprosy': Medical and Topographic Notes. M. D. thesis. St. Petersburg, 1863. 62 p. (In Russ.)
- Solomon S. G. Foreign expertise on Russian terrain: Max Kuczinski on the Kirghiz Steppe, 1923–24. In: Bernstein F. L., Burton C., Healey D. (eds.) *Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science*. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2010. Pp. 71–91. (In Russ.)
- Spoorenberg T. Reconstructing historical fertility change in Mongolia: Impressive fertility rise before continued fertility decline. *Demographic Research*. 2015. Vol. 33. Pp. 842–869. (In Eng.)
- Stolpe I. Display and performance in Mongolian cultural campaigns. In: Pirie F., Huber T. (eds.) *Conflict and Social Order in Tibet and Inner Asia*. Leiden: Brill, 2008. Pp. 59–84. (In Eng.)
- Terbish B. Mongolian sexuality: A short history of the flirtation of power with sex. *Inner Asia*. 2013. No. 15. Pp. 243–271. (In Eng.)
- Tolz V. Reconciling ethnic nationalism and imperial cosmopolitanism: The lifeworlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942). *Asia*. 2015. Vol. 69. No. 3. Pp. 723–746. (In Eng.)
- Tsagaankhuu D. Healthcare System of the MPR: 1919–1960. Cand. Sc. (medicine) thesis. Moscow, 1963. 307 p. (In Russ.)
- Varlakov M. N. Clinical pathology and therapy of Tibetan medicine. *Sovetskaya klinika*. 1932. Vol. 17. No. 1. Pp. 12–28. (In Russ.)
- Wolff S. M. Mongols in Western Europe in 1925–1929. *Man*. 1945. Vol. 45. Pp. 41–42. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1227–1243, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 364.122.5

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1227-1243

Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х – 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей

Анатолий Сергеевич Бреславский¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8499-2064. E-mail: breslavsky@imbt.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бреславский А. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Анализ урбанизационных процессов в Магаданской области последних десятилетий — важная составляющая в понимании существенных черт и особенностей урбанизационного процесса на территории всего Дальнего Востока России. Исторический опыт области подтверждает высокую зависимость урбанизационных процессов в восточных экономических районах РФ от состояния и перспектив добывающей промышленности, наличия / отсутствия патернализма в политике федеральной и региональной власти по отношению к городским населенным пунктам, утратившим перспективы промышленного развития. В Магаданской области подчиненность урбанизации этим двум параметрам — добыче полезных ископаемых и поддержке государства оказалась гипертрофированно выраженной. *Цель исследования* — анализ итогов советской урбанизации Магаданской области, структурной и демографической трансформации сети городских поселений региона в 1990–2010-е гг. *Материалы и методы.* Анализируя официальные статистические данные, а также нормативно-правовые акты национального, регионального и местного уровня, автор опирается на комплекс общенаучных методов, статистический метод, а также специальные методы исторического исследования, в частности проблемно-хронологический. *Выводы.* Исследование показало кризис урбанизационного процесса в регионе, связанный с его деиндустриализацией в 1990–2000-е гг. Упадок всей сети городских населенных пунктов области проявился как в структурном, так и в демографическом плане. Два города области — Магадан и Сусуман, утратив значительную часть своего населения, сохранили свой «городской» статус, при этом 15 из 34 поселков городского типа к началу 2020-х гг. были заброшены или упразднены. В регионе получила развитие политика ликвидации «неперспективных» поселков, поддерживаемая федеральными и региональными программами по переселению граждан из районов Крайнего Севера, а также из поселков в центр субъекта — Магадан. Численность городского населения региона в этот период сократилась на 58,6 %. В результате существенного снижения численности сельского

населения (на 90 %) внутренние ресурсы урбанизации в регионе к настоящему времени оказались практически полностью исчерпаны. Перспективы урбанизации области связаны, прежде всего, с дальнейшим развитием Магадана и магаданской агломерации, включающей два пристоличных района на юге области. При этом новые проекты хозяйственного освоения региона все в большей мере связаны с деятельностью вахтовых рабочих поселков.

Ключевые слова: урбанизация, Дальний Восток, Магаданская область, город, городское население

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Бреславский А. С. Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х – 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1227–1243. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1227-1243

Urbanization Crisis in Magadan Oblast, Late 1980s to 2010s: Analyzing Structural and Demographic Trends

Anatoliy S. Breslavsky¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-8499-2064. E-mail: breslavsky@imbt.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Breslavsky A. S., 2022

Abstract. Introduction. The analysis of urbanization processes experienced by Magadan Oblast in recent decades is a most important component in understanding essentials and peculiarities of the urbanization agenda in the whole of Russia's Far East. Historical experiences of the region attest to that urbanization processes across the eastern economic regions of Russia are highly dependent on actual conditions and prospects of mining industries, presence / absence of paternalism in policies of federal and regional authorities towards urban settlements that show no promise for further industrial development. So, mining and government support have deepest impacts on urbanization processes in Magadan Oblast. **Goals.** The study aims at analyzing key results of the Soviet urbanization program across Magadan Oblast, certain structural and demographic transformations of the region's urban settlement network that took place in the 1990s to 2010s. **Materials and methods.** The work employs a set of general scientific tools, the statistical method, and those of specifically historical research (e.g., the chronological one) — for analytical insights into official statistics, national, regional and local regulations. **Results.** The study shows the urbanization crisis in the region is associated with its deindustrialization in the 1990s–2000s. The decline of the entire urban settlement network has manifested itself in both structural and demographical patterns. Two cities of the region — Magadan and Susuman — have experienced significant population losses, though still retaining their 'city' status. Meanwhile, 15 out of 34 urban-type settlements had been abandoned or abolished by the early 2020s. The policy of abolishing depressed settlements has been developed in the region, which is supported by federal and regional programs that facilitate resettlement — from districts of the Extreme North and rural localities to the capital city of Magadan. The urban population has reduced by 58.6 % during the mentioned period, while the dramatic rural population decrease of 90 % means that the region's internal urbanization resources are almost completely exhausted. **Conclusions.** Urbanization prospects in the region are primarily tied to somewhat further development of Magadan and its agglomeration, the latter to include two near-capital districts in the south. At the same time, new projects of economic development in the region are increasingly associated with activities of shift workers' townships.

Keywords: urbanization, Far East, Magadan Oblast, city, urban population

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries'.

For citation: Breslavsky A. S. Urbanization Crisis in Magadan Oblast, Late 1980s to 2010s: Analyzing Structural and Demographic Trends. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1227–1243. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1227-1243

Введение

Социально-экономический кризис городов и рабочих поселков в Магаданской области в 1990-е гг. ощущался заметно острее, чем, например, на юге Дальнего Востока, поскольку проходил в сложнейших климатических условиях Крайнего Севера, в отдалении и изолированности от основной территории страны, главной ее транспортной артерии — Транссиба. В результате деиндустриализации региона десятки тысяч людей — работники и ветераны закрывшихся предприятий, учреждений социальной сферы, члены их семей — стали вынужденными или осознанными «заложниками» Севера, ожидая жилищных субсидий для выезда в более благополучные районы страны или, по крайней мере, в «столичный» Магадан.

Функции городов и рабочих поселков области, за исключением центра региона, не были существенно диверсифицированы даже в поздние советские десятилетия. Они оставались главным образом придатками местных промышленных предприятий по добыче драгоценных металлов. В результате имеется кризис проектов по освоению полезных ископаемых, который практически полностью обесценил экономическое и общественное значение городов и рабочих поселков области за одно десятилетие, т. е. в 1990-е гг. Политика ликвидации экономически нерентабельных поселений на Колыме, в соседних регионах (Чукотке, Республике (Саха) Якутия) формировалась во многом ситуативно и не обходилось без сложностей.

Структурно и демографически все, что происходило с городами и поселками области в 1990–2010-е гг., можно обозначить, с одной стороны, как потерю ранее достигнутых показателей: это касается численности городских населенных пунктов, градообразующих предприятий, количества городского населения и т. д. С другой стороны,

важно помнить о том, что рост этих показателей, урбанизация в целом не были самоцелью советской власти. Для Дальстроя (1931–1957), а после его упразднения — Магаданского (1957–1962), Северо-Восточного (1962–1965) советов народного хозяйства, а позднее — Северовостокзолото важнее было добиваться больших успехов в добывающей промышленности и связанных с ней экономических подсистемах: геологической разведке, строительстве, энергетике и т. д. при минимальных затратах на городское строительство [Зеляк 2015: 371–427]. И задолго до кризиса 1990-х гг. на Северо-Востоке РСФСР была распространена практика ликвидации горных предприятий, приносящих убытки, и вместе с ними — поселений, утративших перспективы промышленного развития. Стране, особенно до роста экспорта нефти, нужны были драгоценные металлы Северо-Востока, в первую очередь местное золото, добыча которого в промышленных масштабах была начата в регионе с 1930-х гг. Развитие сети городских поселений, их инженерной, социально-бытовой инфраструктуры было вторичной задачей, в основном связанной с необходимостью снизить текучку кадров, сохранить кадровый потенциал предприятий. Это было также характерно и для Чукотки, до 1992 г. входившей в состав Магаданской области [История Чукотки 1989: 429–453]. Целью данного исследования является анализ итогов советской урбанизации Магаданской области, структурной и демографической трансформации сети городских поселений региона в 1990–2000-е гг.

Итоги советской урбанизации области

К концу советского периода на территории Магаданской области с юга на север вдоль Колымской трассы и ее ответвлений

была выстроена относительно многочисленная для северных территорий сеть городских поселений, включающая 2 города (Магадан и Сусуман) и 34 рабочих поселка (см. табл. 1). Развитие этой сети поселений началось в 1930-е гг. с Магадана, расположенного на юге региона, и расширялось по мере строительства на север основной авто-

дороги «Колыма» и межприисковых дорог, связанных с ней [Навасардов 2021]. К концу 1980-х гг. наиболее освоенными были южные и западные территории региона, охваченные относительно развитой сетью автодорог, в то время как северные и восточные районы, тяготеющие к Арктике (без учета Чукотки), оставались труднодоступными.

Таблица 1. Трансформация структуры городских поселений Магаданской области в 1989–2019 гг.¹
[Table 1. Urban settlements of Magadan Oblast, 1989–2019. Transformation of structural patterns]

Год	Всего городов	Большие города (100–250 тыс. чел.)	Средние города (50–100 тыс. чел.)	Малые города (50 тыс. и менее)	Всего рабочих поселков / пгт	Рабочие поселки / поселки городского типа				
						до 1 тыс. чел.	1–3 тыс. чел.	3–6 тыс. чел.	6–9 тыс. чел.	9–12 тыс. чел.
1989	2	1	—	1	34	3	13	9	2	7
2002	2	—	1	1	28	11	9	7	1	—
2010	2	—	1	1	25	9	10	5	1	—
2019	2	—	1	1	19	6	8	4	1	—

Градообразующими предприятиями большинства городских поселений области к концу 1980-х гг. оставались предприятия горнодобывающей отрасли (горно-обогатительные комбинаты (далее — ГОК), прииски, рудники, шахты, фабрики), геологические управления, а также вспомогательные автотранспортные, ремонтно-механические, строительные, энергодобывающие предприятия (ГЭС, ГРЭС), совхозы разной специализации и т. д.

Статус городских населенных пунктов рабочие поселки приобрели в основном в «хрущевский» период совнархозов — уже через 10–20 лет после своего возникновения в период сталинской модернизации. Первый рабочий поселок области — Магадан, основанный в 1929 г., стал опорной базой осво-

ения Колымы в 1930-е гг. и оставался ею в течение всего советского периода. Статус города получил в 1939 г. Расположенный на юге области, на побережье Охотского моря, город до конца 1980-х гг. развивался как административный (со всем комплексом основных функций), морской, снабжающий порт, промышленный и научно-образовательный центр региона. Перед распадом СССР в Магадане проживало чуть более 150 тыс. чел. [ВПН 1989], что позволяло отнести его к категории больших городов.

Второй город области — Сусуман был основан в 1936 г. как усадьба одного из лагерных совхозов региона. Однако уже к концу 1930-х гг. в поселке, строительство которого начали заключенные, было организовано Западное горнопромышленное управление, которое постепенно вобрало в себя открывающиеся в районе золотоносные прииски. В 1953 г. поселок получает статус рабочего, а в 1964 г. — города районного подчинения. Промышленную базу Сусумана к концу 1980-х гг. составляли крупный горно-обогатительный комбинат, включающий в себя предприятия по добыче золота, ремонтно-механический завод, кирпичный завод, несколько предприятий

¹ Сост. автором по: [ВПН 1989; ВПН 2002; ВПН 2010; Оценка численности 2020] без учета поселков городского типа, учтенных переписью 2010 г. и в последующих обследованиях Росстата с нулевым населением (заброшенных поселков, официально не упраздненных). В расчетах здесь и далее также не учитывались городские населенные пункты Чукотского автономного округа, выделившегося из состава Магаданской области в 1992 г.

пищевой промышленности и др. Связь с областным центром поддерживалась по автодороге и посредством авиасообщения (аэропорт «Сусуман»). В 1989 г. в городе проживало 16,8 тыс. чел. [ВПН 1989].

В структуре рабочих поселков в конце 1980-х гг. почти половину (16 из 34) составляли населенные пункты с населением менее 3 тыс. чел (см. табл. 1). С другой стороны, семь поселков имели население от 9 до 12 тыс. чел. Шесть из семи этих крупных рабочих поселков имели статус районных центров (см. табл. 2), выполнявших не только производственные, но и административные функции на местах. Лишь один районный центр — п. Эвенск, население которого было в 1989 г. 4,8 тыс. чел., выпадал из этого списка, поскольку не был так интенсивно вовлечен в процессы промышленного освоения. Одна из причин этого — весь Северо-Эвенский район сформировался как зона компактного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

Третьим по величине городским населенным пунктом области к концу 1980-х гг. стал Синегорье — поселок строителей Колымской ГЭС — важнейшей электростанции региона, строительство которой продолжилось до середины 1990-х гг. В 1989 г. здесь проживало 11,6 тыс. чел. Немногим меньше жителей перепись зафиксировала в самом крупном районном центре области, п. Усть-Омчуг, — 11,3 тыс. чел. В это время здесь функционировал Тенькинский горно-обогатительный комбинат, цех ремонта горного оборудования, «Курчатовский» прииск, две геологоразведочные экспедиции, строительное и ремонтно-строительное управления, леспромхоз, совхоз, автобаза и пр. предприятия и учреждения. В остальных районных центрах, за исключением упомянутого Эвенска, можно было наблюдать схожую структуру локальной экономики.

Единственным поселком с курортными функциями, но со статусом рабочего, а не курортного поселка, был п. Талая. В 1989 г. в нем проживало 4,4 тыс. чел. Его градообразующими предприятиями были санаторий на местных лечебных источниках и крупный птицеводческий совхоз, снабжавший своими продуктами поселки колымской трассы.

Отметим, в 1980-е гг., судя по данным всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., в большинстве (в 26 из 34) городских населенных пунктов области продолжался прирост жителей. Происходило это местами на фоне кризисных явлений в производственном процессе, высокой текучки кадров, нерешенных проблем в сфере социально-бытового обслуживания. При этом с 1970-х гг. заметные положительные изменения состоялись в социально-бытовом строительстве, особенно в районных центрах. Благодаря комплексным программам строительства менее острым стал жилищный вопрос. Рост населения поддерживала развитая система экономического стимулирования, северные надбавки и появление новых поколений, рожденных переселенцами уже на Колыме. Одновременно к концу 1980-х гг. благодаря строительству Колымской ГЭС, Аркагалинской ГРЭС более устойчивой стала энергосистема региона, что создавало возможности для дальнейшего развития промышленности и сети поселений. Улучшались условия труда, медицинское обслуживание и профилактика профессиональных заболеваний, что создавало положительный фон для закрепления населения в регионе.

Из 34 рабочих поселков области в 1980-е гг. лишь в восьми был зафиксирован отток населения (поселки Галимый, Адыгалах, Большевик, Буркандья, Атка, Карамкен, Мякит, Верхний Ат-Урях). В 1989 г. в восьми этих поселках проживало 12,6 тыс. чел. — 8 % от всего населения рабочих поселков региона. Отток жителей из этих населенных пунктов в основном был связан с выработкой локальных месторождений полезных ископаемых и решением прочих задач, которые стояли перед ними на этапе их основания (геологоразведка, строительство участков дорог и пр.). Так, в горнодобывающем п. Галимый уже в начале 1970-х гг. существенно снизились объемы добычи олова из-за выработки связанных с ним месторождений, закрытия рудников. Местная обогатительная фабрика в 1980-е гг. проходила реконструкцию. А открывшись вновь в 1986 г., проработала лишь несколько лет. Поселок Большевик, основанный в конце 1930-х гг. у золотоносного рудника, уже с 1960-х гг. планомерно терял свое население, которое к началу

2020-х гг. составило всего 45 чел. [[Оценка численности 2020](#)]. Население п. Буркандья, основанного также при золотоносных приисках незначительно сократилось в 1980-е гг., а в 1990-е гг. уже планомерно снижалось, особенно в 1995–1996 г., когда из 1 372 чел. в поселке осталось 357 чел. в связи с освоением имевшихся месторождений. К 2000 г. поселок был практически заброшен [[Схема 2010: 21](#)].

В схожей ситуации находились и другие поселения. Рабочий поселок золотодобытчиков Ат-Урях, расположенный в стороне от основной трассы, в 1990-е гг. был заброшен. Численность его жителей с 1989 по 2002 гг. сократилась с 1,2 тыс. чел. до 61 чел. Перепись 2010 г. уже не зафиксировала в нем ни одного жителя. В поселке Карамкен в 1995 г. в связи с отработкой местного золотоносного месторождения прекратил работу горно-металлургический комбинат, в 1997 г. он признан банкротом. Население поселка с 1989 по 2002 гг. сократилось с 3,5 тыс. до 745 чел. В 2012 г. поселок реорганизован в сельский населенный пункт, а в 2013 г. в нем уже не зарегистрировано ни одного жителя. Поселок Атка, возникший как дорожный пункт при строительстве Колымской трассы, в 1990-е гг. потерял более 75 % своего населения (в 1989 г. — 2,6 тыс. чел., в 2002 г. — 604 чел.), число жителей поселка продолжало сокращаться в 2000–2010-е гг. В 2020 г. руководство Хасынского городского округа, в который входило поселение, приняло решение о переселении оставшихся 300 зарегистрированных жителей (98 фактических) в центр округа и района — п. Палатка [[Кирилловская 2021](#)].

На фоне освоения разведанных месторождений в последние советские десятилетия возрастало значение старателей, объединения которых работали там, где образование новых государственных предприятий признавалось нецелесообразным. Выработка известных месторождений, большие расстояния между новыми приисками и уже существующими горно-обогательными комбинатами (ГОК) создавали перед всем народнохозяйственным комплексом региона весомые проблемы. Решить их было все сложнее, учитывая все время возрастающие «показатели» добычи полезных ископаемых, которых нужно было достичь.

Кризис сети городских поселений в 1989–2002 гг.

К концу 1980-х гг. период активного промышленного освоения Северо-Востока России в целом завершился. Показатели добычи драгоценных металлов постепенно снижались по мере истощения разведанных еще в 1930–1950-е гг. месторождений. Освоение новых отдаленных приисков с сохранением созданной поселенческой структуры становилось все более сложной задачей. Рентабельность производств с учетом курса на повышение социальных и природоохранных обязательств снижалась. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. крупное промышленное строительство в регионе было связано преимущественно с проектами, начатыми ранее.

Распад союзной административно-плановой системы хозяйствования, шоковый переход к рынку, ослабление государственного заказа, приватизация предприятий в области добывающей промышленности привели к масштабной реорганизации экономики региона, в структуре которой остались лишь наиболее рентабельные производства, а также предприятия, связанные с жизнеобеспечением сети населенных пунктов (угледобыча, коммунальное хозяйство, пищевая промышленность и пр.) [[Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2020а: 94–95](#)].

Закрытие градообразующих предприятий, связанных с ними учреждений социальной сферы, отмена государственных социальных гарантий и компенсаций, долги по заработной плате, сбои в работе коммунальных служб, неясность перспектив — все это запустило масштабные процессы выездной миграции населения из Магаданской области в 1990-е гг. С 1989 по 2002 гг. население региона без учета Чукотки сократилось с 385 тыс. до 182 тыс. чел., т. е. более чем на половину. Учитывая высокий удельный вес городского населения области, наибольшие демографические потери пришлось именно на городские населенные пункты: численность их жителей сократилась на внушительные 48 % — 156,9 тыс. чел. (см. табл. 2).

Все 36 городских населенных пунктов области в этот период теряли свое население. В абсолютных показателях наибольший отток населения произошел в наиболее крупных населенных пунктах: в г. Магадан — на 52,2 тыс. чел. (34,4 %), г. Сусу-

ман — на 8,9 тыс. чел. (53,4 %), рабочем поселке Синегорье — на 7,5 тыс. чел. (65 %). Столь массовый отток жителей из пос. Синегорья был связан не только с кризисными явлениями в экономике, но и с завершением в 1994 г. строительства важнейшего инфраструктурного объекта — Колымской ГЭС, которая с этого момента стала основным поставщиком электроэнергии для всей изолированной энергосистемы области.

Среди городских населенных пунктов более развитые в инфраструктурном смысле районные центры стали важными точками притяжения для внутренних мигрантов.

Это однако не позволило им сколь-нибудь серьезно компенсировать потери наличного населения в 1990-е гг. Закрытие производств происходило и здесь: вслед за горнодобывающими предприятиями, закрывались вспомогательные производства, сокращался кадровый состав учреждений социальной сферы. Как свидетельствуют данные табл. 2, с конца 1980-х гг. по начало 2000-х гг. численность населения районных центров сократилась более чем вдвое — с 84,5 до 39,9 тыс. чел. Уже меньшими темпами, но она продолжала снижаться и в последующие два десятилетия.

Таблица 2. Динамика численности населения районных центров (центров городских округов) Магаданской области в 1989–2020 гг.¹

[Table 2. Population dynamics across Magadan Oblast's district centers (centers of urban districts), 1989–2020]

№	Населенный пункт	Район	Численность населения, чел.				2020/1989, %
			1989	2002	2010	2020	
1	г. Сусуман	Сусуманский	16 818	7 833	5 855	4 355	25,9
2	п. Ола	Ольский	10 122	6 842	6 215	6 070	60
3	п. Омсукчан	Омсукчанский	9 873	4 529	4 157	3 776	38,2
4	п. Палатка	Хасынский	10 496	4 888	4 244	3 555	33,8
5	п. Сеймчан	Среднеканский	9 963	3 725	2 818	2 032	20,3
6	п. Усть-Омчуг	Тенькинский	11 343	4 867	3 914	2 757	24,3
7	п. Эвенск	Северо-Эвенский	4 862	2 182	1 793	1 357	27,9
8	п. Ягодное	Ягоднинский	11 024	5 050	4 210	3 098	28,1
9	Итого		84 501	39 916	33 206	27 000	31,9

¹ Сост. автором по: [ВПН 1989; ВПН 2002; ВПН 2010; Оценка численности 2020].

В сложном положении оказались моно-профильные горняцкие поселки, в том числе относительно крупные: Дукат, Кадыкчан, Оротукан, Мяунджа, население которых в конце 1980-х гг. составляло 5–7 тыс. чел. Население п. Дукат, например, в анализируемый период сократилось с 6,9 до 1,2 тыс. чел. в связи с закрытием местного горно-обогательного комбината по добыче серебра и других драгоценных металлов. ГОК, образованный в 1979 г., в 1994 г. был приватизирован, но, столкнувшись с финансовыми проблемами, в 1998 г. был признан банкротом.

Своя история у рабочего поселка Кадыкчан, выросшего у предприятия по добыче каменного угля. В 1996 г. на шахте произошел взрыв и ее закрыли. К этому моменту население поселка составляло 3,2 тыс. чел., а в 2002 г. — всего 875 чел., и оно продолжало сокращаться [Схема 2010: 21]. В 2010 г., судя по официальным данным [ВПН 2010], в Кадыкчане не осталось жителей, но в переписи

и последующих «оценках постоянного населения» области он по-прежнему упоминался.

В 1990-е гг. часть поселков городского типа региона была преобразована в сельские, часть упразднена или признана закрывающимися, часть — практически полностью или полностью заброшена. Так, в 1991 г. поселки им. Гастелло, Омчак Тенькинского района были преобразованы в сельские населенные пункты (СНП) и продолжили терять население. В 1994 г. был упразднен п. Адыгалах — поселок золотодобытчиков в Сусуманском районе, в середине XX в. ставший центром дорожно-строительного исправительно-трудового лагеря. После закрытия лагеря постепенно терял население и в начале 1990-х гг. был заброшен. В 1994 г. был упразднен п. Мякит Хасынского района — поселение на колымской трассе также с лагерным прошлым, был пунктом золотодобычи с предприятиями автотранспорта. В 1998 г. был закрыт п. Нексикан — одна из баз геологов

Дальстроя СССР, а прежде — место размещения управления одного из исправительно-трудовых лагерей.

В то же время в области оставались поселки городского типа, которые к началу 2000-х гг. потеряли перспективы развития, подавляющую часть населения или уже были заброшены, но не были законодательно упразднены (Галимый, Беличан, Буркандья, Кадыкчан, Верхний Ат-Урях). В отличие от Чукотки, где в 1995–2000 гг. постановлениями Правительства РФ по инициативе региональных властей была официально упразднена большая часть «нерентабельных поселков», а их жителям были предоставлены субсидии для переезда, в Магаданской области эти процессы приняли более вялотекущий характер. В результате эти поселки, имея небольшое население, легли «тяжким бременем» на областной и муниципальные бюджеты. Основная причина, по которой соответствующие решения о закрытии поселков не состоялись во второй половине 1990-х гг., а впоследствии в 2000–2010-е гг., — у региона не было средств для расселения всех местных жителей, а федеральная власть не была готова взять на себя эти обязательства. Население же продолжило покидать эти поселки. К примеру, рабочий поселок Беличан Сусуманского района, основанный при золотоносном прииске «Экспериментальный», после банкротства последнего в 1990-е гг. был постепенно оставлен жителями: с 1990 по 2003 гг. его население сократилось с 1 214 до 5 чел. [[Схема 2010: 21–22](#)]. При этом сам поселок официально не ликвидирован и продолжает упоминаться в статистических документах, в том числе в переписях и «оценках численности населения» без указания числа жителей.

В конце 1990-х – середине 2000-х гг. выезд населения из области был поддержан государством в связи с принятием и реализацией ряда государственных нормативно-правовых актов, связанных с субсидированием выезжающих из районов Крайнего Севера граждан [[Постановление 2002](#); [ФЗ 1998](#); [ФЗ 2002](#)]. Однако выделявшиеся региону средства не покрывали общей потребности всех желающих выехать «на материк», растягивая во времени этот процесс. Региональная власть нашла решение вопроса в принятии региональных программ по содействию переселению граждан.

«Неперспективные» поселки и их расселение в 2002–2010 гг.

В 2000-е гг. после череды реорганизаций, банкротств государственных производственных предприятий, их приватизации в экономике области заметное место продолжали сохранять предприятия по добыче благородных металлов: ОАО «СуГОК Сусуманзолото», ОАО «Горнодобывающая компания „Берелех“», ЗАО «Омсукчанская горно-геологическая компания», ЗАО «Серебро Магадана». В 1998 г. начал работу Колымский аффинажный завод (ОАО), впервые осуществивший на территории региона глубокую переработку добываемого сырья (золота и серебра). Однако истощение минерально-сырьевой базы россыпной золотодобычи, слабое финансирование геологоразведочных работ продолжали сдерживать развитие этой отрасли и, соответственно, сети городских населенных пунктов. В регионе была сохранена важнейшая с точки зрения жизнеобеспечения добыча угля (ЗАО «Колымская угольная компания»), основным потребителем которого в силу транспортной изолированности региона оставались местные коммунальные службы и соседние районы Республики Саха (Якутия). В числе наиболее развитых в регионе видов экономической активности в 2000-е гг. оставалось производство пищевых продуктов, в том числе рыболовство, рыбоводство, переработка рыбы и морепродуктов, а также металлургическое производство, производство готовых металлических изделий [[Проблемы 2008](#)]. Важнейшим ограничением для развития региональной промышленности оставалась ориентация местных производителей на внутриобластной рынок (помимо добычи полезных ископаемых и рыбной отрасли).

Сохранение отдельных производств уже не могло повлиять на развернувшиеся в регионе процессы выездной миграции городского населения. Приватизация, закрытие градообразующих предприятий в большинстве городских населенных пунктов области вызвали к жизни проблемы, связанные с содержанием объектов социальной сферы, жилищно-коммунального хозяйства на местах. Ранее эти вопросы решались местными советами при значительном участии предприятий, точнее — курировавших их центральных министерств и ведомств.

В 1990-е гг. вместе с формированием института местного самоуправления находящиеся на территории поселений объекты жизнеобеспечения, социальной сферы вошли в зону местной и региональной ответственности.

Учитывая климатические условия районов Крайнего Севера, высокую зависимость поселений от централизованного тепло-, водо-, электроснабжения, вполне обоснованно региональная власть стремилась к реструктуризации сети поселений за счет сокращения числа «нерентабельных», содержание которых обходилось региону дороже, чем экономические выгоды от их функционирования. Авторы программы по переселению граждан, проживающих в «неперспективных» населенных пунктах области, в 2003 г. отмечали: «Вопрос расселения неперспективных поселков является особо важным, поскольку содержание одного пенсионера, инвалида или безработного обходится бюджету северных территорий в 2–3 раза дороже, чем в центральных районах страны. Кроме того, на содержание объектов жилищно-коммунального хозяйства используется более одной трети расходов областного бюджета, что приводит к дефициту бюджета, и, как следствие, помощь по расселению неперспективных поселков за счет средств областного бюджета оказываться не может» [Закон 2003].

Вместе с тем количество желающих получить федеральные жилищные субсидии для выезда с территории Магаданской области, полностью относящейся к районам Крайнего Севера, в течение всего периода их действия превышало объемы финансирования. В 2003 г. при сохранении существовавшего тогда уровня финансирования для удовлетворения всех желающих получить жилищную субсидию (состоящих на учете) только в Магаданской области могло понадобиться более 100 лет [Закон 2003]. В связи с этим область нуждалась в собственной региональной программе по содействию переселения граждан из «неперспективных» поселений, которая могла бы ускорить расселение таких поселений и, соответственно, снизить нагрузку с регионального бюджета. И такая программа была принята в 2003 г. [Закон 2003]. Ее реализация в 2004–2007 гг. затронула помимо городских населенных пунктов поселки и

села, имевшие статус «сельских». Среди поселков городского типа области в перечень «неперспективных» были включены и получили в 2004–2007 гг. финансирование на расселение п. Галимый (в 2002 г. в нем проживало 188 жителей), Кадыкчан (875 чел.), Мяунджа (2 131 чел.), Широкий (585 чел.), Атка (604 чел.), Карамкен (745 чел.), Ягодное (мкр. Гора), Верхний Ат-Урях (61 чел.), п. Спорное (921 чел.), мкр. «Берелех», «Аэропорт», «Заречье» г. Сусуман. Таким образом, из 21 населенного пункта, отнесенного к неперспективным, и четырех, нуждающихся в частичном переселении, 10 — были городскими.

Основными признаками «неперспективности» населенного пункта стали, во-первых, отсутствие градообразующего производственного предприятия (либо его использование на неполную мощность), а во-вторых, низкий уровень занятости местного населения [Закон 2003]. К моменту начала реализации этой программы основная часть населения этих поселков уже покинула их, в том числе благодаря государственным программам по переселению граждан из районов Крайнего Севера — работников золотопромышленной, угольной и прочих отраслей. В то же время в населенных пунктах оставались отдельные категории жителей, государственная помощь которым не была предусмотрена: работники социальной сферы, пенсионеры, инвалиды, в том числе семьи с детьми. На них и была нацелена региональная программа.

В структуре выездной миграции населения в этот период все более существенное значение (до трети в отдельные годы) стали приобретать потоки населения в Магадан и районные центры — поселки городского типа с более развитой социальной инфраструктурой и административно-сервисными функциями. Эти потоки в основном составили граждане, которые либо не попадали под критерии, необходимые для получения федеральных субсидий на переезд из районов Крайнего Севера, либо не хотели дожидаться их выплаты.

Стягивание населения муниципальных районов в районные центры и Магадан не смогло компенсировать общие потери их населения в этот период. В то же время их депопуляция уже не была такой обвальной как десятилетием ранее (см. табл. 2, 3). Так,

если в 1990-е гг. число жителей областной столицы сократилось на 52,2 тыс. чел. (32 %), то с 2002 по 2010 гг. — лишь на 3,4 тыс. чел (3,4 %). Численность населения районных центров в 2002–2010 гг. сократилась на 6,7 тыс. чел., в то время как в предыдущий межпереписной период (1989–2002) они потеряли 44,5 тыс. чел.

Так или иначе, все без исключения городские населенные пункты области вновь теряли свое население, правда, уже менее обвальными темпами. Городское население региона с 2002 по 2010 гг. уменьшилось на 18,9 тыс. чел., что на фоне демографических потерь региона 1989–2002 гг. (157 тыс. чел.) говорило об относительной стабилизации ситуации.

К 2010 г. наименее перспективные с точки зрения условий для жизни поселки городского типа были упразднены или заброшены. Из 34 поселков, существовавших в области в конце 1980-х гг., населенными остались 25. При этом в пяти из них население не превышало 700 чел. (Бурхала, Карамкен, Талая, Атка, Дебин).

Преодоление острой фазы социально-экономического кризиса, стабилизация и рост финансовой поддержки федеральной власти к середине 2000-х гг., рост добычи золота и серебра с 2007–2008 гг. [Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2020б: 8] позволили области инициировать новые проекты модернизации учреждений социальной сферы, инженерно-бытовой, коммунальной инфраструктуры в городах и переживших 1990-е гг. поселках. Одновременно к концу 2000-х гг. это позволило придать региональной политике более стратегический, плановый характер, что проявилось в принятии в 2010 г. Стратегии социально-экономического развития Магаданской области до 2025 г. [Закон 2010].

Городские населенные пункты области в 2010–2020-е гг.

Стратегия СЭР до 2025 г. принималась в условиях, когда уже практически 60 % (по сути городского) населения области покинуло ее в результате миграционного оттока. Ухудшилась возрастная структура населения, регион потерял значительную часть квалифицированных кадров, в том числе рабочих. При этом до конца не была решена проблема переселения северян. Экономи-

ка сохраняла высокую зависимость от добывающей промышленности при том, что крупные геологические работы в регионе не проводились уже более десяти лет, а рентабельные запасы, например, россыпного золота практически полностью были выработаны. Наиболее перспективные районы освоения природных ископаемых на северо-востоке, составляющие 2/3 территории области, не имели развитой дорожной сети. Региональный и местные бюджеты оставались дотационными и дефицитными. Вся социальная инфраструктура поселений, состоявшая из объектов образования, здравоохранения, культуры, спорта, социального обеспечения, выстроенная в основном в 1950–1980-х гг., нуждалась в модернизации. В схожей ситуации находились объекты ЖКХ: котельные, водопроводные, канализационные сети в городах и поселках. Все еще остро, несмотря на выезд значительной части населения, стоял жилищный вопрос, в том числе проблема ветхого и аварийного жилья. Решение этих и других вопросов вошло в число приоритетов стратегии, реализация которых в 2010-е гг. находилась в высокой зависимости от средств федерального бюджета.

Вопросы о создании новых стационарных поселений на территории Магаданской области на неосвоенных ранее территориях и будущем «неперспективных» поселков в стратегии 2010 г. получили конкретную оценку: «Учитывая сложившуюся тенденцию тяготения населения к районным центрам и областному центру — г. Магадану, можно предположить, что в перспективе до 2025 г. на территории области организация новых поселений не планируется, не считая временных вахтовых поселков вблизи разрабатываемых месторождений полезных ископаемых в отдаленных районах, созданных по инициативе и за счет средств частных инвесторов. При этом политика администрации Магаданской области будет направлена на поэтапное закрытие неперспективных населенных пунктов и расселение проживающих там граждан» [Закон 2010].

В 2010-е гг. регионом уже не принимались новые программы по расселению жителей неперспективных поселков, подобные программе 2003 г., получившей реализацию в 2004–2007 гг. Последующее стягивание населения из малых поселков городского

типа в районные центры было связано с реализацией политики по созданию на основе муниципальных районов единых «укрупненных» городских округов. Такие округа законами области были созданы на территории всех ее восьми районов в 2015 г. с администрациями в прежних районных центрах. Низкая плотность населения на территории образованных городских округов стала причиной, по которой все они после поправок в федеральный закон 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» к началу 2023 г. должны быть реорганизованы в муниципальные округа.

Несмотря на первичные шаги по модернизации социальной и инженерно-бытовой инфраструктуры в населенных пунктах области, прежде всего в Магадане и районных центрах, постепенное решение жилищных проблем, отток населения из области в 2010-е гг. не прекратился. Как и в 2000-е гг., он уже не был таким обвальным по сравнению с периодом 1990-х гг., но все так же был характерен для всех городских населенных пунктов области. В 2002–2010 гг. городское население региона уменьшилось на 15,1 тыс. чел. Население Магадана сократилось на 3,9 тыс. чел. (4 %). Число жителей восьми районных центров, включая г. Сусуман, уменьшилось на 6,2 тыс. (18,6 %), что свидетельствовало о сохранении кризисных тенденций в их развитии.

Существенных положительных сдвигов в демографическом развитии, естественном приросте, миграционной прибыли населения не происходило и в поселениях, которые были «привязаны» к отдельным крупным экономическим проектам, реализованным в области в этот период. Например, строительство новой Усть-Среднеканской ГЭС на севере области, завершение которого планируется в 2023 г., не привело к существенному изменению численности по существу единственного населенного пункта Среднеканского городского округа — его административного центра п. Сеймчан.

К началу 2020 г., по официальным данным, на территории области населенными оставались 19 поселков городского типа [Оценка численности 2020]. Наиболее крупным городским поселением после областной столицы был п. Ола (6 тыс. чел.) — административный центр Ольского городского округа (района), который расположен на

юге области в 37 км от Магадана. Среди всех районных центров именно он в наименьшей степени оказался подвержен тенденциям депопуляции. В то время как все районные центры потеряли в основном от 70 до 80 % своего населения в 1990–2010-е гг., численность жителей п. Ола сократилась на 40 % (см. табл. 2). Этому способствовали, на наш взгляд, три основных фактора: пристольное расположение в зоне Магаданской агломерации, высокая доля в структуре населения поселка коренных малочисленных народов Севера, ориентация экономики на использование возобновляемых ресурсов (рыболовство, охота, оленеводство).

На третье место по численности жителей к началу 2020 г. вышел п. Сокол — поселок при аэропорте Магадана, расположенный в 50 км от центра области. К концу 1980-х гг. он уже был одним из наиболее комфортных для жизни. Численность его жителей в 1990-е гг. сократилась с 8 до 4,7 тыс. чел., в 2000-е гг. — еще на несколько десятков человек, а в 2010-е гг. даже немного выросла — до 4,8 тыс. чел. Сокол — не единственный в этом смысле. Еще один условно пригородный поселок, подчиненный мэрии Магадана, — Уптар (в 40 км от города) в 2010-е гг. показал небольшой прирост населения на несколько десятков человек, предварительно утратив в 1990–2000-е гг. половину своих жителей. В начале 2020 г. в этом поселке на трассе «Колыма» официально проживало 2 050 чел. (9 место).

На четвертом месте по численности жителей в 2020 г. оказался второй город области Сусуман с населением 4,3 тыс. чел. Прежде самый крупный после Магадана населенный пункт (с 16,8 тыс. жителей) потерял более 74 % своего населения в 1990–2010-е гг. Сегодня, кроме административного центра, он является важным в части добычи золота и угля в регионе.

Таким образом, в структуре 19 поселков — городских населенных пунктов в начале 2020-х гг. в шести проживало менее 1 тыс. чел., в восьми — от 1 до 3 тыс. чел., в четырех — от 3 до 6 тыс. чел., в еще одном — чуть более 6 тыс. чел. (см. табл. 1).

В 2020 г. была принята новая стратегия социального и экономического развития Магаданской области с периодом до 2030 г. В ней было признано, что регион в 2010-е гг. развивался по базовому (инфра-

структурно-сырьевому) сценарию развития, а основной отраслью региона остается горнодобывающая промышленность и обеспечивающие ее энергетика и транспортный комплекс [Постановление 2020]. В соответствии с новой стратегией наибольшие перспективы для развития в ближайшее десятилетие остаются для Магадана как наиболее развитого в экономическом и инфраструктурном смысле населенного пункта, пригородного п. Сокол (областной аэропорт), а также центров восьми районов (городских округов) области. При этом региональными исследователями обсуждаются возможные административные преобразования, связанные с укрупнением муниципальных образований области, а именно: создание трех укрупненных районов на базе восьми существующих [Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2020б: 17–18], что может привести к еще большему упадку части районных центров.

В декабре 2021 г. областная дума приняла закон о «неперспективных поселках», который определял возможности региона в расселении поселений, на территории которых отсутствуют производственные предприятия, обслуживающие объекты и(или) объекты жизнеобеспечения [Закон 2021]. Предполагается, что за счет областных субсидий жители таких поселков с населением уже менее тысячи человек будут постепенно переселены преимущественно в Магадан и зону его агломерации.

Выводы

В 1990–2010-е гг. вся сеть городских населенных пунктов Магаданской области, в основном сложившаяся в 1930–1960-е гг., пережила существенную структурную и демографическую трансформацию, которая может быть обозначена как кризис урбанизации. Из 36 городских населенных пунктов, образованных в регионе к концу последнего советского десятилетия, к началу 2020-х гг. осталось 19, а численность городского населения региона в этот период сократилась на 58,6 % (см. табл. 3). В 1990–2010-е гг. каждый из 34 поселков городского типа (пгт) потерял от 40 до 100 % своего населения в результате выездной миграции и отрицательных показателей естественного прироста. С 1990 по 2020 гг. рождаемость в регионе превышала смертность лишь в

1998 г. и 2013–2014 гг. [Регионы 2010: 83; Регионы 2018: 72; Регионы 2021: 76].

Массовый отток основной части городского населения оказался связан с кризисом, сокращением деятельности, закрытием большинства градообразующих предприятий горнодобывающей отрасли (преимущественно золотодобычи), обслуживающих их производств (строительство, энергетика и т. д.), учреждений социальной сферы. В результате уже в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. региональным правительством законодательно были обозначены вопросы о ликвидации части городских поселений, признанных «неперспективными», о расселении проживавшего в них населения. В сотрудничестве с федеральной властью части нуждающихся граждан было оказано содействие в переезде в более благоприятные для жизни регионы страны или другие населенные пункты области, сохранившие перспективы социально-экономического развития.

Трансформация сети городских поселений Магаданской области в последние три десятилетия, как мы видим, была связана с их ускоренной и в основном нерегулируемой деиндустриализацией и отказом государства от патерналистской политики по отношению к нерентабельным, неперспективным поселениям в районах Крайнего Севера.

Городское население области с 1989 г. по начало 2020 г. в целом уменьшилось на существенные 192 тыс. чел., в том числе население поселков городского типа — на 118,8 тыс. чел., а двух городов (Магадана и Сусумана) — на 72 тыс. чел. (см. табл. 3). Наиболее масштабное сокращение численности населения произошло до середины 2000-х гг.

Вследствие обозначенных процессов доля городов в структуре городского населения за изучаемый период выросла на 20 процентных пунктов (с 51,7 % до 71,6 %). В частности, если в 1989 г. на Магадан приходилось 46,5 % всего городского населения области, то в начале 2020 г. — уже 68 % (см. табл. 3). И это при том, что город в абсолютных показателях с 1989 по 2020 гг. потерял почти 40 % своего населения — 59,6 тыс. чел. В пределах региона в течение всего постсоветского периода он оставался главным центром миграционного притяже-

ния для тех, кто по финансовым или иным причинам не выехал «на материк». По существу только в Магадане в последние три десятилетия было поддержано необходимое разнообразие функций, обеспечивающее

его «городской» статус, а успехи в благоустройстве позволили ему войти в незначительное число городов Дальнего Востока с благоприятной городской средой [[Индекс качества 2019](#)].

Таблица 3. Динамика демографических параметров урбанизации
Магаданской области в 1989–2020 гг.¹

[Table 3. Urbanization in Magadan Oblast, 1989–2020. Dynamics of demographic parameters]

Показатели	ВПН–1989	ВПН–2002	ВПН–2010	01.01.2020	Абсолютный и относительный прирост / убытие населения в 1989–2019 гг., чел. / %
Общее население региона, чел.	385 340	182 726	156 996	140 149	–245 191 / –63,6 %
Городское население в целом, чел.	325 636	168 725	149 811	134 641	–191 995 / –58,6 %
Сельское население в целом, чел.	59 704	14 001	7 185	5 508	–54 196 / –90,7 %
Удельный вес городского населения, %	84,5	92,3	95,4	96	+11,5 пунктов
Удельный вес сельского населения, %	15,5	7,7	4,6	4	–11,5 пунктов
Население городов в целом / доля в городском населении, %	168 470 / 51,7 %	107 232 / 63,5 %	101 837 / 67,9 %	96 407 / 71,6 %	–72 063 / +19,9 пунктов
Население рабочих поселков (поселков городского типа) в целом, чел. / доля в городском населении, %	157 166 / 48,3 %	61 493 / 36,5 %	47 974 / 32,1 %	38 324 / 28,4 %	–118 842 / –19,9 пунктов
Доля населения столичного города в общей численности городского населения, %	46,5	58,9	64	68,3	+21,8 пунктов

К началу 2020 г. семь из восьми районных центров области потеряли от 60 до 80 % своего населения (см. табл. 2). Если в конце 1980-х гг. в них (за исключением Эвенска) проживало от 9,9 до 16 тыс. чел., то к началу

2020-х гг. — от 2 до 6 тыс. чел. Учитывая сложившиеся тенденции и в целом низкую людность в районах области, численность административных центров, видимо, продолжит сокращаться. То же касается всего населения региона в целом, поскольку ситуация в экономике, в показателях уровня жизни кардинально не меняется в положительную сторону, а предлагаемые региональными исследователями методы улучшения ситуации [[Гальцева, Фавстрицкая,](#)

¹ Сост. и рассчитано автором по: [[ВПН 1989](#); [ВПН 2002](#); [ВПН 2010](#); [Оценка численности 2020](#)]. В расчетах не учитывались городские населенные пункты Чукотского автономного округа, выделившегося из состава Магаданской области в 1992 г.

Шарыпова 2020б; Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2021], являясь обоснованными, вряд ли будут реализованы в полной мере.

Несмотря на перечисленные неблагоприятные тенденции в развитии сети городских населенных пунктов области, доля городского населения в общей структуре населения региона в этот период существенно возросла — с и без того высоких 84,5 % до 96 %. Связано это было с более ускоренным сокращением немногочисленного сельского населения региона. С 1989 по 2020 гг. число сельчан Колымы сократилось на 90 % — с 59,7 до 5,5 тыс. чел. (см. табл. 3), в том числе в связи с закрытием крупных совхозов на территории региона, реорганизацией системы сельского хозяйства в результате общего сокращения населения области за три десятилетия. Не стоит забывать и о том, что климат и почвы области мало пригодны для нужд сельского хозяйства. Значительное сокращение численности сельского населения сузило и без того ограниченные внутренние ресурсы урбанизации региона [Фавстрицкая 2022: 125].

Сеть городских поселений области могла, но не получила развитие в связи с возможной реализацией на ее территории новых крупных проектов в сфере транспорта и добычи полезных ископаемых. Так, не была реализована в последние десятилетия стратегическая идея прокладки железнодорожной линии от Якутска (Нижнего Бестяха) до Магадана, обозначенная в стратегии СЭР региона 2010 г. Автодорога «Колыма» остается единственным наземным путем сообщения, связывающим Магадан через Якутск с основной частью России. При этом важную роль в решении проблемы

транспортной связанности территорий северо-востока России, их освоения сыграл проект строительства автодороги, соединяющей Магаданскую область и Чукотку (Колыма–Омсукчан–Омолон–Анадырь), реализация которого постепенно проходила в 2010-е гг.

Повышенная себестоимость добычи полезных ископаемых делает регион неконкурентным для крупных инвестиций по сравнению с другими субъектами РФ с более благоприятным климатом, развитой транспортной инфраструктурой, более дешевой электроэнергией, необходимой для организации промышленной добычи полезных ископаемых. Вследствие этого в изучаемый период в добывающей промышленности области не произошло существенной диверсификации, сколь-нибудь широкого расширения номенклатуры добываемых полезных ископаемых, хотя потенциал для этого существует [Гальцева 2009; Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2020б: 9–10], а сеть поселений расширялась лишь за счет временных вахтовых поселков. Именно вахтовые поселки, исходя из текущей ситуации, станут основными типами поселений области в ближайшие десятилетия наряду с Магаданом — опорным пунктом освоения Северо-Востока России [Замятина 2020: 11–14] и районными центрами области. Это в целом соответствует новым технологиям организации добычи полезных ископаемых, интересам частных компаний и региональной власти. При ответственном планировании, строительстве и эксплуатации вахтовых поселков это позволит избежать множества проблем, с которыми область столкнулась в 1990–2010-е гг.

Литература

- ВПН 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу [электронный ресурс] // Демоскоп-weekly. Ин-т демографии НИУ «ВШЭ». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 06.09.2022).
- ВПН 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [электронный ресурс] // Демоскоп-weekly.

Ин-т демографии НИУ «ВШЭ». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 06.09.2022).

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации [электронный ресурс] // Демоскоп-weekly. Ин-т демографии НИУ «ВШЭ». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 06.09.2022).

Гальцева 2009 — Гальцева Н. В. Предпосылки и перспективы реструктуризации экономики Магаданской области. М.: КомКнига, 2009. 315 с.

- Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2020а — Гальцева Н. В., Фавстрицкая О. С., Шарыпова О. А. Социально-экономическое развитие Магаданской области: ретроспективный анализ (1990–2018 гг.) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2020. № 1. С. 94–106.
- Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2020б — Гальцева Н. В., Фавстрицкая О. С., Шарыпова О. А. Модернизация социально-экономического развития регионов Северо-Востока России // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 5. С. 5–23.
- Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова 2021 — Гальцева Н. В., Фавстрицкая О. С., Шарыпова О. А. Магаданская мечта: мифы, реальность, перспективы // ЭКО. 2021. № 9(567). С. 144–167.
- Закон 2003 — Закон Магаданской области «О программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населенных пунктах Магаданской области, на 2003–2007 гг.» от 07.07.2003 г. № 373-ОЗ [электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019467> (дата обращения: 06.09.2022).
- Закон 2010 — Закон Магаданской области «О стратегии социального и экономического развития Магаданской области на период до 2025 г.» № 1241-ОЗ от 11.03.2010 г. [электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/895249692> (дата обращения: 06.09.2022).
- Закон 2021 — Закон Магаданской области «О неперспективных населенных пунктах Магаданской области» от 30.12.2021 г. № 2671-ОЗ [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4900202112300038> (дата обращения: 06.09.2022).
- Замятина 2020 — Замятина Н. Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал для освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2(38). С. 4–17.
- Зеляк 2015 — Зеляк В. Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. / под ред. Э. И. Черняка, А. И. Широкова. Томск: Томский ун-т, 2015. 466 с.
- Индекс качества 2019 — Индекс качества городской среды [электронный ресурс] // Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: [индекс-городов.rf](https://index-gorodov.rf) (дата обращения: 06.09.2022).
- История Чукотки 1989 — История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. Н. Дикова. М.: Мысль, 1989. 492 с.
- Кирилловская 2021 — Кирилловская О. Со свечкой и печкой: на Колыме жителей маленького поселка решили переселить в райцентр, согласны не все [электронный ресурс] // Магаданская правда. 25.08.2021. URL: <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/novost-dnya/so-svechkoj-i-pechkaj-na-kolyme-zhitelej-malen-kogo-poselka-reshili-pereselit-v-rajtsentr-soglasny-ne-vse> (дата обращения: 07.09.2022).
- Навасардов 2021 — Навасардов А. С. Урбанизация и характер заселения территории Северо-Востока СССР (1932–1940). Магадан, СПб.: Кордис, 2021. 262 с.
- Оценка численности 2020 — Оценка численности постоянного населения РФ на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. [электронный ресурс] // Статистика. Население. Демография / Фед. служба гос. статистики. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 06.09.2022).
- Постановление 2002 — Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о содействии переселению граждан в рамках пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера» от 22.05.2002 г. № 336. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/184496/> (дата обращения: 07.09.2022).
- Постановление 2020 — Постановление Правительства Магаданской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 г.» от 05.03.2020 г. № 146-пп. [электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (дата обращения: 07.09.2022).
- Проблемы 2008 — Проблемы и перспективы социально-экономического развития Магаданской области / Н. В. Гальцева, О. В. Акулич, Г. Н. Ядрышников [и др.]. Магадан: Полиарк, 2008. 331 с.
- Регионы 2010 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. М.: Росстат, 2010. 996 с.

- Регионы 2018 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. 1162 с.
- Регионы 2021 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.
- Схема 2010 — Схема территориального планирования муниципального образования Сусуманский район Магаданской области. Т. 1 [электронный ресурс] // Администрация Сусуманского городского округа. URL: https://architect.49gov.ru/common/upload/file/Tom_1_Susumanskiy_rayon.pdf (дата обращения: 06.09.2022).
- Фавстрицкая 2022 — Фавстрицкая О. С. Российский опыт пространственной трансформации региональных экономических систем: урбанизация Крайнего Северо-Востока России // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2022. № 3. С. 120–126.
- ФЗ 1998 — Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 25.07.1998 г. № 131-ФЗ. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19564/ (дата обращения: 06.09.2022).
- ФЗ 2002 — Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 25.10.2002 г. № 125-ФЗ. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39323/ (дата обращения: 06.09.2022).
- References**
- Decree of the Government of Magadan Oblast of 5 March 2020 no. 146-пп on the Establishment of the Strategy for Socioeconomic Development of Magadan Oblast for the Period through to 2030. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (accessed: 7 September 2022). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Russian Federation of 22 May 2002 no. 336 on the Establishment of Provisions Aimed at Facilitating Resettlement of Citizens under the Pilot Project for Social Restructuring of [Russia's] Far North. On: GARANT Legal Information System. Available at: <https://base.garant.ru/184496/> (accessed: 7 September 2022). (In Russ.)
- Dikov N. N. (ed.) History of Chukotka: From Earliest Times to Present Days. Moscow: Mysl, 1989. 492 p. (In Russ.)
- Estimated residential population of the Russian Federation as of 1 January 2020 and aggregate figures for 2019. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Section 'Statistics, Population, Demography'. Available at: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Favstritskaya O. S. Russian experience of spatial transformation of regional economic systems: Urbanization of the Far North-East of Russia. *Bulletin of the North-East Scientific Center of FEB RAS*. 2022. No. 3. Pp. 120–126. (In Russ.)
- Federal Law [of the Russian Federation] of 25 July 1998 no. 131-ФЗ on Housing Subsidies for Citizens Resettling from Districts of [Russia's] Far North and Equal-Status Localities. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19564/ (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Federal Law [of the Russian Federation] of 25 October 2002 no. 125-ФЗ on Housing Subsidies for Citizens Resettling from Districts of [Russia's] Far North and Equal-Status Localities. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39323/ (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Galtseva N. V. Economic Restructuring in Magadan Oblast: Prerequisites and Prospects. Moscow: KomKniga, 2009. 315 p. (In Russ.)
- Galtseva N. V., Akulich O. V., Yadryshnikov G. N. et al. Socioeconomic Development of Magadan Oblast: Challenges and Prospects. Magadan: Poliark, 2008. 331 p. (In Russ.)
- Galtseva N. V., Favstritskaya O. S., Sharypova O. A. Modernization of socio-economic development of regions of the north-east of Russia. *Regionalistica (Regionalistics)*. 2020. Vol. 7. No. 5. Pp. 5–23. (In Russ.)
- Galtseva N. V., Favstritskaya O. S., Sharypova O. A. Socio-economic development of Magadan Oblast: Retrospective analysis (1990–2018). *Bulletin of the North-East Scientific Center of FEB RAS*. 2020. No. 1. Pp. 94–106. (In Russ.)
- Galtseva N. V., Favstritskaya O. S., Sharypova O. A. The Magadan dream: Myths, reality, and prospects. *ECO*. 2021. No. 9(567). Pp. 144–167. (In Russ.)

- Kirillovskaya O. With candle and stove: Inhabitants of small village in Kolyma be resettled to regional center. Not everyone agrees. On: *Magadanskaya Pravda* newspaper (website). Posted on 25 August 2021. Available at: <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/novost-dn-ya/so-svechkoj-i-pechkoj-na-kolyme-zhitelej-malen-kogo-poselka-reshili-pereselit-v-rajsentr-soglasny-ne-vse> (accessed: 7 September 2022). (In Russ.)
- Law of Magadan Oblast of 11 March 2010 no. 1241-O3 on the Program for Socioeconomic Development of Magadan Oblast for the Period through to 2025. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/895249692> (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Law of Magadan Oblast of 30 December 2021 no. 2671-O3 on Non-Perspective Settlements of Magadan Oblast. On: Official Legal Information Web Portal. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4900202112300038> (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Law of Magadan Oblast of 7 July 2003 no. 373-O3 on the Resettlement Program for Citizens Residing in Non-Perspective Settlements of Magadan Oblast for the Years 2003–2007. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/802019467> (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Navasardov A. S. The Soviet Northeast: Urbanization and Essentials of Peopling Policies, 1932–1940. Magadan, St. Petersburg: Kordis, 2021. 262 p. (In Russ.)
- Regions of Russia. Socioeconomic Parameters. 2010. Statistical Digest. Moscow: Rosstat, 2010. 996 p. (In Russ.)
- Regions of Russia. Socioeconomic Parameters. 2018. Statistical Digest. Moscow: Rosstat, 2018. 1162 p. (In Russ.)
- Regions of Russia. Socioeconomic Parameters. 2021. Statistical Digest. Moscow: Rosstat, 2021. 1112 p. (In Russ.)
- Susumansky District of Magadan Oblast: Area Planning Scheme of the Municipal Unit. Vol. 1. On: Administrative Office of Susuman Urban District [equal to Susumansky District] (website). Available at: https://architect.49gov.ru/common/upload/file/Tom_1_Susumanskiy_rayon.pdf (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- The Russian Census of 2002. Urban population of Russia, its territorial units, urban settlements and districts by sex. On: Demoscope Weekly. Periodical and website by Institute of Demography, HSE University. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- The Russian Census of 2010. Total population across urban settlements of the Russian Federation. On: Demoscope Weekly. Periodical and website by Institute of Demography, HSE University. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- The Soviet Census of 1989. Total population of the USSR, RSFSR, and the latter's territorial units by sex. On: Demoscope Weekly. Periodical and website by Institute of Demography, HSE University. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Urban Environment Quality Index. On: Housing and Urban Environment National Project [of Russia] (website). Available at: index-gorodov.rf (accessed: 6 September 2022). (In Russ.)
- Zamyatina N. Yu. Northern city-base: Its special features and potential for the arctic development. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020. No. 2(38). Pp. 4–17. (In Russ.)
- Zelyak V. G. 'Hard-Currency Workshop of the Nation': The History of How Northeast Russia's Mining and Metallurgical Industry Was Developed (1928–1991). E. Chernyak, A. Shirokov (eds.). Tomsk: Tomsk State University, 2015. 466 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1244–1253, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/93

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1244-1253

History of the Savirs / Suvars: Evidence from Archaeology

Anton K. Salmin¹

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
(3, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-1072-9933. E-mail: antsalmin@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Salmin A. K., 2022

Abstract. *Introduction.* The paper examines some archaeological evidence for a line of continuity between the Savirs (an ethnic group that had inhabited the Caucasus up to the mid-1st millennium CE), the Suvars (who were part of the northward migration of the Bulgar tribal federation to the middle reaches of the Volga later in the 1st millennium CE), and the present-day Chuvash people (first attested under that name in the early 16th century). *Goals.* The article aims to shed light on the history of ancestors of the Chuvash. *Materials.* Pottery and other artefacts support the link postulated to exist between the mentioned ethnic groups from different periods in history, while other archaeological discoveries indicate what connected them to and what distinguished them from their neighbors, suggest how they lived, and show the persistence of certain traditions and practices up to date. *Results.* Excavations of archaeologists from Makhachkala reject the version of the mid-fifth-century migration of Savirs from the region of Derbent towards southeastern Ciscaucasia allegedly because of the Pseudo-Avars that had arrived from Siberia. In fact, such movement resulted from the offensive of Sassanid Iran. The paper also reviews burial grounds located in Kizilyurtovsky District of Dagestan. The analysis of archaeological evidence confirms there is a continuity of black-and-gray pottery from the North Caucasus and Volga Bulgaria.

Keywords: Savirs/Suvars, Chuvash, Caucasus, Middle Volga Region, archaeological excavations

Acknowledgments. The reported study was carried out under the R&D Plan of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS ‘Factors of Ethnocultural Identity’.

For citation: Salmin A. K. History of the Savirs/Suvars: Evidence from Archaeology. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1244–1253. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1244-1253

История савиров / суваров по археологическим сведениям

Антон Кириллович Салмин¹

¹ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(д. 3, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-1072-9933. E-mail: antsalmin@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Салмин А. К., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются археологические свидетельства преемственности между савирами (этнической группой, обитавшей на Кавказе с древнейших времен до 737 г.), суvarами (мигрировавшими сначала с Кавказа на Волго-Донское междуречье, а затем на Среднее Поволжье) и современным чувашским народом (впервые зафиксированным под этим именем в начале XVI в.). *Цель* исследования — осветить историю исторических предков чувашей. Археологические источники и изыскания в этом направлении играют одно из ключевых мест. *Материалы.* С 2014 г. в низовьях р. Рубас (Дербентский район Дагестана) проводятся интенсивные раскопки. На Кавказе нас больше всего интересуют могильники. Неустойчивая ориентировка здешних погребений свидетельствует об этнической неоднородности населения Присулакской низменности эпохи раннего Средневековья. Керамика и другие артефакты подтверждают исторические факты, постулируемые как существующую преемственность между этническими группами в разные периоды истории, другие археологические открытия указывают на то, что их связывало и что отличало от соседей, показывают сохранение определенных традиций и практик вплоть до наших дней. *Результаты.* Раскопки археологов из Махачкалы отвергают версию о перемещении савиров в середине V в. из Дербентского региона в Юго-Восточное Предкавказье якобы из-за псевдоаваров, мигрировавших из Сибири. По сути, такое движение продиктовано наступлением Сасанидского Ирана. Нас также интересовали могильники в Кизилюртском районе Дагестана. Анализ полевых исследований археологов доказывают преемственность черно-серой керамики Северного Кавказа и Волжской Булгарии.

Ключевые слова: савиры/сувары, чуваша, Кавказ, Среднее Поволжье, археологические раскопки

Благодарность. Исследование выполнено по плану научно-исследовательской работы Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

Для цитирования: Салмин А. К. История савиров/суваров по археологическим сведениям // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1244–1253. (На англ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1244-1253

Introduction

The present work is a continuation of the author's research into the history of ancestors of the present-day Chuvash people — the Savirs/Suvars [Salmin 2014]. Archaeological sources and studies play one of the key roles in this sphere. The paper analyses materials and studies spanning a period from the 2nd to 10th centuries CE and a geographical area from the Caucasus to the Middle Volga. The article focuses on the Savirs'/Suvars' Dagestan and

Middle Volga periods. Moreover, the Middle Volga (Volga Bulgaria) period has a precise watershed date between its left- and right-bank stages. That is the year 922 when the Suvars left the main territory of Bulgaria, crossed over to the right bank of the river, and founded the settlement at Tigashevo.

The Precaucasus

The ancient communities of the Precaucasus appeared as a result of migration of pop-

ulations from the south. Archaeologists point, for example, to the importance of the regions of northern Mesopotamia, eastern Anatolia and Syria when seeking to resolve questions relating to the emergence of the Maikop culture in the Precaucasus. Radiocarbon studies of the Maikop-Novosvobodnaya culture have shown a connection in the time of the Uruk period. In particular, members of the Maikop-Novosvobodnaya culture preserved amongst themselves the traditions of producing wheel-made, sealed ceramic wares strongly reminiscent of the pottery from the Arslantepe VII site in eastern Anatolia, when they inhabited the valleys of the Rivers Kuban and Terek and their tributaries. One of the reasons for the appearance of the bearers of what would become the Maikop culture was the emergence of favourable climatic conditions for shallow tilling of the soil and keeping domestic animals in those river basins. The settlement on the Terek known as Galayugaevskoe 3 has been dated to 3950–3650 BCE, and so it is possible to postulate the very early appearance of bearers of the Uruk ceramic-making traditions on the territory of present-day South Ossetia and in the central Precaucasus, including the upper Kuban basin. Archaeologists find it difficult to determine how many migration waves there were from the south into the Precaucasus or, most importantly, how they were organized. The archaeological materials do, however, make it possible to speak of similarities in the details of objects and ornamentation patterns. Highly indicative in this regard, for example, are the bowls with a rim decorated on the inner side, which are localized to the Kuban basin. The same sort of bowls are recorded in eastern Anatolia and northern Syria in the Middle Uruk period [Korennevsky 2014: 68–69].

The Caucasus

In 2014, excavations were carried out in the lower reaches of the River Rubas (Derbentsky District of Dagestan) (photo 1). The coincidence of the chronology of the architectural object uncovered (mid-5th c. CE) with the final stage in the existence of the Palasa-Syrt settlement (6th c. CE), the abrupt change in appearance dated to the mid-5th century CE, and also the *terminus ante quem* for the burial site (mid-5th c. CE) point to Sassanid Iran's penetration into the region and consolidation of its presence there — driving the tribes that had inhabited the area outside of the incomers'

sphere of influence, to the north of the Derbent Passage [Gmyrya et al. 2015: 165–170]. The significance of this discovery by Dagestani archaeologists is difficult to overestimate, as here is why.

Historical sources tell us that significant events took place in this region in the 5th century CE. In 445, Attila forcibly ousted his own brother Bleda, who had commanded the eastern Hunno-Savirs, and seized power for himself. In 453, Attila died, which opened up prospects for the Savirs. Around the year 463, the Savirs living on the western shore of the Caspian Sea fell upon the lands of the neighbouring tribes (Saragurs, Oghurs and Onogurs), supposedly driven by an invasion of the Avars. The Saragurs, as is known, in their turn attacked the Akatzirs. Soon the Savirs forced the Onogurs (Bulgars) to abandon their lands altogether and move to the west of Ciscaucasia. However, the Savirs left the Derbent region in the mid-5th century CE not on account of the Avars, but primarily due to the expansion of Sassanid Iran. At that time, the Savirs gained complete control of southeastern Ciscaucasia. So, the archaeological discovery made in 2014 brings final clarity regarding the wholesale relocations of tribes across the North Caucasus in the mid-5th century CE.

A secondary burial at the Uch-Tepe tumulus in Azerbaijan is associated with the northern tribes' armed ingressions into Transcaucasia. The finds made there include a Byzantine gold coin of Justin I (518–527). The grave goods (a sword with a single-edged blade, a gold belt set and gold ring with a Pahlavi inscription) make it possible to date the interment to the late 6th – early 7th century CE [Fedorov, Fedorov 1978: 61, 64]. That was the heyday of the magnificent Varachan and the 'Kingdom of the Huns' (i. e., Savirs) in general.

In the Caucasus, we are primarily interested in burial sites, such as that in Verkhny Chiryurt (Kizilyurtovsky District, Dagestan). The inconsistent orientation of the graves there testifies to the ethnic diversity of the Sulak basin lowlands in the early Middle Ages. That is also reflected in the craniological material. Taking into account the evidence of written sources, it is possible to assume that the population that left this site behind included a certain portion with Savir characteristics. Furthermore, in-ground burials occupy a particular section.

Photo 1. Derbent Archaeological Expedition by the Institute of History, Archeology and Ethnography affiliated to Dagestan Scientific Center (RAS). 2013. Internet. A publicly available photo

Archaeological material makes it possible to assess the Savirs' assimilation with the aboriginal peoples of the Caucasus: 'An interesting fact is the presence in settlements in northern Dagestan of grey-and-black earthenware similar to that which is known in significant amounts in the Bulgar towns of the Middle Volga basin, both on the left bank of the Volga and on the right bank, including the territory of Chuvashia' [Smirnov 1973: 133]. Such vessels are found on the Middle Volga only from the 10th century CE onwards, i.e. after the emergence of the state of Volga Bulgaria.

Left Bank of the Middle Volga Basin

Upon arriving in the Middle Volga basin, the Suvars founded a settlement that bore their name.

In Bilyar and Suvar — the first urban centres of Volga-Kama Bulgaria — streams, watercourses and seasonal lakes were incorporated into the spatial planning structure and were a component part of the defensive systems. A similar approach can be observed in the layout of Pliska, the capital of Danube Bulgaria. Besides ramparts, the capital Bilyar was protected by fortresses, of which the Gorinskoye I and Svyatoi Kliuch sites have survived, the

city of Bulgar — by a fortress on its northern side (Kryvel site), Dzhuketau — by fortresses on the south and west (Belogor and Kubasy sites), Suvar — by a fortress to the east (Yakimovo-Strelka site) and others [Nadyrova 2012: 40–41, 46].

Suvar was one of the largest settlements in Volga-Kama Bulgaria. It is traditionally held that the city was founded by the Suvars, who together with the Bulgars and other tribes belonged to the Khazar Khaganate. In the late 9th – early 10th centuries CE, the period when the state was being formed in the Volga-Kama region, the Suvars were part of the Bulgar confederation of tribes. They founded the city that became the political and administrative centre of their own principality. The archaeological site has a roughly circular ground plan with a circumference of around 4.5 kilometres. (Suvar was therefore close in size to the inner city of Bilyar, which had a perimeter of ca. 4.86 kilometres). The diameter of the site averages 1.43 kilometres. The area of the ancient city within the fortifications was 64 hectares, or over 90 hectares together with the fortifications. On the northwest, southwest and south, the place was shielded by two lines of defences made up of ramparts and ditches. On the southeast and

east, the protection system was strengthened by a third line running at a distance of 40–50 metres from the first and second ones. The outer ditch originally had a depth of five metres. The fortifications system also incorporated natural gullies. On the north, along the left bank of the River Utka, hardly anything of the defensive structures has survived. Traces of an octagonal wooden tower three metres wide have been identified in the area by the river, as well as a square 12×12 metre tower, also wooden, in the northeastern corner of the city site. In the southern part of the site, there were fortifications with log cribs within the embankment of the original inner rampart that was up to two metres high. The cribs (4×5 metres) were placed tight up against one another and filled with packed down clay and broken brick. There were towers averaging five metres in width all along the fortress walls. In front of the entrance towers, bridges ran across the ditch, the slopes of which were reinforced with wooden rails laid horizontally, while the bottom held upright stakes with sharpened ends. It has not been established whether the city had a fortified citadel within it. The River Utka ran along the north-western side of the city and a lesser watercourse 35 metres wide along the west. Beyond the outer walls, there were suburbs adjoining the city, one of which extended some four kilometres to the east [Nadyrova 2012: 56].

Archaeologists have uncovered the remains of dwelling houses, communal bathhouses and defensive installations with distinctive structural features. In the northern and western parts of the site, the remains of dwellings and utility buildings have been uncovered. The houses were of two types — pisé-walled or built of log cribs with cellars. They were heated by means of stoves with either a vaulted or cylindrical shape. Placed around the houses were granaries and storage cellars of various kinds. In the centre of the site, the remains of an imposing brick building have been excavated at the level of the foundations and lowest storey with a floor and underfloor heating system. It was constructed in the late 10th – early 11th century CE and functioned throughout the lifetime of the city. Some researchers consider it be a type of palace, others reckon it is a bathhouse. Virtually in the centre of the city, as in Bilyar, there were iron-working forges [Nadyrova 2012: 57].

The most imposing buildings in the cities of Volga-Kama Bulgaria had glazed windows.

Besides Bilyar, pieces of window glass have been found at the Suvar, Valynskoe, and Krasnosyundukovskoe I sites. They are analogous to the panes found in buildings in the Middle East, Central Asia and Transcaucasia. Window glass was produced in the cities of Bulgaria, as is shown by the workshops with furnaces and the vestiges of artisanal glassmaking found at the Bilyar site [Nadyrova 2012: 86f].

The ‘Suvar’ toponym can be associated with archaeological artefacts of the Suvaz clan: for the 10th century CE that means the area south of Bulgar, where the Suvar site is, as Alfred Khalikov and Yevgeny Kazakov wrote. It is possible that they also include artefacts from the late 8th and 9th centuries CE on the right bank of the Volga in the area of Ulyanovsk – the Avtozavodskoi burial ground in that city, the 1st Bolshie Tarkhany site in Tetyushsky District of Tatarstan, as well as a complex of sites by the village of Undory with finds from the early Bulgar period, secondary burials at the Kaibely site, and isolated finds made on the headland within the Volga’s Samara Bend (Samarskaya Luka). In the 9th–10th centuries CE (and possibly later) this clan was probably localized in the Ulyanovsk part of the Volga basin, while in the 10th century some part of it moved to the basin of the River Sviyaga [Rudenko 2015: 185].

Fayaz Khuzin is not entirely correct in his assertion that ‘classic sites whose time of origin can be in no doubt are the Bolgar, Suvar and Bilyar city sites, where the pre-Mongol strata contain almost identical, chronologically indistinguishable materials’. An analysis of that kind has still not been performed, and, considering the capabilities of archaeology, their time of origin has not in the least been definitively confirmed, even despite the evidence from written sources [Rudenko 2007: 13].

Right Bank of the Middle Volga

Archaeologists confirm that the Suvars established themselves on the right bank of the Volga in the early 10th century CE. On the territory of the present-day Chuvash Republic, Suvar settlements appeared on the chernozem lands along the Rivers Bula, Ulema and Kubnya. Sites of ancient habitation have been discovered near Bolshiye Yalchiki, Baideryakovo, Arabuzi, Novoye Akhperdino, Starye Toisi, Russkiye Norvashi, Yanashevo and other places. Finds include pottery shards, spindle whorls, the bones of domesticated animals and

other cultural remains [Kakhovsky, Smirnov 1972b: 116].

Of particular interest is the Tigashevo archaeological site located on the right bank of the Bula. In just three years, an area of almost 6,000 square metres was excavated there. It has been determined that the history of the site can be divided into four periods:

1. A settlement of log-built dwellings.
2. Construction of the first sanctuary (German Fedorov-Davydov, generalizing, termed it Bulgar, but it is clearly Suvar) surrounded by a ditch (but no ramparts).
3. Construction of a settlement with a strong set of defences. A second sanctuary is built containing a wooden figure of a deity within.
4. The internal part of the site is built up with dwellings and buildings for the practice of crafts. The second sanctuary is destroyed. The living area of the settlement is expanded at the expense of the destruction of the inner ring of defences [Fedorov-Davydov 1962: 49–89].

The thickness of the Bronze Age site averages 0.6–0.7 metres (three 20-centimetre layers). Fedorov-Davydov dated it to the first half of the 2nd millennium BCE. Later, the Suvary constructed a mighty stronghold on the site of the destroyed sanctuary. The Tigashevo site was safeguarded by a complex arrangement of fortifications. Three lines of ramparts and ditches shielded it on the east, south and southwest. On the north and northwest, the settlement was protected by the river and impassable marshland. A drawbridge connected it with the outside world. Attackers who broke through the first gateway in the outer ring of fortifications would find themselves in the area between the first and second ramparts. That would cause them to turn and deploy their forces, exposing their flanks to the defenders of the fortress. If the attackers got through the second line, they would likewise enter the enclosed space between the second and third ramparts. The enemy's strength would diminish considerably at each stage. The head of the excavations believed that at this time the stronghold was functioning as a feudal castle. It had been built on the site of an old sanctuary. Within it, alongside that old *Kiremet*, a new place of worship was created. The figure of a deity in the form of a pillar stood inside a rectangular enclosure, in the middle, opposite the entrance. Only the lower part of that pillar survived, dug

deep into the ground. The damp clay soil preserved the wood well. The lower part had been worked with an axe. The pillar had a diameter of 65 centimetres at the bottom and 50 at the top. The surviving fragment is 1.26 metres high. The bones of a horse have been found in a pit on the outer side of the fence, near its eastern corner. The dismembered skeleton of a dog was unearthed in the same place. Two more canine skeletons were discovered on the settlement's northern rampart. With time, the second sanctuary enlarged, and its inner territory was built over. There was a heating stove here. The positioning of the stove in the corner of a house and the presence of wooden beams beneath it is evidence of parallels with the traditional arrangement of a Chuvash peasant house. The floor area of the dwelling, including the stove, is 45 square metres. The cellar of another house was found alongside. Remnants of bronze and copper clinker, as well as bronze nails unearthed there indicate that this was the home and workplace of a smith and bronze-founder.

A large amount of broken pottery has been recovered from the Tigashevo site — over 19,000 separate shards. The percentage of hand-moulded ceramics among the fragments is in accordance with the usual proportion for the 10th–11th centuries CE. Also typical for that period is the high percentage of brown pottery. The handle of a jug made of three twisted strands has very close analogies in artefacts from the first half of the first millennium CE from the lower Don basin, including from late strata at Tanais. Other finds include arrows, clasps, an axe, a fired brick and slate whorls. The whole site generally dates from the 10th–11th centuries CE.

The Tigashevo site is rich in remnants of craft and agricultural activities, weapons, household and cultic objects. A craftsman would have bought metal in ingots. Examples of these with pieces already cut off have been found during the excavation of a workshop. Bronze and copper scrap would be remelted. A bronze ladle that had been used to pour out molten metal has survived. A scales pointer was found in the workshop, which is indicative of the craftsman's connection with the market. There are objects (cut pieces of bone, slabs of bone bearing a twisted pattern) that speak of a bone-carving craft. The slate whorls testify to weaving. A coulter gives an idea about agriculture. Other finds include broken pieces of a

scythe, a quern with a smooth working surface, a fishing hook and weight. A great rarity among the archaeological material — an 11th-century saw — testifies to the high standard of wood-working. Weaponry is represented by iron arrowheads and fragments of a battle-axe.

On the whole, the Tigashevo site is a relic of pre-Islamic religion and nascent feudalism in Volga Bulgaria. Fedorov-Davydov came to the conclusion that ‘the Tigashevo sanctuary was the religious centre for the tribe or group of tribes that relocated to the area in the south of the present-day Chuvash ASSR in the 10th century’ [Fedorov-Davydov 1962: 85]. The move to the River Bula was apparently neither slow nor gradual. It is possible to assume that it involved the transfer of large numbers of people in a brief span of time. And that it was connected with the relocation of the tribal place of worship.

In the 18th and 19th centuries, the site near Tigashevo was venerated as a *kiremetishche*, a place for public offerings and prayers. Excavations turned up a dozen or more coins of the pre-Islamic period — offerings to the deity of the locality. The land occupied by the sanctuary was not ploughed. ‘In the southern part of the outer rampart an opening can be seen that, so inhabitants of the village of Tigashevo report, was made relatively recently. They used to drive livestock through that gap... After that ceremony, it was believed that the livestock was protected from illnesses and murrain’ [Fedorov-Davydov 1962: 89]. In 1995, the site was included in the federal list of monuments protected by the state. It should, however, be noted that archaeological excavations are not being conducted in the south of the Chuvash Republic. The early 10th-century sites there still await their turn. Among other things, there is a pressing need for further work at Tigashevo.

The Khulash settlement site, dated to the 10th–12th centuries CE, is located three kilometres from the village of Koshki-Novotimbayevo in Tetyushsky District of Tatarstan. Its total area, with the outskirts, amounts to 40 hectares. It appeared in the year 922, at the same time as the Tigashevo site, as a Suvar stronghold. It was the residence of local rulers with a fortified citadel and a trading quarter. The fortress itself had an irregular quadrilateral shape, with the north side measuring 230 metres, the east — 150 m., the south — around 300 m., and the west — 100 m. The level terrain and rich *cher-*

nozem soil favoured the population’s agricultural activities [Kakhovsky, Smirnov 1972a].

A synthesis of the indigenous cultures and the Bulgar and Suvar cultures brought from the south Russian steppes led to the formation of the Bulgar archaeological culture in the Middle Volga throughout the 10th–13th centuries CE. The Suvar heritage accounts for a significant portion of it. The most typical material among the archaeological finds is pottery (jugs, pots and bowls). The creations of smiths and jewelers (locks, agricultural tools, weapons and personal adornments) also figure largely among the finds. In-ground burials of little depth are oriented in a west-east direction. They have yielded a large amount of grave goods: personal adornments, weapons, horse tack, vessels. In the burial grounds, wooden posts have been recorded at the head end of graves — the *yupa* that remain a feature of Chuvash cemeteries to this day.

In 2010, two settlements by the village of Bolshie Klyuchishi in Ulyanovsk Oblast were investigated. An analysis of the ceramic material made it possible to attribute it to the Srubnaya or Timber-Grave culture and date it to the 16th–13th centuries BCE. Later, in the second half of the 13th and 14th centuries CE, a different archaeological culture existed in the location, as is indicated by two pottery fragments. Participants in the excavations assign them to the group of Bulgar ceramics [Vorob’yeva, Fedulov 2016: 235, 238, 245]. History informs us, however, that the southern parts of the present-day Chuvash Republic and northern parts of Ulyanovsk Oblast were occupied by the Suvary. This pottery displays such characteristics as sanding, roughness and a ringing tone when shards are tapped.

Excavations of a settlement site and burial ground near the village of Bolshaya Tayaba in Yalchiksky District of the Chuvash Republic made it possible to date the stratum to the late 12th – early 13th century CE. The pottery (with the exception of the red ceramics) and the slate whorls found there usually occur in pre-Mongol cultural layers, while in the Golden Horde period the production of whorls from pink slate ceased [Smirnov 1950: 134f].

In the 13th century, stone grave markers with Arabic script epitaphs emerged. Burial grounds in the basin of the River Cheremshan also stand out from the general run in Volga Bulgaria. While such sites in other areas are marked by uniformity in the burial rites, the

Cheremshan ones are not. Presumably this is due to vestiges of pre-Islamic Suvar practices.

In general, the identification of a separate 'Ancient Chuvash' (or 'Bulgaro-Chuvash') group of pottery is an urgent task, as the formation of the Chuvash as a people was occurring at just this time, the late Middle Ages (the first mention dates from 1508). The ethnogenetic processes should find reflection in the archaeological material [Mikhailov, Berezina, Myasnikov 2015: 36].

Naturally, as time passes, less and less material evidence remains, but new archaeological finds make it possible to fill that gap. For example, the local Tatars attribute old cemeteries in Sviyazhsky District to the Chuvash. In the late 19th century, water began washing away the soil near the village of Tatarskie Naratly, resulting in the discovery of many iron artefacts there (a tool for making bast shoes, a small knife and so on) [Akhmerov 1998: 216]. It is a known fact, however, that Tatars do not put objects in graves. Cemeteries that yield such items ought therefore to be acknowledged as belonging to the Chuvash.

Conclusion

The history of the ancestors of the Chuvash people, the Savirs/Suvars, can be examined in

three stages in terms of time and location. The first is the period in the Caucasus. The second is focused on the left bank of the Middle Volga, while the third encompasses life on the right bank. There is also the Saltovo-Mayaki period that lasted around a century and accounts for the time of the migration from the Caucasus to the Volga basin.

Excavations performed by archaeologists from Makhachkala favour a rejection of the version that has the Savirs moving in the mid-5th century CE from the region of Derbent to southeastern Ciscaucasia supposedly due to an onslaught by the Pseudo-Avars from Siberia. In point of fact, that relocation was prompted by the encroachment of Sassanid Iran. We are also interested in burial grounds in Kizilyurtovsky District of Dagestan, especially the in-ground interments. A line of succession can be observed in the black-and-grey clay pottery of the northern Caucasus and Volga Bulgaria.

The Suvars founded a stronghold named Suvar on the left bank of the Middle Volga, but in the year 922 differences over religion with the ruler of the Volga Bulgars made them move to the right bank and establish new settlements. These are in the southern districts of the present-day Chuvash Republic and northern districts of Ulyanovsk Oblast.

References

- Akhmerov 1998 — Akhmerov G. N. Selected Works: History of Bulgaria, History of Kazan, Ethnic Groups and Traditions of Tatars. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1998. 237 p. (In Russ.)
- Fedorov, Fedorov 1978 — Fedorov Ya. A., Fedorov G. S. Early Turks in the North Caucasus: Essays on History and Ethnography. Moscow: Moscow State University, 1978. 296 p. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov 1962 — Fedorov-Davydov G. A. Tigashevo hillfort: Archaeological excavations of 1956, 1958 and 1959 reviewed. In: Smirnov A. P. (ed.) Transactions by the Kuybyshev Archaeological Expedition. Vol. IV. Materials and Studies in the Archaeology of the Soviet Union 111. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1962. Pp. 49–89. (In Russ.)
- Gmyrya et al. 2015 — Gmyrya L. B., Saidov V. A., Abdulaev A. M., Shaushev K. B., Magomedov Yu. A., Kuzeeva Z. Z. 2014 excavations of the newly discovered Sasanian fortification site on the River Rubas. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2015. No. 4. Pp. 165–170. (In Russ.)
- Kakhovsky, Smirnov 1972a — Kakhovsky V. F., Smirnov A. P. Khulash. In: Prokhorova V. A. (ed.) Khulash Settlement and Medieval Sites of the Chuvash Volga Region. Cheboksary: Institute for Scholarly Research (Chuvash ASSR Council of Ministers), 1972. Pp. 3–73. (In Russ.)
- Kakhovsky, Smirnov 1972b — Kakhovsky V. F., Smirnov A. P. Medieval sites of the Chuvash Volga Region. In: Prokhorova V. A. (ed.) Khulash Settlement and Medieval Sites of the Chuvash Volga Region. Cheboksary: Institute for Scholarly Research (Chuvash ASSR Council of Ministers), 1972. Pp. 116–117. (In Russ.)
- Korenevsky 2014 — Korenevsky S. N. Historical and cultural processes across the Ciscaucasia reflected in settlement and burial sites in the light of analogies with the north and the south during the Uruk period: Some aspects of the topic reviewed. In: Korobov D. S. (ed.) E. I. Krupnov and Development of Archaeology in the North

- Caucasus. Conference proceedings (Moscow, 21–25 April 2014). Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2014. Pp. 67–69. (In Russ.)
- Mikhailov, Berezina, Myasnikov 2015 — Mikhailov E. P., Berezina N. S., Myasnikov N. S. Archaeological Sites of the Chuvash Volga Region: Outlining Some Outcomes and Research Objectives. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 2015. 64 p. (In Russ.)
- Nadyrova 2012 — Nadyrova Kh. G. Urban Planning Culture of the Tatar People and Their Ancestors. Monograph. Kazan: Kazan State University of Architecture and Engineering, 2012. 294 p. (In Russ.)
- Rudenko 2007 — Rudenko K. A. Volga Bulgaria, 11th – Early 13th Centuries AD: Settlements and Material Culture. Kazan: Shkola, 2007. 244 p. (In Russ.)
- Rudenko 2015 — Rudenko K. A. Elite of Volga Bulgaria (X – the beginning of XIII centuries): between East and West (statement of problem). In: Dashkovskiy P. K. (ed.) Elite in History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph. Barnaul: Altai State University, 2015. Pp. 167–198. (In Russ.)
- Salmin 2014 — Salmin A. K. Savirs – Bulgars – Chuvash. P. Golden (ed.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p. (In Eng.)
- Smirnov 1950 — Smirnov A. P. Exploring a settlement site and a burial ground from the Golden Horde era near the village of B. Tayaba, Chuvash ASSR. In: [Scholarly] Notes. Vol. IV. Cheboksary: Research Institute of Language, Literature, History and Economics (Chuvash ASSR Council of Ministers), 1950. Pp. 131–153. (In Russ.)
- Smirnov 1973 — Smirnov A. P. About cultural ties between the Caucasus and the Volga. In: Munchaev R. M., Markovin V. I. (eds.) The Caucasus and Eastern Europe in Ancient Times. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 130–135. (In Russ.)
- Vorob'yeva, Fedulov 2016 — Vorob'yeva E. E., Fedulov M. I. 'Bolshie Klyuchishi' (Ulyanovsk Oblast) as a new archaeological complex: Preliminary results. *The Volga River Region Archaeology*. 2016. No. 1. Pp. 235–248. (In Russ.)

Литература

- Ахмеров 1998 — *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. 237 с.
- Воробьева, Федулов 2016 — *Воробьева Е. Е., Федулов М. И.* «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 235–248.
- Гмыря и др. 2015 — *Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б., Магомедов Ю. А., Кузеева З. З.* Раскопки нового объекта сасанидской фортификации на р. Рубас в 2014 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. 2015. № 4. С. 165–170.
- Каховский, Смирнов 1972а — *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / ред. В. А. Прохорова. Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972. С. 3–73.
- Каховский, Смирнов 1972б — *Каховский В. Ф., Смирнов А. П.* Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972. С. 116–117.
- Кореневский 2014 — *Кореневский С. Н.* Историко-культурные процессы в Предкавказье в отражении поселенческих и погребальных памятников в свете аналогий с югом и севером в эпоху урукской культуры (обзор аспектов темы) // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа / отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 67–69.
- Михайлов, Березина, Мясников 2015 — *Михайлов Е. П., Березина Н. С., Мясников Н. С.* Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 64 с.
- Надырова 2012 — *Надырова Х. Г.* Градостроительная культура татарского народа и его предков: Монография. Казань: КГАСУ, 2012. 294 с.
- Руденко 2007 — *Руденко К. А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.
- Руденко 2015 — *Руденко К. А.* Элита Волжской Булгарии (X – начало XIII в.): между Востоком и Западом (постановка проблемы) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 2015. С. 167–198.
- Смирнов 1950 — *Смирнов А. П.* Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Таяба Чувашской АССР //

- Записки. Вып. IV. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1950. С. 131–153.
- Смирнов 1973 — *Смирнов А.П.* О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности / отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 130–135.
- Федоров, Федоров 1978 — *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М.: Изд-во МГУ, 1978. 296 с.
- Федоров-Давыдов 1962 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 49–89.
- Salmin 2014 — *Salmin A. K.* Savirs – Bulgars – Chuvash / Ed. Peter Golden. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p.

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1254–1270, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270

Названия родовых групп тувинцев

Любовь Салчаковна Кара-оол¹, Игорь Валентинович Кормушин²

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61@mail.ru

² Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский переулок, 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-4959-903X. E-mail: kormushin@iling-ran.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Кара-оол Л. С., Кормушин И. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В последние десятилетия тувинцы с интересом обратились к изучению истории своих родовых групп на основе документов из государственных архивов или материалов-воспоминаний предков, которые сохранились в семейном архиве. *Цель* исследования — изучить особенности наименований этнических групп тувинцев. Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: систематизировать список наименований, восходящих к названиям родов и племен, на тувинском языке; изучить особенности субэтнической идентичности тувинцев; уточнить места расселения групп тувинцев к началу XX в.; изучить особенности этнического состава групп тувинцев; определить, какие группы, родственные тувинским, распространены за пределами Тувы. *Материалом* для исследования послужили тувинские этнонимы, извлеченные из существующей литературы по теме исследования и полевых материалов, собранных во время диалектологических и комплексных экспедиций. *Результаты.* Самоидентификация представителей тувинского народа связана с определением принадлежности к субэтнической группе. В тувинском языке зафиксированы названия более сорока крупных подразделений (восходящих к древнему племенному делению) тувинцев, которые имеют деление на родовые группы. Для идентификации групп тувинцев также особенно значимым является административно-территориальный признак, согласно установленному еще в середине XVIII в. маньчжурской (цинской) династией Китая административному делению. Анализ показывает, что в основе этногенеза тувинцев лежат преимущественно тюркоязычные компоненты, однако есть монголоязычные, самодийские, кетские, тунгусские элементы. Многие названия родоплеменных групп распространены не только на территории Тувы, но и за ее пределами, это подтверждает общность происхождения ряда тюркоязычных народов.

Значительная часть тувинских этнонимов практически еще не была предметом изучения, поэтому требует более глубокого исследования.

Ключевые слова: тувинцы, этноним, этнические группы, названия племен и родов, идентификация, административно-территориальное деление, тюркоязычные народы, монголоязычные компоненты

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113).

Для цитирования: Кара-оол Л. С., Кормушин И. В. Названия родовых групп тувинцев // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1254–1270. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270

Names of Tuvan Clan / Tribal Groups Analyzed

Lyubov S. Kara-ool¹, Igor V. Kormushin²

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61@mail.ru

² Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-4959-903X. E-mail: kormushin@iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kara-ool L. S., Kormushin I. V., 2022

Abstract. Introduction. In recent decades, Tuvans have shown an increasing interest in their clan/tribal histories contained in state archival documents or memoirs of their ancestors preserved in family files. **Goals.** The article seeks to explore features of names adopted by Tuvan clan/tribal (subethnic) groups. To facilitate this, the paper shall systematize clan/tribal names in the Tuvan language, investigate clan/tribal identities from ancient times, identify habitats of Tuvan subethnic groups as of the early 20th century, explore peculiarities of subethnic structures, and single out communities closely related to Tuvan ones to be found beyond Tuva's borders. **Materials.** The work analyzes Tuvan ethnonyms from publications on the topic of research and field data collected during dialectological and comprehensive research expeditions. **Results.** Tuvan self-identity is closely associated with subethnic (clan/tribal) origin. The Tuvan language contains names for a total of over forty tribal associations, the latter be further divided into intra-tribal units (clans). Another important self-identity factor is the administrative/territorial one established in the mid-18th century by the Manchu (Qing) Dynasty of China. Our analysis shows the Tuvan ethnogenesis was based mainly on Turkic-speaking components, however, one can still trace Mongolic, Samoyed, Ket, and Tungus elements therein. Quite a number of clan/tribal names are distributed not only in the territory of Tuva, but also beyond its borders, which attests to common origins of many Turkic-speaking communities. A significant part of Tuvan ethnonyms remain virtually unexplored to date, therefore, those require deeper insights.

Keywords: Tuvans, ethnonym, tribal groups, identification, administrative attribute, Turkic-speaking ethnos, Mongolic-speaking elements

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 ‘Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features’.

For citation: Kara-ool L. S., Kormushin I. V. Names of Tuvan Clan/Tribal Groups Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1254–1270. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270

Введение

Этнонимика как наука находится на стыке исторических и лингвистических наук, что подтверждается значительным количеством работ, посвященных проблемам изучения тувинских этнических подразделений *төрөл аймак* и принадлежащих перу таких известных ученых-востоковедов, лингвистов, этнографов, этнологов, историков, как Н. А. Аристов [Аристов 2007], Е. К. Яковлев [Яковлев 2007], Н. Ф. Катанов [Катанов 1903], Г. Н. Потанин [Потанин 2007], Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 2007], Ф. Я. Кон [Кон 2007], А. М. Африканов [Африканов 2007], Ш. Кудайберды-улы [Кудайберды-улы 2018], А. А. Турчанинов [Турчанинов 2009], Л. П. Потапов [Потапов 1969], С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1957; Вайнштейн 1980; Вайнштейн, Москаленко 2008], В. В. Ушницкий [Ушницкий 2016] и др.

Исследованием этнонимики занимаются и ученые Тувы. Представляют интерес для темы нашего исследования научные работы Н. А. Сердобова [Сердобов 1970; Сердобов 1971], Б. И. Татаринцева [Татаринцев 1980; Татаринцев 1986; Татаринцев 2009а; Татаринцев 2009б; Татаринцев 2009в; Татаринцев 2009г], М. Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 2017], Т. Т. Кушкаш [Кушкаш 1996], Г. Н. Курбатского [Курбатский 2001], В. С. Донгак [Донгак 2003], М. Х. Маннай-оол [Маннай-оол 2004], М. В. Монгуш [Монгуш 2005; Монгуш 2008], З. В. Анайбан [Анайбан, Маннай-оол 2013], А. К. Канзая [Канзай 2014], Ч. К. Ламажаа [Ламажаа, Намруева 2018; Ламажаа 2021], Л. Д. Дамба и др. [Дамба и др. 2018; Дамба и др. 2019].

Основная цель данной статьи — изучить особенности наименований этнических групп тувинцев. Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: систематизировать список наименований, восходящих к названиям родов и племен, на тувинском языке; изучить особенности субэтнической идентичности тувинцев; уточнить места расселения групп тувинцев к началу XX в.; изучить особенности этнического состава групп тувинцев; определить, какие группы, родственные тувинским, распространены за пределами Тувы.

Источниковую базу исследования составили полевые материалы авторов, собранные во время диалектологических и комплексных экспедиций, а также материалы, извлеченные из работ, посвященных данному вопросу.

С давних времен тувинцы идентифицировали себя в соответствии с родовой принадлежностью *төрөл аймак*: каждый воспринимал себя как представитель определенного «рода-племени» с его традициями и обычаями, ценностями и коллективными установками, а также являлся носителем языка с его диалектными особенностями и даже типичными внешними (антропологическими) чертами. У каждого тувинского рода в прошлом была своя территория с пастбищными (*одарлар*) и охотничьими (*аңнаар черлер*) угодьями, со священными местами (*ыдык черлер*), охраняемыми духами-покровителями (*чер ээзи*) — священной горой (*ыдык даг*), священным родником или источником (*ыдык суг бажы*), священным деревом (*ыдык ыяш* или *тел ыяш*), у которых проводили ежегодно в определенные сроки коллективные обряды. Как правило, во время различных мероприятий старший по возрасту тувинец, приветствуя молодого человека, обязательно расспрашивал, из какого он рода, чей сын или чья дочь, из какой местности.

В настоящее время в Туве повсеместно возрождаются обряды освящения (*дагылга диргизер* или *эгидер*) родовых территорий, на которые созывают кровных родственников. Целями таких сборов родственных коллективов является не только проведение обряда на священном для рода месте (*дагылга эрттирер*), но и укрепление родовых связей (*төрөл харылзаалар быжыктырар*), знакомство молодых представителей со старшими представителями рода и их детьми для дальнейшего общения и взаимной поддержки (*ажы-төл аралаштырар*). Некоторые роды, объединившись, устанавливают на малой родине буддийские ступы (*субурган*), восстанавливают родовые храмы (*хүрээ*) или на их местах устанавливают культовые сооружения *обаа* (*оваа*), представляющие собой ориентированные на восход солнца сооружения из тонких

жердей с привязанными лентами (*чалама*) и грудой камней. Так, на месте Маады хурээ в Пий-Хемском районе Республики Тыва установлено *обаа*, которое освящают ежегодно в весенний период.

С введением в советской Туве паспортов названия многих родов стали фамилиями представителей того или иного рода. Например, *Салчак* Тока Калбак-Хорекович — партийный и государственный деятель, один из основоположников тувинской литературы, *Бай-Кара* Долчанмаа Шожулбеевна — советский государственный и политический деятель, председатель Президиума Верховного Совета Тувинской АССР, *Хомушку* Чургуй-оол Намгаевич — Герой Советского Союза, офицер, танкист, участник Великой Отечественной войны, *Тулуш* Кечил-оол Балданович — Герой Советского Союза, капитан, кавалерист, участник Великой Отечественной войны, *Монгуш* Доруг-оол Алдын-оолович — кандидат филологических наук, ученый-лингвист, *Сат* Шулуу Чыргал-оолович — доктор филологических наук, профессор, *Ооржак* Шериг-оол Дизижикивич — первый президент Республики Тыва, *Саая* Когел Мижитеевич — мастер-камнерез, врачеватель, лама, член Союза художников России, *Ондар* Эдуард Борисович — актер, заслуженный артист России и т. д.

В последующие годы этнонимы стали использоваться в качестве имен, например, Анчимаа-Тока *Хертек* Амирбитовна — тувинский и советский государственный деятель, первая женщина в мировой истории, бывшая главой государства на избираемой должности, Маннай-оол *Монгуш* Хургулоолович — кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Тыва, Бюрбе *Саая* Манмырович — композитор, заслуженный работник культуры РФ. Более того, этнонимы стали использоваться и как отчества: Шойгу Сергей *Кужугетович* — министр обороны России, генерал, Герой Российской Федерации; Даржа Вячеслав *Кыргысович* — общественный деятель, государственный советник юстиции 2 класса (генерал-лейтенант), автор статей по криминологии и книг, посвященных этнографии тувинцев; Будук-оол Лариса *Кара-Саловна* — доктор биологических наук, профессор Тувинского государственного университета и т. д.

В настоящее время у многих тувинцев названия родовых племен не сохранились ни в качестве фамилии, ни в качестве имени или отчества. И многие представители среднего и молодого поколения не знают или стали забывать, из какого рода они произошли, где жили их предки, чем они занимались, а некоторые не дифференцируют названия этноса и антропонима. Поэтому данный вопрос является одним из актуальных в современной лингвистике и этнографии, истории и социальной демографии.

Тувинские этнонимы, восходящие к названиям родов и племен

Изучив литературу по данной теме [Потапов 1969: 43–78; Сердобов 1971; Маннай-оол 2004: 48–92, 112–116; Кон 2007: 439–442; Африканов 2007: 131–134; Островских 2007: 149–150; Яковлев 2007: 204–210; Турчанинов 2009: 93–94; Канзай 2014: 255–268; Кенин-Лопсан 2017: 56–58; История Тувы 2001: 66–73; История Тувы 2007: 45–46; Анайбан, Маннай-оол 2013: 19–37; Монгуш 2005: 1–50; Монгуш 2008: 205–261; Татаринцев 1980: 144–148; Татаринцев 1986: 64–86; Татаринцев 2009а: 254–263; Татаринцев 2009б: 192–198; Татаринцев 2009в: 225–240; Татаринцев 2009г: 211–219; Ламажаа, Намруева 2018: 206–226; Ламажаа 2021: 6–21] и проанализировав полевые материалы [ПМК 1999–2022], мы составили следующий сводный список названий этнических групп тувинцев:

- *адай* (?);
- *ак* ‘белый’;
- *бай-кара* ~ *байкара* ‘букв. богатый черны́й’ (*Баян-Кол байкаразы* ‘баян-колский байкара’, *Бий-Хем байкаразы* ‘пий-хемский байкара’);
- *балыкчы* ~ *балыкшы* ‘рыболов’ (*алтай-балыкшы*);
- *бараан* ‘черный, темный; служитель’;
- *даргат* ~ *дархат* ~ *тарга* ‘дархаты (монгольская этническая группа)’ (*иргит даргат, адай даргат*);
- *делег* ~ *делек* ‘телеут или теленгит, т. е. относящийся к телеутам или теленгитам’;
- *демчи* ‘букв. сотрудничающий’;
- *дербет* ~ *дөрбет* ‘дербеты (монгольская этническая группа)’;
- *долаан* ‘Большая Медведица’;
- *доңгак* ~ *донгак* (*кара доңгак* ‘букв. черный донгак’, *тос кара доңгак* ‘девять чер-

- ных донгаков', *кезек доңгак* 'часть донгаков', *сарыг доңгак* 'желтый донгак', *хаа-доңгак* 'посыльный-донгак', *хаа дарган доңгак* 'посыльный кузнец-донгак', *Барлык сарыг доңгаа* 'барлыкский желтый донгак', *Чадаан доңгаа* 'чаданский донгак', *Чааты доңгаа* 'чатинский донгак', *чооду-доңгак*, *Чыргакы доңгаа* 'чыргакинский донгак');
- *иргит* (*адай-иргит*, *ак иргит* 'букв. белый, т. е. светлый, иргит', *арыг иргит* 'чистый иргит', *беглиг иргит* 'бекский иргит', *биче иргит* 'младший иргит', *калчан иргит* 'лысый (плешивый) иргит', *моол иргит* 'монгол иргит', *улуг иргит* 'большой иргит', *чооду иргит* 'чооду-иргит', *шунгуур иргит* 'шунгуурские иргиты', *Барлык иргиттери* 'барлыкские иргиты', *Мөген-Бүрен иргиттери* 'моген-буренские иргиты', *иргит-ховалыг* 'иргит-ховалыг');
 - *кара-сал* 'букв. черная борода';
 - *кол* 'главный, ведущий' (*Тожу колдары* 'тоджинские колы', *Тере-Хөл колдары* 'тере-холские колы');
 - *куулар* 'лебеди' (*кезек куулар* 'часть кууларов', *Чадаан кууларлары* 'чаданские куулары', *Чыргакы кууларлары* 'чыргакинские куулары', *Суг-Бажы кууларлары* 'суг-бажинские куулары', *Хайыракан куулары* 'хайыраканский куулар');
 - *күжүгет* ~ *кужугет* ~ *кюжюгет* (?) (*Алаш күжүгеттери* 'алашские кужугеты', *Бай-Тайга күжүгеттери* 'бай-тайгинские кужугеты', *хүл күжүгет* 'букв. пепельные кужугеты', *кул күжүгет* 'невольные кужугеты', *мезил күжүгет* 'налим кужугеты');
 - *кыргыс* 'кыргыз' (*дөргүн кыргызы* 'доргунский кыргыз', *Улуг-Хем кыргыстары* 'улуг-хемские кыргызы', *Эрзин кыргыстары* 'эрзинские кыргызы', *кыргыс-маады* 'кыргыз-маады', *кыргыс-ховалыг* 'кыргыз-ховалыг');
 - *маады* (?) (*кезек маады* 'часть маадыларов', *кыргыс-маады* 'кыргыз-маады', *Бий-Хем маадылары* 'бий-хемские маадылары');
 - *мончак* ~ *көк мончак* 'букв. синий мончак';
 - *моңгуш* ~ *монгуш* (*адай-моңгуш* 'адай-монгуш', *ак монгуш* 'букв. белый, т. е. светлый, монгуш', *биче моңгуш* 'букв. младший монгуш', *кара моңгуш* 'букв. черный монгуш', *улуг моңгуш* 'букв. большой монгуш', *Чаа-Хөл моңгуштары* 'чаа-холские монгуши', *Улаатай моңгуштары* 'улаатайские монгуши', *Чыргакы кара-моңгуштары* 'чыргакинские кара-монгуши', *Сүт-Хөл монгуштары* 'сүт-холские монгуши', *ыт монгуш* — 'букв. собака монгуш' (скорее всего, табуирование названия волка, тотемный символ), *алдынчы монгуш* 'монгуш-золотодобыватель');
 - *ондар* (?) (*кара ондар* 'букв. черный ондар', *кара уйгур ондар* 'черный уйгур-ондар', *ой ондар* 'ондар из низины', *улуг ондар* 'букв. большой ондар', *уйгур-ондар* 'уйгур-ондар', *чанагаиш ондар* 'голый или обнаженный ондар', *көшпес ондар* 'не кочующий ондар', *Сүт-Хөл ондарлары* 'сүт-холские ондары', *Алды-Ишкин ондарлары* 'алды-ишкинские ондары');
 - *ооржак* (?) (*иштиш* или *иштик ооржак* 'внутренние ооржаки', *кедээ* или *кедек ооржак* 'нагорные ооржаки', *кезек ооржак* 'часть ооржаков', *Ак ооржактары* 'акские ооржаки', *Алды-Ишкин ооржактары* 'алды-ишкинские ооржаки', *тос кара ооржактар* 'девять черных ооржаков', *шыжылаа ооржак* 'шипящий ооржак');
 - *оюн* (?) (*ар-оюн*, *кезек оюн* 'часть оюнов', *кайгал оюн* 'удалой или жуликоватый оюн', *Танды оюннары* 'тандынские оюны', *Тес оюн* 'тесские оюны');
 - *өөлет* ~ *олет* 'олёты' (монгольский народ); прост. уст. — монгол, монголка;
 - *саая* (?) (*Саглы сааялары* 'саглынские саая', *Каргы сааялары* 'каргыские саая', *Эрги-Барлык сааялары* 'эрги-барлыкские саая');
 - *салчак* (?) (*кезек салчак* 'часть салчаков', *Каа-Хем салчактары* 'каа-хемские салчаки', *Бай-Тайга салчактары* 'бай-тайгинские салчаки');
 - *сартыыл* (?);
 - *сарыглар* (?) (*Эдегей сарыглары* 'эдегейский сарыглар', *Ак сарыглары* 'акские сарыглары');
 - *сат* (?) (*борбак сат* 'букв. круглый сат', *кезек сат* 'часть сатов', *шыргай сат* 'густой, т. е. много, сат');
 - *соян* (?) (*ак соян* 'букв. белый, т. е. светлый, соян', *балыкчы соян* 'рыболов соян', *кара соян* 'букв. черный соян',

- кезек соян 'часть соянов', кызыл соян 'красный соян', көк соян 'букв. синий соян', сарыг соян 'букв. желтый соян', Тес сояны 'тесский соян', узун соян 'длинный соян', хову сояны 'степной соян', хөл сояны 'букв. 'озерный соян', чолдак соян 'невысокий соян');
- тожу (?);
 - тумат (?) (улуг тумат 'большой тумат', Торгалыг туматтары 'торгалыгские туматы');
 - түлүш ~ тулуш (?) (адыг-тулуш 'букв. медведь-тулуш', дөргүн түлүжү 'доргунский тулуш', дүктүг түлүш 'букв. волосатый тулуш', улуг түлүш 'большой тулуш');
 - урат (?) (кезек урат 'часть уратов');
 - хаазыт ~ хаасут (?);
 - хертек (?) (хертек-соян 'хертек-соян', Кара-Хөл хертектери 'кара-холские хертеки');
 - ховалыг (?) (улуг ховалыг 'большой ховалыг', биче ховалыг 'младший ховалыг', кыргыз-ховалыг 'кыргыз-ховалыг', иргит-ховалыг 'иргит-ховалыг', Бора-Хөл ховалыглары 'бора-холские ховалыги');
 - хомушку (?) (Барлык хомушкулары 'барлыкские хомушку', Хөнденен хомушкулары 'хөндененские хомушку');
 - хоролмай (?);
 - хөйүк ~ хойук ~ койук ~ хойлук (?) (хаа-хөйүк 'посыльный хойук', кара хөйүк 'черный хойук', доңгак хөйүк 'донгак-хойук', казак хөйүк 'казакский хойук', шанагаши или чанагаши хөйүк 'лыжник хойук'; тоду 'береста(?)', куу тодут 'серый тодут');
 - чооду (?);
 - чооду (?) (ак чооду 'белый, т. е. светлый, чооду', кара чооду 'черный чооду', сарыг чооду 'желтый чооду', тайга чоодузу 'таежный чооду', шөл чоодузу 'полевой чооду', чооду-иргит 'чооду-иргит', чооду-донгак 'чооду-донгак');
 - чаг-тыва (?) 'перен. чистый тыва' [Татаринцев: 2009в: 233]; 'обильный тыва' (сарыг чаг-тыва 'букв. желтый чаг-тыва', кара чаг-тыва 'букв. черный чаг-тыва');
 - шалык (?).

Как видно из представленного материала, в тувинском языке более сорока названий, отражающих родовое и племенное деление групп, которые делятся еще на вну-

тренние патронимии [Монгуш 2008: 213], в них отражаются идентификационные особенности тувинцев. Некоторые названия родоплеменных по происхождению групп встречаются среди этнических тувинцев Монголии и Китая: адай, адай-иргит, балыкшы, даргад ~ дархат ~ тарга, демчи, дербет ~ дөрбет, хаа донгак, казак хойук, хаа дарган, хаа хойук, хойук, чаг-тыва, кара чак тыва, сарыг чаг тыва, урат, шанагаши, шанагаши хойук, шунгуур иргит; мончак ~ кок мончак, кок соян. Три названия нигде не зафиксированы, т. е. находятся на стадии исчезновения — демчи, хоролмай, хаазыт.

С точки зрения морфологического строения вышеуказанные этнонимы делятся на элементарные (сам, тумат, оюн, ховалыг, хойук и т. д.), сложные (адай-иргит, чаг-тыва, хертек-соян, чооду-донгак и т. д.), описательные (кара монгуш, кезек салчак, тайга чоодузу, барлык хомушкузу и т. д.).

Особенности родовой идентичности тувинцев

Среди тувинцев со времен вхождения территории Тувы в состав цинского государства имела место идентификация по административно-территориальному признаку, установленному маньчжурскими властями в XVIII в. [Вайнштейн, Москаленко 2008: 23; Канзай 2014: 255; Ламажаа, Намруева 2018: 211]. Все территории проживания тувинцев были поделены на хошуны (кожуун), в состав каждого хошуна входили несколько сумонов, каждый из которых делился на арбаны, объединявшие родственников [Потапов 1969: 43].

Эта идентификация является наиболее распространенной и в настоящее время. Поэтому при встрече на вопрос: «Из какого ты рода?» могут ответить: «Из Кара-Холских хертеков или из Монгун-Тайгинских хертеков, из Чаатинских донгаков (из с. Чааты из Улуг-Хемского района). Или: из Чадаанских донгаков (из г. Чадаан Дзун-Хемчикского района), из Каа-Хемских салчаков (из Каа-Хемского района) или из Бай-Тайгинских салчаков (из Бай-Тайгинского района) и т. д.

Существуют и другие признаки, которые могут указываться для идентификации представителей разных родовых групп.

В этнонимах отражаются географические особенности территории района. Например, дөргүн кыргыстары — кыргысы,

живущие у реки, берущей начало в степи, и окружающего ее леса; *хову сояннары* ‘со-яны, живущие в степной местности’; *хөл сояннары* ‘со-яны, живущие у озера’; *иштии* (*иштик*) *ооржактар* ‘ооржаки, живущие по руслу реки’, или *кедээ* (*кедек*) *ооржактар* ‘ооржаки, живущие в горной или в таежной местности’ и т. д.

Среди тувинских этнонимов можно встретить и наименования с компонентами, отражающими антропологические особенности представителей родоплеменной по происхождению группы: *кара доңгак* ‘букв. чернявые донгаки’, *сарыг доңгак* ‘букв. рыжие донгаки’, *борбак сат* ‘букв. круглые, т. е. круглолицые, саты’; *ак соян* ‘букв. белые, т. е. светлые, сояны’; *көк соян* ‘букв. синие сояны’, *узун соян* ‘букв. высокие со-яны’; *дүктүг түлүш* ‘букв. волосатые тулу-ши’, *чолдак чооду* ‘букв. низкие, т. е. низко-рослые, чооду’ и т. д.

В некоторых случаях компонентами этнонимов могут выступать оценочные

слова, отражающие особенности харак-тера, которые считаются присущими для представителей определенной группы. Например, *кайгал оюн* ‘удалой или жу-ликоватый (в переносном смысле) оюн’. Наиболее яркие примеры идентификации по таким характеристикам зафиксированы в прозвищном фольклоре — в частушках (*кожсамыктар*) и в народных песнях-драз-нилках (*дузаар ыры*). Из таких текстов устного народного творчества тувинцев мы можем узнать род занятий того или иного рода или характеристику, которую в шуточной, порой нелицеприятной фор-ме давали представителям того или иного рода. Обычно их исполняли во время на-ступления календарного праздника Шагаа (Нового года по лунно-солнечному кален-дарю), во время свадебного обряда, мо-лодежных обрядовых игр «Ойтулааш» — для этих обрядов характерно проведение состязаний между представителями раз-ных родовых групп:

Чары мунган чоодулар
Чарым-Тайга санай берди.
Шары-ла мунган мен-не күжүр
Чарын чалап каяа шыдаар.

Чоодулары на ездовом олене
В Чарым-Тайгу ускакали.
Бедненький я на воле верхом
Не смогу до них добраться.

Ояланы мунуп аарга,
Хат-ла ийин, салгын-на ийин.
Ой ондар акыларым чаңнап орда,
Опчок-ла ийин, тенек-ле ийин.

Как сядешь на буланого,
Несется, как ветер-ветерок.
[Когда] старшие братья ой-ондары развлекаются,
Шаловливы, дурашливы.

Хомушукулар хоптүг улус,
Кожа хонар хөңнүм-не чок.
Хола баиштыг даңазынга
Таакпы тыртар хөңнүм-не чок

Хомушукулары — сплетники,
Не хочу сидеть рядом с ними.
Из трубки с медной чашей
Не хочу с ними курить¹.

[ПМК 1999–2022].

В частушках, собранных Н. Г. Курбат-ским во время полевых исследований, в ос-новном отмечаются отрицательные черты характера того или иного рода, например *донгаки* считались чрезмерно гордыми, *монгуши* — независимыми и кичливыми, *ондары* — грубыми и колкими, *саая* — жад-ными и ненасытными, *хертеки* — невезучи-ми, *ховалыги* — клеветниками, *хомушку* — сплетниками, *салчаки* — черствыми. Пере-даваясь из уст в уста, эти характеристики часто становились устойчивыми стереоти-пами, отличающими один род от другого [Курбатский 2001: 193–194].

В качестве компонента этнонима в ту-винском языке могут выступать слова, ко-торые уточняют численность представите-лей родовой группы в местности, куда они в силу разных обстоятельств переселились из основных мест проживания своего рода. Например: *кезек доңгак* ‘часть, т. е. некото-рая часть донгаков’; *кезек оюн* ‘некоторая часть оюнов’; *кезек соян* ‘некоторая часть соянов’; *кезек салчак* или *сат* ‘некоторая часть салчаков или сатов’ и т. д.

Иногда разные этнические компоненты могут выступать в составе новых наимено-

¹ Перевод автора статьи.

ваний, поскольку в процессе формирования тувинского этноса имело место сближение или смешение субстратных тюркоязычных этнических групп с уйгурскими, кыргызскими группами, а также с монголоязычными или другими компонентами, что отразилось в названиях некоторых родовых групп тувинцев. Например, *иргит-даргат*, *адай-даргат*, *кыргыз-маады*, *уйгур-ондар*, *чооду-донгак* и т. д.

В этнонимах часто отражаются хозяйственные занятия представителей определенной группы или особенности их быта. Например, *шанагаиш* или *чанагаиш хөйүк* ‘лыжники хойуки’, так как представители данного рода были охотниками-скотоводами, держали небольшое хозяйство, охотились на дичь и диких животных, отправляясь на лыжах [Потапов 1969: 69]; *балыкчы* ~ *балыкшы* (алтай-балыкшы) и *балыкчы соян* ‘рыболов соян’, так как представители этой группы тувинцев проживали вдоль русла реки, использовали в пищу рыбу, что было в диковинку для людей из других родов, которые считали рыбу «водным червяком» *суз курту*.

Таким образом, анализ названий родовых групп тувинцев позволяет выделить, кроме основного — административно-территориального, — еще шесть признаков, которые использовались в обозначении родовых групп тувинцев: по географическим особенностям территории района, на которой проживали их представители; по антропологическим особенностям представителей группы; по представлениям о характере представителей рода; по численности представителей рода в определенной местности, куда в силу разных обстоятельств они переселились из основных мест проживания; по смешанным этническим компонентам; по хозяйственным занятиям или по бытовому признаку.

Места расселения родовых племен тувинцев к началу XX столетия

Территория расселения тувинцев с середины XVIII в. была подчинена маньчжурской (цинской) династии Китая, которая разделила население Тувы на несколько административных единиц — хошуны (районы), управляемые тувинскими ноями (князьями) [Вайнштейн, Москаленко 2008: 23].

Как отмечает Л. П. Потапов, «родо-племенные группы даже внутри Тувы более чем когда-либо оказались разделенными между вновь созданными хошунами и сумонами. Они были лишены свободы передвижения за границу территории уделов своих феодальных правителей, были лишены возможности временных объединений с соседями (родственными им кочевниками вне Тувы), <...> например, с телеутами, алтайскими телесами или с енисейскими кыргызами, а иногда даже с западными монголами. Исключались всякие объединения тувинцев-кочевников и внутри Тувы» [Потапов 1969: 43–44].

К началу XX столетия местонахождение кочевий тувинских родо-племенных по происхождению групп, как было сказано выше, было распределено по кожуунам (районам). И многие родовые группы раздроблены и жили смешанно в различных кожуунах и сумонах [Потапов 1969: 58]. На основе изученного материала [Кон 2007: 439–442; Африканов 2007: 131–134; Островских 2007: 149–150; Потанин 2007: 374495; Турчанинов 2009: 93–94; Потапов 1969: 43–78; Сердобов 1971: 204–211; Маннай-оол 2004: 112–115; Мандыт 2015; Вайнштейн 1957: 178–214; Вайнштейн, Москаленко 2008: 19–40; Сердобов 1970: 66–107; Ламажаа, Намруева 2018: 206–226; Дамба и др. 2018: 37–44; Дамба и др. 2019: 19–30; Аристов 2007: 349–353; Кушкаш 1996: 3] нами составлена таблица местонахождения кочевий родовых групп тувинцев (см. табл. 1).

Таблица 1. Местонахождение кочевий родовых групп тувинцев к началу XX в.

[Table 1. Nomadic areas of Tuvan clan/tribal groups as of the early 20th century]

№	Кожууны (районы)	Родовые группы	Территории расположения
1.	Хаасутский (Хубсугульский) хошун	<i>чооду</i> (чогду), <i>иргит</i> (чиргеттен), <i>даргат</i> , <i>хаасут</i> , <i>соян</i> , <i>делег</i> , <i>хертек</i>	Хошун располагался на территории у озера Хубсугул (Косогол), которая вошла в состав Монголии.
2.	Тоджинский хошун	<i>кол</i> , <i>ак чооду</i> (ак) ~ <i>койук</i> , <i>кара чооду</i> (бараан), <i>хойук</i> (тоду),	Верховья бассейна Бий-Хема: – <i>ак-чооду</i> — Улуг-Даг, Хам-Сыра;

		<i>куу тодугт), кезек урат, дарга ~ даргат; балыкчы соян</i>	<i>кара-чооду</i> — Одуген, Белим, Серлиг, Тожама; – <i>кезек урат, даргат</i> — Одуген, Хам-Сыра; – <i>кол</i> — Тоора-Хем, Сыстыг-Хем, Ий, Эн-Суг, Талым; – <i>балыкчы соян</i> — по р. Тожама; – <i>хойук (куу тодугт)</i> — Эн-Суг.
3.	Салчакский хошун	<i>салчак</i>	Территория по р. Каа-Хем, по рекам Бурен и Улуг-Хему.
		<i>бай-кара</i>	Территория по р. Баян-Кол на правом берегу Улуг-Хема.
		<i>кыргыз</i>	Территория по р. Эрзин, Морен, Нарын, местность Качык-Салгал.
		<i>кол</i> Г. Н. Потанин зафиксировал также <i>мингыт, монгош, сойен, хирейд, хердяк</i> [Потанин 2007: 374–495]	Район оз. Тере-Хол.
		<i>соян, оолет, монгуш, хертек, балыкчы</i> [Потапов 1969: 47]	
4.	Оюннарский хошун	<i>оюн, чооду, кара чооду, иргит, соян</i>	Северный склон хр. Танну-Ола на оз. Кара-Хол, по р. Теректиг-Хем, левая сторона р. Тес и Нарын Эрзинского кожууна.
		<i>шалык</i>	Местность О-Шынаа Деспен, Серлик Тес-Хемского кожууна.
		<i>сартыыл ~ сартул</i>	По р. Шуурмак, Теректиг, Самагалтай, У-Шынаа Тес-Хемского кожууна.
		<i>сат, донгак, байкара, оолет</i>	
5.	Даа хошун (хемчикский)	<i>ак монгуш или улуг монгуш</i>	От Чаа-Холя до р. Аянгаты, от р. Хемчик до р. Хандагайты и Улаатай.
		<i>ондар, кара ондар, чанагаши-ондар, ой-ондар</i>	По р. Алды и Устуу-Ишкин, в мест. Улаан-Быра Сут-Холя и район г. Хайыракан Улуг-Хемского кожууна.
		<i>хомушку</i> — совместно с <i>кужуге-тами, сарыг-донгаками, сарыгла-рами и хертеками</i> из Бээзи хошуна	В верховьях реки Хемчика и по ее притокам Хонделен, Барлык, Эдигей.
		<i>иргит</i>	По р. Барлык Барун-Хемчикского и по р. Каргы, Моген-Бурен Монгун-Тайгинского кожууна.
		<i>кедээ и иштии ооржак, улуг ооржак</i>	По р. Ак, Манчурек и в верховьях р. Алды и Устуу-Ишкин, Кошпес, по Хемчику и Алашу.
		<i>монгуш, кара монгуш</i> — совместно с <i>сарыгла-рами, донгаками и куу-ларами</i> из Бээзи хошуна	Верхнее течение Хемчика, по р. Алаш, в местечке Суг-Аксы, Хол-Оожу и по р. Шеми, Чыргакы.
		<i>улуг и биче ховалыг, кедээ ховалыг</i>	В местности Ак-Оору, Бора-Хол Сут-Холского, по Чадаан и Чаа-Холу и Ак-Сугу; левобережье Хемчика от устья Алаша до Алды-Ишкина.
		<i>саая</i>	По р. Барлык Барун-Хемчикского кожууна, Саглы, Каргы Овюрского кожууна.

6.	Бээзи хошун	<i>хертек</i>	В Монгун-Тайге, в местах Коп-Соок, Хонделен, в районе оз. Кара-Хол Бай-Тайгинского кожууна.
		<i>соян</i>	
		<i>салчак</i>	В Бай-Тайгинском кожууне и в Хемчике Барун-Хемчикского кожууна.
		<i>кужугеты</i> — смешанно с <i>ооржаками, хомушку и монгушами</i> из Даа хошуна	По р. Алаш и в окрестностях озера Кара-Хол.
		<i>сарыглар</i> — совместно с <i>ооржаками, ак и кара монгушами, улуг и биче ховалыгами</i> из Даа хошуна	В бассейне Хемчика (по рекам Ак, Барлык, Чыргакы, Алаш): от местечка Эдегей до р. Ак Сут-Холского кожууна.
		<i>сарыг-донгак</i> — совместно с <i>саая, иргитами, хомушку</i> из Даа хошуна	По р. Барлык Барун-Хемчикского кожууна.
		<i>суг-бажинские куулары</i> — совместно с <i>монгушами</i> Даа хошуна	По р. Аянгаты и местности Суг-Бажы Барун-Хемчикского кожууна.
		<i>чыргакы куулары</i> — совместно с <i>монгушами</i> Даа хошуна	Долина р. Чыргакы Дзун-Хемчикского кожууна.
		<i>чадаан куулары</i>	От горы Хайыракан до местечка Хая-Бажы на правом берегу р. Хемчик Дзун-Хемчикского кожууна.
		<i>сат</i> — совместно с <i>монгушами</i>	По р. Чадаан и Хондергей Дзун-Хемчикского кожууна, в долине р. Эжим, Баян-Кол и местечках Кашпал Шеми и Чыркакы Дзун-Хемчикского и Улуг-Хемского кожуунов.
		<i>кара-сал</i>	По р. Чадаан, Шеми и Чыргакы Дзун-Хемчикского кожууна; в Эрзине.
		<i>кара донгак, чооду донгак, чадаан донгак</i>	На Алаше, Ишкине; местности Теве-Хая и Шангыш Дзун-Хемчикского кожууна.
		<i>сарыг донгак, ак донгак донгак</i>	По р. Барлык, Ак, Чыргакы; Монгун-Тайга.
		<i>улуг-тулуш</i> совместно с <i>монгушами, ондарами и ооржаками</i> Даа хошуна	Долина р. Чаа-Хол Улуг-Хемского кожууна и р. Чадаан Дзун-Хемчикского кожууна. В местности Соор на р. Алдыы-Ишкин Сут-Холского кожууна.
		<i>адыг-тулуш</i> — совместно с <i>бай-кара</i>	По р. Эжим, Демир-Суг Улуг-Хемского кожууна; Баян-Кол Кызылского кожууна.
		<i>тумат</i>	В долине р. Хендерге Улуг-Хемского и долине р. Торгалыг, Чалааты, Ирбитей Овюрского кожууна.
		<i>чааты донгак</i>	В долине р. Чааты и Торгалыг Улуг-Хемского кожууна и Торгалыг Овюрского кожууна.
		<i>кыргыс</i>	В долине р. Эйлиг-Хем, Сенек, Хендерге, местечка Улуг-Хая, Ийи-Тал Улуг-Хемского кожууна.
		<i>долаан</i>	В местностях Арыскан, Арыг-Узуу, Ашак-Туразы и Кояк-Тууразы Улуг-Хемского кожууна.

7.	Маады (Даа-вана) хошун	<i>маады и чооду</i>	По р. Уюк, Туран, Сесерлиг, Тапсы Пий-Хемского кожууна.
8.	Отдельные сумоны		
9.	Нибазы	<i>сартуул</i>	Восточная и западная часть Оюнского кожууна — по Самагалтаю и Шуурмаку.
10.	Шалык	<i>шалык</i>	Восточная и западная часть Оюнского кожууна — по Самагалтаю и Шуурмаку.

При исследовании тувинских родовых групп может быть в значительной мере использовано исследование «Шежире» («Родословная летопись») Шакарима Кудайберды-улы, вышедшее в 1911 г. на казахском языке в арабской графике [Кудайберды-улы 2018: 3]. «Шежире» переведено на русский язык в 1990 г. Б. Каирбековым как «Родословная тюрков, кыргызов, казахов и ханских династий» и издано в 2018 г. [Кудайберды-улы 2018]. В данном труде генеалогическое древо тюрков исследовано через родословное древо тюрко-монголов, и в нем зафиксированы следующие тувинские этнические группы с указанием местонахождения кочевий:

- ниже хошоты¹ — на Косоголе;
- Халуш, Еркет², Хаеут, Аргамык — в горах Танну-Ола;
- Ойын³, Ерхет⁴, Суюн⁵, Чода⁶, Салжак⁷ — на р. Большой Хем;
- Салжак⁸, Кыргыз, Кул⁹, Байгар¹⁰ — на р. Байхем¹¹;
- Акшида (Ак-Чооду), Карашида (Кара-Чооду), Тузшы, Кишик, Кашку, Ергет¹², Саба, Моккиш (Монгуш?), Карамонкиш¹³, Кейе Оржак¹⁴, Габалык — в хошоне Саян Ноян;

¹ Правильно: хаасут.

² Правильно: Иргит.

³ Правильно: Оюн.

⁴ Правильно: Иргит.

⁵ Правильно: Соян.

⁶ Правильно: Чооду.

⁷ Правильно: Салчак.

⁸ Правильно: Салчак.

⁹ Правильно: Кол.

¹⁰ Правильно: Байкара.

¹¹ Правильно: Бий-Хем.

¹² Правильно: Иргит.

¹³ Правильно: Кара-Монгуш.

¹⁴ Правильно: Кедээ Ооржак.

– Колот, Суюн¹⁵, Каратолжак, Кужигит¹⁶, Сарыхлар¹⁷, Тунгак¹⁸, Томат¹⁹, Кыргыз, Мад²⁰, Жуда — на Кемкемшике [Кудайберды-улы 2018: 222–223].

Таким образом, к началу XX в. родовые группы тувинцев были закреплены за определенными кожуунами (районами), при этом в кожуунах были представлены разные группы. По данному делению, установленному еще в середине XVIII в. цинской администрацией, группы не имели права не только свободно передвигаться на другие территории, но и объединяться в пределах одного района. В результате были ослаблены внутренние связи родоплеменных по происхождению групп, а также разорваны контакты родовых групп тувинцев с родственными народностями вне Тувы — алтайскими телеутами и енисейскими киргизами и т. д.

Особенности этнического состава тувинцев

Б. И. Татаринцев отмечал, что этимологизация этнонимов не всегда позволяет решить вопрос о первоначальной языковой принадлежности их носителей, и версии происхождения этнонимов часто представляют собой собственно более или менее вероятные гипотезы [Татаринцев 1986: 66].

В основе этногенеза тувинцев лежат преимущественно тюркоязычные компоненты. В период пребывания племен — *чики, азы, дубо* — в составе древнетюркских каганатов (VI–VII вв.) устанавливаются этнические связи с тюркоязычными этносами — *тюрками-тюгю, теле* и другими, формируются общие черты хозяйствования и культуры,

¹⁵ Правильно: Соян.

¹⁶ Правильно: Кужугет.

¹⁷ Правильно: Сарыглар.

¹⁸ Правильно: Донгак — Тулуш.

¹⁹ Правильно: Тумат.

²⁰ Правильно: маады.

которые сохранились до этнографической современности [Вайнштейн, Москаленко 2008: 23; История Тувы 2001: 66–73; Сердобов 1971: 34–89; Маннай-оол 2004: 60].

По предположению ученых, с древними тюрками могут быть связаны такие родоплеменные группы тувинцев, как *куулар*, *соян*, *тулуш*, *телег*, *долаан* [Сердобов 1971: 75, 86, 42; Маннай-оол 2004: 61; История Тувы 2001: 70, 80, 109], а также *маады* [Сердобов 1971: 71; Маннай-оол 2004: 87–89].

В последующие VIII–IX вв., в период Уйгурского каганата, в этнический состав предков современных тувинцев вошли и уйгурские группы — такие, как *уйгур-ондар* (он уйгуры), *куль*, *байкара*, *сарыглар* (желтые уйгуры), *иргит* [Сердобов 1971: 90–97; Маннай-оол 2004: 67; История Тувы 2001: 131–132].

В период Древнекыргызского каганата (IX–XII вв.) вместе с *кыргызами*, возможно, пришли в Туву и другие этнические группы, не зафиксированные письменными источниками [Сердобов 1971: 98–111; История Тувы 2001: 153; Маннай-оол 2004: 77].

Монголоязычные этнические компоненты в разные периоды истории, особенно в период могущества и расцвета монгольской империи (начало XIII – конец XIV в.), сыграли значительную роль в формировании тувинского этноса. По мнению исследователей, с монголоязычными племенами связаны следующие тувинские этнические группы: *донгак* (тункаит), *олет*, *салчак* (салджиут), *тумат* [Сердобов 1971: 112–134; История Тувы 2001: 162; Маннай-оол 2004: 85; Татаринцев 1986: 64–86], *ооржак*, *оюн*, *кужугет* [Татаринцев 1980: 144–148].

К таким этническим группам также относят и *монгушей*, сопоставляя это название с этнонимом *монгол*, но ряд исследователей считает эту версию необоснованной [Маннай-оол 2004: 85; Татаринцев 1986: 76; Ушницкий 2016: 96].

В свете последних данных об этнониме *салчак*, который рассматривается наряду с этнонимами *сальджук*, *салджиут* и *салчигут* [Татаринцев 1986: 71–74], можно предположить, что вышеуказанные этнонимы с корневой основой *сал-* могли иметь отношение к тюркскому слову *сал* ‘плот’ с аффиксом *-чы* [Акерев 2014: 253, 270; Акерев 2020: 467].

В состав тувинцев вошли и самодийские (*чооду*, *хаазыт* ~ *хаасут* [Вайнштейн, Мо-

скаленко 2008: 30]), кетские (*тодунт* [Вайнштейн, Москаленко 2008: 30]), тунгусские (*маады*) компоненты. Языковая принадлежность этноса *маады* пока точно не ясна, одни исследователи считают тюркским [Сердобов 1971: 71; Маннай-оол 2004: 87–89], другие — тунгусским [Татаринцев 2009а: 254–263], поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования.

Многие родоплеменные по происхождению группы, входящие в состав тувинцев, встречаются не только на территории Тувы, но и за ее пределами. Например:

- *иргит* ~ *иркиты* встречаются среди алтайцев, хакасов (среди этнографической группы койбалов), хотогойтов и западных монголов, а также в Бурятии среди тункинских сойотов [Татаринцев 2009б: 192–198];

- *сояны* зафиксированы на Алтае и Монголии (в сомонах Цэнгэл, Буянт, Мингат, Тес, Тоцонцэнгэл) [ПМК 1999–2022];

- *чогды* — среди тофаларов как *чогды*, *кара чогды* [Татаринцев 2009г: 211–219];

- *чооду* — среди тофаларов, телеутов, кумандинцев, тубаларов, хакасов (у койбалов, сагайцев, качинцев), шорцев, среди северных алтайцев [Аристов 2007: 351; Татаринцев 2009г: 211] и у кыргызов [ПМК 1999–2022];

- *монгуш* — среди ферганских кара-киргизов [Аристов 2007: 351] и среди ошских кыргызов как *мунгуш* [Акерев 2017: 62–64; ПМК 1999–2022];

- *маады* — среди камасинцев (саянских самодийцев), хакасов (койбалов [Аристов 2007: 351], среди кыргызов как *маты* [ПМК 1999–2022];

- *сарыглар* — у хакасов (сагайцы), тофаларов [Аристов 2007: 351], у кыргызов [ПМК 1999–2022];

- *адай* — у казахов [Татаринцев 2009в: 229];

- *куулар* — у кыргызов [ПМК 1999–2022];

- *тумат* — у кыргызов [ПМК 1999–2022].

Данные факты подтверждают общность происхождения тувинцев, алтайцев, хакасов, киргизов, тофаларов, телеутов и ряда других тюркоязычных народов.

Заключение

Основным признаком идентификации для тувинцев остается административно-территориальный признак, установленный еще в середине XVIII в. маньчжурской (цинской)

династией Китая, кроме того, сохраняется значение шести дополнительных признаков: по географическим особенностям территории кожууна, на которой они проживали; по антропологическим особенностям, приписываемым представителям родовой группы; по характеру, который считался присущим представителям рода; по численности представителей рода в местности, куда в силу разных обстоятельств они переселились из основных мест проживания; по смешанным этническим компонентам и по хозяйственно-бытовому признаку.

К началу XX в. родоплеменные группы тувинцев были закреплены за определенными кожунами (районами), в которые входили различные группы. Родовые группы не имели права свободно передвигаться на другие территории, объединяться в пределах одного района. В результате были ослаблены внутривидовые связи, а также разорваны контакты родовых племен тувинцев с родственными народностями вне Тувы — алтайскими телеутами и енисейскими кыргызами и т. д.

В ходе нашего исследования насчитано более сорока основных названий родоплеменных групп тувинцев, которые делятся и на внутренние патронимии, которые отражают родовые особенности тувинцев. К сожалению, некоторые из них находятся на стадии исчезновения, например, *хоролмай*, *хаазыт*.

По своему морфологическому строению этнонимы, обозначающие родоплеменные группы тувинцев, делятся на элементарные, сложные и описательные.

В составе родоплеменных групп тувинцев можно обнаружить компоненты, позволяющие считать их потомками тюрков-тюгу и теле, уйгуров, кыргызов, монголов, самодийских, кетских и тунгусских племен, которые приняли в разной степени участие в формировании тувинского народа.

В основе этногенеза тувинцев лежат преимущественно тюркоязычные компоненты, однако на этнический состав и язык современных тувинцев, как свидетельствуют историко-этнографические материалы, оказали и другие этнические компоненты. Этимология некоторых названий родовых племен тувинцев не ясна, а значительная часть этнонимов практически не были предметом изучения, поэтому они требуют более глубокого исследования. Многие родоплеменные по происхождению группы, входящие в состав тувинцев, распространены не только на территории Тувы, но и за ее пределами. Данный факт подтверждает то, что в прошлом многие тюркоязычные народы были едины.

С введением в Туве системы паспортов названия многих родов стали фамилиями представителей рода. В последующем этнонимы стали использоваться в качестве имен и отчеств, что подтверждается материалами тувинского языка. В настоящее время многие люди среднего и молодого поколения стали забывать, из какого рода они произошли, где жили их предки, чем они занимались, а некоторые не видят разницы между названием этноса и антропонимом.

Полевой материал автора

ПМК 1999–2022 — Полевые материалы Л. С. Кара-оол с 1999 по 2022 гг.

Литература

- Акерев 2014 — *Акерев Т. А.* Кыргыз: этногенез и история. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2014. 356 с.
- Акерев 2017 — *Акерев Т. А.* «Маджму ат-Таварих» как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии). Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.
- Акерев 2020 — *Акерев Т. А.* Усуни-Кыргызы. Кыргыз на просторах Евразии. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2020. 582с.
- Анайбан, Маннай-оол 2013 — *Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х.* Происхождение тувин-

Author's Field Data

Field materials of L. S. Kara-ool. The years 1999 to 2022. (In Tuv.)

- цев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 19–37.
- Аристов 2007 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 282–353.

- Африканов 2007 — *Африканов А. М.* Урянхайская земля и ее обитатели // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 131–134.
- Вайнштейн 1957 — *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Вып. V. Кызыл: Тип. управления культуры, 1957. С. 178–214.
- Вайнштейн 1980 — *Вайнштейн С. И.* Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 68–88.
- Вайнштейн, Москаленко 2008 — *Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П.* Общие сведения о Туве и тувинцах // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 19–40.
- Грум-Гржимайло 2007 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 496–638.
- Дамба и др. 2018 — *Дамба Л. Д., Айыжы Е. В., Монгуш Б. Б., Жабагие М. К., Юсупов Ю. М., Сабитов Ж. М., Агджоян А. Т., Маркина Н. В., Доржу Ч. М., Балановская Е. В., Балановский О. П.* Комплексный подход в изучении родовой структуры тувинцев Республики Тыва на примере родов *монгуш* и *ооржак* // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2018. № 2. С. 37–44.
- Дамба и др. 2019 — *Дамба Л. Д., Айыжы Е. В., Монгуш Б. Б., Короткова Н. А., Чернышенко Д. М., Утриван (Петров) С. А., Олькова М. В., Пылев В. Ю., Доржу Ч. М., Балановская Е. В., Балановский О. П.* Краткий обзор некоторых родоплеменных групп тувинцев по данным междисциплинарных исследований // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2019. № 2. С. 19–30.
- Донгак 2003 — *Донгак В. С.* Этническая идентичность тувинцев: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2003. 25 с.
- История Тувы 2001 — *История Тувы*: в 2 тт. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- История Тувы 2007 — *История Тувы*: в 2 тт. Т. 2 / под общ. ред. В. А. Левина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
- Канзай 2014 — *Канзай А. К.* Родоплеменные группы населения Эрзинского кожууна в исторической литературе // Записки очевидца. Кызыл; Абакан: Кооператив «Журналист», 2014. С. 255–268.
- Катанов 1903 — *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-лит. Имп. Казанского университета, 1903. 1600 с.
- Кенин-Лопсан 2017 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тыва чаңчыл (= Тувинские традиции). Ч. I и II. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2017. 360 с.
- Кон 2007 — *Кон Ф.* Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 4: Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 439–442.
- Кудайберды-улы 2018 — *Кудайберды-улы Ш.* Родословная тюрков, кыргызов, казахов и ханских династий. Бишкек: Турар, 2018. 230 с.
- Курбатский 2001 — *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Кушкаш 1996 — *Кушкаш Т. Т.* Тожунун бурунгузу (= Древние традиции Тоджи). Кызыл: ИПК газеты «Эне сөзү», 1996. 48 с.
- Ламажаа 2021 — *Ламажаа Ч. К.* Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1

- Ламажаа, Намруева 2018 — *Ламажаа Ч. К., Намруева Л. В.* Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 206–226. DOI: 10.25178/nit.2018.2.11
- Мандыт 2015 — *Мандыт М. К.* Историко-географические особенности формирования тувинского народа // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 4. С. 253–257.
- Маннай-оол 2004 — *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Монгуш 2005 — *Монгуш М. В.* Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 52 с.
- Монгуш 2008 — *Монгуш М. В.* Тувинцы Монголии и Китая // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 205–261.
- Островских 2007 — *Островских П. Е.* Краткий отчет по поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхы к Танну-Туве (конец XIX – первая половина XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 146–156.
- Потанин 2007 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Выпуск II. Материалы этнографические // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.). М.: Слово, 2007. С. 374–495.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и расселение тувинцев в XIX и начале XX в. // Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. С. 43–78.
- Сердобов 1970 — *Сердобов Н. А.* Современное расселение носителей тувинских этнонимов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Вып. XIV. Кызыл: Тип. управления по печати при Совмине ТувАССР, 1970. С. 66–107.
- Сердобов 1971 — *Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации / отв. ред. Л. П. Потапов. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 482 с.
- Татаринцев 1980 — *Татаринцев Б. И.* О некоторых тувинских этнонимах // Новейшие исследования по археологии и этногенезу тувинцев. Кызыл: Тип. Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совмине ТувАССР, 1980. С. 144–148.
- Татаринцев 1986 — *Татаринцев Б. И.* Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения) // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1986. С. 64–86.
- Татаринцев 2009а — *Татаринцев Б. И.* Тунгусский след в этнонимах Южной Сибири // Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. С. 254–263.
- Татаринцев 2009б — *Татаринцев Б. И.* Этноним *иргит* // Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. С. 192–198.
- Татаринцев 2009в — *Татаринцев Б. И.* Два тувинских этнонима (*адай*, *чаг-тыва*) // Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. С. 225–240.
- Татаринцев 2009г — *Татаринцев Б. И.* О происхождении тувинских этнонимов *чооду*, *чогду* и их соответствий в тюркских языках // Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. С. 211–219.
- Турчанинов 2009 — *Турчанинов А. А.* Наличие сойотского населения // Урянхайский край в 1915 году. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2009. С. 93–94.
- Ушницкий 2016 — *Ушницкий В. В.* Этногенез кыргызских племен в аспекте изучения проблемы происхождения тюрко-монгольских этносов. Бишкек: МАРТНАБ, 2016. 184 с.
- Яковлев 2007 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхы к Танну-Туве (конец XIX – первая половина XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 204–210.

References

- Afrikanov A. M. Uryankhay land and its inhabitants. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 5: Uryankhay Krai. From Uryankhay to Tannu-Tuva. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 131–134. (In Russ.)
- Akerov T. A. Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2017. 348 p. (In Russ.)
- Akerov T. A. The Kyrgyz: Ethnogenesis and History. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2014. 356 p. (In Russ.)
- Akerov T. A. The Wusun-Kyrgyz: Kyrgyzes in the Great Spaces of Eurasia. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2020. 582 p. (In Russ.)
- Anayban Z. V., Mannay-ool M. Kh. Tuvans' genesis. Historical background. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 3. Pp. 19–37. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/220> (accessed: 15 June 2022). (In Russ.)
- Aristov N. A. Turkic tribes and ethnicities: Notes on the ethnic composition [supplemented] with population numbers. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uriankhai, 4th – Early 20th Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 282–353. (In Russ.)
- Damba L. D., Aiyzhy E. V., Mongush B. B., Korotkova N. A., Chernyshenko D. M., Utrivan (Petrov) S. A., Olkova M. V., Pylev V. Yu., Dorzhu Ch. M., Balanovska E. V., Balanovsky O. P. Summary of some family breeding groups of Tuvans under data of interdisciplinary researches. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 2. Natural and Agricultural Sciences*. 2019. No. 2 (45). Pp. 19–30. (In Russ.)
- Damba L. D., Aiyzhy E. V., Mongush B. B., Zhabagin M. K., Yusupov Yu. M., Sabitov Zh. M., Agdzhoyan A. T., Markina N. V., Dorzhu Ch. M., Balanovska E. V., Balanovsky O. P. Complex approach in clan structure of Tuvans by the example of clans *Mongush* and *Oorzhak*. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 2. Natural and Agricultural Sciences*. 2018. No. 2 (37). Pp. 37–44. (In Russ.)
- Dongak V. S. Ethnic Identity of Tuvans. Cand. Sc. (sociology) thesis abstract. St. Petersburg, 2003. 25 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and Uryankhay Krai: An essay in the anthropology and ethnography of these territories. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uriankhai, 4th – Early 20th Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 496–638. (In Russ.)
- Kanzay A. K. Tribal and clan groups of Erzinsky District in historical literature. In: Eyewitness Notes. Kyzyl, Abakan: Zhurnalst, 2014. Pp. 255–268. (In Russ.)
- Katanov N. F. The Uryankhay Language: A Study [Supplemented] with Indications of Its Generic Relations to Other Turkic Languages. Kazan: Imperial Kazan University, 1903. 1600 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditions. Parts 1 and 2. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2017. 360 p. (In Tuv. and Russ.)
- Kon F. The expedition to Soyotia. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 4: Uryankhay Krai as a Crossroads of Opinions, Late 19th – Early 20th Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 439–442. (In Russ.)
- Kurbatsky G. N. Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Kushkash T. T. Ancient Traditions of Tozhu Tuvans. Kyzyl: Ene Sözü, 1996. 48 p. (In Tuv.)
- Lamazhaa Ch. K. The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 6–21. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.4.1
- Lamazhaa Ch. K., Namrueva L. V. Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: The case of Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 2. Pp. 206–226. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/778> (accessed: 16 July 2022). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2018.2.11
- Levin V. A. (ed.) History of Tuva. In 2 vols. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 2007. 430 p. (In Russ.)
- Mandyt M. K. Historical and geographical features of formation of the Tuva people. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 4. Pp. 253–257. (In Russ.)
- Mannay-ool M. Kh. The Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka. 2004. 166 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. Tuvans of Mongolia and China. In: Turkic Peoples of Eastern Siberia. Moscow: Nauka, 2008. Pp. 205–261. (In Russ.)
- Mongush M. V. Tuvans of Russia, Mongolia, and China: Ethnic and Ethnocultural Processes, Contemporary Identity. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2005. 52 p. (In Russ.)

- Ostrovskikh P. E. A brief report on the journey to Tozhu Kozhuun (Todzhinsky District) of Uryankhay Region. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Dept. Anthology. In 7 vols. Vol. 5: Uryankhay Krai. From Uryankhay to Tannu-Tuva. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 146–156. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Results of the 1876–1877 journey sanctioned by the Imperial Russian Geographical Society. Part 2: Ethnographic materials (St. Petersburg). In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Dept. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uriankhai, 4th – Early 20th Centuries. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 374–495. (In Russ.)
- Potapov L. P. Tuvans, 19th and early 20th centuries: Ethnic composition and areal distribution. In: Essays on Tuvan Household Life. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 43–78. (In Russ.)
- Qudayberdiuli Sh. The Genealogy of Turks, Kyrgyzes, Kazakhs, and Royal Dynasties. Bishkek: Turar, 2018. 230 p. (In Russ.)
- Serdobov N. A. Contemporary areal distribution of Tuvan ethnonyms. In: Scholarly Notes of Tuvan Institute for the Study of Language, History and Literature. Vol. 14. Kyzyl: Tuvan ASSR Council of Ministers (Print Media Dept.), 1970. Pp. 66–107. (In Russ.)
- Serdobov N. A. Tuvan Ethnos: A History of the Formation. L. Potapov (ed.). Kyzyl: Tuva Book Publ., 1971. 482 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Challenges faced by researchers of Tuvan ethnonymy: Some supposedly Mongolian-stemmed ethnonyms analyzed. In: Studies in Tuvan Philology. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1986. Pp. 64–86. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. *Choodu, Chogdu*: Etymologies of the Tuvan ethnonyms and their analogues in Turkic languages revisited. In: Selected Scholarly Writings. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. Pp. 211–219. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Some Tuvan ethnonyms revisited. In: Latest Studies in the Archaeology and Ethnogenesis of Tuvans. Kyzyl: Tuvan ASSR Council of Ministers (Print Media and Book Trade Dept.), 1980. Pp. 144–148. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. The ethnonym *Irgit* analyzed. In: Selected Scholarly Writings. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. Pp. 192–198. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. The Tungus trace in ethnonyms of Southern Siberia. In: Selected Scholarly Writings. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. Pp. 254–263. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Two Tuvan ethnonyms revisited (*Aday, Chag-Tyva*). In: Selected Scholarly Writings. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. Pp. 225–240. (In Russ.)
- Turchaninov A. A. Soyot population. In: Uryankhay Krai in 1915. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute (Government of the Tyva Republic), 2009. Pp. 93–94. (In Russ.)
- Ushnitsky V. V. Ethnogenesis of Kyrgyz Tribes: A Perspective from Insights into Origins of Turko-Mongols. Bishkek: MARTSNAB, 2016. 184 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Origins of the Sayan reindeer breeders: Ethnogenesis of Tozhu Tuvans and Tofalars approached. In: Peoples of the North and Their Ethnogenesis. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 68–88. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Tuvan ethnogenesis: An essay. In: Scholarly Notes of Tuvan Institute for the Study of Language, History and Literature. Vol. V. Kyzyl: [Tuva] Department of Culture, 1957. Pp. 178–214. (In Russ.)
- Vainshtein S. I., Mannay-ool M. Kh. (eds.) History of Tuva. In 2 vols. Vol. 1. 2nd ed., rev. and suppl. Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I., Moskalenko N. P. Tuva and Tuvans: An overview. In: Turkic Peoples of Eastern Siberia. Moscow: Nauka, 2008. Pp. 19–40. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. Non-Russian population of the Southern Yenisei River valley: An ethnographic review. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Dept. Anthology. In 7 vols. Vol. 5: Uryankhay Krai. From Uryankhay to Tannu-Tuva. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 204–210. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1271-1292, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

Нойон Галдама в письменной и устной традиции монгольских народов

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бакаева Э. П., 2022

Аннотация. *Введение.* В старописьменных памятниках ойратов зафиксированы сведения об исторической личности — нойоне Галдаме (калм., ойрат. *Галдма, Галдмба*; монг. *Галдамаа, Галдамбаа*), сыне хошутского Очирту-Цецен-хана, внуке хошутского Байбагас-хана и джунгарского Батура-хунтайджи. Память о Галдаме сохранилась в устном народном творчестве ряда монгольских народов. *Цель* статьи — обобщить сведения об исследованиях, посвященных Галдаме, проанализировать причины популярности его личности в народной традиции монгольских народов и показать особенности его образа в разных жанрах фольклора. *Результаты.* Исторический персонаж — сын Очирту-Цецен-хана — известен в письменной и устной традиции монгольских народов. В биографии Зая-пандиты, составленной Ратнабадрой в конце XVII в., имеются сведения о Галдаме, есть они и в других письменных источниках. В монголоведении более ста лет известны песни о Галдаме эпического характера, записано около двух десятков легенд об этом герое. Имя Галдамы — представителя ойратской аристократии XVII в. — встречается в фольклоре ряда монгольских народов: калмыков и бурят России, ойратов западной Монголии и китайского Синьцзяна (торгутов, хошутов, олетов), а также среди алашаньских хошутов, эдзинецких торгутов во Внутренней Монголии КНР. Исследователи выявили более тридцати вариантов песен и двадцати легенд и преданий, связанных с образом Галдамы. *Выводы.* Распространение фольклорных текстов, в которых в центре стоит образ защитника родных территорий, связано с темой защиты Родины, являвшейся особенно актуальной для монгольских народов в период жизни нойона Галдамы (1635–1667), прославившегося как воин и возглавлявшего, согласно устной традиции, охрану ойратских кочевий — когда над монгольскими кочевьями нависла угроза их захвата маньчжурскими войсками, а представители монгольских этнополитических объединений собирались на съезд 1640 г., выработавший Великие законы, объявившие защиту монгольского нутука главной целью и доблестью. Значимость личности Галдамы в истории ойратов отражена в мифологизации его образа, что прослеживается в фольклорной традиции ойратов.

Ключевые слова: Галдама, ойраты, калмыки, монгольские народы, образ защитника, фольклор, письменные памятники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Нойон Галдама в письменной и народной традиции монгольских народов // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1271–1292. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

Noyon Galdama in Written and Oral Traditions of Mongolic Peoples

Elza P. Bakaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista, 358000, Russian Federation).

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Bakaeva E. P., 2022

Abstract. *Introduction.* Oirat old-script texts tell us about the prominent historical figure of Noyon Galdma (Kalm., Oir. *Галдма, Галдмба*; Mong. *Галдамаа, Галдамбаа*), son of Khan Ochirtu-Tsetsen, grandson of Khan Baibagas of the Khoshuts and Khong Tayiji Erdeni-Baatar of Dzungaria. The image and memory of Galdama has been preserved in oral folklore of Mongols. *Goals.* The article attempts a review of studies to have dealt with Galdama, seeks to analyze the reasons underlying his popularity in Mongolic folklore traditions, and reveal peculiarities of the image characteristic of different genres. *Results.* The historical figure — the son of Khan Ochirtu-Tsetsen — is widely known in written and oral traditions of Mongolic peoples, e.g., Galdama is mentioned in Ratnabhadra's Biography of Zaya Pandita and other narratives. Mongolists have been dealing with epic songs of Galdama for over a century already, a total of circa twenty legends about this hero have been recorded. The seventeenth-century Oirat nobleman's name is nowadays integral to diverse Mongolic cultures, such as Kalmyks and Buryats of Russia, Oirats of Western Mongolia and China's Xinjiang (Torghuts, Upper Mongols, Olots), as well as Alasha Khoshuts and Ejine Torghuts inhabiting Inner Mongolia (PRC). So, versions of Galdma-related songs number over thirty. *Conclusions.* The dissemination of folklore texts centered around the renown protector of native territories believed to have been a skilful warrior and chieftain of border detachments is associated with the theme of homeland defense that was most urgent during the lifetime of Noyon Galdama (1635–1667) — when all Mongols faced an increasing threat of Manchu invasion, and the Congress of 1640 developed The Great Code of Laws that proclaimed defense of Mongol-inhabited domains a supreme goal and virtue. Mythologization of Galdama's image also attests to the significance of his personality in Oirat history, which can be traced in Oirat folklore heritage.

Keywords: Galdama, Oirats, Kalmyks, Mongolic peoples, image of protector, folklore, written sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Bakaeva E. P. Noyon Galdama in Written and Oral Traditions of Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1271–1292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

Введение

Галдама — историческая личность, хошутский нойон, сын Очирту-Цецен-хана, старшего сына хошутского Байбагас-хана, являвшегося одним из пяти братьев (Бай-

багас Батур, Тумедей Уйзанг Кундулен Дургечи Убаши, Гуши, Засактуцинг Батур, Буян Хатун Батур) — «пяти барсов», сыновей нойона Хонгора [Габан Шараб 2003: 87].

В старописьменных источниках и фольклоре монгольских народов он именуется как Галдама (калм., ойрат. *Галдма*, монг. *Галдамаа*) и как Галдамба (калм., ойрат. *Галдмба*, монг. *Галдамбаа*) [Габан Шараб 2003: 88; Батур-Убаши Тюмень 2003: 130; Осорин 2015; и др.]. Известный калмыковед Г. С. Лыткин о нем писал: «Ни об одном из ойратских владельцев не осталось в потомстве столько живых, прекрасных воспоминаний, как о хошутском нойоне Галдаме, сыне Цецен-хана от брака его с дочерью зюнгарского Ердени Батур хун тайчжия¹. Галдама был рыцарь без упрека или, как выражается ойратский историк емчи² Габан Шараб, он был непогрешим даже в самых сомнительнейших поступках» [Лыткин 2003: 390–391].

Отдельные сведения о хошутском нойоне Галдаме содержатся в старописьменных источниках на ойратском (старокалмыцком) и монгольском языках [Ратнабадра 2003: 187, 190, 193, 194, 196, 205–206; Габан Шараб 2003: 103, 105; Батур-Убаши Тюмень 2003: 130; Норбо 1999: 103, 198–200, 226–227 и др.; История дурбэн-ойратов 2016: 67–68, 74; Родословная августейшего 2016: 194; и др.]. Тексты устного народного творчества, связанные с именем Галдамы, слагались, судя по их содержанию, уже со второй половины XVII в. и впервые были записаны во второй половине XIX – начале XX в. В разных регионах расселения монголоязычных народов. Так, в 1860–1861 гг. в газете «Астраханские губернские ведомости»³ были изданы «Материалы для истории ойратов» Г. С. Лыткина, которые начинались с раздела «Хошутский нойон Галдама», включавшего записанные им среди калмыков четыре песни о Галдаме и легенды об этой исторической личности [Лыткин 2003: 390–400]. А. М. Позднеев опубликовал среди образцов фольклора монгольских народов песню о Галдаме, записанную им среди дербетов Монголии (1876–1879⁴) [Позднеев 1880: 146].

¹ Правитель Джунгарского государства Эрдени Батур хунтайджи.

² Эмчи — буддийский монах-врачеватель.

³ Астраханские губернские ведомости (часть неофициальная). 1860. № 45–46; 1861. № 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26–29 (цит. по: [Лунный свет 2003: 390]).

⁴ А. М. Позднеев выехал в 1876 г. в составе экспедиции Г. Н. Потанина в Монголию и по ее завершении в 1877 г. остался в Монголии.

Свидетельством эпического характера песен о Галдаме является их содержание и восприятие народом, о чем рассказал А. М. Позднееву престарелый дербет, исполнивший ему эту песню: по его словам, в пору юности «он видел слезы, катившиеся из глаз стариков при пении этой песни» [Позднеев 1880: 146]. «Из числа записанных мною у олотов⁵ эпических песен, песня о Галдаме едва ли не самая древнейшая по происхождению, по крайней мере Галдама является старейшим из всех прочих личностей, до которых относятся эти песни» [Позднеев 1880: 146–147].

Цель статьи — обобщить сведения об исследованиях, посвященных Галдаме, проанализировать причины популярности его личности в народной традиции монгольских народов и показать особенности образа в разных жанрах фольклора.

Запись народных фольклорных текстов о Галдаме и их изучение

Самыми ранними записями песен о нойоне Галдаме явились записи Г. С. Лыткиным четырех калмыцких песен [Лыткин 2003: 390–400] и А. М. Позднеевым — одной песни западномонгольских дербетов, которая, как выяснилось в результате сравнительного исследования, включает строфы из трех разных песен записи Г. С. Лыткина

Песни, включенные в выпуск 1-й [Позднеев 1880] предполагавшегося им издания «Образцов народной литературы монгольских племен», он собирал, по его свидетельству, на обратном пути [Позднеев 1880: I], таким образом, время записи песни о Галдаме, скорее всего, 1878–1879 гг.

⁵ А. М. Позднеев пишет «олот» и имеет в виду ойратов. Он пишет: «Названию Олёт я хочу придать то значение, которое придают ему сами монголы, т. е. употребляя его как нарицательное имя для всех, так называемых у нас чжунгарских поколений. Такое значение, насколько мне известно, прилагается у нас к имени Олёт впервые, и хотя вопрос об имени Олёт и ойратов уже неоднократно был поднимался европейскими ориенталистами, однако до сего времени он все еще не был определенно решен в европейской литературе о востоке... Достоверно только одно, что имена Ойрат и Олёт никогда не были собственными именами каких-либо отдельных поколений, а были, как и теперь, нарицательными для нескольких частных родовых имен...» [Позднеев 1880: 134].

(опубликованных в 1860 г. в «Астраханских губернских ведомостях») — о прославлении нойона и о печали по нему. А. М. Позднеев приходит к выводу о том, что «все это прежде всего свидетельствует о том, что в старину каждая из этих песен порознь представляла собой отдельное целое; а затем убеждает в том, что Оло́ты уже охладели к своему эпосу и скоро забудут его точно также, как забыли свой халхасы» [Позднеев 1880: 146], и отмечает, что зафиксированная им песня «составляет похвалу Галдаме, причем в содержание ее вошло главным образом картинное описание свойств его как богатыря, с самым незначительным указанием на действительные его заслуги» [Позднеев 1880: 149].

Предания о Галдаме («Һалдман тууж») были записаны Г. С. Лыткиным в 1850-х гг. от простого калмыка Бебе из Малодербетовского улуса [Лыткин 2003: 454] и от зайсанга Малодербетовского улуса Улюмджи Джамбаева [Лыткин 2003: 455]; в период 1890–1892 гг. среди донских калмыков — И. И. Поповым (опубликовано учеными КалмНЦ РАН: [Инедиты 2021: 76–85]). Две песни о Галдаме есть в сборнике из коллекции, поступившей от К. Ф. Голстунского [Успенский 2001: 18–19; Борлыкова, Меньев 2022: 54–55], что позволяет предположить, что они были записаны этим ученым среди калмыков, не раз побывавшим в калмыцких степях [Голстунский 2014; и др.]. В 1904 г. В. Л. Котвич также зафиксировал предание о Галдаме «Һалдман тууж» среди калмыков: копия материала, хранящегося в архиве ученого в г. Кракове, имеется в архиве Калмыцкого научного центра РАН [Һалдман тууж 1904].

В 1909 г. песню и предание о Галдаме среди других материалов записал у астраханских калмыков студент Петербургского университета Номто Очиров [Очиров 2006: 63–66, 116], о чем осталось свидетельство в его отчете [Очиров 2001: 76]. Среди материалов Н. О. Очирова есть и сказка «Очр Цецн хан» [Очиров 2006: 234–239], названная по имени отца Галдамы¹. По материалам экспедиции в Западную Монголию Б. Я. Владимирцовым, среди образцов монгольской словесности также была опубликована песня о Галдамбе-батаре [Владимирцов 1926: 55; Владимирцов 2005: 210].

Песня о Галдаме была включена в выпущенный в 1937 г. в Париже сборник песен торгутов Китая, исполненных принцессой Нирджидмой во время встречи с членами французского общества друзей Востока [Dix-huitchants 1937]; в 2009 г. П. Э. Алексеева включила все эти песни в подготовленный сборник, посвященный личности Нирджидмы и ее песням [Алексеева 2009]. Примечательно, что в этих сборниках приводятся ноты к песне² [Алексеева 2009: 70].

Калмыцким историческим песням посвящена статья Б. Б. Оконова [Оконов 1984³], в которой он рассмотрел песни о Галдаме, а также Мазан-Батыре, Шуна-Батыре и наместнике ханства Убаши. В ней опубликованы в современной калмыцкой графике тексты песен о Галдаме, записанные Г. С. Лыткиным, одна песня, зафиксированная Б. Б. Оконовым в 1974 г. в совхозе «Красносельский» Малодербетовского района Калмыцкой АССР от Б. Б. Манджиевой, а также песни, опубликованные в разные годы А. М. Позднеевым [Позднеев 1880: 149–151], Б. Я. Владимирцовым⁴

² И. В. Добровольский в первом выпуске своего Азиатского музыкального журнала, вышедшем в 1816 г., опубликовал ноты песни «Мазан богатырь. О древних богатырях калмыцких», а также песни о некоем «Далма богатыре» с указанием: «Также из древних преданий» (цит. по: [Рыбаков 1897: 302]). В записанной в самом начале XIX в. песни, отражающей «древнее предание», должна была идти речь о каком-то знаменитом герое. Известно, что самым ранним преданием являлось предание о Галдаме / Галдамбе (калм. *Галдма, Галдмба*). Поэтому примечание И. В. Добровольского позволяет предположить, что, возможно, речь в песне шла о Галдаме, но название было записано со слов информанта с искажениями. Этот вопрос требует дополнительных изысканий. Ноты песни о Далме [Рыбаков 1897: 302] и о Галдаме [Алексеева 2009: 70] отличаются, но ведь было известно несколько песен об этом герое.

³ В 2016 г. на сайте «Nutug.ru» размещена электронная версия части статьи Б. Б. Оконова, посвященная образам Галдамы и Мазан-Батыра. Но в этой версии, опубликованной уже после ухода из жизни д-ра филол. наук Б. Б. Оконова (1941–2011), отсутствуют тексты о Галдаме, которые имелись в приложении к статье 1984 г. (см.: [Оконов 1984; Оконов 2016]).

⁴ Б. Б. Оконов привел и русский перевод песни.

¹ В тексте сказки не упоминается Галдама.

[Владимирцов 1926: 55] и составителями сборника калмыцких песен «Дуулич, теегм, дуул» [Дуулич 1958: 226]. Вышеуказанные песни о Галдаме упоминаются в «Истории калмыцкой литературы», где отмечается их связь с более ранними образцами фольклора, эпический характер, жанровая принадлежность к песням-восхвалениям (магталам) и песням-плачам [История калмыцкой 1981: 122, 123, 126, 276].

Н. Ц. Биткеев в работе о калмыцком песенном фольклоре посвящает небольшой раздел Галдаме, приводит русские переводы [Биткеев 2005: 25–27] текстов двух песен (песни-просьбы о дозволении выступить в бой и песни-плача)¹ и сведения об этом герое, а также данные о преданиях о Галдаме, бытующих среди синьцзянских ойратов, и песнях ойратов Монголии [Биткеев 2005: 27–28]. Упоминается, что еще одна песня была записана у Ц. Тюменя помощником попечителя Багацохуровского улуса М. Г. Новолетовым [Биткеев 2005: 26]². Н. Ц. Биткеев приводит сведения о публикациях, вышедших в республиканской газете «Хальмг үнн» и подготовленных синьцзянскими ойратами Ш. Норбу [Норбу 1994] и Ноосан Уланбаяром [Ноосан 1994].

В монографии монгольского ученого П. Хорло песни о Галдаме приводятся как пример эпических и лироэпических песен [Хорло 1989: 34–37]. К. Н. Яцковская, собиравшая материалы по песням монгольских народов в полевых экспедициях, отмечает, что песни о Галдаме почитаются так же, как

это было во времена экспедиции Б. Я. Владимирцова [Яцковская 1988: 7], а также что песни о Галдаме можно принять за фрагмент эпоса [Яцковская 1988: 57] (в приложении приведен текст песни «Усны эхэн Халхалзуур» [Яцковская 1988: 214, 220]). Материалы по преданиям и легендам о Галдаме упоминаются также в работе Осорин Утнасун [Осорин 2015].

Образ Галдамы рассматривался С. В. Мирзаевой [Мирзаева 2016: 313–344], которая обратила внимание на сведения о жизни Галдамы, опубликованные Ван Гао Чао [Ван Гао Чао 2012: 46], отличающиеся от приведенных у Г. С. Лыткина [Лыткин 2003: 390–400] и в сборнике «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 126–127]. Она отмечает, что в фольклоре западных монголов и синьцзянских ойратов сохранилось много вариантов песен о Галдаме, первые варианты которых были опубликованы А. М. Позднеевым [Позднеев 1880] и Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов 1926]. Четыре варианта этой песни С. В. Мирзаева обнаружила в сборниках песен западных монголов, одна из них приводится в оригинале и русском переводе [Мирзаева 2016: 333].

В 2018 г. в Улан-Батаре вышла в свет книга, посвященная легендам и песням о Галдамбе, авторы которой — выпускник Ховдского университета, редактор «Ежедневной газеты» (Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее — СУАР) КНР) Б. Доржцэрэн и профессор Ховдского университета М. Ганболд — опубликовали тексты и варианты песен [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 41–64] и легенды [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 64–106] о Галдамбе, предварив их исследовательской частью о собранных фольклорных текстах [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20–40]. Этот труд является крупным вкладом в изучение и сохранение фольклорного наследия ойратских народов, связанного с Галдамой. Несомненной удачей явилось соавторство исследователей — представителей двух стран, в которых расселены ойраты: Б. Доржцэрэном были собраны тексты, имевшие хождение среди ойратских народов Китая. В приложении к этой работе дан ойратский текст калмыцкой легенды о Галдаме, записанный в 1904 г. В. Л. Котвичем, из научного архива Калмыцкого научного центра РАН, приведена ее запись на

¹ Н. Ц. Биткеев указывает, что песня «Пока вороной конь от езды не утомился», перевод которой он приводит, сохранилась в записи от нойона С. У. Тундутова. Поэтому можно сделать вывод, что источником послужила песня, записанная Г. С. Лыткиным у нойона Санджи-Убуши Тундутова и опубликованная в его «Материалах для истории ойратов» [Лыткин 2003: 391, 453]. Вторая песня также повторяет опубликованную Г. С. Лыткиным [Лыткин 2003: 400], за исключением того, что имя Гак эмчи не упоминается [Биткеев 2005: 26–27].

² Эта песня, таким образом, также основана на публикации Г. С. Лыткина, который пишет: «Сообщена владельцем Хошутского улуса нойоном Церенчаб Тюменевым. Эта песня положена на ноты М. Г. Новолетовым, помощником попечителя Багацохуровского улуса» [Лыткин 2003: 452].

кириллице, выполненная Д. Б. Гедеевой и переведенная на монгольский язык авторами. Таким образом, книга явилась результатом сотрудничества исследователей трех стран, в которых расселены ойратские по происхождению народы.

В недавно вышедшей публикации Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева приводятся тексты двух песен из сборника калмыцких песен из коллекции К. Ф. Голстунского [Борлыкова, Меняев 2022: 54–55].

В соответствии с целью нашей статьи проанализируем итоги проведенных к настоящему времени исследований, предварив анализом сведений о Галдаме из письменных источников.

Сведения о Галдаме, зафиксированные в старописьменных источниках, в контексте общей ситуации в ойратском нутуке

Сведения, приводимые Г. С. Лыткиным о Галдаме, восходят к старописьменному памятнику, известному источнику — «Биографии Зая-пандиты», составленной в конце XVII в. [Ратнабадра 2003], в которой не раз упоминается хошутский нойон Галдама как герой и защитник ойратских кочевий.

А. М. Позднев писал: «Галдама не был князем — правителем улуса, от того биографию его было бы бесполезно искать в истории олетских владетельных нойонов. Илэтхэл Шастра¹ издания Цянь-луна, подробно перечисляющая роды олетских князей, упоминает только, что Галдама был сыном хошоутовского Цэцэн-хана, родившимся от старшей супруги его, бывшей дочерью чжунгарского Батур-хун-тайчжия; кроме сего мы не имеем от китайцев никаких определенных сведений о Галдаме, и если находим указания о его деятельности, то единственно в олетской биографии Зая Пандиты» [Позднеев 1880: 146–147].

¹ Речь идет об официальном историческом труде цинского периода «Генеалогические таблицы и биографии вассальных монгольских и мусульманских ванов и гунов, составленные по императорскому указу», монгольская версия которого называется «Jarliy-iyar toytaγsan γadaγadu Mongγol Qotong ayimaγ-un wang gūng-ūd-ūn iledkel šastir» «Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов Внешней Монголии и Туркестана» (краткое название «Илэтхэл-шастир») [Санчилов 1990: 21].

Включение сведений о Галдаме в «Биографию Зая-пандиты» объяснимо уже тем, что он являлся не просто современником ойратского просветителя, но и внуком Байбагас-хана, направившего на учебу в Тибет (вместо себя или сына) одного из восьми сыновей Баабахана — будущего Зая-пандиту [Лунный свет 2003: 364] (согласно Габан Шарабу, Байбагас «усыновил хутухту» [Габан Шараб 2003: 91]), что в будущем определило особые отношения проповедника и двух сыновей Байбагаса. Но и сама личность Галдамы была достойной включения сведений о нем в летопись о Зая-пандите и ойратах его времени, так как сын Цецен-хана прославился своими подвигами с юности. Так, согласно «Биографии Зая-пандиты», в 17-летнем возрасте Галдама (Галдамба) принимал участие в походе Цецен-хана на «бурутов», где одержал победу над Янгир-ханом [Ратнабадра 2003: 187] — это событие имело место в 1652 г. Хан Янгир (в другом написании Жангир, 1610–1652), которого в народе называли «Салкам Жангир» («Внушительный, могучий Жангир») был сыном Есым-хана, правил казахами в 1643–1652 гг. и погиб в битве казахов с хошутами Цецен-хана [Кельдыбеков 2022: 69]. «Слава приветствовала Галдаму на военном поприще: он победил Янгирхана, одного из первейших богатырей, которого тюркские племена воспевают в своих песнях. Современные ойратские историки и летописцы на память потомству записали славный подвиг Галдамы, а отец, Цеценхан, в знак особенного своего доверия поручил ему охранять Ойратский нутук от набегов бурутов, хасак-ков (киргиз) и бухарцев. С этого времени, т. е. с 1652 года до самой кончины своей, 1667 года, Галдама бодро стоял на страже Ойратского нутука, кочуя между реками Таласу, Чуем (Цуу) и Или; сыновья лучших людей (зайсангов) следовали за ним и защищали его своим мечом и грудью, дорожа дружбой и одобрением молодого храброго своего нойона Галдамы и наградой его матери Сулумца хатун» [Лыткин 2003: 392].

«Биография Зая-пандиты» содержит еще несколько эпизодов, в которых Галдама показывает доблесть и мудрость. В 1657 г. Галдамба и Аблай способствовали примирению джунгар, расколовшихся на две партии в результате междоусобицы [Ратнабадра 2003: 190; Норбо 1999: 78]. Раздоры не

прекращались и между двумя братьями — сыновьями Байбагас-хана — Цецен-ханом и Аблаем [Лыткин 2003: 396; Норбо 1999: 80–81; и др.]. Галдама зачастую выступал в роли посредника между отцом и дядей. В 1658 г. он одержал победу над бухарским полководцем Абуду Шукуром, возглавлявшим 38 тыс. воинов, пленил 300 передовых воинов [Ратнабадра 2003: 190], в 1660 г. проявил себя во время противостояния Аблая и Цецен-хана [Ратнабадра 2003: 193–194] и затем во время осады Аблая в его монастыре после решения Цецен-хана о примирении с братом поехал в укрепленный монастырь в сопровождении 4–5 человек, чему возрадовались находившиеся в осаде ойраты [Ратнабадра 2003: 196].

Галдама пользовался поддержкой простых людей. Ш. Норбо дает следующий комментарий: «Галдамба, безоружный, в сопровождении всего лишь трех своих дружинников отправился в лагерь к Аблаю для ведения переговоров и вновь способствовал примирению двух сторон. Известие о заключении мира ойратские воины и простые ойраты встретили криками „ура“, бросая вверх шапки. Они выражали свою большую радость по этому поводу и говорили: „Взошло солнце нашей счастливой жизни“» [Норбо 1999: 200].

В «Биографии Зая-пандиты» также сообщается, что Цецен-хан прислушивался к мнению Галдамы [Ратнабадра 2003: 196].

«Родословная августейшего Чингис-хана, родословная ойратов и родословная хошутов», как и другие письменные памятники ойратов, сообщает о происхождении Галдамы, что он младший сын Цецен-хана [Родословная августейшего 2016: 194]. «История дурбэн-ойратов» отмечает, что Галдама подчинил своей власти хотонов [История дурбэн-ойратов 2016: 67–68], и называет его «правителем хошутов» [История дурбэн-ойратов 2016: 74].

В «Сказании о дербен-ойратах» Габан Шараб упоминает поступок Галдамы, с тремя безоружными приближенными воинами вмешавшегося в противостояние между Цецен-ханом и Аблаем [Габан Шараб 2003: 103]. Летописец восхваляет и благородные помыслы Галдамы, намеревавшегося все свои улусы отдать своему приближенному Малай Хашхе, что не позволил сделать ему отец [Габан Шараб 2003: 105], более того,

он включает Галдаму в список ойратских владельцев, о которых народная молва считала, что они не имели с малолетства пороков [Габан Шараб 2003: 105].

Осенью 1667 г., «когда Галдамба скончался на [реке] Биджи, по нему было отслужено множество заупокойных служб. (Его тело) было немедленно предано сожжению, а прах отправлен в Баруун Тала (Тибет). (Вместе с прахом Галдамбы) в Баруун Тала был направлен посланец, чтобы получить благословение (от Далай-ламы). Когда (Далай-лама) прочитал благословение [т. е. поминальную молитву] и осмотрел прах, то [оказалось, что] на месте сердца (у Галдамбы) была кость, своей формой похожая на сердце (jirūken metū yason). (Далай-лама) завернул ее в платок-хадак, подержал в руках и, подув на нее, сказал: „У доброго человека сердце такое же твердое, как кость (sain kūtūn yason jirūke-tei)“. Когда (у Далай-ламы) спросили: „Где переродится душа (Галдамбы)?“ — то он ответил: „Она [уже] переродилась в тэнгрия“» [Норбо 1999: 103].

В старописьменном памятнике «Родословная монголов» говорится, что Галдан-Бошогту, узнав о том, что скончался Галдама, также «совершил поминальные обряды по Галдамбе и выехал вместе с Мэргэн-ламой [в Тибет]» [Родословная монголов 2016: 156]. Мэргэн-лама (или Мэргэн-Келемурчи) был одним из высокопоставленных буддийских монахов, которого не раз направляли к Далай-ламе по самым важным делам, он был в составе посольства, которое доставило кремированные останки тела Зая-пандиты в Тибет, где они виделись с Галданом [Ратнабадра 2003: 201]. Таким образом, погребальный обряд, проведенный после кончины Галдамы, свидетельствует также о его очень высоком статусе.

В. П. Санчиров в примечании к тексту старописьменного памятника дает характеристику нойона: «Галдама... прославился в народе как великий воин и миротворец, не жалевавший усилий для улаживания конфликтов внутри ойратского общества» [Письменные памятники 2016: 218], и отмечает: «Умер от болезни в молодом возрасте в 1667 г.», — хотя в примечании указывает источники [Лыткин 2003: 390–400; Норбо 1999: 199–200]. Однако о болезни в молодом возрасте упоминает только Ш. Норбо в комментариях к тексту «Биографии Зая-пан-

диты». Г. С. (Юрий) Лыткин в «Материалах для истории ойратов» прямо пишет, что Галдама был отравлен, будучи больным, по указанию его мачехи Уде Агас, Гаком-эмчи, который приготовил для больного напиток с ядом [Лыткин 2003: 398–399].

События указанного периода, несомненно, связаны с общей ситуацией, сложившейся на территориях кочевания монгольских народов. В первой трети XVII в. ойраты и монголы принимали активное участие в событиях в Тибете. Согласно старописьменному памятнику «Родословная монголов», на съезде 1640 г. было решено выставить объединенное войско ойратов под руководством Гуши для защиты «желтой веры» [Письменные памятники 2016: 13–134]. С другой стороны, существовала угроза маньчжурского завоевания, известно, что в 1636 г. южномонгольские территории уже были включены маньчжурами в зону своего непосредственного влияния [Ермаченко 1974: 67–69], и в связи с этим фактом на съезде ойратских и монгольских князей и духовенства 1640 г. в принятых Великих законах первая статья была посвящена необходимости объединения монголов и ойратов в случае нападения на государство, вторая — наказанию совершивших нападения на приграничные районы, следующие две статьи — разделению представителей разных монгольских групп, а в пятой статье говорилось: «В случае нападения неприятеля на Монголию или Ойратию — дать известие. Если кто из владетельных князей пограничных районов, услышав это известие, не выступит (против неприятеля), то взять с него сто панцирей, сто верблюдов и тысячу лошадей; если не выступит невладетельный князь, то взять с него десять панцирей, десять верблюдов и сто лошадей» [Их цааз 1981: 14].

В этот период контакты между территориями расселения разных групп ойратских народов были весьма тесными, несмотря на значительные расстояния. В 1640 г. в съезде ойратских и монгольских князей и духовенства принимали участие, наряду с другими князьями, прибывшие из калмыцких кочевий Хо-Урлюк, его сыновья Шукур-Дайчин, Эльдэн [Их цааз 1981: 13]. Представители откочевавших на Волгу ойратов (калмыков) принимали участие в объединенном войске, выступившем в Тибет по решению съезда. В

последующие годы продолжались столь же активные связи. Так, согласно «Биографии Зая-пандиты», летом 1654 г., когда Аблай в местности Баланайин-Усун-Худжир¹ построил свой монастырь [Ратнабадра 2003: 188], Галдама вместе с Сономом (внуком Аблая-тайши) и Сутаем прибыли к Аблайинкит, где в гостях у тайши находились Зая-пандита и Шукур-Дайчин, — для того, чтобы «навестить (Шукур)-Дайчина» [Норбо 1999: 74]. Устроены были большой пир и гуляние, затем Шукур-Дайчин, пригласив Ойратский большой монастырь Зая-пандиты приехать «к торгутам» (т. е. в волжские кочевья), возвратился домой; «Галдамба тоже, сказав, что его нутуг остался без хозяина, быстро возвратился домой» [Норбо 1999: 226–227]. В «Биографии Зая-пандиты» упоминается, что после кончины проповедника Галдамба совершил паломничество в ойратский Большой монастырь для поклонения статуе Зая-пандиты, привезенной туда от Далай-ламы и освященной в 1663 г. [Ратнабадра 2003: 205–206].

Таким образом, сведения из старописьменных памятников свидетельствуют не только о весьма знатном происхождении Галдамы — внуке Байбагас-хана хошутского, но и о высоком статусе Галдамы в обществе как защитника Ойратского нутуга, почитании его и уважении к нему со стороны ойратских владельцев и духовенства, близких отношениях его с представителями аристократии разных ойратских народов и этнических групп.

Образ Галдамы в народных песнях монгольских народов

Первые записи народных песен о Галдаме выявили жанровые характеристики песен, которые отмечались и Г. С. Лыткиным, и последующими исследователями [Лыткин 2003; Позднеев 1880; Владимирцов 1926; Хорло 1989; Оконов 1984; Биткеев 2005; Мирзаева 2016; Доржцэрэн, Ганболд 2018].

Все четыре песни, зафиксированные Г. С. Лыткиным, представляют последовательно части картины эпического повествования о богатыре Галдаме. Строфы трех из них, как констатировал А. М. Позднеев, проведя сравнительный анализ, входили в

¹ Ныне территория Уланского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

песню «Усны эхэнд Хонхолзуур» («У истоков реки на выстойке его Хонхолзур»), записанную им среди дербетов Монголии [Позднеев 1880: 149–151] и имеющую множество вариантов, записанных среди ойратских народов [Мирзаева 2016: 332]. Важно отметить, что, по мнению А. М. Позднеева, записанная им песня — «едва ли не самая древнейшая по происхождению» среди эпических песен [Позднеев 1880: 146].

Первая песня подобна эпическому зачину, в котором происходит «самовыбор» богатыря (т. е. он проявляет инициативу), обращающегося с просьбой о разрешении выступить в поход. В этой песне «Хар мөрн эцэд угад¹» («Пока мой вороной не утомился от езды»), записанной Г. С. Лыткиным у малодербетовского нойона Санджи-Убуши Тундутова [Лыткин 2003: 453], Галдама обращается с просьбой-мольбой к хану-отцу за разрешением выступить в поход против неприятеля: *Аав. Таль би, шурһнав би...* «Отец, Пусти меня, я нападу...» [Лыткин 2003: 391; Оконов 1984: 32].

Вторая из записанных Г. С. Лыткиным песня «Хаадудын үүднд» («У дверей ханов», т. е. на страже ханов)² посвящена описанию Галдамы, одетого в военные доспехи, с колчаном, полным стрел, за спиной, окруженного соратниками, следующими за ним. В строфах песни заключены слова, сходные с клятвой богатырей, в которых говорится о приучении боевых коней к походу, а богатырей — к битве: *Дөңн шарһан чөдртнь дасхсн, Дөңн баатран Дэснднь дасхсн* [Лыткин 2003: 392]. В переводе: «Четырехгодовалого солового заставим привыкать к треножнику, сорок богатырей заставим привыкать к битве с врагами, причем богатыри, как в эпическом сказании, сопоставляются с соколами и ястребами: *Начн шоңхран хундгнь дасхсн* („Соколов и ястребов заставим привыкать брать лебедей“ (т. е. приучим к битве с врагами)» [Лыткин 2003: 392–393].

В песнях, зафиксированных А. М. Позднеевым среди дербетов Монголии и Б. Я. Владимирцовым среди торгутов Монголии³, говорится более конкретно — не

о богатырях, а о дербен-ойратах: *Гунахан зээрдээги чөдөртөни дасхасан, гурбун ойрадыйги дайсундуни дасхасан, эркин төрөсөн Галдама мини! Дөнөкөн шаргайги чөдөртөни дасхасан, дөрбөн ойрадыйги дайсундуни дасхасан эркин төрөсөн Галдама мини!* — «Приучивший к путам трех-летнего рыжку, приучивший к врагам трех ойратов, благородный Галдама мой! Приучивший к путам четырех-летнего соловко, приучивший к врагам четырех Ойратов, благородный Галдама мой»⁴ [Позднеев 1880: 149–151]; «Гунхн шарһан чөдртән дасхәсн, гурwхн нөкдән cyphaldән дасхәксн; дөңңкн шарһән чөдртән дасхәксн, дөрwхн нөкдән cyphaldән дасхәксн, еркм сән төрөксн Галдмбә бәтр!» [Владимирцов 1926: 55] — «Трехлетнего солового коня к треноге приучивший, трех сотоварищей к наукам приучивший; четырехлетнего солового к треноге приучивший, четырех сотоварищей к наукам приучивший, благородный от рождения Галдамба богатырь!»⁵.

Песня является восхвалением-магталом героя, что характерно для эпического повествования. В записанной А. М. Позднеевым песне «Усун-ни экин-дү Хонхолзуур ни солгойтой» («При истоках воды на выстойке его Хонхолзур») более развернуто дано описание богатырской мощи Галдамы, говорится о том, что он сотрясает стрелами в колчане, потряхивает ружьем с фитильным замком, стреляет так, что может раздробить берцовую кость дикой лошади, прострелить насквозь вооруженного человека, герой подобен клыкам верблюда, быстрому нападению кречета, молнии в открытой местности, и за ним следуют благородные друзья — сыновья князей, его войско [Позднеев 1880: 146–151].

В отличие от сюжетно-композиционной структуры эпических песен, в песне о герое Галдаме отсутствует активное разворачивание «образцов монгольской словесности» песню № 114 относит к разделу «наречие торгут» [Владимирцов 2005: 145], т. е. приводит сведение о том, что песня записана на торгутском наречии, на котором говорят торгуты в Булгане Кобдоского края.

⁴ Перевод текста, записанного А. М. Позднеевым, сделан им же.

⁵ Перевод текста, записанного Б. Я. Владимирцовым, приведен здесь по: [Оконов 1984: 54].

¹ Тексты, записанные Г. С. Лыткиным, приводятся в современной калмыцкой орфографии.

² Эта песня также сообщена Г. С. Лыткину нойоном Санджи-Убуши Тундутовым [Лыткин 2003: 453].

³ Поскольку Б. Я. Владимирцов в «оглавлении»

ние сюжета, описание битвы. Тем не менее, как отмечал П. Хорло, «композиция песни очень близка к композиции эпического сказания» [Хорло 1989: 35]. Но в песнях, записанных А. М. Позднеевым и Б. Я. Владимирцовым, все же зафиксировано сведение о противостоянии бурутам (казахам) и киргизам: «Хас кўнъгэй нутук чини эзэн ўга дўнгэчи харакданай, хасак бурут хойор чини Эльдэн-дэн отбо, Эркин төрөсөн Галдама мини» («Родное кочевье твое Хасъ-кўнъгэй без правителя возбужденным кажется, Киргизы и Буруты твои ушли к Эльдэну, благородный Галдама мой!») [Позднеев 1880: 150–151]; «Хашкң-Jel нутўк харлң дўнгғайт хоцрwа, Хаск Бурут хојірің јелдндāt, јелдндāt одwа» [Владимирцов 1926: 55] («Кочевье твое Хашкун-гел, потемнев, осталось возвышаться (пустым, без хозяина), казахи и буруты ушли к Елдену»).

Еще одна песня, как пишет Г. С. Лыткин, «сообщена владельцем Хошутского улуса нойоном Церенчжаб Тюменевым¹» [Лыткин 2003: 453], она продолжает тему представления героя через его описание на эпическом пиру — это песня «Бербенгин тотъ шовун» («Птица-попугай из Брайбуна»). В тексте содержится призыв присоединиться к пиру, на котором восседает чудесный Галдама, умеющий повелевать: *Һәәхмжәтә Һалдма Һанц сәәхн зәрлгтә* («Чудный Галдама, возбуждающий удивление, Обладает чрезмерно дивным повелением (силою красноречия)» [Лыткин 2003: 393–394].

Вариант этой песни о Галдаме, в которой представлена картина пира богатырей, также имеется в коллекции К. Ф. Голстунского, хранящейся в рукописном отделе библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского университета (шифр Сalm В12, инв. № 1753, текст опубликован в: [Борлыкова, Меняев 2022: 54]), в сборнике песен, датированном 1857 г. [Успенский 2001: 1854]. Один из вариантов этой песни — «Берин бенз тотъ шовун» — записан Номто Очировым [Очиров 2006: 116].

Опубликованная Б. Б. Оконовым калмыцкая песня «Эркм сән төрсн Һалдма» («Благородный Галдама», в переводе Б. Б. Оконова — «От рожденья славный, о

Галдама») [Оконов 1984: 36; Оконов 2016] является вариантом песни «Хаадудын үүднд» («У дверей ханов»), в ней говорится о военных доспехах Галдамы, повторяются строфы об ожидающем героя коне и о его соратниках, обученных наукам. В приложении к статье исследователь также привел текст песни из раннего сборника калмыцких народных песен [Дуулич 1958: 226], в которой соединены строфы из других песен о Галдаме, восхваляющие героя и выражающие печаль по его гибели. В сборник «Төрсн һазрин дуд» («Песни родной земли») его составитель Б. Б. Оконов включил песню о Галдаме «Хаадудын үүднд» [Төрсн һазрин дуд 1989: 31].

Таким образом, перечисленные песни можно отнести к эпическим песням, которые могут быть представлены как части эпического повествования, характеризующие представление богатыря и его коня, эпический пир, а также самовывдвижение богатыря и его просьбу о благословении на поход. К. Н. Яцковская отмечала по отношению к песне о Галдаме, что ее текст близок эпическому сказанию и напоминает фрагмент улигера [Яцковская 1988: 57].

Отметим, что в песнях упоминается конь героя, но отсутствует прославление его стати, подобно эпическим песням, главное внимание отводится Галдаме. В легендах находится объяснение этому. Так, в легенде, записанной Ноосан Уланбаяром (названной улигером), повествуется о сюжете добычи коня герою. Выбор коня Галдамой с разрешения богача, в табуне он выбирает находящегося за ограждением горбатого коня (цит. по: [Доржжэрэн, Ганболд 2018: 89–90]).

Последняя же из записанных Г. С. Лыткиным песен о Галдаме относится к песням-плачам [Лыткин 2003: 400]. Она явно была сложена вскоре после гибели Галдамы и отражает горе и страдания его отца, Цецен-хана, потерявшего сына. В песне говорится о конкретных эпизодах возмездия врачевателю, погубившему Галдаму, за содеянное. Вместе с тем в песне-плаче центральной мыслью является уникальность героя-богатыря, которого невозможно восстановить и заменить так, как сменяется все в живом мире.

Среди песен-плачей о Галдаме выделяется ранняя запись в сборнике 1857 г. из

¹ Т. е. Серебджабом Тюменем, участником Отечественной войны 1812 г., командиром второго Астраханского калмыцкого полка, основателем знаменитого Хошеутовского хурула.

коллекции К. Ф. Голстунского (публикация текста: [Борлыкова, Меньев 2022: 55]), в котором соединены куплеты песни о коне Хонхолзуре, говорится об отправлении в поход и далее куплеты, в которых упоминаются не только скорбящий отец, но и его невестка, супруга Галдамы.

Песни о Галдаме были распространены не только среди калмыков России и дербетов, торгутов Монголии. Как отмечали исследователи, они бытуют у других ойратов Монголии: «Тексты не развернуты. Куплетов много. Каждый куплет состоит из трехстишия. Очевидно, песни о Галдме сочинялись сразу после смерти Галдмы. Есть справедливое предположение профессора Норбу из Синьцзяна, который считал, что песни о Шоно-Батыре слагались как о рождении Галдмы» [Биткеев 2005: 28].

Б. Доржцэрэн и М. Ганболд, обобщившие материалы по песенному творчеству монгольских народов на тему Галдамы, выделяют три жанра песен об этом герое: песни-магталы (восхваления), песни-просьбы о деянии; песни, отражающие печаль отца Галдамы Цецен-хана [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20]. Исследователи отмечают, что поэтическая структура народных песен о Галдаме уникальна тем, что они составлены из древних традиционных куплетов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 28].

Наиболее распространена среди разных ойратских народов песня «Усны эхэнд Хонхолзуур», в которой прослеживаются признаки песни-восхваления, песни-просьбы (о направлении в поход), песни-плача. Как отмечают Б. Доржцэрэн и М. Ганболд, эта песня известна под названием «Галдма баатар» среди хошутов Монголии, под названием «Усны чинь эхэнд Хонхолзуур зээр» — дербетам Монголии, «Хаш хүнгээ нутаг» — баитам Монголии, «Галдамбаа баатар» и «Усны чинь эхэнд Халхалзуур» — захчинам Монголии, «Усны чинь эхэнд Холхолзуур» — алтайским урянхайцам Монголии, «Хаш хөнгөс нутаг», «Хаш хүнгээ нутаг» и «Хан Хэнтэй нутаг» — эдзинецким ойратам (торгутам) в Алашани (КНР), «Арван Гуравтай Галдмаа», «Ар дээрээ алттай» — алашаньским ойратам (торгутам) Китая, «Галдамбаа бүргэдийг хайсан (эрсэн) дуу» — синьцзянским торгутам Китая, «Нарийн хэр морь», «Алтан шар тал» — кукунорским хошутам. Под на-

званиями «Галдмаа», «Галдамаа» песня известна среди российских калмыков, бурят, а также синьцзянских ойратов Китая (один из вариантов записан среди илийских олетов). Много вариантов песни-магтала среди хошутов, баитов, дербетов, алтайских урянхайцев, захчинов, торгутов и хотонов Монголии [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20–21, 41–64].

Б. Доржцэрэн и М. Ганболд к исследованию привлекли, как они пишут, 31 песню о Галдаме, из которых 11 записаны среди ойратов Монголии: 1 — у хошутов, 3 — у дербетов, 1 — у баитов, 1 — у алтайских урянхайцев, 2 — у захчинов, 2 — у торгутов, 1 — у хотонов. Среди ойратов Китая — 14 песен, из них у торгутов Внутренней Монголии записаны 4 песни, среди торгутов Синьцзяна — 5, среди хошутов Китая — 2, олетов — 1, алтайских урянхайцев — 1, 1 песня зафиксирована Е. И. Кычановым. Среди российских калмыков, по подсчетам вышеуказанных авторов, записаны 5 песен о Галдаме, среди бурят — 1 [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20–21]. Однако, как уже отмечалось, кроме 5 песен, опубликованных Г. С. Лыткиным и Б. Б. Оконовым, у калмыков были записаны песни о Галдаме К. Ф. Голстунским, Н. О. Очировым и другими исследователями.

Таким образом, песни о Галдаме распространены среди всех ойратских народов, а также среди бурят. При этом записано 8 песен-магталов, из них 1 — среди бурят, 2 — среди калмыков, 2 — среди синьцзянских ойратов, 2 — среди алашаньских ойратов, 1 — среди эдзинецких ойратов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 22]. Бытующие среди ойратов Внутренней Монголии песни называются «Хан Хэнтэй нутаг» («Кочевье Хан Хэнтэй»), Хэнтэйское нагорье расположено на северо-востоке Монголии. Кроме того, в песне говорится о 13-летнем Галдаме, находящемся под покровительством правителя: *Арван гурван настай Галдма Эзэн сулдээ өршөөдөг Галдмаа* («Благословленный сулдэ Владыки 13-летний Галдама») [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 23].

Песен-просьб, посвященных Галдаме, Б. Доржцэрэн и М. Ганболд насчитали всего 3, из них две записаны в Синьцзяне, одна — среди алашаньских ойратов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 24–25]. Исследователи отмечают, что недостаточно изучен

вопрос о бытовании этого жанра песен о Галдаме среди российских калмыков, бурят, а также среди монгольских ойратов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 26]. При этом не учтен факт: среди самых ранних записей песен о Галдаме, сделанных среди калмыков, Г. С. Лыткин зафиксировал прежде всего песню-мольбу Галдамы о выступлении в поход — это песня «Хар мөрн эцэд угад» (Пока мой вороной не утомился от езды) [Лыткин 2003: 391; Оконов 1984; Оконов 2016; Мирзаева 2016].

Песня-плач о Галдаме зафиксирована среди российских калмыков, а также среди синьцзянских ойратов. Б. Доржцэрэн и М. Ганболд считают, что вопрос бытования этого жанра песен о Галдаме в других регионах расселения монгольских народов остается недостаточно изученным [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 27]. Таким образом, делают вывод монгольские ученые, «Песня-плач Цэцэн-хана была записана в СУАР КНР и в Калмыкии (Россия). Не установлено, что песни такого же содержания исполнялись в Монголии и российской Бурятии. Поэтому можно сделать вывод о том, что песни-магталы, песни-мольбы и песни-плачи о Галдамбе имели распространение в СУАР КНР и в российской Калмыкии. Но песня-магтал широко распеваётся и в Монголии и среди бурят России» [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 27].

Особенности образа Галдамы в легендах и преданиях

Роль личности Галдамы в жизни ойратского общества XVII в. определила появление устных историй о его деятельности и подвигах, ставших основой сложенных о нем преданий и легенд. Как отмечал Ш. Норбо, автор замечательной книги о «Биографии Зая-пандиты», «О Галдамбе еще в наше время среди дурбэн-ойратов бытует множество легенд и преданий» [Норбо 1999: 200]. Действительно, кроме зафиксированных исторических фактов в историко-литературных памятниках на ойратском «ясном письме», известны предания и легенды о Галдаме. Отдельные из них были записаны: так, зафиксированные у калмыков стали известны в пересказе Г. С. Лыткина [Лыткин 2003: 390–400], в записи В. Л. Котвича [Галдман тууж 1904], И. И. Попова [Инедигты 2021: 72–85, 228], Н. О. Очирова [Очи-

ров 2006: 63–66]. Тексты, в которых одним из действующих героев является Галдама, записаны и в более поздние годы: сказка о Галдаме опубликована в сборнике текстов, записанных от С. Бутаева [Буутан Санжин 2008: 209–214]; в сборнике фольклорных текстов, зафиксированных Т. С. Тягиновой, также имеется предание о Галдаме, названном Галдман [Тягинован амн урн 2011: 30–34].

Кроме текстов о самом Галдаме, он упоминается и в преданиях о других исторических личностях. Так, в предании о Мазан-батаре говорится, что он откочевал на Волгу, поссорившись с сыном Цецен-хана — Галдамой [Очиров 2006: 49]. В фольклорных текстах упоминаются представители рода Галдамы: в одной из сказок, записанных Н. О. Очировым, правителем ханства является Очр-Цецен-хан, сказка названа его именем [Очиров 2006: 234–239]. В предании о Галдаме, зафиксированном этим же ученым, говорится: *Дөрвн өөрдн хан нойон Хонһр, түүнэ көвүн Бээвһэстн, түүнэ көвүн Цецен хан, түүнэ көвүн Галдма болдг* ‘Хан дербен-ойратов — нойон Хонгор, его сын Байбагас, его сын Цецен-хан, его сын — Галдма’¹ [Очиров 2006: 63], т. е. фольклорный текст начинается с изложения генеалогической линии Галдамы. Благодаря записи² И. И. Попова предания «Ахин тавн Барсин тууж» («О пяти братьях Барсах») [Инедигты 2021: 98–100], сохранилось свидетельство того, что в калмыцком фольклоре бытовал сюжет о пяти сыновьях Байбагас-хана хошутского, одним из которых являлся Кунделен-Убаши (о нем говорится в сохранившейся в архиве И. И. Попова части предания), другими — Очирту-Цецен-хан, Аблай, Сэнгэ. В сказании о Пунцок-хане Галдама предстает как его старший сын, таким образом, устная традиция калмыков превращает его в старшего брата Аюки-хана [Сенглеев 2019: 165].

Легенды и предания о Галдаме в записи от синьцзянских ойратов стали известны с 1980–1990-х гг. Ноосан Уланбаяр опубликовал легенды в альманахе «Хан-тэнгэр» (Урумчи) [Галдамбаа баатрин 1989], а затем в калмыцкой газете «Хальмг үнн» [Ноосан 1994]. Эти и другие тексты о Галдаме

¹ Перевод Э. П. Бакаевой.

² К сожалению, в архиве исследователя сохранившейся не полностью.

анализировались Осорин Утнаш [Осорин 2015]. Легенды ойратов Китая, записанные и опубликованные китайскими исследователями в разных изданиях, как и легенды монгольских ойратов, опубликованы в книге Б. Доржцэрэна и М. Ганболда [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 64–106].

Г. С. Лыткин описал личность Галдамы на основе известных ему письменных памятников и записанных им среди калмыков преданий. А. М. Позднеев среди характеристик, зафиксированных Г. С. Лыткиным, обращает внимание на следующую «...сыновья лучших людей (зайсангов) следовали за ним и защищали его своим мечом и грудью, дорожа дружбой и одобрением молодого храброго своего нойона Галдамы» [Лыткин 2003: 392; Позднеев 1880: 149]. Из текста Г. С. Лыткина [Лыткин 2003: 390–400] составитель сборника калмыцких легенд и преданий выделил два предания: одно — о примирении враждующих отцов Галдамой и его двоюродным братом Цаганом [Семь звезд 2004: 328–329], другой — о гибели Галдамы [Семь звезд 2004: 126–127]. Оба предания близки историческим фактам и отражают реальные события, происходившие в ойратском обществе.

В предании, названном «Күүкн Галдман тууж» («История о маленьком Галдаме») [Инеднты 2021: 72–85], датированном «1890–1892 гг.» и записанном от донского калмыка А. Мукёвюнова, излагаются исторические факты, относящиеся к жизни Галдамы: участие в битвах с противниками, их завоевание, ранний уход из жизни (в 33 года), победа над Абдар Шюкюром [Инеднты 2021: 76, 80]. Основное содержание предания сводится как к повествованию о ратных подвигах Галдамы, так и к утверждению о его миролюбивости: большая часть сюжетной линии посвящена поединку и последующему побратимству с «татарским» (так в переводе¹: [Инеднты 2021: 80]) богатырем Салвстаром, сыном Аг Буры [Инеднты 2021: 76–79]. Отправным для этой сю-

жетной линии является факт, соответствующий историческому, о котором осталось свидетельство в «Биографии Зая-пандиты»: победа Галдамы в 1658 г. над бухарским полководцем Абуду Шукуром [Ратнабадра 2003: 190], прикочевавшим к ойратским кочевьям у реки Талас с 38 тыс. воинов и потерпевшим поражение в битве с 3 тыс. воинами Галдамы, пленение 300 передовых воинов Абуду Шукура [Лыткин 2003: 394].

Однако в конце XIX в. в предании уже появляется «канва», которая будет развита в записанных позднее легендах о Галдаме. Она выражается в появлении мотива перерождения Галдамы как сына Хормусты, который появляется в мире людей на 33 года, чтобы завоевать 13 владений, и должен вернуться обратно в верхний мир по прошествии этого времени. При этом в предание вводится сюжет о попытках возрождения Галдамы буддийскими монахами под давлением скорбящего отца, Цецен-хана, и о временном возвращении в тело Галдамы сына Хормусты для объяснения происходящего земному отцу и убеждения в необратимости происшедшего [Инеднты 2021: 79–80, 84–85].

В записи В. Л. Котвича мотив рождения Галдамы в мире людей как перерождения небожителя получает дальнейшее развитие: он назван перерождением божества Окн-тенгри, после его смерти лама молитвами пытается усыпить вновь пробудившуюся Окн-тенгри, для этого Цецен-хан и его супруга должны хранить молчание, но они радостно вскрикивают при виде ожившего Галдамы, и он исчезает, так как просыпается божество, во время сна которого он являлся среди людей [Галдман тууж 1904: 9; Доржцэрэн, Ганболд 2018: 127]. В этом предании упоминаются «калмыцкие богатыри», к которым относится и Галдама (на состязании халимагууд Галдмааг гаргана ‘калмыки выставляют Галдаму’ [Галдман тууж 1904: 6; Доржцэрэн, Ганболд 2018: 123]). Центральным событием в этом фольклорном тексте является победа над ханом Абдар Шюкюром (мангадын² хан Авдар-шүхэр) и о побратимстве с богатырем по

¹ В оригинале и Абдар Шюкюр, и богатырь Салвстар названы *маңһд*. В калмыцко-русском словаре дано значение «татарин» [КРС 1977: 342]. Но этот этноним в калмыцком языке относится к татарам и ногайцам. Абдар Шюкюр же был бухарским полководцем, поэтому, вероятно, в данном контексте *маңһд* означает тюркоязычный народ.

² *Маңһд* — калм. ‘татарин, ногаец’. В тексте ойратском также использован термин «мангад». Но речь идет о бухарском военачальнике, поэтому в переводах «Биографии Зая-пандиты» он назван узбекским [Норбо 1999: 78].

имени *Дүлээ хар баатар*. Это соответствует уже упоминавшемуся факту о разгроме Галдамой войска бухарского Абуду Шукура [Ратнабадра 2003: 190], а также тому, что у Галдамы были два приближенных богатыря по имени Дюлий хашиг и Маля хашиг [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 123] или Малай Хашха [Габан Шараб 2003: 105].

Следующим по времени записи среди калмыков стало предание, зафиксированное Номто Очировым [Очиров 2006: 63–88]. В его итоге говорится о победе над «татарским» (*маңһд*) ханом [Очиров 2006: 65] после 49 дней битвы, в которой участвуют 333 воина Галдамы, его приближенный Дюля Хашха и *Галдман Ганц баатр* 'Одинокий богатырь Галдамы'. Сюжетная линия приписывает победу над казахским войском Ганц батору, что возмущает Галдаму, направлявшемуся с войском против казахов. Вводная часть повествует о генеалогической линии Галдамы. Предание включает описание обычаев, характерных для исторического периода жизни этого нойона: так, правитель противоборствующей стороны, прикочевавший к границам ханства Галдамы, пытается принести в жертву знамени богатыря Галдамы [Очиров 2006: 65]. В целом предание не содержит мифологических моментов, которые зафиксированы в текстах о Галдаме И. И. Поповым и В. Л. Котвичем.

Тексты, записанные среди калмыков в XX в., свидетельствуют о сохранении отдельных мотивов, относящихся к историческому преданию о Галдаме. Так, в сказке «Галдаман» сюжет завязан на интригах махехи, губящей сына своего мужа от первого брака. В сказке содержится мотив попытки воскрешения умершего сына и исчезновения появившегося богатыря после восклица отца, несмотря на запрет буддийских священнослужителей, проводивших в течение 49 дней обряд [Тягинован амн урн 2011: 30–34].

Сказочный сюжет характерен и для записанного от С. Ш. Бутаева текста «Галдм баатр», в котором повествуется о жившем в далекие времена Галдаме и его товарищах Танх баторе и Темян баторе и появлении Ганц батора [Буутан Санжин 2008: 209–214]. В сказке сохраняется память о том, что Галдама был сыном Цецен-хана и о его удивительных способностях как воина, но утрачен эпический характер.

Н. Ц. Биткеев, рассмотрев легенду о Галдаме по публикации Ноосан Уланбаяра [Ноосан 1994], отмечал, что только среди синьцзянских ойратов в легендах распространена тема Галдамы как сына Хормусты-тенгрия: «Мифизированы и во многом иначе трактуются предания о Галдаме синьцзянскими калмыками: Галдма — сын хана Хормусты, а не Цецен-хана» [Биткеев 2005: 27]. Этот вывод был сделан исследователем, так как он не был знаком с записями И. И. Попова, хранящимися в Государственном архиве Ростовской области [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. № 13809. Л. 16–20об. (цит. по: [Инеднты 2021: 228])] и с рукописью В. Л. Котвича из научного архива КалмНИЦ РАН [Галдман тууж 1904]. Записи исторических преданий о Галдаме, выполненные этими исследователями в конце XIX — начале XX в., свидетельствуют, скорее, не о сходных процессах в развитии исторических преданий о Галдаме у ойратских по происхождению этнических групп в разных концах Евразии, а о том, что уже в XVIII в., когда предки синьцзянских ойратов (торгутов, хошутов) и калмыков России являлись частями одного этноса, составлявшего население Калмыцкого ханства (ликвидировано в 1771 г. в связи с откочевкой большей части народа в Центральную Азию), сложился мифологический мотив перерождения небесного тенгрия в мире людей в облике Галдамы. И основание этому мифологическому мотиву находится в историческом факте: Далай-лама после совершения погребальных обрядов объявил, что Галдама переродился в мире тенгриев [Норбо 1999: 103].

Среди ойратских народов Монголии и Китая зафиксировано большее число легенд и преданий о Галдаме. Во многих из них имеется мифологический мотив не просто высокого социального происхождения Галдамы, а его образа как перерождения сына Хормусты-тенгрия, что соответствует вариантам, зафиксированным у калмыков.

В легенде о появлении Галдамбы на земле, записанной среди карашарских хошутов (СУАР КНР), говорится о деяниях Хормусты, который делает подношение через воскурение «золотым можжевельником» и аршаном в золотом сосуде, после чего аршан превращается в озеро, и о деяниях деда Галдамы Хашийн-хана, совершавшего подношения, творившего молитвы, следствием

чего явилось процветание его кочевья; Цецен-хан становится во главе сильного государства, поддерживаемый советником Хунгуем-заячи (*Хунгуй заяачи*) и двумя приближенными богатырями — *Төлэй хашиг* и *Малай хашиг*. Единственный сын стареющих родителей Галдамба одерживает победу над миллионным (*10 бум цэрэг*) войском Авдаршюхэра [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 64–66], имя которого позволяет идентифицировать его с реальной исторической личностью, бухарским полководцем (у Г. С. Лыткина — Абуду Шукур [Лыткин 2003: 394], в «Биографии Зая-пандиты» — Авдаршюкюр [Норбо 1999: 78], в записи И. И. Попова — Абдар Шүкур [Инедиты 2021: 76], в транслитерации Авдар Шюкюр [Инедиты 2021: 80]).

Тема победы над Авдар Шюкюром зафиксирована также в легендах карашарских хошутов о рождении скакуна Хонхолзура и похода за Ахай Шавдал [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 66–68], о благословении Хунгуем заячи похода против врагов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 68–75], в записанной среди хар-усунских торгутов (СУАР КНР) легенде «Как Галдамба победил Авдар Шюкюра» [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 96–97]. В тексте, зафиксированном среди баянгольских торгутов, Абдар Шюкюр упоминается как казахский богатырь, а в легенде карашарских хошутов — как правитель хотонов (т. е. тюркского народа) [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 84, 72]. Переводчики ойратского текста «Биографии Зая-пандиты» этого военачальника называют узбекским [Норбо 1999: 78].

В ойратских легендах в качестве противников, с которыми борется Галдама, выступают и другие богатыри: Сартагтай, Сардамба, Сартаг [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 84, 92, 94]. Возможно, все три варианта имени восходят к одному историческому прообразу, победа над которым прославила Галдаму. Речь идет о Янгир-хане (Жангир-хане, 1610–1652), победу над которым одержал Галдама в 17-летнем возрасте, и которого называли *Салкам Жангир-хан* ‘Храбрый, могучий или внушительный Жангир-хан’ [Кельдыбеков 2022: 69, 71]; считается, что Жангир-хан получил это звание после Орбулакской битвы в 1643 г., где одержал победу над джунгарами. Так, в легенде «Как Галдамба убил Сардамбу у озера

Сайрам» говорится, что события разворачивались к западу от ойратских кочевий, у озера Сайрам, там же скончался и Галдамба [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 93]. Известно, что озеро Сайрам находится на западе территории расселения ойратов в СУАР КНР, недалеко от границы с Казахстаном. Во многих ойратских легендах Галдама действует в сопровождении двух богатырей.

Указанные сюжетные элементы свидетельствуют об историчности легенд, бытующих до настоящего времени в среде ойратов Монголии и Китая. Вместе с тем в текстах прослеживается «эпизация», которая соответствует архаическим мотивам, присутствовавшим в песнях, и получила развитие в соответствии с эпическими характеристиками.

Так, в легендах зафиксированы мотивы появления Галдамы в мире людей, а также добывания им коня. Примечательно, что в песнях о Галдаме упоминается конь героя, но отсутствует мотив его восхваления, подобно тому, как конь описывается в других эпических песнях; главное внимание отводится Галдаме. В легендах находится объяснение этому через объяснение значения имени коня — Хонхолзур. Так, в легенде (названной улигером), записанной у торгутов местности Хар-Усун (СУАР КНР) Ноосан Уланбаяром, повествуется о добыче коня герою. 15-летний Галдама — сын бедных стариков — выбирает для себя горбатого коня в табуне местного богача, но не может просто попросить отдать его. Коня он примечает в день, когда ночью на привязи у богача замерзают 900 лошадей, и только горбатый конек выделяется своей внутренней силой: потряхивая гривой, он ржет. После объявления о награде (отдать любого коня) за поимку волка, повадившегося воровать скотину по ночам, Галдама отправляется искать логово волка, находит пещеру, борется с волком всю ночь и к утру приносит к дверям богача шкуру убитого волка, за что получает своего коня. Легенда повествует, что в шутку его называли Хонхолзуром [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 88–90; Ноосан 1994] (от *хонхолзох* — 1) образоваться (об углублении, вмятине при надавливании); 2) ходить, покачиваясь, большими шагами [БАМПС 2002: 107]), и это был аранзал, предназначенный Галдаме.

В легендах зачастую упоминается наличие у скакуна Галдамы крыльев, а в фольклорном тексте, записанном среди карашарских хошуттов, конь Галдамы уже получает красочное описание, достойное эпической песни: *хоёр алд хоёр тохой өндөр, хоёр тохой урт толготой, хайч хоёр урт чихтэй, туур адил хоёр нүдтэй, хараацай хоёр живэртэй, алтан бумбын сүүлтэй, монгөн эрдэнэ дэлтэй* 'в две сажени и два локтя высотой, с головой длиной в два локтя, с длинными ушами в виде ножниц, с глазами, словно два копытца, с двумя крыльями, словно у ласточки, с хвостом, как золотой сосуд, с серебряной драгоценной гривой'¹ [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 67]. Таким образом, в легендах, сюжет которых посвящен добыванию героем коня, появляется мотив восхваления коня, достойный его эпического описания.

В ряде преданий и легенд о Галдаме присутствует тема одиночества героя: он единственный сын у престарелых родителей либо остается в одиночестве, он — представитель верхнего мира в мире людей, либо Галдаму сопровождает богатырь, названный Одиноким (*Ганц баатр*), либо в текст легенды включается песня, в которой одинокий Галдама сравнивается с другими одинокими субъектами. Эта тема восходит к эпической теме одинокого в поколении культурного героя. Подтверждением подобного сопоставления Галдамы и героя эпоса ойратских народов является сюжет легенды карашарских хошуттов, в котором с благословения Хунгуя заячи Галдама на своем крылатом коне Хонхолзуре отправляется в кочевье хана Чагадаля за невестой — даги-ни Ахай Шавдал. Имя девушки полностью схоже с именем супруги главного героя героического эпоса монгольских народов — Джангара. И хотя образ Ахай Шавдал не сопоставим с образом супруги Джангара Ага Шавдал, наречение ее этим именем свидетельствует об обращении к эпической традиции ойратов.

В вариантах легенд, записанных у ойратов, прослеживается тема просьбы о разрешении выступить в поход, однако Галдама обращается не к отцу, а к Хунгую-заячи; перед выступлением в поход совершаются поклонения 7 бурханам в храме и подноше-

ния божествам [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 68–75]. Тема защиты кочевий, выраженная формулой «у дверей ханов» (*хаана үүднд*) прослеживается в мотиве принесения добычи к дверям правителя /начальника.

Таким образом, в легендах и преданиях о Галдаме, зафиксированных у монгольских народов, прослеживаются исторические сюжеты и мифологические мотивы. При этом неверно считать, что привнесение мифологического мотива рождения в мире людей Галдамы как временного появления сына Хормусты-тенгрия или Окн-тенгри является поздним: наличие этого сюжетного мотива в преданиях калмыков России и ойратов Монголии и Китая скорее свидетельствует о раннем появлении этого мотива, обусловленного историческим фактом предсказания, сделанного Далай-ламой вскоре после совершения всех погребальных обрядов по Галдаме. С появлением этого сюжетного мотива все события, которые происходили с исторической личностью — хошутским нойоном Галдамой — стали представляться как события, пережитые в земном воплощении сына Хормусты-тенгрия, который во сне приходит на землю и рождается в образе Галдамы, однако приходит время пробуждения, и земная жизнь Галдамы завершается.

С введением этого сюжетного мотива развитие эпической картины в легендах и преданиях о Галдаме, вероятно, получило импульс, и в текстах сказочной прозы появились сюжеты, связанные с восхвалением подвигов Галдамы и его богатырей, которые сравниваются с ястребами и соколами, как в эпосе монгольских народов.

Вместе с тем развитие фольклорной традиции обусловило появление легенд, связанных с определенными местностями и объяснением происхождения их названий, которые связаны с событиями жизни Галдамы. В поздней традиции сюжеты получили сказочную форму.

Ж. Доржцэрэн и М. Ганболд отмечают, что рассмотренные ими легенды о Галдаме не зафиксированы в Монголии, Бурятии. Они записаны среди калмыков и торгутов, хошуттов Синьцзяна. По мнению этих исследователей, «Легенда о Галдамбаа впервые была создана на Волге, и вероятно, что ее принесли с собой ойраты, когда откочевали обратно [на территорию] Джунгарии

¹ Перевод Э. П. Бакаевой.

в 1771 году. Потому что легенды, записанные в Синьцзяне, были зафиксированы среди хошутов Карашара и торгутов Хобуксара. ... Если бы эти легенды были созданы в Джунгарии, то среди 20 туменов хошутов (деед монголов), расселенных в Кукуноре, и нескольких тысяч хошутов Алашани и ойратов Монголии должны быть зафиксированы по крайней мере одна или две версии легенды» [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 34].

Заключение

Как видно из проведенного анализа, образ Галдамы в письменных памятниках ойратских народов и в фольклоре этих народов отличается. В исторических источниках зафиксированы сведения об активной военной и политической роли нойона Галдамы, его доблести, мужестве и выполнении благородной функции защиты родного кочевья ойратов, родины. В песнях-восхвалениях и песнях-просьбах образ Галдамы подобен эпическому богатырю, а в песнях алашаньских ойратов Китая появляется образ нутука, связанный с Хэнтэйским нагорьем и сульдэ правителя, полученным Галдамой в 13 лет. Таким образом, в песенном жанре фольклора образ Галдамы получает эпическое звучание, и сложение разножанровых песен ойратов свидетельствует о бытовавшем процессе сложения фрагментов эпического сказания, который не был завершен в конкретных социально-культурных условиях истории ойратов.

Песни о Галдаме более широко распространены в монгольском мире: они записаны среди калмыков и бурят России, у ойратских народов Монголии и Китая (в Синьцзяне и во Внутренней Монголии).

Легенды и предания о Галдаме зафиксированы в источниках у калмыков и синьцзянских ойратов (торгутов и хошутов), что обусловило появление гипотезы о сложении их в среде калмыков и дальнейшем перенесении во время откочевки большей части народа в 1771 г. в пределы Центральной Азии на новые территории расселения. Хотя Галдама являлся хошутским политическим и военным деятелем, его деятельность распространялась на все ойратские кочевья, охрану которых он осуществлял в соответствии с наказом своего отца, Цецен-хана.

В преданиях о Галдаме содержатся отдельные данные, повествующие о реальных событиях, причем два наиболее крупных похода — против казахского Янгир-хана и бухарского полководца Абдар Шюкюра — нашли отражение как в ранних преданиях, так и в поздних легендах, где имя Янгир-хана уже не упоминается. Вместе с тем в легендах и преданиях о Галдаме появляются эпические мотивы и сюжетные линии: поиски богатырского коня (в том числе который оказывается горбатым жеребенком), выбор суженой, просьба о благословении в поход, добывание доспехов (панциря, боевого ружья), а также божества-защитника, отправление в поход с богатырями-помощниками, мотив эпического одиночества и др. Но «распадение» эпической темы привело к включению в легенды о Галдаме сказочных мотивов (борьба с мифологическими (мангасы, шулмусы и т. п.) и реальными (сизый волк) животными).

Образ Галдамы подвергся мифологизации, причем этот процесс не был связан, как можно предположить на первый взгляд, с поздними изменениями: сюжетный мотив появляется не позже первой половины XVIII в., и связан он с широким распространением в среде ойратов-буддистов заключения верховного иерарха, Далай-ламы, о свершившемся перерождении Галдамы в мире тенгриев. Этот факт не мог не найти отражения в исторических преданиях о Галдаме, которые приобрели мифологические элементы, что сделало их близкими легендам. Мотив краткосрочной жизни героя стал объясняться в легендах и преданиях длительностью мифологического сна (33 года как часть суток в верхнем мире, исчисляющихся 100 годами земной жизни, сакральное число связано с образом Хормусты) обитателей верхнего мира, которые на время спускались в мир людей в образе Галдамы.

Хошутский нойон Галдама, реальная историческая личность, прославился достойными делами. Сведения об этапных событиях его жизни и подвигах Галдамы вследствие их значимости в социально-политической обстановке ойратского мира первой половины XVII в. были включены в ставшее каноническим произведение — биографию Зая-пандиты, проповедника, почитавшегося во всех концах ойратского

мира, что также способствовало сохранению памяти.

Исторические условия в ойратском мире, имевшие место в XVII в., способствовали выдвижению лидеров, способных выполнить задачи, стоявшие перед ойратами, как в демографическом, так и в политическом отношениях находившихся на пике развития. Ойратские этнополитические объединения принимали участие в крупных военно-политических событиях в Центральной Азии, имели тесные связи с разными государствами.

Соответственно сложению эпического характера песен, которые могли стать

основой эпических сказаний, способствовали исторические условия, политические задачи, а также миссия, выполнявшаяся Галдамой, потомком старшего тайши ойратов — внуком Байбагас-хана, по охране ойратского нутука — всех кочевий ойратских народов.

Популярность в прошлом и сохранение текстов о Галдаме в разных концах ойратского мира — свидетельство о славном периоде истории ойратов, когда военно-политическая мощь их была на наивысшем уровне, и вместе с другими монгольскими народами они выступали за единение, сплоченность и защиту Отчизны.

Источники

- Батур-Убаши Тюмень 2003 — Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 125–155.
- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (= Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2 кн. Кн. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Габан Шараб 2003 — *Габан Шараб*. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 84–106.
- Халдман тууж 1904 — Халдман тууж (из архива В. Л. Котвича) // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 8. Д. 79. 10 л.
- Дуулич 1958 — Дуулич, теегм, дуул. Хальмг дуудын хураңһу / Хураж, диглэд барлснь Жимбин Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1958. 324 х.
- Инеднты 2021 — Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова: нескладочная проза и малые жанры / пер., сост. Б. Б. Горяева, С. В. Мирзаева, Д. В. Убушиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 424 с.
- История дурбэн-ойратов 2016 — История дурбэн-ойратов // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 49–84.

Sources

- Basaev D. E. (comp.) The Seven Stars: Kalmyk Legends and Tales. D. Basaev (foreword,

Ратнабадра 2003 — *Ратнабадра*. Биография Зая пандиты // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 161–221.

Родословная августейшего 2016 — Родословная августейшего Чингис-хана, родословная ойратов и родословная хошутов // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 181–240.

Родословная монголов 2016 — Родословная монголов («История происхождения монголов») // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. Санчирова В. П. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 127–180.

Семь звезд 2004 — Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.

Төрскн һазрин дуд 1989 — Төрскн һазрин дуд / цуглулж, диглж, барт белдснь Окна Б. (= Песни родной земли. Старинные и современные песни. На калм. яз.). Элст: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.

Тягинован амн урн 2011 — Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с. (Серия «Өвкнрин зөөр»). На калм. яз.

transl., etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)

Buutan S. (Butaev S.) [Kalmyk] Folktales Record-

- ed from Buutan Sanji in 1971–1978. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2008. 308 p. (In Kalm.)
- Gaban Sharab. The History of the Oirats (Kalmyk manuscript). In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 84–106. (In Russ.)
- Goryaeva B. B., Mirzaeva S. V., Ubushieva D. V. (comps., eds.) Inédites of Kalmyk Folklore from Ivan I. Popov's Archives: Non-Folktale Prose and Minor Genres. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. 424 p. (In Kalm. and Russ.)
- Jimbin B. (Dzhimbiev B.) (comp., ed.) Sing, My Steppe, Sing. Elista: Kalmykia Book Publ., 1958. 324 p. (In Kalm.)
- Okna B. (Okonov B.) (comp., ed.) Songs of Motherland: Old and Modern [Kalmyk] Songs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 308 p. (In Kalm.)
- Ratnabhadra. The Biography of [Ven.] Zaya Pandita. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 161–221. (In Russ.)
- The Genealogy (History) of Mongols [from Earliest Times]. In: Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 127–180. (In Oir. and Russ.)
- The Genealogy of Bogdo Genghis Khan, History of the Dörben (Four) Oirat, and That of the Khoshut. In: Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 181–240. (In Oir. and Russ.)
- The History of the Dörben (Four) Oirat. In: Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 49–84. (In Russ.)
- The Story of Galdma (from archives of W. L. Kotwicz). At: Kalmyk Scientific Center, Scientific Archive. Coll. 8. File 79. 10 p. (In Kalm.)
- Tyaginova T. S. Folklore Narratives Recorded from T. Tyaginova in 2004–2010. N. Ochirova (foreword), B. Goryaeva (comp., comment.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 230 p. (In Kalm.)
- Tyumen B.-U. The History of the Dörben (Four) Oirat. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 125–155. (In Russ.)

Литература

- Алексеева 2009 — Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая / автор-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 87 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Биткеев 2005 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.
- Борлыкова, Меняев 2022 — Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. Калмыцкие песни, посвященные ойратской знати // Mongolica. 2022. Т. XXV. № 3. С. 51–60.
- Ван Гао Чао 2012 — Ван Гао Чао. Традиционная музыкальная культура ойратов. Элиста: Герел, 2012. 263 с.
- Владимирцов 1926 — Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской словесности. Л.: Ин-т живых вост. яз. им. А. С. Енукидзе, 1926. 2, XII, 202 с.
- Владимирцов 2005 — Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской словесности // Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. С. 142–355.
- Галдамбаа баатрин 1989 — Галдамбаа баатрин туск домгуд // Хан тэнгэр сэтгүүл. Үрүмч. 1989. № 1. Х. 20–31.
- Голстунский 2014 — Голстунский К. Ф. Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой) // Mongolica—XII. Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 75–85.
- Доржцэрэн, Ганболд 2018 — Доржцэрэн Б., Ганболд М. Галдамбаа: дуу, домог. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 128 х.
- Ермаченко 1974 — Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 196 с.
- История калмыцкой 1981 — История калмыцкой литературы. Т. 1: Дооктябрьский период / отв. ред. Г. И. Михайлов, Р. А. Джамбинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 335 с.
- Их цааз 1981 — Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 148 с.

- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кельдыбеков 2022 — *Кельдыбеков М. Б.* Роль Жангир-хана в борьбе казахского и кыргызского народов против джунгарского нашествия // *Известия Алтайского университета. Исторические науки и археология.* 2022. № 5 (127). С. 68–72.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Лыткин 2003 — *Лыткин Г. С.* Материалы для истории ойратов // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 390–441, 453–468.
- Мирзаева 2016 — *Мирзаева С. В.* Лузанг-Шуну, Галдама и Амурсана — нойоны Джунгарского ханства // *Трансграничная культура. Очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков: монография* / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 313–344.
- Ноосан 1994 — *Ноосан У.* Галдма-Баатрин туск домг // *Хальмг үнн.* 09.05. 1994. С. 4.
- Норбо 1999. — *Норбо*. Зая-Пандита: Материалы к биографии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Норбу 1994 — *Норбу Ш.* Галдм-Баатрин тууж // *Хальмг үнн.* 23.12.1994. С. 4.
- Оконов 1984 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. («Галдама», «Мазан-Батыр», «Шуна-Батыр», «На кого же оставил нас Убаши?») // *Калмыцкая народная поэзия.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 30–58.
- Оконов 2016 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. «Галдама», «Мазан-Батыр» [электронный ресурс] // *Нутуг.ру: сайт Калмыцкого общественного фонда «Национальное достояние».* URL: <http://www.nutug.ru/kulitura/pesni.htm> (дата обращения: 10.10.2017).
- Осорин 2015 — *Осорин У.* Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с. (на калм. яз.)
- Очиров 2001 — *Очиров Н.* Отчет о поездке Н. Очирова к астраханским калмыкам летом 1909 года // *Номто Очиров: жизнь и судьба.* Ч. II / вступ. ст. А. В. Бадмаева. Элиста: Мин-во образования и науки РК, 2001. С. 63–76.
- Очиров 2006 — Живая старина = Мөңк дееж: из литературного наследия / Номто Очиров; сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 397 с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов: с приложением примечаний о характере народной песенной поэзии монгольских племен, стихотворениях литературных и приемах стихосложения у монголов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. [4], VI, 347 с.
- Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. VIII, 330 с.
- Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 138 с.
- Сенглеев 2019 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 234 с.
- Успенский 2001 — *Успенский В. Л.* Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского // *Mongolica-V: сб. ст. / сост. И. В. Кульганек, отв. ред. С. Г. Кляшторный.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 18–20.
- Хорло 1989 — *Хорло П.* Народная песенная поэзия монголов (Проблема жанрового состава). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. 150 с.
- Яцковская 1988 — *Яцковская К. Н.* Народные песни монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 254 с.
- Dix-huit chants 1937 — *Dix-huit Chants et Poèmes Mongols. Avec notations musicales, texte mongol, commentaries et traductions. Recueillis par la princesse Nirgidma de Torhout. Et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot.* Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1937. 175 p.

References

Alekseeva P. E. (comp.) *Princess Nirjidma and the Song-Book of China's Torghuts.* Elista: Dzhangar, 2009. 87 p. (In Kalm. and Russ.)

Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments.* Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)

- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Song Folklore. Elista: Dzhangar, 2005. 214 p. (In Russ.)
- Borlykova B. Kh., Menyaev B. V. The Kalmyk songs dedicated to the Oirat nobility of the 17th–18th centuries. *Mongolica*. 2022. Vol. XXV. No. 3. Pp. 51–60. (In Russ.)
- Dorjtseren B., Ganbold M. Galdamba: Songs, Legends. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. 128 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. The Review of the Journey into the Kalmyk Steppe during the Summer of 1886 (Edition, foreword & commentaries by S. S. Sabrukova). In: *Mongolica*–XII. Collected papers. In memoriam [Prof.] Boris Ya. Vladimirtsov (1884–1931). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 75–85. (In Russ.)
- Ikh Tsaaz (The Great Code of Laws): A 17th-Century Monument of Mongolian Feudal Law. S. Dylykov (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1981. 148 p. (In Russ.)
- Keldybekov M. B. Zhangir-khan's role in the struggle of the Kazakh and Kyrgyz peoples against the Dzungarian Invasion. *Izvestiya of Altai State University*. 2022. No. 5 (127). Pp. 68–72. (In Russ.)
- Khorlo P. Folk Song Poetry of Mongols: Genre Structure Revisited. Novosibirsk: Nauka, 1989. 150 p. (In Russ.)
- Legends of Baatar Galdamba. *Khan tenger setgüül*. 1989. No. 1. Pp. 20–31. (In Oir.)
- Lytkin G. S. Materials for a history of the Oirats. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 390–441, 453–468. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I., Dzhambinova R. A. (eds.) *History of Kalmyk Literature*. Vol. 1: Pre-October Period. Elista: Kalmykia Book Publ., 1981. 335 p. (In Russ.)
- Mirzaeva S. V. Luzang-Shunu, Galdama and Amursana — noyons of the Dzungar Khanate. In: Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. *Cross-Border Culture: Comparative Research Essays on Traditions of Western Mongols and Kalmyks*. Monograph. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. Pp. 313–344. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In kalm. and Russ.)
- Noosan U. The Legend of Baatar Galdma. *Khalmg ünn*. 1994, May 9. P. 4. (In Kalm.)
- Norbo. Zaya-Pandita: Biographical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Norbu Sh. The Story of Baatar Galdma. *Khalmg ünn*. 1994, December 23. P. 4. (In Kalm.)
- Ochirov N. Report on the Summer 1909 Journey to Astrakhan Kalmyks. In: Badmaev A. V. et al. (eds.) *Nomto Ochirov: Life and Fate*. Part 2. Elista: Kalmykia Ministry of Education and Science (Russia), 2001. Pp. 63–76. (In Russ.)
- Ochirov N. The Living Antiques: Literary Pieces by Nomto Ochirov. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 397 p. (In Russ.)
- Okonov B. B. 17th/18th-century Kalmyk historical folk songs: 'Galdama', 'Mazan-Baatar', 'Shuna-Baatar', 'Why Did Ubashi Abandon Us to the Mercy of Fate?'. In: *Kalmyk Song Poetry*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1984. Pp. 30–58. (In Kalm. and Russ.)
- Okonov B. B. 17th/18th-century Kalmyk historical folk songs: 'Galdama', 'Mazan-Baatar'. On: Nutug.ru — Kalmyk National Heritage Non-Governmental Foundation (website). Available at: <http://www.nutug.ru/kultura/pesni.htm> (accessed: 10 October 2017). (In Russ. and Kalm.)
- Osorin U. Myths, Legends and Tales of Xinjiang Oirats and Kalmyks: A Comparative Analysis. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 188 p. (In Kalm.)
- Pozdnev A. M. Folk Literary Pieces of Mongols. Vol. 1: Folk Songs of Mongols Supplemented with Notes on Essentials of Mongolian Folk Poetry, Literary Poems, and Versification Tools. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. [4], VI, 347 p. (In Russ.)
- Pyurbeyev G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 501 p. (In Mong. and Russ.)
- Rybakov S. G. Music and Songs of Ural Muslims [Supplemented] with an Essay on Their Household Life. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. VIII, 330 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) *Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries*. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Oir., Mong. and Russ.)
- Sanchirov V. P. *Iletkhele Shastir as a Source in Oirat History*. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 138 p. (In Russ.)
- Sengileev B. Yu. Kalmyk Historical Tales and Legends about Baatar Mazan: An Epic Biography. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2019. 234 p. (In Russ.)
- Torhout N. de (comp.) *Dix-huit Chants et Poèmes Mongols*. Avec notations musicales, texte

- mongol, commentaries et traductions. Recueillis par la princesse Nirgidma de Torhout. Et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1937. 175 p. (In Fr.)
- Uspensky V. L. Oirat manuscripts delivered to St. Petersburg University by K. F. Golstunsky. In: *Mongolica-V. Collected papers*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. Pp. 18–20. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Images of Mongolian Literature. In: Vladimirtsov B. Ya. *Writings on Mongolian Linguistics*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. Pp. 142–355. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Images of Mongolian Literature. Leningrad: Yenukidze Institute of Living Oriental Languages, 1926. 2, XII, 202 p. (In Russ.)
- Wang G. Ch. Oirat Traditional Music Culture. Elista: Gerel, 2012. 263 p. (In Russ.)
- Yatskovskaya K. N. Folk Songs of Mongols. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 254 p. (In Russ.)
- Yermachenko I. S. 17th-Century Policies of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1974. 196 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1293–1307, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 390 (510/517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307

Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды *эдектиг тон*

Роланда Биче-ооловна Ховалыг¹

¹ Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

главный хранитель

 0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ховалыг Р. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена историко-этнографическому исследованию женской наплечной одежды *эдектиг тон*. В силу обусловленности материальной и духовной культуры народа женский *эдектиг тон* в целом ряде своих элементов — материале и технологии изготовления, художественном оформлении, сюжетах и символике, терминологии и в мировоззренческих представлениях — устойчиво сохраняет ценные сведения историко-этнографического характера и значения. *Целью* исследования является историко-этнографическое изучение женской наплечной одежды *эдектиг тон*: выявить ее особенности, семиотику, различия у тувинских родов, в том числе разобраться еще в одном его названии — *терлик тон* ‘роскошный тон’ или *дерлиг тон* ‘букв. потный тон’ в контексте родоплеменных групп тувинцев. Малоизученность данной проблемы и возросший интерес молодых тувинцев к своей материальной культуре обусловили актуальность предпринятого исследования. *Результаты.* В статье проанализирован комплекс историко-этнографических материалов по женскому *эдектиг тон*: изыскания в трудах исследователей Тувы, музейные и полевые материалы, в том числе экспедиции по комплексным этногенетическим, лингвоантропологическим исследованиям родовых групп Тувы, проведенной 27 сентября – 15 октября 2022 гг. при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). В результате выявлено различие в других названиях этого вида тувинской женской одежды, прослежен генезис ее деталей, установлена одна из ее предшествующих форм *ибчи тон*, сходная с хакасской одеждой. *Выводы.* В статье представлены этногенетические и этнокультурные связи женского *эдектиг тон* у тувинцев с одеждой других народов, а также особенности его терминологии.

Ключевые слова: свадебная одежда, женская наплечная одежда, *богаа*, *оорук*, поперечные полосы, *ибчи-тон*, *эдектиг тон*, *терлик тон*

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113).

Для цитирования: Ховалыг Р. Б. Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды «эдектиг тон» // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1293–1307. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307

Edektig Ton: Historical and Ethnographic Aspects of the Tuvan Women's Shoulder Garment

Rolanda B. Khovalyg¹

¹ Aldan-Maadyr National Museum of the Tyva Republic (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation) Chief Custodian

 0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khovalyg R. B., 2022

Abstract. Introduction. The article examines the women's shoulder garment *edektig ton* from historical and ethnographic perspectives. The mutual dependence between material and spiritual cultures results in that *edektig ton* — via a number of its elements, such as textiles and manufacturing technology, design patterns, ornaments and symbols, terminology and worldview beliefs — consistently preserves valuable data and meanings pertaining to history and ethnography. **Goals.** The study attempts a historical/ethnographic insight into the women's shoulder garment *edektig ton* to identify its peculiarities, semiotics and differences typical for various Tuvan clans, including to understand why it is sometimes referred to as '*terlik ton*' (lit. 'luxurious ton'), or '*derlig ton*' (lit. 'sweaty ton') across Tuvan tribal groups. The fact the issue remains understudied and young Tuvans show an increased interest in their material culture make the study relevant and timely enough. **Results.** The article analyzes a set of historical and ethnographic materials dealing with *edektig ton*, namely: writings by researchers of Tuva, museum items and field data, including ones collected during the expedition for comprehensive ethnogenetic and linguoanthropological research into Tuva's tribal groups conducted from 27 September to 15 October 2022 with the financial support from Russian Science Foundation. The paper reveals additional names for this Tuvan women's garment may vary, traces a genesis of the latter's details, identifies one of its previous forms — *ibchi ton* — which is similar enough to Khakass patterns. **Conclusions.** The article delineates ethnogenetic and ethnocultural ties between *edektig ton* of Tuvans and clothes of other ethnic groups, and introduces some peculiarities of its terminology.

Keywords: wedding clothes, women's shoulder garment, *bogaa*, *ooruk*, horizontal stripes, *ibchi-ton*, *edektig ton*, *terlik ton*

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 'Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features'.

For citation: Khovalyg R. B. *Edektig Ton: Historical and Ethnographic Aspects of the Tuvan Women's Shoulder Garment*. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1293–1307. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307

Введение

В культуре различных этносов, особенно у малых народов России, на современном этапе общественного развития в XX в. произошли кардинальные изменения, в связи с которыми из народной памяти исчезли многие традиции, обряды, обычаи, исконные слова и термины,

названия предметов традиционной культуры, не говоря уже о них самих, которые, понятно, исчезли из повседневного обихода.

Одной из основных форм сохранения народной культуры и развития духовной связи между поколениями является традиционный костюм.

Национальная одежда любого народа по форме и содержанию соответствовала его образу жизни и мировоззрению. Она была удобна в быту, соответствовала природно-климатическим условиям бытования и отражала символическую картину его духовной жизни.

В костюме каждого народа отражаются его этические и эстетические представления, мировоззрение, уровень духовной и материальной культуры. Он выступал выразителем этнического самосознания и устойчивым определителем, отличавшим его от других этносов, указывал на родовую, племенную, половую, возрастную принадлежность, социальный статус индивида.

В основе традиционного костюма тувинцев лежит наплечная одежда с общим названием *тон* — туникообразного кроя, известного широкому кругу народов Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии, в числе которых были тофалары, алтайцы, хакасы, буряты, монголы, китайцы, маньчжуры и др. Слово *тон* распространено в ряде тюркских языков — тувинском, хакасском, киргизском, казахском, башкирском, туркменском и др. *Тон* как название одежды знали древние тюрки, встречается оно и в тувинском эпосе [Вайнштейн 1991: 155–156].

Во второй половине XIX – начале XX в. тувинцы шили одежду преимущественно из покупных фабричных тканей: бязи (*сууюм-бу*), плиса (*хилин*), парчи (*хорагай*), чесучи (*чыгыы*), шелка (*торгу*), плюша (*маннык*), далембы (*даалымба*) и др. Дорогие ткани — парча, шелк, плис, бархат, чесуча привозились в Туву из Китая и Монголии, а простые ткани — бязь, сатин, далемба — тувинцы покупали у русских купцов [Дьяконова 1960: 239].

Шитьем одежды занимались исключительно женщины и девушки, главным занятием которых было ведение домашнего хозяйства и быта. Каждая женщина умела шить и вышивать и по истечении нескольких лет достигала определенной степени мастерства. Почти в каждом аале, состоявшем из 3–7 родственных семей, была хотя бы одна мастерица, пользовавшаяся славой.

Из наплечной одежды тувинцев особое символическое и знаковое значение имеет женский *эдектиг тон*, который является одновременно свадебной одеждой и одеждой замужних женщин.

В последнее время наблюдается рост интереса тувинской молодежи к своей материальной культуре, национальной идентичности и самобытности, в связи с чем особенную актуальность приобретает возрождение свадебных традиций, в том числе одежды. Малоизученность данной проблемы обусловили дальнейшее историко-этнографическое изучение женской наплечной одежды *эдектиг тон*, выявление ее особенностей, семиотики, отличий, наблюдаемых у разных тувинских родов, в том числе исследование ее альтернативных названий — *терлик тон* ‘роскошный тон’ или *дерлиг тон* ‘букв. потный тон’.

Эдектиг тон как часть тувинского женского костюма

До начала XX в. социальное и возрастное положение тувинских женщин можно было легко определить по их одежде, причёске и украшениям — замужняя она или незамужняя, молодая девушка, вдова или старуха *шываганчы*¹.

Например, молодые девушки носили *шыва тон* (*шыва* ‘легкий, тонкий’) — это летняя наплечная распашная халатообразная одежда из ткани или шелка без особых украшений [ПМА 2005: инф. 1; ПМА 2005: инф. 2], лишь вдоль ее подола горизонтально пришивались полосы разноцветной ткани. Так это описывал Ф. Кон: «С момента появления менструаций у девушек старше 14 лет на высоте колен вдоль всего халата идет полоска цветной материи, сверху нее полоска красной, а снизу — шелковой материи цветов радуги» [Кон 1934: 168]. Халаты, украшенные подобным образом, носили преимущественно замужние женщины и девушки, последние — с наступлением половой зрелости [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 18]. Важное примечание: подол *тон* у девушки не усечен, как у *тон* замужней женщины. У тюркских народов эта деталь женского костюма является символом «производительного низа», поэтому у *тон* девушек «закрытые» недвижные полы служили

¹ Женщин старше 65–75 лет тувинцы называли *шываганчы*. Они обычно обривали голову налысо, что символизировало переход женщины в старческий возраст. Характерной чертой статуса старых женщин *шываганчы* являлось их право на курение. Как старики, они курили табак, используя длинные женские трубки из таволги.

признаком девственности» [Гемуев 1988: 181].

Кроме одежды, признаком возрастной стратификации у тувинских женщин являлась и прическа, имевшая свои особенности в разных районах Тувы. Так, в начале XX в. во многих кожуунах, как правило, девочкам уже с раннего детства заплетали волосы в одну косу, реже — в две [Вайнштейн 1991: 181]. В западных кожуунах¹, в том числе и в Монгун-Тайге, девочки с 3 лет и до просватания (обычно 14–15 лет), точнее — до момента *туктепа* (дугдээшкин — обряд сватовства) носили одну косу, а после этого обряда — две косы [Потапов 1969: 238].

Таким образом, по количеству кос и виду одежды можно было узнать, просватана девушка или нет. У просватанной девушки волосы заплетали в две косы, на макушку головного убора крепили кисть *маак* из длинных шелковых нитей красного цвета, которая спускалась на спину. На головной убор невесты также нашивали новую, более широкую кайму *хаи* красного цвета [Ховалыг 2018: 133].

Л. П. Потапов отмечал, что имеются определенные свидетельства того, что тувинцы долины Улуг-Хема (р. Енисей), как монголы, хакасы и алтайцы, раньше заплетали девушкам несколько мелких косичек [Потапов 1969: 238].

Девушки восточного Тоджинского кожууна носили три косы до замужества [Шишкин 2003: 145], в южных кожуунах (Тес-Хемском и Эрзинском) — две косы. Незамужние молодые девушки к косам

прикрепляли простые накосные украшения *боошкун* и *салбактар* [Ховалыг 2018: 123].

Замужние женщины в разных местностях тоже заплетали волосы по-разному: например, в Чадаане (этнические группы *монгуш*, *ховалыг*, *донгак*), замужние женщины со свадьбы заплетали волосы в две толстые и три маленькие косы *сырбык чаиштар* или *сай чаиштар* (см. фото 1). У состоятельных женщин средняя коса начиналась обычно тремя косичками, которые ниже плеч сплетали в одну, и на нее крепили накосник *чавага*. Нередко у пояса все три косы соединяли и, пропустив их под поясом, ниже него их вновь разъединяли, причем иногда каждую в свою очередь расплетали на три [Ховалыг 2018: 121–122].

В Монгун-Тайге [Потапов 1969: 238] и Тодже [Шишкин 2003: 145] замужние женщины свои волосы заплетали в две косы. В южных кожуунах — Эрзинском (этнические группы *шалык*, *сартыыл*, *соян*) и Тес-Хемском (*чооду кыргыз*) — в мелкие косички (см. фото 2), на юго-востоке Тувы в местности Кунгуртуг — в три косы [ПМА 2018: инф. 3].

Вдовы носили простой *шыва тон* и не носили украшений [Дьяконова 1960: 258]. Таким образом, мы видим, что одежда и прическа служили маркерами социального положения тувинских женщин.

Особое место среди женской одежды занимает халат *эдектиг тон* ‘букв. тон с подолом’ (см. фото 3). Его отличают художественное оформление и символическое значение деталей.

Эдектиг тон — это праздничная одежда замужней женщины, которую она впервые надевает, выходя замуж. Этот халат шили женщине на свадьбу, после которой она носила его лишь по праздникам. Обычно дорогую свадебную одежду *эдектиг тон* и свадебные головные уборы *баиштаңгы* и *думаалай* после свадьбы женщины хранили в сундуке *аптара*. По праздникам они одевали *эдектиг тон* и *баиштаңгы*, а покрывало *думаалай*, которым прикрывали лицо невесты во время свадьбы, не использовали, а хранили в сундуке на протяжении всей своей жизни [Потапов 1969: 240–241].

Богатые женщины, у которых было много халатов *эдектиг тон*, могли носить их не только по праздникам, но и в будни. Их отличали длинные рукава с манжетами

¹ Со второй половины XVIII в. до начала XX в. в западной части Тувы были созданы административные хошуны — Даа и Бээзи. В состав хошуна Даа входили следующие современные кожууны: Бай-Тайгинский (основные этнические группы, живущие в этом кожууне: *хертек*, *кужугет*, *сарыглар*, *саая*), Сут-Хольский (группы *ооржак*, *ондар*, *ховалыг*), Дзун-Хемчикский (*улуг-ховалыг*, *биче-ховалыг*, *донгак*, *сат*, *кара-сал*, *ондар*, *монгуш*, *ооржак* и др.). В состав хошуна Бээзи входили современные кожууны — Монгун-Тайгинский (*иргит*, *салчак*, *хертек*), Барун-Хемчикский (*хомушку*, *хертек*, *куулар*, *кара-сал*, *саая*), Овюрский (*монгуш*, *донгак*, *тумат*) [Маннай-оол 2004: карта на обложке]. Западные кожууны называли «хемчикскими» по названию реки Хемчик, соответственно, жителей этих районов называли «хемчиками».

Фото 1. Прически замужних женщин: две толстые и три маленькие косички. На празднике Найыр в Чадаане. 1926 г. Фото В. П. Ермолаева [[НМ РТ. КП 11286/878](#)]
 [Photo 1. Married women's hairdos: two thick and three thin braids. Naiyr festival, Chadan (present-day Dzun-Khemchiksky District). 1926. Photo by V. Yermolaev]

Фото 2. Фотография конца XIX в. «Богатая невестка из Самгалтая» (Тес-Хемский р-н).
 Автор — Ф. Я. Кон [[НМ РТ. КП 11286/917](#)]
 [Photo 2. Rich bride from Samgaltai (present-day Tes-Khemsky District).
 Late 19th century. Photo by F. Kon]

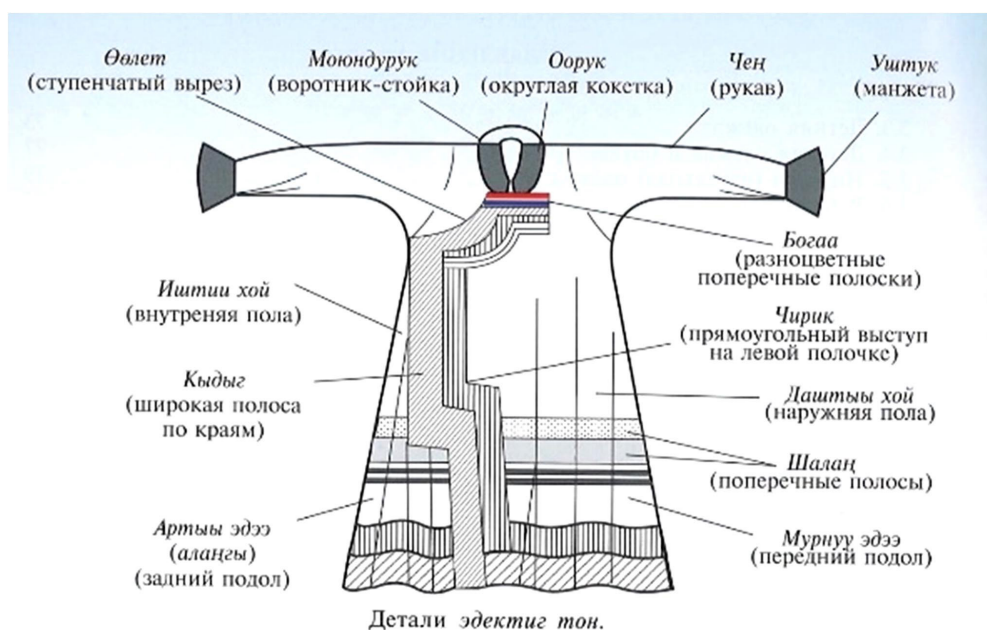

Фото 3. 1. Фото В. П. Ермолаева «Костюмы чиновника и его жены. Снято на праздничном карнавале в Кызыле. 1927 г.» [НМ РТ. КП 11286/1614]. 2. Женский эдектиг тон. Конец XIX – начало XX в. [НМ РТ. КП 1579]. 3. Детали эдектиг тон из книги Р. Б. Ховалыг «Тувинская традиционная одежда. Тыва ундезин хеп» [Ховалыг 2018: 158]
 [Photo 3. 1. Costumes of an official and his wife. Festive carnival in Kyzyl. Photo by V. Yermolaev. 2. Women's edektig ton. Late 19th – early 20th centuries. 3. Details of edektig ton in Traditional Tuvan Clothing by R. Khovalyg]

(обшлагами *уштук*), которые полностью закрывали даже кисти рук, они указывали на родовитость и знатность их владельцев. О длинных рукавах *эдектиг тон* богатых тувинок писали в своих трудах ученые Л. Ш. Сат-Бриль [Сат-Бриль 1988], М. О. и А. А. Сиянбиль [Сиянбиль, Сиянбиль 2000], С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1991], В. П. Дьяконова [Дьяконова 1960] и др. Подтверждение этому мы находим и на уникальных фотографиях В. П. Ермолаева, отражающих жизнь Тувы в начале XX в. В коллекции традиционной одежды тувинцев в Национальном музее Республики Тыва также есть экземпляры *эдектиг тон* с длинными рукавами.

Л. Ш. Сат-Бриль и М. О. и А. А. Сиянбиль, описывая в своих работах женский *тон* тувинцев, особо подчеркивали, что «чем длиннее рукава, тем красивее, престижнее считалась одежда» [Сат-Бриль 1988: 46] и «длинный рукав свидетельствовал о родовитости женщины, которая не занималась грязной работой» [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34–35].

Утверждение С. И. Вайнштейна о том, что длинные рукава с обшлагами *уштук* были характерной чертой тувинских халатов *тон* [Вайнштейн 1991: 156], по нашему мнению, можно отнести только к зимним шубам, где они действительно спасали кисти рук от весенне-осенних заморозков и зимних морозов и позволяли не пользоваться рукавицами. Если брать летнюю одежду, то длинные рукава с манжетами *уштук*, покрывающими кисть руки, были характерны в целом для праздничной одежды тувинцев. У состоятельных тувинцев длинные рукава символизировали их знатность и были присущи их повседневной одежде.

Покрой *эдектиг тон* не имел принципиального отличия от традиционного туникообразного. Как уже говорилось выше, *эдектиг тон* от других видов женской одежды отличали богатые декоративные элементы, которые еще и заключали в себе семиотическое значение.

Духовное значение и семиотика *эдектиг тон* художественно изложила в своем стихотворении «Эдектиг тон — благодатная одежда» («Эдектиг тон — буян тону») Мария Кыргыс [Кыргыс 2021]. В этом стихотворении на тувинском языке говорится о том, что *эдектиг тон* символизирует счастье молодых и является оберегом для

их семьи. Семиотика деталей *эдектиг тон* в стихотворении соответствует аргументам М. О. и А. А. Сиянбиль [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 33–36], Л. Ш. Сат-Бриль [Сат-Бриль 1988: 46] и информантов Л. К. Куулар [ПМА 2005: инф. 2] и Е. Ш. Байкара [ПМА 2005: инф. 1], о чем изложено ниже.

Женский *эдектиг тон* отличался от девичьего наличием нагрудного украшения *богаа*, округлой кокетки *оорук* на полочке, вертикальных полос *кыдыг* и поперечных разноцветных (радужных) полос *шалаң* на подоле.

То, как кроили и шили *эдектиг тон*, подробно описала Л. Ш. Сат-Бриль в своем материале «Традиционная верхняя одежда тувинцев». Она отмечает, что его левая пола, которая называлась *улугхою* или *даштыыхою*, кроилась нестандартно. На ней, кроме фигурного выреза *өөлет*, был декоративный элемент *оорук* (*богаа*. — Р. Х.) — широкая кайма из сочетания черного бархата, красного шелка и золотой парчи [Сат-Бриль 1988: 46]. Здесь нагрудное украшение названо *оорук*, что противоречит сведениям из книги М. О. и А. А. Сиянбиль «Традиционный тувинский костюм» [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 33], но совпадает с информацией Л. К. Куулар, уроженки Сут-Хольского кожууна, старейшего сотрудника Национального музея Республики Тыва [ПМА 2005: инф. 2].

Можно предположить, что сут-хольцы нагрудное украшение данного вида женского *тон* называли *оорук*, а украшение вокруг воротника — *богаа*. Однако многие мастерицы, с кем встречалась автор, считают наоборот, что нагрудное украшение женского *эдектиг тон* называется *богаа*, а украшение вокруг воротника — это *оорук*.

В материале Л. Ш. Сат-Бриль слово *богаа* вообще отсутствует. В книге «Мир кочевников Центра Азии» С. И. Вайнштейн словом *оорук* называет широкую кайму из цветных лент на левой поле, пришитую к верхней части *тон* замужней женщины [Вайнштейн 1991: 158].

Интересно, что у хакасских женщин было отдельное нагрудное украшение под названием *ного*, у некоторых других тюркоязычных народов есть слово *богаац*, которое ближе к тувинскому *богаа* [ПМА 2005: инф. 2].

Хакасский женский халат носит название *идектиг тон*, что созвучно тувинскому

эдектиг тон, но фасон хакасского халата схож с тувинской женской одеждой *ибчи тон*, которая предшествовала *эдектиг тон*. Отсюда можно сделать вывод, что нагрудному украшению *эдектиг тон* ближе название *богаа*, но, судя по вышеперечисленным фактам, в разных местностях Тувы оно называлось по-разному [Ховалыг 2018: 136].

Другой интересный факт, что нагрудное украшение *богаа*, присущее только тувинскому женскому *эдектиг тон*, у бурят имеется и на мужских халатах. У тувинских же мужских халатов нет никаких украшающих элементов, кроме окантовок синего или черного цветов, в редких случаях — широких полос *хаиш* по краю левой полы. Считали, что черный и синий цвета в одежде тувинских мужчин приносят им удачу в охоте и других занятиях [Потапов 1969: 214].

Стоячий короткий воротник *эдектиг тон* символизировал юрту [ПМА 2005: инф. 1], его аккуратно окружала и как бы защищала кокетка *оорук*. Воротник обычно украшали центрально-азиатским ромбовидным стеганым узором, напоминающим решетчатую стенку юрты *хана-карак*. Этот орнамент символизировал нерушимость семейного очага [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34].

Семиотику деталей *эдектиг тон* как нельзя лучше раскрывают слова в вышеупомянутом стихотворении М. Кыргыс, посвященном и деталям одежды: кокетка *оорук* вокруг воротника, нагрудное украшение *богаа* и поперечные полосы *шалаң* имеют значение оберега и защиты семьи. *Оорук*, расположенный вокруг воротника, — символ защиты юрты и семьи, красный цвет, используемый в *богаа* и *шалаң*, — обереги семьи, а поперечные полосы *шалаң* как бы

преграждают дорогу всему плохому [Кыргыс 2021].

Истоки покроя плечевого халата саяно-алтайских народов лежат в древнетюркской культуре. Наглядно это продемонстрировала гравировка на памятнике древнего искусства «Кудыргинский валун». В 1924–1925 гг. в низовье р. Чулышман в Горном Алтае экспедицией Русского музея под руководством археолога С. И. Руденко был раскопан могильник Кудырге (V–VI вв. н. э.). В центре внимания на Кудыргинском валуне — стоящая богиня Умай, почитаемая древними тюрками, покровительница детей, воинов и плодородия. Умай изображена в роскошном и пышном халате, судя по выбитой орнаментике на одежде, с серьгами в ушах и трехрогой короной-тиарой на голове. Фигура богини Умай величественна по сравнению с другими изображениями, совершенно необычна и подчеркнута выделена среди стоящих в ряд коней и коленопреклоненных всадников [Чебодаева 2021].

У женского *эдектиг тон* края левой полы и нижние края подола спереди и сзади обшивались широкой полосой черного бархата под названием *кыдыг*. Такую же деталь можно увидеть на гравированном рисунке на валуне из могильника Кудырге древнетюркского времени VI–VIII вв. (по А. А. Гавриловой): вдоль края верхней полы нашита широкая полоса, вероятно, ткани более темного цвета, — обычай, в несколько измененной форме и поныне сохраняющийся в одежде народов Центральной Азии, т. е. широкая полоса темного цвета напоминает *кыдыг* женского *эдектиг тон* [Вайнштейн 1991: 191] (см. рис. 1).

Рис. 1. Гравированный рисунок на валуне из могильника Кудырге (по А. А. Гавриловой). Рисунок иллюстрирует, что у тюрков одежда запахивалась справа налево и имела широкую черную полосу по краям правой полы, как у *эдектиг тон* [Вайнштейн 1991: 191, рис. 89]

[Fig. 1. Stone engraving from Kudyrge burial ground (acc. to A. Gavrilova). The picture illustrates Turks used to wear clothes with a right-side wrap widely brimmed in black, just like the case with *edekitig ton*]

На основании этого и других источников можно предполагать, что элемент *кыдыг* на женской одежде был известен в древнетюрское время.

М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль в своей работе дали подробную информацию об *эдектиг тон* в аспекте китайских и буддийских символических знаков [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 33–34], что позволяет говорить о значительном влиянии на одежду местного населения китайской культуры в связи с маньчжуро-цинским завоеванием территории Тувы и буддизма, который был объявлен государственной религией на территории Тувы во второй половине XVIII в. Категории «верх», «низ» в китайской символике, означающие понятия «Отец-Небо», «Мать-Земля», олицетворяющие два плодоносящих начала, будущие рождения, имели значение в культуре и одежде восточных народов издревле, в том числе у тувинцев.

В *эдектиг тон* замужней женщины верхняя часть символизирует материнство и «защиту всего сокровенного, в том числе напитка жизни — святого материнского молока» [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34].

Другим символом материнства и женственности является красный цвет, который всегда присутствовал в женском *тон*, что подтверждают все 8 подлинных женских *эдектиг тон* в фондах тувинского музея, в деталях которых присутствуют полосы красного цвета. О красном цвете в одежде указывали в своих работах В. П. Дьяконова [Дьяконова 1960: 251], Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 2003: 109–112], Л. П. Потапов [Потапов 1969: 214] и др.

Красный цвет — это женский цвет, который «приносит женщине счастье, дети у такой женщины растут здоровыми и крепкими» [Потапов 1969: 214]. Женский *тон* шили желательно из красной ткани (шелка, парчи). Если основная ткань бралась другого цвета, то края халата обязательно окантовывали тканью красного цвета и добавляли полосы красного цвета в детали *шалаң* и *богаа*.

В *эдектиг тон* в отличие от девичьего *тон* подол был усеченным, присборенным и расширяющимся к низу, словно приоткрывшийся и как бы освобождающий дорогу будущему рождению [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34]. Радужная поперечная полоса на подоле *шалаң*, начинающаяся от усеченного края, не только эстетически грамотна и

достаточно красочна в пространстве женского *тон*, но и как бы еще закликает новое богатство для рода и семьи [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34].

Л. Ш. Сат-Бриль отмечает, что подол старались украсить, указывая на богатство и красоту владелицы: «часто на одежде богатых женщин в этом месте нашивали золотое и шелковое шитье ручной китайской работы» [Сат-Бриль 1988: 41].

Был еще один интересный элемент подола, называемый *чирик*. Подол *эдектиг тон* был пришивным и слегка присборенным в отличие от девичьего цельнокроенного халата, но его пришивали таким образом, что с края правой (верхней) полы образовывался небольшой прямоугольный выступ, его и называли *чирик*. Этому выступу тувинцы придавали сакральное значение, переданное в вышеупомянутом стихотворении М. Кыргыс: *Элээн көвей чыырышкылаан делгем дээрге, эдээнге хөй ажы-төлү туттунзун дээн* ‘Расширяющийся к низу складчатый подол закликает: «Пусть много детей возьмутся за подол», т. е. пусть семья будет многодетной’. Именно этот прямоугольный выступ *чирик* предназначен для многодетной матери, которая на руках держит младенца, а другой ребенок хватается своей ручкой за него, чтобы не упасть. В этом же стихотворении звучит традиционное тувинское благопожелание, связанное с этим элементом женского *эдектиг тон*: *Артымы эдээн анай-хураган саза бассын, алаңгы эдээн ажы-төлү саза бассын!* ‘Чтоб заднюю полу ягнята натоптали, а переднюю полу — дети натоптали!’. Это тувинское благопожелание имеет и философское значение, заключающееся в народной мудрости кочевников-скотоводов: богатый человек тот, у которого много детей и скота.

Изменение в конструкции женского *тон* у тувинцев

Особенности тувинского костюма издревле складывались в межкультурном пространстве с соседними народами — алтайцами, хакасами, бурятами, но в большей степени влияние на трансформацию тувинского костюма в последние три столетия оказали монгольская и маньчжурская культуры. Это были культуры государственных образований, захвативших территории тувинских племен и подчинивших местное население.

Последние изменения в тувинской одежде, сохранившиеся до начала XX в., были внесены законодательно, что отмечает С. И. Вайнштейн: «Тува находилась в подчинении у Цинского Китая с 1758 г., и до начала XX в. Манчжурская династия Цин вносила изменения в национальные костюмы подчиненных им народов на свой манер» [Вайнштейн 1991: 197].

Одной из особенностей костюма маньчжуров был ступенчатый вырез *өөлет* в верхней части левой полы и невысокий стоячий воротник. Верхняя одежда *тон* такой формы была обязательным компонентом официального костюма, введенного маньчжурами законодательным путем в подчиненных ими районах, включая и Китай, превратившись постепенно в характерную деталь простонародной одежды [Сычев 1977: 45].

О том, как выглядела одежда тувинцев до введения Цинской империей Китая законодательным путем маньчжурских элементов в ней, в послемонгольское время, свидетельствует материал Ф. Кона «Экспедиция в Сойотию»: «Костюм сойота претерпевает те же изменения, какие претерпевают все другие стороны его быта. Покрой женской шубы еще недавно был тождествен с покроем шубы качинок (хакасок. — Р. Х.) „идектиг тон“, подол шубы изнутри стягивался в сборки протянутыми жилами; теперь об этом знали лишь дряхлые старухи. Такие шубы исчезли, и их сменили шубы монгольского покроя» (цит. по: [Сат-Бриль 1988: 46–47]).

Об исчезнувшем виде тувинского женского халата *ибчи тон*, у которого подол на уровне колен «изнутри стягивался в сборки протянутыми жилами», писали исследователи Тувы Е. К. Яковлев, Ф. Я. Кон, Л. Ш. Сат-Бриль, С. И. Вайнштейн, М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль. Слово *ибчи* — это несколько иное произношение тувинского слова *эшти*, в переводе с тувинского ‘женщина’ или ‘баба’ в негативном (ругательном) значении. Даже сегодня тувинцы в разных кожуунах (районах) слово *эшти* произносят по-разному: *ишти*, *эшти*, *ипчи*, *эпчи*. Раньше тувинские женщины не принимали участия в общественных и прочих делах, где принимались ответственные решения, по своему социальному положению они были ниже мужчин, поэтому их называли *херээжок* ‘не-нужная’ или в отрицательном значении *эшти* [Ховалыг 2018: 30].

В своей монографии Л. С. Кара-оол дала разъяснение терминам *эшти* и *эпиши*. Корень слова *эшти* происходит от слова *эи* (в переводе ‘товарищ, друг’), *-пи* — это словообразовательный аффикс, который имеет значение ‘дружелюбный’, а слово *эпчи* в переводе — ‘примиренец’. В обоих вариантах имеет не ругательное, а положительное значение, так как женщина в семье скрепляет семью, являясь каждому члену своей семьи другом и опорой [Кара-оол 2006: 113–114].

Об исчезнувшем виде тувинской женской одежды *ибчи тон* мы узнаем из работ исследователей Тувы. Так, Е. Г. Грумм-Гржимайло писал: «Женский летний халат (ибчи-тон) отличается от мужского большей длиной и большим количеством украшений, в особенности на груди, где опушка из черного плиса и цветных шелковых лент нашивается с таким расчетом, чтобы занять ее середину при застёжке халата, который, хотя и шьется без талии, но из двух неравных половин, сшиваемых на высоте колен, причем нижняя настолько шире верхней, что собирается вокруг нее складками, образуя волан. По линии шва такой халат обыкновенно обшивается широкой полосой черного, расшитого белым шелком, плиса, которая в свою очередь оторачивается цветным шнуром и шелковой узкой тесьмой цветов радуги. Обшлага его рукавов делаются суконными. Праздничный *ибчи-тон* состоятельной сойотки шьется из красной шелковой материи с отворотами рукавов из черного плиса, с прямоугольной, из того же материала, нашивкой на груди и широкими полосами на высоте колен и по подолу; первая полоса расшивается белым шелком и оторачивается шелковой китайской лентой цветов радуги; так же обшивается и ворот» [Грумм-Гржимайло 2003: 110].

В статье Л. Ш. Сат-Бриль дано описание *эдектиг тон* или *ибчи тон*, сделанное на основе описания исследователей Тувы Е. К. Яковлевым и Ф. Коном: «Женский летний халат „ибчи-тон“ — длиннополая одежда, имеющая на уровне колен нашитый волан, украшенный по линии шва и окаймленный цветными шнурами, была распространена среди качинских (хакасских) женщин под названием „идектиг тон“. В тувинских женских *тон*, на высоте колен так же, как и в одежде качинских женщин, подол часто со-

Фото 4. Торгы тон качинцев [Чебодаева 2021]

[Photo 4. Torgy ton of the Qachi (Khakass)]

бирается в складки и снизу обшивается широкой каймой плиса» [Сат-Бриль 1988: 46].

Таким образом, можно сделать вывод, что к XIX – началу XX в. тувинки носили халаты *ибчи тон*, подобные хакасским *идектиг тон*, сшитым из двух неравных пол. Позднее единственным напоминанием об этом виде женской одежды осталась имитация воланов на женских *эдектиг тон* и незначительная наборенность на уровне колен. Под более сильным влиянием монгольской культуры в начале XX в. «такие шубы исчезли, и их сменили шубы монгольского покроя» [Сат-Бриль 1988: 47]. Но, судя по фотографиям, грудная часть женского *эдектиг тон* похожа на монгольские халаты, а подол идентичен хакасскому *идектиг тон*.

У качинок (хакасок) был еще один традиционный халат *торгы тон* (см. фото 4), покроем которого схож с их же *идектиг тон* [Чебодаева 2021]. Таким образом, если тувинский *ибчи тон* схож с качинским *идектиг тон*, о чем есть сведения у Ф. Я. Кона [Сат-Бриль 1988: 46–47], значит, он схож и с качинским *торгы тон*. Тувинский женский халат *ибчи тон*, к сожалению, не сохранился до наших дней. Но можно представить, как он выглядел, если посмотреть на этот качинский *торгы тон*.

Название *торгы тон* тоже находит аналогии у тувинцев, которые шелковые халаты иногда называют *торгу тон* (*торгу* ‘шелк’).

Сборка на уровне колен схожа у тувинского *эдектиг тон* и качинского *торгы тон*. Но, если у качинского *торгы тон* волан образуется при помощи нитей из воловьих жил, как и у тувинского *ибчи тон*, то у более позднего тувинского *эдектиг тон* этот волан лишь симитирован. Сборка, выполненная с помощью сухожильных нитей, конечно же, ограничивала свободу движений женщины.

Одинаковыми были и поперечные полосы разноцветной ткани на подоле. Прямоугольный ступенчатый выступ на груди левой полы у качинского *торгы тон* напоминает нагрудные полосы *богаа* и прямоугольный выступ *чирик* тувинского *эдектиг тон*.

Интерес вызывает такая деталь хакасских женских халатов *торгы тон*, которая являлась своеобразным украшением халата, как декоративный цветной шнур *чеек*, который хакасские женщины использовали также для украшения женских шуб *идектиг тон*, жилетов *сигидек* [Чебодаева 2021].

У тувинцев тоже есть слово *чээк*, означающее обшлаг, обшивку, т. е. тувинцы обшивали воротник (*чээктээр*) или края одежды парчовой лентой [ТПС 1968: 560]. *Чээктээр* у тувинцев — это тип шва, которым они в старину украшали одежду, как и качинцы. Об этом и других типах швов подробно написала В. П. Дьяконова [Дьяконова 1960: 143].

В настоящее время этим способом шитья пользуются и современные дизайнеры, также этот способ шитья можно увидеть в шаманских костюмах. Интересно, что в женском *эдектиг тон* способ шитья *чээктээр* не использовали, о чем свидетельствуют образцы из коллекции тувинской национальной одежды в фондах Национального музея Республики Тыва.

В данной коллекции числятся всего 12 женских *эдектиг тон*, из них 8 — классического традиционного вида и 4 — современного стиля. Из традиционных женских халатов дороговизной выделяются три *тон* из китайской парчи, которые были переданы в музей из театра в 1954 г. Их передача в музей произошла при заместителе директора по науке Тувинского краеведческого музея С. И. Вайнштейна. В 1930-е гг. они попали в театр из конфискованного имущества богачей-феодалов. Эти три женских *тон* можно отнести к концу XIX — началу XX в. Они изготовлены машинным шитьем. Судя по аккуратности и дорогому материалу, платья были сшиты по заказу искусными мастерами для богатых женщин.

Эдектиг тон и терлик тон

Как выяснилось, *эдектиг тон* мог по-разному называться в разных кожуунах и местностях. Информанты, ветераны тувинского музея Л. К. Куулар и Е. Ш. Байкара, дали информацию, что *эдектиг тон* имеет и другое название *терлик тон*, что означает ‘роскошный, красивый’. Как оказалось, именно под таким названием женские *эдектиг тон* зарегистрированы в Книгах поступлений музейных предметов Национального музея Республики Тыва 1960–1970-х гг. Но существует еще одно название тувинской одежды — *дерлиг тон*, что в переводе с тувинского означает ‘потный тон’. Поскольку слова *терлик* и *дерлиг* созвучны и отличаются лишь первой буквой, очень часто при регистрации тувинской одежды в Книгах поступлений музея под названием *терлик тон* записывались и мужские, и детские, и женские летние *шыва тон*.

Эта проблема с терминологией нашла отражение в работе Круглого стола, организованного Национальным музеем Республики Тыва в 2018 г. и посвященного тувинской национальной одежде. Некоторые представители кожуунов не соглашались с тем, что *эдектиг тон* имеет другое название — *терлик тон*, они утверждали,

что единственно правильный термин — это *дерлиг тон* ‘букв. потный тон’, и что он относится к летнему *шыва тон* (летние халаты тувинцев имели подкладочный слой, поэтому в жаркие летние дни вызывали у людей потливость).

Учетные документы музея свидетельствуют, что женские *эдектиг тон* назывались *терлик тон* (*Терлик тон* — НМ РТ. КП 4577 от 10.02.1967 от Монгуш Седип Чамыяновны, уроженки Чаа-Холя Улуг-Хемского кожууна, сшила в 1962 г. для дочери; *Эдектиг терлик тон* — НМ РТ. КП 6152 от Хертек Шимик Авыдаевны, Кызыл-Даг, совхоз «Тээли», Бай-Тайга), в какой-то мере подтверждая информацию, полученную от наших информантов [ПМА 2005: инф. 1; ПМА 2005: инф. 2].

В других записях в Книгах поступлений Национального музея Республики Тыва летние *шыва тон* (мужские, детские, молодых девушек и стариков) зарегистрированы под названиями *дерлиг тон* (*Шыва дерлиг тон* Оюна Аваан-оола Чамбаалайовича, сшила Оюн Содунам Семис-ооловна, уроженка с. Эрбек; Халат национальный, детский *терлик тон*, сшит Иргит Часкалом из Эрги-Барлыка, 1969 г., КП 4789).

Возможно, в этой ситуации с терминами определенную роль сыграло произношение первых фонем, похожих по звучанию слов: *дерлиг* и *терлик*. Тувинцы оглушают звонкую согласную, возможно, поэтому слово *дерлиг* могло трансформироваться в *терлик*.

Таким образом, опираясь на сведения из учетной документации Тувинского музея, можно предполагать, что в таких местностях, как Чаа-Холь (этнические группы *улуг-тулуш*, *адыг-тулуш*, *кыргыс*), Тээли (роды *хертек*, *салчак*, *саая*, *кужугет*) женский *эдектиг тон* имел название *терлик тон*. В других местностях, таких как с. Эрбек (*байкара*, *чооду*), в Овюрском кожууне (роды *монгуш*, *тумат*, *долаан*, *донгак*) и в восточных кожуунах только летний *шыва тон* называли *дерлиг тон*.

С. И. Вайнштейн, описывая *шыва тон* и *эдектиг тон*, дает им общее название *дерлиг тон* (*дерлиг* ‘потный’) [Вайнштейн 1991: 156].

Интересное предположение, на наш взгляд, можно сделать, если связать слово *терлик* с эпитетом *тербес*. В тувинском эпосе в описании одежды героя обязательно упоминается летний шелковый халат черного цвета *кара тербес торгу тон*. Слово

тербес обозначает хорошее качество ткани [Гребнев 1960: 94].

В первом тувинско-русском словаре (под редакцией Э. Р. Тенишева), опубликованном в 1968 г. (Москва), слово *терлик* не было найдено, но в интернете обнаружено название тюркского кафтана *терлик*. Кратко коснемся этимологии тюркского слова *терлик*. В «Древнетюркском словаре» оно зафиксировано со ссылкой на «Словарь Махмуда Кашгарского» (9МК 1476) значение слова *terlik* как ‘потник’ [ДТС 1969: 555], такого же мнения придерживался Г. Й. Рамстедт, проводивший сравнение тюркского *terlig* с общетюркским *ter* ‘потеть’ (цит. по: [Харькова 2004: 59]).

В «Энциклопедии моды» мы находим значение слова *терлик* (от тюрк. *tarlik* ‘куртка без рукавов’) — короткий приталенный мужской кафтан с короткими рукавами, появился на Руси во второй половине XV в. [Андреева 1997: 344]. Очевидно, этот кафтан имеет древнетюркское происхождение.

В статье Э. П. Бакаевой даны названия женской одежды у ойратов, калмыков и отдельных народов Южной Сибири. Слово *терлик* (*тэрлэг, цэгдэг* — у ойратов и калмыков) — это название специфического типа одежды в виде безрукавки, как и у ряда других южно-сибирских народов. У тувинцев словом *терлик* называли безрукавную *чегедек* [Бакаева 2015: 76]. Длиннополую безрукавную нарядную одежду тувинских женщин *шегедек* (*сегедек, чегедек* — диал.) шили из дорогих материалов (парча, шелк, плис). Возможно, именно поэтому информанты Л. К. Куулар и Е. Ш. Байкара давали слову *терлик* значение ‘роскошный’ [ПМА 2005: инф. 1; ПМА 2005: инф. 2].

Таким образом, основываясь на исследованиях С. И. Вайнштейна и материалах фондов Национального музея Республики Тыва, можно сделать вывод, что летние халаты *шыва тон* и женская одежда замужних женщин *эдектиг тон* имели общее название *дерлиг тон*, который переводится как ‘потный’. Отсутствие в тувинско-русском словаре слова *терлик* не подтверждает информацию, полученную от информантов Л. К. Куулар и Е. Ш. Байкара, что оно означает ‘роскошный’.

Заключение

В настоящее время в Туве почти не осталось носителей традиционной тувинской одежды. 70–90-летние люди, которые еще

живы, родились в 1930–1940-е гг., их сознательная жизнь проходила уже в то время, когда под влиянием социалистической идеологии и общекультурных изменений произошла коренная трансформация традиционной культуры и быта тувинцев. Население Тувы, которое в прошлом вело кочевой образ жизни, стало жить оседло; традиционную одежду тувинцев сменила одежда европейского образца. Вместе с другими видами традиционной одежды женский халат *эдектиг тон* утратил свое значение свадебного наряда и одежды замужней женщины. Сегодня сшитые по подобию *эдектиг тон* концертные костюмы или праздничные платья иногда надевают даже маленькие девочки.

В советское и постсоветское время *эдектиг тон* еще можно было видеть в тувинских спектаклях и концертах в качестве театрального костюма. В последние десятилетия с возрождением традиционной культуры *эдектиг тон* как праздничная и свадебная одежда тувинских женщин вызывает интерес у молодежи, особенно у современных модельеров и дизайнеров, которые стремятся одевать современных тувинских невест в *эдектиг тон*.

В связи с этим хотелось бы отметить, что женская одежда выполняет не только сугубо утилитарные, но также знаковые, сакральные функции, что обуславливает ее не только как вещь, но и знак [Богатырев 1971: 343]. *Эдектиг тон*, являясь вещью, исполняет практическую, эстетическую, обрядовую, праздничную функции, но как свадебная одежда замужней женщины она выполняет знаковую функцию.

Таким образом, в результате исследования, в том числе в составе экспедиции, проведенной осенью текущего (2022) года в рамках проекта при поддержке Российского научного фонда, отличий в деталях и элементах женского *эдектиг тон* у родоплеменных групп тувинцев не было выявлено, кроме несущественного различия в названии *терлик тон* — *дерлиг тон*.

Следующий вывод был сделан о том, что тувинский женский халат *ибчи тон*, к сожалению, утерянный в настоящее время, является предшествующей формой *эдектиг тон*, в который законодательным путем были введены маньчжурские элементы. Низкий стоячий воротник и ступенчатый вырез *өөлет* стали обязательными компонентами не только *эдектиг тон*, но и всей

тувинской наплечной одежды. *Ибчи тон* был более длиннополым, подол его изнутри стягивался протянутыми жилами в сборки [Сат-Бриль 1988: 46–47], образующими волан, украшенный по линии шва и окаймленный цветными шнурами. Позднее единственным напоминанием об этом виде женской одежды осталась имитация воланов на женских *эдектиг тон* и незначительная

наборенность на уровне колен [Сат-Бриль 1988: 47]. Шуба *идектиг тон* качинок [Чебодаева 2021] и *эдектиг тон* тувинков являлись свадебной одеждой и одновременно одеждой замужних женщин.

Эти выводы еще раз подтверждают единые истоки материальной и духовной культуры соседних народов Центральной Азии и их истории.

Источники

НМ РТ — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Полевой материал автора

- ПМА 2005: инф. 1 — информант Е. Ш. Б., 1927 г. р., уроженка Пий-Хемского кожууна (запись 2005 г. в г. Кызыле).
 ПМА 2005: инф. 2 — информант Л. К. К., 1955 г. р., уроженка Сут-Хольского кожууна (запись 2005 г. в г. Кызыле).
 ПМА 2018: инф. 3 — информант С. Ш. Х., 1946 г. р., уроженка с. Кунгуртуг (запись 2018 г. в г. Кызыле).

Литература

- Андреева 1997 — Андреева Р. П. Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. 416 с.
 Бакаева 2015 — Бакаева Э. П. К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект) // *Oriental Studies*. 2015. Т. 8. № 3. С. 74–83.
 Богатырев 1971 — Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
 Вайнштейн 1991 — Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
 Гемуев 1988 — Гемуев И. Н. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 227 с.
 Гребнев 1960 — Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос. М.: Вост. лит., 1960. 147 с.
 Грумм-Гржимайло 2003 — Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и урянхайский край. // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX в.) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. С. 108–134.
 ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
 Дьяконова 1960 — Дьяконова В. П. Материалы по одежде тувинцев // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1957–1958. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 238–266.

Sources

Aldan-Maadyr National Museum of the Tyva Republic. (In Russ.)

Author's field material

- Informant 1: E. S. B., b. 1927, native of Piy-Khemsy District (Tyva Republic, Russian Federation). Rec. in 2005, Kyzyl. (In Tuv. and Russ.)
 Informant 2: L. K. K., b. 1955, native of Sut-Kholsky District (Tyva Republic, Russian Federation). Rec. in 2005, Kyzyl. (In Tuv. and Russ.)
 Informant 3: S. Sh. Kh., b. 1946, native of Kungurtug village (Tere-Kholsky District, Tyva Republic, Russian Federation). Rec. in 2018, Kyzyl. (In Tuv. and Russ.)

- Кара-оол 2006 — Кара-оол Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл: РИО ТывГУ, 2006. 252 с.
 Кон 1934 — Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Собр. соч. Т. 3: Экспедиция в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 293 с.
 Кыргыз 2021 — Кыргыз Мария. Эдектиг тон — буян тону [электронный ресурс] // Vk.ru, аккаунт Б. Чечекмаа, 2021. URL: <https://vk.com/chechekmaa> (дата обращения: 03.02.2021).
 Маннай-оол 2004 — Маннай-оол М. Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 165 с.
 Потапов 1969 — Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
 Сат-Бриль 1988 — Сат-Бриль Л. Ш. Традиционная верхняя одежда тувинцев // Культура тувинцев: традиция и современность / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл: Тип. Госкомиздата ТувАССР, 1988. С. 41–49.
 Сиянбиль, Сиянбиль 2000 — Сиянбиль М. О., Сиянбиль А. А. Традиционный тувинский костюм. Кызыл: Респ. тип., 2000. 72 с.
 Сычев 1977 — Сычев В. Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации) // Советская этнография. 1977. № 3. С. 32–46.
 ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

- Харькова 2004 — Харьковская С. С. Наименования видов одежды в монгольских языках (К вопросу об этимологии) // Монголоведение. Т. 3. № 1. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 48–64.
- Ховалыг 2018 — Ховалыг Р. Б. Тувинская традиционная одежда. Тыва үндезинхеп. Новосибирск: Наука, 2018. 335 с.
- Чебодаева 2021 — Чебодаева М. П. Из истории хакасского халата-сикпена и торгы тон [электронный ресурс] // ИА «Хакасия». 3 января 2021 г. URL: <https://19rus.info/index.php/kultura-i-sport/item/144798-iz-istorii-khakasskogo-khalata-sikpena-i-torgy-ton> (дата обращения: 14.09.2022).
- Шишкин 2003 — Шишкин Б. К. Очерки Урянхайского края // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX в.) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. С. 145–147.
- Яковлев 1900 — Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- References**
- Andreeva R. P. Encyclopedia of Fashion. St. Petersburg: Litera, 1997. 416 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. To the study of semantics of the Oirat and Kalmyk women's costume (Historiographical aspect). *Oriental Studies*. 2015. Vol. 8. No. 3. Pp. 74–83. (In Russ.)
- Bogatyrev P. G. Folk Art: Questions of Theory. Moscow: Iskustvo, 1971. 544 p. (In Russ.)
- Chebodaeva M. P. *Sikpen* and *torgy ton*: History of the Khakass garments revisited. On: Khakassia News Agency. Posted on 3 January 2021. Available at: <https://19rus.info/index.php/kultura-i-sport/item/144798-iz-istorii-khakasskogo-khalata-sikpena-i-torgy-ton> (accessed: 14 September 2022). (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Russ. and Old Turk.)
- Dyakonova V. P. Materials on Tuvan clothing. In: Transactions by the Tuva Archaeology and Ethnography Research Expedition (1957–1958). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 238–266. (In Russ.)
- Gemuev I. N. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Space and Time. The World of Things. Novosibirsk: Nauka, 1988. 227 p. (In Russ.)
- Grebnev L. V. Tuvan Heroic Epic. Moscow: Oriental Literature Press, 1960. 147 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and Uryankhay Krai. In: Kuzhuget A. K. (comp.) Traditional Tuvan Culture in the Eyes of Foreigners: Late 19th – Early 20th Century. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2003. Pp. 108–134. (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Tuvan Kinship and Marriage Terms. Kyzyl: Tuvan State University, 2006. 252 p. (In Russ.)
- Kharkova S. S. Clothing names in Mongolic languages: Etymologies revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. Vol. 3. No. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2004. Pp. 48–64. (In Russ.)
- Khovalyg R. B. Traditional Tuvan Clothing. Tyva Ündežin Khep. Novosibirsk: Nauka, 2018. 335 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. Over the Fifty Years: Collected Works. Vol. 3: Expedition to Soyotia. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1934. 293 p. (In Russ.)
- Kyrgys M. Edektig ton — to buyan ton. On: VK. Personal account of B. Chechekmaa, 2021. Available at: <https://vk.com/chechekmaa> (accessed: 3 February 2021). (In Tuv. and Russ.)
- Mannay-ool M. Kh. The Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka, 2004. 165 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. The Tuvans: Essays on Household Life. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)
- Sat-Bril L. Sh. Traditional Tuvan outdoor wear. In: Aranchyn Yu. L. (ed.) Tuvan Culture: Tradition and Contemporaneity. Kyzyl: Tuva Goskomizdat, 1988. Pp. 41–50. (In Russ.)
- Shishkin B. K. Essays on Uryankhay Krai. In: Kuzhuget A. K. (comp.) Traditional Tuvan Culture in the Eyes of Foreigners: Late 19th – Early 20th Century. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2003. Pp. 145–147. (In Russ.)
- Siyanbil M. O., Siyanbil A. A. Tuvan Traditional Costume. Kyzyl: Tyva Publ. House, 2000. 72 p. (In Russ.)
- Sychev V. L. Topwear of Central and East Asian peoples: Attempting a classification. *Sovetskaya etnografiya*. 1977. No. 3. Pp. 32–46. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 646 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. The World of Nomads from Asia's Center. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. Non-Russian Population of the Southern Yenisei River Valley: An Ethnographic Review Suppl. with an Explanatory Catalogue of the Museum's Ethnographic Department. Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1308–1324, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 572+930

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1308-1324

Этническая антропология тувинцев: история и перспективы развития. Часть 1

Елена Андреевна Вагнер-Сапухина¹, Денис Валерьевич Пежемский^{2,3}

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат биологических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-1140-5834. E-mail: lena.sapuhina@gmail.com

² АНО «Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований» (д. 12, к. 5, Новая площадь, 109012 Москва, Российская Федерация)

³ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (д. 11, стр. 1, ул. Моховая, 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат биологических наук, заместитель директора по научной работе; старший научный сотрудник

 0000-0003-3931-4560. E-mail: pezhemsky@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Вагнер-Сапухина Е. А., Пежемский Д. В., 2022

Аннотация. *Введение.* История антропологического изучения Тувы насчитывает почти вековой период, и интерес к этому региону не угасает по сей день. В этой связи возникает необходимость обобщить все опубликованные на настоящий момент исследования, уточнить периодизацию этапов в изучении этнической антропологии тувинцев. *Цели.* Основной целью данной работы является обобщение всех накопленных данных по антропологическому облику тувинцев и обозначение проблемных областей в данной теме и перспектив дальнейших исследований. В первой части поэтапно рассмотрена история изучения этнической антропологии тувинцев с учетом развития биологической антропологии в России. *Результаты.* Подробно проанализированы результаты в области этнической антропологии, полученные на основе измерительных и описательных данных головы и лица, признаков телосложения, особенностей зубной системы, морфологии гребешковой кожи. Данные ряда систем антропологических признаков позволили определить место тувинцев среди сибирских монголоидов, выделить локальные варианты внутри населения Тувы. *Выводы.* Несмотря на подробнейшее антропологическое описание тувинцев остаются неразрешенными некоторые аспекты их внутригрупповой дифференциации, особенно с учетом сложившейся родоплеменной подразделенности, и вопросы формирования антропологического облика тувинцев

на протяжении средневековой эпохи и нового времени, что задает векторы дальнейшего изучения населения Тувы.

Ключевые слова: этническая антропология, расоведение, история науки, морфология головы и лица, одонтология, дерматоглифика, Тува, тувинцы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113).

Для цитирования: Вагнер-Сапухина Е. А., Пежемский Д. В. Этническая антропология тувинцев: история и перспективы развития. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1308–1324. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1308-1324

Tuvan Physical Anthropology: History and Development Prospects. Part One

*Elena A. Vagner-Sapukhina*¹, *Denis V. Pezhemsky*^{2, 3}

¹ Tuvan State University (36, Lenin st., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Junior Research Associate

 0000-0002-1140-5834. E-mail: lena.sapuhina@gmail.com

² Paleoethnology Research Center (12/5, Novaya Ploshchad, 109012 Moscow, Russian Federation)

³ Lomonosov Moscow State University (11/1, Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Biology), Deputy Director for Research, Senior Research Associate

 0000-0003-3931-4560. E-mail: pezhemsky@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Vagner-Sapukhina E. A., Pezhemsky D. V., 2022

Abstract. Introduction. The history of Tuva's anthropological study dates back almost a century, and interest in this region never faded to date. In this regard, there is a need to summarize all related research publications, clarify the periodization of stages in the study of Tuvan physical anthropology. **Goals.** The work primarily aims to summarize all collected data on anthropological appearances of Tuvans and identify problem areas in this topic, as well as prospects for further research. Part One shall introduce a step-by-step history of the study of Tuvan physical anthropology, with due regard of the development of biological anthropology in Russia. **Results.** The paper provides a detailed analysis of ethnic anthropology results comprising head, face and physique measurements and descriptive data, dental and dermatoglyphic parameters. Data from a number of anthropological systems make it possible to determine the place of Tuvans among Siberian Mongoloids, delineate some local variants within the population of Tuva. **Conclusions.** Despite there is a most detailed anthropological description of Tuvans, some aspects of their intra-group differentiation remain unresolved — especially taking into account the existing tribal subdivision — just like the case with the formation of Tuvan anthropological appearances during the medieval era and modern times, which sets new vectors for further research of Tuva's population.

Keywords: ethnic anthropology, racial studies, history of science, head and face morphology, odontology, dermatoglyphics, Tuva, Tuvans

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 'Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features'.

For citation: Vagner-Sapukhina E. A., Pezhemsky D. V. Tuvan Physical Anthropology: History and Development Prospects. Part One. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1308–1324. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1308-1324

Введение

В настоящее время, говоря об этнической антропологии того или иного народа, в том числе в историографическом плане, чрезвычайно важно учитывать то, какие структурные изменения, начиная с 1990-х гг., произошли в антропологии в целом и в физической антропологии в частности. Так, среди глобальных изменений, которые необходимо назвать, отметим два: выделение из этнической антропологии и расоведения такой области знания как *палеоантропология*, обзору которой в приложении к материалам с территории Тувы мы обратимся отдельно; и зримое разделение предметных областей самих этих дисциплин — расоведения и этнической антропологии, до конца 1980-х гг. не наблюдавшееся [Хрисанфова, Перевозчиков 1991: 316–317].

Все это происходило на фоне постоянного и довольно бурного развития методов популяционно-антропологических исследований — сначала чисто морфологических, когда самостоятельными антропологическими дисциплинами в 1960-е гг., например, стали *одонтология* и *дерматоглифика*, а затем и физиологических, с чего началось существенное дополнение предмета этнической антропологии и сближение его с предметным пространством популяционной генетики [Методика 1981: 44–103].

Тувинцы стали объектом пристального внимания специалистов на самых ранних этапах становления отечественной этнической антропологии, уже в 1920-е гг., когда они изучались в составе большой семьи народов Алтае-Саянского нагорья [Ярхо 1929; Ярхо 1947]. Таким образом, история изучения Тувы охватывает почти вековой период и объединяет интересы крупнейших отечественных антропологов, сохраняя при этом актуальность целого ряда нерешенных вопросов этногенеза тувинцев. По справедливому замечанию Г. А. Аксяновой, в этом отношении Тува является самым изученным регионом России [Аксянова 2009: 137] и продолжает оставаться таковой по сей день.

В своей оригинальной работе, носящей не только историографический характер, но и содержащей собственный анализ ряда

важнейших проблем, Г. А. Аксянова выделяет четыре периода в изучении этнической антропологии Тувы: 1) дореволюционный, 1904–1914 гг.; 2) алтае-саянский, 1924–1927 гг.; 3) восточно-саянский, 1952–1969 гг. и 4) «современный период» комплексного изучения тувинского народа, 1972–2005 гг. [Аксянова 2009: 138]. Выделение периодов антропологического изучения тувинцев, судя по всему, произведено исходя из хронологии экспедиционных выездов и дат выхода публикаций. Кроме того, Г. А. Аксянова при формировании своей периодизации сделала акцент на объекте изучения в конкретных работах, что явственно следует из названия выделенных этапов. Содержательный анализ каждого из этих этапов, задуманный в настоящей работе, позволит согласиться или уточнить данную периодизацию.

Первые антропологические исследования тувинцев начались еще в конце XIX в. [Горощенко 1901; Горощенко 1905], однако полноценные экспедиционные работы на территории Тувы состоялись только четверть века спустя, что было обусловлено совершенной неразработанностью самой этой области знания [Левин 1960: 150–152].

Танну-Тувинская экспедиция В. В. Бунака 1926 г.

Начало современным исследованиям по этнической антропологии и расоведению, фактически открывавшим совершенно новый этап развития отечественной антропологии, было положено именно в Алтае-Саянском нагорье, в том числе с привлечением данных о тувинцах [Гремяцкий 1947: 3]. Этот этап тесно связан с именами В. В. Бунака, много времени уделявшего вопросам методики, и А. И. Ярхо, который разработал основные принципы полевых работ и теоретические основы лабораторного анализа собранных данных. В 1924–1925 гг. А. И. Ярхо, сам будучи аспирантом Антропологического института Московского государственного университета (далее — МГУ), работал вместе со студентами-антропологами В. И. Белкиной, В. И. Левиным, Ю. И. Рубинштейном и Э. С. Левин-Щириной в основном на территории Алтая.

В 1926 г. Комиссия по изучению Монголии и Танну-Тувы при Совете народных комиссаров СССР организовала большую Танну-Тувинскую этнографо-антропологическую экспедицию, работавшую двумя отрядами, один из которых возглавлял уже опытный А. И. Ярхо. Руководителем был назначен В. В. Бунак, отряд которого изучал, в частности, территорию Тоджи. Полевые исследования А. И. Ярхо проводились на территории Дзун-Хемчикского и Борун-Хемчикского кожуунов.

В экспедиции 1926 г. приняли участие (на тот момент) аспирант М. Г. Левин, который еще вернется в Туву значительно позднее, и студенты-антропологи Л. В. Пушкинская, В. И. Белкина, а также врач А. П. Преображенский и художница О. Ф. Амосова [Ярхо 1929: 127; Ярхо 1947: 5; Перевозчиков 2013: 38; Bounak 1928: 1]. Эту экспедицию так или иначе упоминают в своих работах все исследователи Тувы [Ярхо 1947: 5; Левин 1954: 18–19; Богданова 1979: 7; Богданова 1986: 109; Алексеева 1984: 76; и др.], ей даже посвящен специальный очерк [Ефимова 2011].

Однако до конца неизвестными остаются ее маршруты и задачи, а результаты экспедиции, по-видимому, так и не были опубликованы в полной мере — как из-за перипетий судеб ее участников, так и из-за событий отечественной истории второй четверти XX в. Сам А. И. Ярхо очень рано скончался от туберкулеза, не успев завершить очень многого. Его материалы были объединены и переработаны Г. Ф. Дебецем в отдельную монографию «Алтае-Саянские тюрки (антропологический очерк)» перед самой Великой Отечественной войной [Ярхо 1947]. Вышедшая с большим опозданием, она длительное время оставалась настольной книгой для всех отечественных специалистов по этнической антропологии, многие ее части не устарели и до сих пор. В предисловии к этой книге Г. Ф. Дебец писал: «Настоящий труд покойного А. И. Ярхо представляет собой важный этап в истории развития советской антропологии. Работая над изучением расового состава алтае-саянских тюрков, которые являлись первым большим объектом его научной деятельности, А. И. сформулировал ряд принципов, ставших ныне азбукой для большинства советских антропологов. К их числу относится принцип

таксономической неравноценности расовых признаков, динамический принцип подхода к расово-систематическим категориям и др.» [Дебец 1947: 3–4].

Судя по тому, что изложено в статье В. В. Бунака, изданной на французском языке, маршруты Танну-Тувинской экспедиции 1926 г. были гораздо более разнообразны и широкомасштабны, чем это принято считать и указывать при ее упоминании [Bounak 1928: 1–16]. В. В. Бунак подразделяет страну на девять географических регионов: Уюкская степь, Джиджерская степь, Кемчикская степь, степь, окружающая р. Тес-хем за хребтом Танну-Ола, хребет Танну-Ола, долина левого берега р. Уюк-хем, Тоджа, Северная Тоджа и долина реки Бий-Хем, каждый из которых подробно охарактеризован [Bounak 1928: 2–5]. Наряду с этим фактом, а также замечанием самого В. В. Бунака о том, что он «путешествовал по стране Танну-Тува в разных направлениях и смог посетить множество мест, некоторые из которых никогда еще не были описаны с научной точки зрения» [Bounak 1928: 1], мы замечаем, что задачи этой экспедиции выходили далеко за рамки антропологического изучения тувинского народа и включали в себя и географическое описание местности, и этнографическое исследование.

Известны, например, более поздние работы М. Г. Левина о традициях оленеводства [Василевич, Левин 1951]. Производился сбор демографических данных о рождаемости и смертности среди тувинцев [Bounak 1928: 15]. Кроме того, само антропологическое изучение было многогранно и включало в себя как стандартные измерительные признаки, так и вновь разработанные приемы описания морфологических признаков головы и лица, а также пигментацию кожи, глаз и волос, форму мозгового отдела головы, оценку пропорций тела, физического развития, описание санитарно-гигиенических условий жизни людей. Пигментацию кожи, помимо стандартной оценки по шкале Лушана, планировалось изучать по рисункам художницы О. Ф. Амосовой в лабораторных условиях — с помощью спектрометра. Однако, несмотря на столь обширный перечень предполагаемых задач, лишь ограниченное их количество было решено.

Основываясь на эмпирических полевых наблюдениях об антропологическом облике тувинцев, В. В. Бунак выделяет два наиболее характерных типа, которые встречаются во всех регионах. Первый объединяет брахикефальных индивидов с высоким сводом черепа, низкими с прямым и широким носом с прямым основанием, резко очерченной складкой век, смуглых, с прямыми и жесткими волосами и слабым развитием третичного волосяного покрова. Вторым отличается от первого более высоким лицом, носом с горизонтальным или приподнятым основанием [Bounak 1928: 13].

Кроме того, В. В. Бунак выделяет еще три локальных варианта. Третий и четвертый характеризуются менее выраженной складкой век и менее прямыми волосами. У третьего лицо удлиненной формы, нос прямой, с приподнятым основанием; у четвертого — лицо средней высоты, нос с опущенным кончиком. Пятый вариант сходен с третьим, но отличается менее прямыми, иногда слегка волнистыми волосами, более толстыми губами, удлиненным лицом с менее выступающими скулами, слабо развитой складкой век, носом с широким и приподнятым основанием и прямой спинкой [Bounak 1928: 13–14].

Пытаясь определить место тувинцев среди групп большой монголоидной расы, В. В. Бунак пишет о том, что население Тувы «обнаруживает характерные черты, сближающие его с тюркским племенем, а также с монгольскими, тунгусскими и самоедскими племенами» [Bounak 1928: 14]. Эти, безусловно, интересные наблюдения в настоящее время практически невозможно использовать объективно, как-то верифицировать их, но было бы неверно отбрасывать. Характеристики телосложения изложены В. В. Бунаком всего в нескольких предложениях. Он отмечает, что длина и пропорции тела у тувинцев отличаются разнообразием, при этом преобладает группа с длиной тела ниже среднего и пониженным объемом грудной клетки, мышечной массой и объемом легких [Bounak 1928: 14].

Полевые работы М. Г. Левина 1952 г.

Спустя почти 30 лет, М. Г. Левин — участник Танну-Тувинской этнографо-антропологической экспедиции 1926 г. — возглавил новую экспедицию в Туву и об-

следовал население нескольких кожуунов. Собранные им данные были подразделены на четыре географические группы — южная (Эрзинский и Самагалтайский кожууны), западная (Дзун-Хемчикский кожуун), центральная (Тандинский кожуун) и восточная (Тоджинский кожуун). М. Г. Левин выделяет группу тоджинцев-оленоводов, отмечая, что для их морфологического облика характерна более светлая кожа, более мягкие волосы, слабый рост бороды и бровей, относительно низкое лицо, большее выступание скул, более прохейличная губа и меньшая длина тела [Левин 1954: 20–21]. Все это сближает, по мнению исследователя, тоджинцев с тофаларами. Кроме того, он акцентирует внимание на собственном эмпирическом ощущении о физиономическом сходстве тоджинцев-оленоводов с эвенками и эвенками. Уточняя эту идею, М. Г. Левин пишет, что тоджинцы и тофалары оказываются близкими по отмеченным признакам к эвенкам Подкаменной Тунгуски, изученным Г. Ф. Дебецем, и допускает, что в сложении антропологического облика тоджинцев-оленоводов приняли участие носители катангского варианта байкальской расы [Дебец 1951: 79; Левин 1954: 20–21; Левин 1958: 146].

Относительно центральных и западных тувинцев М. Г. Левин спорит с выводами Г. Ф. Дебеца, сделанными на палеоантропологическом материале, о большей европеоидности центральных тувинцев. Он считал, что эти группы не показывают каких-либо отличий от тувинцев западного Дзун-Хемчикского кожууна [Левин 1954: 26].

Стоит отметить, что уже в начале 1950-х гг. Г. Ф. Дебец пересмотрел свои выводы 1920-х гг., определив тувинцев как несомненных представителей центрально-азиатской расы [Дебец 1951: 71].

Первые популяционно-генетические исследования в Туве

Первое популяционно-генетическое исследование тувинцев было организовано в 1964 г. Сибирским отрядом антропологической экспедиции МГУ, возглавляемым Ю. Г. Рычковым. Сотрудники тувинского отряда, которым руководила Т. В. Волкова, собирали материал в Тоджинском кожууне в с. Тоора-Хем, с. Ий-Хем и с. Адыр-Кежиг, а также в Кызыле на базе республиканской

школы-интерната. Программа исследования, помимо сбора информации по классическим генетическим маркерам, включала сбор генеалогических данных, образцов волос, антропологическую фотографию и некоторые антропометрические и антропоскопические признаки. В опубликованной по результатам исследования работе тувинцы-тоджинцы рассматриваются как оформленная, отдельная популяция, внутри которой выделяют две подгруппы — тоджинцы-оленоводы и тоджинцы, занимающиеся скотоводством [Рычков и др. 1969: 14–15]. Отмечалось, что тоджинцы-оленоводы по антропологическим данным сближаются с тофаларами одного из исследованных населенных пунктов (Алыгжер), при этом субпопуляция тоджинцев-скотоводов отличается как от оленеводов, так и от тувинцев Кызыла, сочетая в себе крайние концентрации различных генов и обладая выраженным генетическим своеобразием. Тувинцы Кызыла подробно не анализировались, генетические данные по ним были собраны лишь в качестве контрольной группы. Отмечается лишь, что тувинцы являются достаточно однородной в генетическом плане популяцией, несмотря на локальную подделенность [Рычков и др. 1969].

Комплексные антропологические экспедиции 1970-х гг.

В начале 1970-х гг. в Туву была организована новая антропологическая экспедиция под руководством В. И. Богдановой (Селезневой). В течение четырех полевых сезонов 1972–1976 гг. исследовательница вместе с командой студентов кафедры этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета провела обследование 727 индивидов (299 мужчин и 428 женщин). Программа исследования включала в себя сбор кефалометрических и кефалоскопических данных, отпечатков гребешковой кожи пальцев рук и ладоней, восковых отпечатков зубов, определение групповых факторов крови, антропологическую фотографию. Собранные данные были разделены на четыре территориальные группы — западную, центральную, южную и юго-западную. Западная группа (обследованные в населенных пунктах Бай-Тайгинского, Борун-Хемчикского и Дзун-Хемчикского кожуунов) по территориальному

охвату частично совпадала с хемчикской группой, обследованной А. И. Ярхо. Центральная группа (Тандинский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский кожууны) охватывает значительно большую территорию, чем та, что была исследована Танну-Тувинской экспедицией В. В. Бунака. Южная группа (Эрзинский кожуун) совпадает с регионом, обследованным М. Г. Левиным. Юго-западная группа (Монгун-Тайгинский и Овюрский кожууны) была обследована этой экспедицией впервые [Богданова 1979; Богданова 1986].

В своих работах В. И. Богданова в первую очередь ставила задачу изучения внутригрупповой изменчивости тувинцев. Отличия тувинцев-тоджинцев от остальных тувинцев отмечали ее предшественники [Левин 1954: 20], однако различия внутри территориальных групп тувинцев практически не анализировались. Так, В. И. Богданова выделяет два комплекса признаков. Один из них характерен для юго-западной группы с более выраженной долихокефалией, более высоким лицом, большими параметрами носа (высота, ширина и указатель), более широко раскрытой и горизонтально расположенной глазной щелью, менее выраженными и реже встречающимся эпикантусом, сильно развитым надбровьем, большей высотой переносья и наименьшим процентом встречаемости вогнутых спинок носа, и при этом наибольшим скуловым диаметром и большей относительной шириной лица. Другой комплекс признаков представляет собой сочетание, выраженное в южной группе тувинцев. Он характеризуется более выраженной брахицефалией, более темной пигментацией глаз, волос и кожи, более узкой и наклонной глазной щелью, очень сильно развитыми эпикантусом и складкой верхнего века, слабо развитым надбровьем, низким переносьем и уплощенным профилем спинки носа с частой встречаемостью вогнутых форм. Западная и центральная группы тувинцев близки между собой и занимают промежуточное положение между двумя выделенными комплексами, при этом западные тувинцы морфологически тяготеют к юго-западным, а центральные — к южным [Богданова 1979: 92; Богданова 1986: 144–146].

Однако, помимо внутригруппового анализа выборок, В. И. Богданова сравнивала

тувинцев с другими монголоидными группами и группами смешанного происхождения. При анализе измерительных признаков головы и лица выяснилось, что тувинцы тяготели скорее к представителям южносибирской расы, в частности к алтайским сериям по головному указателю, скуловому диаметру и морфологической высоте лица, и к казахам и киргизам по другим признакам. По сравнению с группами, являющимися носителями центральноазиатских черт, тувинцы обладали большей шириной лба, меньшей величиной скулового диаметра, более низкими значениями высоты лица, носа и верхней губы. Кефалоскопические признаки показывали большее сближение тувинцев с центральноазиатскими сериями, например с калмыками (по цвету глаз эти серии наиболее темноглазы), эвенками и западными бурятами (по высокой встречаемости иссиня-черных волос, частоте эпикантуса, развитию складки верхнего века, высоте переносья) [Богданова 1986: 148–152]. Однако развитие надбровья, степень выступания скул и небольшой процент встречаемости вогнутых спинков носа сближали тувинцев с казахами и алтайцами [Богданова 1986: 146–148].

В целом физический облик тувинцев характеризовался мозаичностью черт, ряд из которых сближал его с центральноазиатским вариантом, а другие — с южносибирским, что свидетельствует о сложных путях сложения этой группы.

В 1970-е гг. в Тыве работала еще одна экспедиция, организованная Научно-исследовательским институтом антропологии МГУ под руководством Т. И. Алексеевой. Программа исследования была чрезвычайно обширна и включала в себя сбор не только данных о морфологии головы и лица, но также измерение тела, определение показателей обмена веществ (артериальное давление, частоту сердечных сокращений, уровень гемоглобина, эритроцитов, уровень холестерина, показатели общего белка, белковых фракций), оценку возрастного остеоморфного статуса и индивидуального биологического возраста по методу OSSEO, сбор образцов волос с последующим проведением фотоэлектроколометрического определения степени пигментации, образцов крови — для выделения и анализа классических генетических маркеров, а также

сбор восковых слепков зубов и отпечатков гребешковой кожи ладоней и пальцев рук. Обследование тувинцев проводилось в четырех кожуунах — Дзун-Хемчикском, Монгун-Тайгинском, Тоджинском и Эрзинском [Антропо-экологические исследования в Тыве 1984; Антропозкология 2005].

Т. И. Алексеева, описывая морфологию головы и лица тувинцев, отмечала, что антропологическая характеристика их сложна и неоднозначна. Сочетание выраженной брахикефалии с широким лбом, а также скошенный подбородок и довольно темная кожа отличают тувинцев как от других народов Алтае-Саянского нагорья, так и от якутов. Однако по ряду других, таксономически значимых признаков (размеры и профилировка лица, размеры, выступание и форма носа, развитие складки верхнего века и эпикантуса, форме глазной щели, цвету волос и глаз, росту волос на лице и теле) тувинцы, по мнению Т. И. Алексеевой, относились к типичным представителям монголоидной расы. Она предлагала считать тувинцев представителями саянского¹ варианта центральноазиатской расы, который, помимо всех остальных особенностей, характеризуется большей брахикефалией, более смуглой кожей, а также относительно более широким носом [Алексеева 1984: 113].

Территориальные особенности тувинцев Т. И. Алексеева считала не очень выраженными. Она не выделяет самостоятельных комплексов антропологических признаков, характерных для той или иной группы. Однако Т. И. Алексеева выделила морфотип тоджинцев, которые отличались более выраженной брахикефалией, наиболее темной пигментацией волос и глаз, большей скошенностью подбородка, преобладанием формы носа с вогнутой спинкой, и, вслед за своими предшественниками, отмечала, что в сложении этой группы участвовали представители катангского варианта байкальской расы [Алексеева 1984: 105, 113].

Т. И. Алексеева также указывала на большую близость южных тувинцев с монголами и усиление у них центральноазиат-

¹ Термин «саянский» был предложен А. И. Ярхо как синоним к понятию «центральноазиатский», однако Т. И. Алексеева использовала его для обозначения классификационной единицы более низкого ранга.

ских черт, тем не менее «тувинская» антропологическая специфика, по ее мнению, здесь прослеживается отчетливо. Кроме того, ею также были отмечены особенности антропологического облика тувинцев Монгун-Тайгинского района, для которых была характерна гораздо более светлая пигментация кожи, а также большее количество бурого пигмента феомеланина, ответственного за посветление волос в этой группе [Алексеева 1984: 99]. Эту специфику юго-западных тувинцев Т. И. Алексеева объясняла, с одной стороны, гипотезой об участии в сложении антропологического облика тувинцев древнего южно-европеоидного субстрата, а с другой — процессами изоляции, характерной для труднодоступного и высокогорного региона Монгун-Тайги [Алексеева 1984: 112].

Таким образом, по Т. И. Алексеевой, тувинцы являются представителями саянского варианта центральноазиатской расы. В сложении антропологического облика тувинцев приняли участие представители катангского варианта байкальской расы, особенности которых наиболее выражены у тоджинцев, а также, предположительно, представителей южной ветви евразийской расы, что проявляется в увеличении процента выпуклых спинков носа у всех тувинцев, кроме тоджинцев, по сравнению с другими сибирскими монголоидами, а также ослаблением пигментации кожи и волос в изолированной юго-западной группе.

Дополняет выводы Т. И. Алексеевой уникальная по охвату изученного материала работа, проделанная В. А. Бацевичем, по фотоэлектроколометрическому определению пигментации волос [Бацевич 1984]. Тувинцы по содержанию меланина в волосах близки к другим алтае-саянским народам и занимают промежуточное положение между депигментированными русскими и темнопигментированными якутами. Наиболее темные волосы наблюдались у тоджинцев, наименее — у тувинцев Дзун-Хемчикского кожууна [Бацевич 1984: 124]. Интересные, хотя и труднообъяснимые результаты дали измерения в женских группах количества содержащегося в волосах феомеланина — пигмента, который дает волосам бурый или красноватый оттенок. Высокое его содержание было обнаружено у якуток, тувинок Монгун-Тайгинского кожууна и таджичек,

наиболее низкие — у тувинок Эрзинского кожууна, горных шорок, русских и эскимосок [Бацевич 1984: 123]. Эти результаты довольно неоднозначны в свете вопроса о происхождении тувинцев и гипотезы о древнем южноевропейском субстрате в их составе, однако Т. И. Алексеева была склонна осторожно трактовать их именно таким образом [Алексеева 1984: 112].

Так как серия экспедиционных выездов в Туву 1970-х гг. отличалась разнообразием собранного материала, здесь стоит остановиться на результатах, полученных по другим системам антропологических признаков.

Соматологические типы. Подробное исследование признаков телосложения и состава тела у сибирских монголоидов вообще и тувинцев в частности провела Н. И. Клевцова. В серии статей она выделила две большие совокупности групп населения Сибири по признакам строения тела: 1) жители территорий Тихоокеанского побережья, для которых характерны относительно длинные ноги и короткие руки, относительно короткое массивное туловище, высокий уровень развития активной массы тела и пониженное жиротложение; 2) население континентальных районов, которое выдают относительная коротконогость и длиннорукость, относительно длинное и узкое туловище, слабый уровень развития активной массы тела, значительное жиротложение [Клевцова 1976: 114–115; Клевцова 1980: 111–112; Клевцова 1984: 148]. Отметим, что данные разработки по этнической соматологии были опубликованы еще до того, как А. Л. Пурунджан получил свои результаты по трансконтинентальной изменчивости пропорций тела, дискретность которой он обозначил через понятие «соматологические расы» [Дерябин, Пурунджан 1990: 53–56].

И тувинцев, и тоджинцев по особенностям строения тела Н. И. Клевцова отнесла к континентальной ветви монголоидов. Однако у населения Тувы были отмечены территориальные особенности телосложения — как по общим размерам тела, так и по пропорциям. Тувинцы-тоджинцы отличались минимальными размерами скелета по сравнению с остальными тувинцами и сближались по результатам многомерных анализов с шорцами, лесными ненцами и

якутами села Шологон, для которых было обосновано эвенкийское происхождение [Клевцова 1980: 109; Клевцова 1984: 146]. Остальные группы тувинцев также имели отличия друг от друга, несмотря на близость по абсолютным величинам признаков скелета. Так, тувинцы Эрзинского кожууна значительно отличались максимальными массой тела, степенью развития мускулатуры и в целом большими размерами скелета относительно других групп. Южная группа тувинцев обнаруживала сдвиг в сторону наиболее крупных вариантов среди монголоидов, а тувинки Эрзинского кожууна к тому же отличались от тувинок других кожуунов еще и более короткими относительно осевого скелета конечностями, что трактовалось как большая выраженность у них монголоидных особенностей [Клевцова 1984: 152, 154].

Этническая одонтология. Одонтологические особенности тувинцев отражены в работах В. И. Богдановой и Н. И. Халдеевой. Сначала были проанализированы материалы, которые были собраны В. И. Богдановой в эрзинской группе, каа-хемской подгруппе центральной группы, овюрской и монгун-тайгинской подгруппах юго-западной группы. Характер распределения одонтологических признаков показал однородность тувинских серий. Однако отмечалось своеобразие монгун-тайгинской группы, которая, по мнению исследователей, отличалась мозаичностью черт, характерных как для западного, так и для восточного одонтологических комплексов (высокая частота лопатообразной формы верхних резцов, незначительная концентрация шестибугорковых форм первых и вторых нижних моляров, высокая частота встречаемости бугорка Карабелли) [Богданова, Халдеева 1980: 192].

Межгрупповое сопоставление выявило близость тувинцев с бурятами и казаками по степени выраженности восточных одонтологических особенностей, однако казахи отличались также и большей выраженностью «западных» черт. Кроме того, была показана близость тувинцев с хакасами, но для последних характерна минимальная выраженность признаков восточного комплекса в заданном межгрупповом масштабе. В. И. Богданова и Н. И. Халдеева констатируют своеобразное положение тувинцев

среди групп Сибири и Средней Азии, характеризующееся некоторым ослаблением выраженности монголоидных особенностей [Богданова, Халдеева 1980: 194].

Последующая работа по одонтологическому изучению тувинцев была проведена Н. И. Халдеевой с привлечением материалов, собранных Г. Гельдыевой. В данное исследование помимо ранее упомянутых групп были включены нарынская подгруппа южной группы, тоджинская подгруппа восточной группы, а также дополнены материалы монгун-тайгинской подгруппы юго-восточной группы. Обнаружилось, что «западные» черты в строении зубной системы тувинских групп были выражены довольно однообразно и характеризовались средними и малыми величинами бугорка Карабелли, степени редукции нижних моляров и варианта 2 второй борозды метаконида — 2 med(II). Распределение признаков по принципу «восток-запад» показало наибольшую близость к суммарной тувинской выборке монгун-тайгинской подгруппы и двух подгрупп южной группы. Тоджинская подгруппа обладала наиболее выраженным восточным комплексом признаков и несколько более усиленным относительно большинства тувинских групп западным комплексом. Таким образом, тувинцы-тоджинцы оказались близки к монгольским сериям. Однако при подробном анализе распределения признаков зубной системы для них оказалось характерно сочетание малых частот дистального гребня тригонида с большими частотами коленчатой складки метаконида, появление которого Н. И. Халдеева предположительно отнесла к «дотюркскому и домонгольскому периоду» [Халдеева 1984: 209].

Наибольшей степенью выраженности «западных» черт отличалась центральная группа тувинцев, однако локально она была довольно близка к тоджинской. Овюрская подгруппа демонстрировала наименьшие величины как западного, так и восточного комплекса и сближалась с хакасскими группами, у которых была заметно снижена концентрация восточных черт при относительной тождественности распределения признаков западного комплекса в сравнении с тувинцами [Халдеева 1984: 200, 202]. В целом межгрупповое сопоставление показало близость тувинцев к бурятским группам,

идентичным по выраженности восточных черт с тувинцами при ослаблении влияния черт западного одонтологического комплекса.

Этническая дерматоглифика. Особенности гребешковой кожи ладоней и пальцев рук тувинцев были раскрыты в исследованиях Г. Л. Хить совместно с В. И. Богдановой и Л. О. Битадзе. В первой работе двумя авторами были проанализированы материалы из четырех тувинских групп, которые были собраны экспедицией под руководством В. И. Богдановой и упоминались нами ранее. Г. Л. Хить и В. И. Богданова отмечают, что обобщенная серия тувинцев в сравнительном освещении показывает их близость к центральноазиатским и байкальским типам по индексу Камминса, узорности гипотенара и частоте добавочных межпальцевых трирадиусов. Однако специфичной особенностью тувинцев являются заниженные величины дельтового индекса и частота проксимального трирадиуса t [Хить, Богданова 1980: 66].

Анализ дерматоглифических особенностей локальных групп выявил ослабление выраженности признаков, ассоциирующихся с монголоидными группами, для юго-западной группы как среди мужчин, так и среди женщин. Особенно это было характерно для овюрской подгруппы. В целом, по данным Г. Л. Хить и В. И. Богдановой, тувинцы довольно однородная группа по признакам дерматоглифики [Хить, Богданова 1980: 72].

Дерматоглифические отпечатки, собранные экспедицией Научно-исследовательского института антропологии МГУ в Тоджинском кожууне в 1978 г., были обработаны Л. О. Битадзе, которая отмечала, что у тоджинцев наблюдается преобладание частоты петель над частотой завитков, что сближает их с соматически европеоидными группами. По общей частоте узоров на IV и III межпальцевых подушечках тоджинцы оказались несколько ближе к монголоидным сериям, а по окончанию главных ладонных линий и по индексу Камминса занимали промежуточное положение. Кроме того, тоджинцы отличались высокой частотой трирадиуса t , расположенного у проксимального края ладони [Битадзе 1984: 210–211]. Л. О. Битадзе сравнивала тоджинцев как с другими территориальными группами тувинцев, так и с широким набором

других сибирских этно-территориальных групп. Оценка степени сходства тоджинцев и тувинцев показала, что тоджинцы обнаруживают больший сдвиг в европеоидном направлении. Многомерные межгрупповые сопоставления показали близость тоджинцев к хакасам-сагайцам и европейским ненцам, хакасам-качинцам и якутам, европейским энцам и ивдельским манси. Тувинцы же оказались значительно дальше по величине обобщенного расстояния от тоджинцев, чем другие территориально более удаленные народы. Немного ближе остальных к тоджинцам оказались каа-хемские тувинцы, которые еще и наиболее близкая к ним группа в географическом отношении [Битадзе 1984: 222].

Л. О. Битадзе указывала на возможное участие самодийского компонента в этногенезе тюркоязычного населения Алтае-Саян и не исключала, что признаки дерматоглифики могут показывать наличие древнего антропологического субстрата на территории Южной Сибири, объединяющего столь разные и территориально отдаленные серии [Битадзе 1984: 222].

В 2000-е гг. обширной коллективной монографией «Антропозкология Центральной Азии», а также обобщающей статьей Г. А. Аксяновой была подведена черта под антропологическими исследованиями населения Тувы в XX в. [Антропозкология 2005; Аксянова 2009]. В первом случае издание существенно дополняло и обобщало результаты, опубликованные в статьях 1970–80-х гг. В частности физиологические особенности тувинцев были рассмотрены совместно с таковыми у других групп Алтае-Саянского нагорья и Монголии (с подразделением выборок по полу). Отмечалось, что по физиологическим признакам как у мужчин, так и у женщин, выделяются три комплекса, приуроченные к географическим регионам — Монголии, Алтая, Саян [Антропозкология 2005: 111–112]. Тувинцы и тувинцы-тоджинцы в данном масштабе изменчивости объединяются друг с другом, а к ним примыкают алтай-кижи в мужской группе, а также и чуйские казахи, теленгиты, алтай-кижи в женской группе. Однако объяснение территориальной дифференциации физиологического статуса центральноазиатских популяций до конца не было прояснено.

Особенности ростовых процессов. В упомянутой выше обобщающей работе «Антропозология Центральной Азии» впервые приводится значительный корпус сведений о процессах роста и развития детей на территории Тувы. Тувинцев в возрасте 7–18 лет изучали в Монгун-Тайгинском и Тоджинском кожуунах. Так, было отмечено, что процесс изменения длины тела у детей центральноазиатского региона идет схожим образом, за исключением детей Монгун-Тайгинского кожууна, где девочки и мальчики более низкорослы на определенных возрастных интервалах [[Антропозология 2005: 128](#)].

По массе тела и обхвату груди тувинские дети также отличаются от остальных обследованных групп более низкими значениями. По продольному диаметру груди в группе мальчиков тувинцы не отличались от других обследованных групп, а тувинские девочки, наряду с туркменскими и хакасскими, обнаруживали увеличение этого признака в возрасте 11–15 лет. Мальчики-тувинцы характеризовались наименьшими значениями ширины плеч, а у девочек эта тенденция была заметна только в возрасте 7–10 лет, в то время как в остальных возрастах тувинские девочки не отличались от своих сверстниц из других центральноазиатских групп. Падение ростовой кривой ширины таза у тувинцев наблюдалось в возрастных интервалах 8–11 и 14–16 лет. Кроме того, тувинские дети отличались наибольшим развитием жировых складок по сравнению с другими центральноазиатскими популяциями [[Антропозология 2005: 130, 134](#)].

Новый этап антропологического изучения тувинцев

По нашему мнению, в 2010-е гг. начался новый этап антропологического изучения тувинцев, для которого характерен возврат к исследованиям, по характеру своего интереса ближе расположенным к этнической антропологии, хотя заданный в 1970-е гг. крен в антропозологическую сферу сохраняется в силу своей чрезвычайной актуальности.

В этот период экспедиционные выезды при участии различных специалистов были организованы под руководством И. А. Хомяковой, которой исследовались централь-

ная группа тувинцев в п. Эрбек недалеко от г. Кызыла и тувинцы-тоджинцы в с. Ий и с. Адыр-Кежиг (2016 г.). Начатые Т. И. Алексеевой полевые работы на новом этапе были продолжены экспедицией Научно-исследовательского института и Музея антропологии под руководством В. А. Бациевича, который обратился к изучению детей школьного возраста и студентов в г. Кызыле (2018 г.) и с. Тоора-Хем Тоджинского кожууна (2019 г.). Кроме того, локальные исследования студенческой молодежи проводились в 2015–2017 гг. другими авторами [[Красильникова, Будук-оол 2018](#)].

Стоит отметить, что программы исследования данных экспедиционных выездов включали в себя главным образом антропометрическую методику — измерительные признаки головы, лица, а также тела обследуемых, исследование изменчивости некоторых физиологических признаков методами биоимпедансометрии и рентгенографией костей кисти, а также кефалоскопией и антропологической фотографией. Признаки зубной системы, гребешковой кожи пальцев рук и ладоней, выделение серологических маркеров на данном этапе не собирались. Отличительной особенностью работ настоящего периода является поиск межпоколенческих сдвигов в морфологии головы и тела, а также продолжение исследования физиологических признаков.

Наиболее интересен в работах по изменчивости размеров головы и лица, написанных современными авторами, именно анализ эпохальных изменений этих признаков. Так, рассматривая данные по детям школьного возраста А. М. Маурер с соавторами сделали несколько выводов. Первый из них показывает, что ростовые кривые признаков головы и лица у тувинцев центральных районов Тувы, с одной стороны, и восточной Тоджи, с другой, очень схожи. Кроме того, дети, обследованные в Тоджинском кожууне в 1978 г., также показывают сходные тенденции роста признаков головы и лица. Секкулярные сдвиги показаны для продольного диаметра, который за 40-летний период изменился в среднем на 11–13 мм [[Маурер и др. 2020: 112](#)].

Те же тенденции в отношении продольного диаметра показаны и на взрослых [[Хомякова, Балинова 2020](#)]. Однако у взрослых индивидов было выявлено гораздо больше

межпоколенческих изменений, которые проявились не только в увеличении продольного диаметра головы, но и уменьшении поперечного. Кроме того, основные широтные признаки лица — лобный, скуловой и нижнечелюстной диаметры — уменьшились, при этом достоверно увеличилась высота носа. В целом делается вывод о большей мезокефальности и узколицести современных тувинцев по сравнению с предшествующим поколением [Хомякова, Балинова 2020: 98].

В работах И. А. Хомяковой и Н. В. Балиновой центральные тувинцы и тувинцы-тоджинцы сравниваются друг с другом, с цаатанами Монголии, которые по этнографическим данным являются выходцами из Тоджи, а также с северными и южными алтайцами. На этом сравнительном фоне тувинцы и цаатаны противопоставляются алтайцам по основным морфологическим признакам — длине тела, массе тела, обхвату груди и ширине плеч, таза и поперечному диаметру груди. По пропорциям тела выделяются только цаатаны как обладатели относительно более широких плеч и более уплощенной грудной клетки [Хомякова, Балинова 2020: 82, 89]. Эпохальная динамика признаков строения тела была освещена для тувинцев-тоджинцев. Оказалось, что у женщин этой группы существенно увеличились обхватные размеры за последние 40 лет, а также подкожное жиротложение, особенно в области живота и бедер [Хомякова, Балинова 2020: 96]. Длина и масса тела у мужчин изменилась за это время в меньшей степени, чем у женщин, — 2 см и 3 кг и 5 см и 5 кг соответственно [Хомякова, Балинова 2017: 22].

Отдельно анализировались признаки, связанные с подкожным жиротложением и обхватные размеры. Общая суммарная выборка тувинцев сравнивалась с алтайцами и русскими. Тувинцы вместе с алтайцами были отнесены к центральноазиатскому соматологическому типу, для которого характерны общая микросомность телосложения и сочетание меньших обхватов груди, ягодиц и голени с большим обхватом талии и подкожным жиротложением в области живота. Тем не менее канонический анализ выявил отличия тувинцев от алтайских групп, которые выражены в больших кожно-жировых складках над бицепсом и живота над

подвздошным гребнем, а также больших обхватах талии и голени [Хомякова и др. 2021: 14].

Если в работах И. А. Хомяковой с соавторами тувинцы и тувинцы-тоджинцы рассматриваются скорее на межгрупповом уровне, то исследования В. А. Бацевича с соавторами сосредоточены в большей степени на изучении внутригрупповой изменчивости морфофункциональных показателей у тувинцев. Наибольшая длина тела отмечена для юношей Эрзинского кожууна. По массе тела также нет значимых отличий, только тенденции к ее повышению в южных кожуунах — у юношей и девушек в западном Монгун-Тайгинском и восточном Тере-Хольском кожуунах. У юношей преобладает брахиморфный тип пропорций по индексу стени, у девушек в подавляющем большинстве районов встречается мезоморфный тип телосложения [Бацевич, Красильникова, Пермякова 2020a].

Сравнение трех макрорегионов Тувы — запад, юг и восток — по длине тела, массе тела, обхвату груди и диаметрам мышечков рук и ног не выявило значимых отличий среди студенческой молодежи. Однако анализ секулярной изменчивости показал достоверное увеличение длины тела на 6,3 см у мужчин и на 5,8 см у женщин при сохранении широтных размеров конечностей, что может свидетельствовать о лептосомизации населения, что было отмечено и в исследованиях южносибирских групп, выполненных И. А. Хомяковой и Н. В. Балиновой [Бацевич и др. 2021: 153; Хомякова, Балинова 2020: 96].

Помимо морфологических характеристик головы и тела половозрелого населения Тувы, анализируются физиологические признаки. Показатели сердечно-сосудистой системы (частота сердечных сокращений, систолическое и диастолическое артериальное давление и пульсовое давление) в основном в пределах нормы, однако в некоторых кожуунах выявлен довольно большой процент отклонений в сторону высоких показателей пульсового давления среди юношей (например, в Эрзинском кожууне до 30 % всех обследуемых, в Монгун-Тайгинском — 23,1 %). Кроме того, в некоторых районах было показано снижение экономичности деятельности сердечно-сосудистой системы (индекс Робинсона). Полученные результаты позволили авторам

предположить напряжение механизмов адаптации населения ряда районов Тувы при общем гомеостазе физиологических показателей [Бацевич, Красильникова, Пермякова 2020а: 27–28].

Появились и новые данные о тенденциях роста и развития детей и подростков Тувы, которые никогда прежде не анализировались на внутригрупповом уровне. Сравнение детей идет в рамках дихотомии город–село. Отмечается, что по основным показателям физического развития — длина тела, масса тела и обхват груди — нет отличий среди детей республиканского (г. Кызыл) и районного центра (с. Тоора-Хем) [Бацевич, Машина, Пермякова 2020б: 23]. Однако ростовые кривые показывают некоторое повышение этих показателей у горожан в возрасте 8 и 12 лет [Бацевич и др. 2020в: 152].

Отмечается, что большая величина мускульных диаметров (обхват плеча и голени) выше в сельской группе, а общее количество жировоголожения — в городской, что позволило авторам говорить о проявлении гиподинамии у городских детей [Бацевич, Машина, Пермякова 2020б: 24].

Сравнение с результатами обследования детей в Тоджинском кожууне 1978 г. показало увеличение длины тела у тувинских детей и темпов созревания, выражающихся, главным образом, в достижении дефинитивных размеров скелета в более раннем возрасте и снижении возраста менархе у девочек. Вышеназванные предварительные результаты привели авторов к выводу о «нарушении адаптационного гомеостаза в исследованных группах» [Бацевич и др. 2020в: 157].

Заключение

Несмотря на основательное антропологическое изучение населения Алтае-Са-

янского нагорья и, в частности, тувинцев, остается еще много неразрешенных вопросов. Так, данные ряда систем антропологических признаков позволили определить место тувинцев среди сибирских монголоидов, выделить локальные расовые варианты внутри населения Тувы. Однако внутригрупповой анализ изученных материалов проводился на уровне макрорегионов — главным образом восточная группа, западная, центральная и южная. А. И. Ярхо, М. Г. Левин и Т. И. Алексеева отмечали, что среди тувинцев существует очень строгая территориальная локализация фамилий, связанная со старыми родовыми подразделениями [Ярхо 1947: 19; Левин 1954: 19; Алексеева 1984: 113].

Именно с учетом родовой структуры тувинцы никогда не были изучены, что открывает новые возможности для внутригруппового анализа. Кроме того, очень слабо изучен вопрос истории происхождения тувинцев и сложения их морфотипа на протяжении средневековья и нового времени. На территории современной Тувы в это время проходили активные этнополитические процессы, однако изменчивость населения этих эпох практически не изучена. Известны лишь данные по краниологии близкого к современности населения, а также нескольких средневековых серий [Дебец 1929; Богданова 1980; Алексеев 1984], что не дает общего представления о сложении на этой территории населения с характерными для центральноазиатской расы чертами взамен бытовавшему здесь европеоидному населению раннего железного века. То же справедливо и для признаков телосложения, признаков зубной системы. Все эти неразрешенные вопросы еще долго позволят биологам-антропологам изучать как современное, так и древнее население Тувы.

Литература

- Аксянова 2009 — Аксянова Г. А. Основные результаты расогенетических исследований в Туве в XX столетии (обзор литературных источников) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4(40). С. 137–145.
- Алексеев 1984 — Алексеев В. П. Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-эко-

логические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. С. 6–75.

- Алексеева 1984 — Алексеева Т. И. Антропологические особенности современных тувинцев. Кефалометрия и кефалоскопия // Антропо-экологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. С. 75–114.

- Антропо-экологические исследования 1984 — Антропо-экологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. 225 с.
- Антропозология 2005 — Антропозология Центральной Азии / отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Научный мир, 2005. 326 с.
- Бацевич 1984 — *Бацевич В. А.* Фотоэлектродетекторное определение степени пигментации волос тувинцев в сравнительном освещении // Антропо-экологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. С. 115–125.
- Бацевич, Красильникова, Пермякова 2020а — *Бацевич В. А., Красильникова В. А., Пермякова Е. Ю.* Адаптационные возможности студентов из разных районов Республики Тыва // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 3. С. 19–31.
- Бацевич, Машина, Пермякова 2020б — *Бацевич В. А., Машина Д. А., Пермякова Е. Ю.* Социально-экономические преобразования на территории Тувы и изменения адаптивных биологических характеристик у коренного населения // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 4. С. 20–31.
- Бацевич и др. 2020в — *Бацевич В. А., Пермякова Е. Ю., Машина Д. А., Ясина О. В., Хрусталева О. В.* Сравнение городской и сельской групп детей школьного возраста Республики Тыва по данным биоимпедансного анализа в условиях «трансформации» традиционного образа жизни // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 148–160.
- Бацевич и др. 2021 — *Бацевич В. А., Машина Д. А., Красильникова В. А., Ясина О. В., Пермякова Е. Ю.* Изменения антропологических характеристик молодежи Тувы в связи с влиянием социально-экономических факторов // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 148–163. DOI: 10.25178/nit.2021.3.12
- Битадзе 1984 — *Битадзе Л. О.* Дерматоглифическое изучение тувинцев-тоджинцев в сравнительном освещении // Антропо-экологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. С. 209–223.
- Богданова 1986 — *Богданова В. И.* Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии / отв. ред. В. П. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1986. С. 108–162.
- Богданова 1979 — *Богданова В. И.* Антропологический состав и вопросы происхождения современных тувинцев: дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 219 с.
- Богданова 1980 — *Богданова В. И.* Новые палеоантропологические материалы конца I тыс. н. э. из Тувы // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980. С. 100–107.
- Богданова, Халдеева 1980 — *Богданова В. И., Халдеева Н. И.* Одонтологические признаки у тувинцев // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 184–195.
- Василевич, Левин 1951 — *Василевич Г. М., Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
- Горощенко 1901 — *Горощенко К. И.* Сойоты // Русский антропологический журнал. 1901. № 2. С. 62–73.
- Горощенко 1905 — *Горощенко К. И.* Материалы по антропологии Сибири (сойоты, бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кызыльцы и мелецкие (чулымские) инородцы) // Западное Красноярское подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии. Т. 1. Вып. 2. Красноярск: Тип. Енисейского губернского управления, 1905. 64 с.
- Гремяцкий 1947 — *Гремяцкий М. А.* Предисловие // *Ярхо А. И.* Алтае-саянские тюрки. Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1947. С. 3.
- Дебец 1929 — *Дебец Г. Ф.* Краниологический очерк танну-тувинцев // Северная Азия. 1929. № 5–6. С. 32–37.
- Дебец 1947 — *Дебец Г. Ф.* Предисловие // *Ярхо А. И.* Алтае-саянские тюрки. Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1947. С. 3–4.
- Дебец 1951 — *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // Труды института этнографии. Новая серия. Т. XVII. М.: АН СССР, 1951. 263 с.
- Дерябин, Пурунджан 1990 — *Дерябин В. Е., Пурунджан А. Л.* Географические особенности строения тела населения СССР. М.: МГУ, 1990. 191 с.
- Ефимова 2011 — *Ефимова С. Г.* Изобразительные материалы к истории Танну-Тувинской экспедиции 1926 г. под руководством В. В. Бунака // Вопросы антропологии. 2011. Вып. 19. С. 7–13.
- Клевцова 1976 — *Клевцова Н. И.* О межгрупповой изменчивости соматических особенностей монголоидов Сибири // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 53. С. 106–116.

- Клевцова 1980 — *Клевцова Н. И.* О некоторых вопросах оценки соматической дифференциации сибирских монголоидов // Вопросы антропологии. 1980. Вып. 66. С. 107–120.
- Клевцова 1984 — *Клевцова Н. И.* Основные направления межгрупповой изменчивости строения тела у тувинцев // Антропо-экологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. С. 125–157.
- Красильникова, Будук-оол 2018 — *Красильникова В. А., Будук-оол Л. К.* Морфофункциональные особенности студентов, проживающих в разных районах Тувы // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 4. С. 34–42.
- Левин 1954 — *Левин М. Г.* К антропологии Южной Сибири (Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 г.) // Краткие сообщения института этнографии. 1954. № 21. С. 17–26.
- Левин 1958 — *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды института этнографии. Новая серия. Т. XXXVI. М.: АН СССР, 1958. 359 с.
- Левин 1960 — *Левин М. Г.* Очерки по истории антропологии в России. М.: АН СССР, 1960. 176 с.
- Маурер и др. 2020 — *Маурер А. М., Бацевич В. А., Пермякова Е. Ю., Ясина О. В.* Сравнительные исследования возрастной и временной динамики кефалометрических признаков и антропологическая фотография у современных тувинских школьников при экологических изменениях в популяциях // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 104–119. DOI: 10.25178/nit.2020.4.8
- Методика 1981 — Методика морфофизиологических исследований в антропологии / В. П. Волков-Дубровин, Л. К. Гудкова, О. М. Павловский, Н. С. Смирнова. М.: МГУ, 1981. 103 с.
- Перевозчиков 2013 — *Перевозчиков И. В.* Этническая антропология в Институте и музее антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2013. № 1. С. 30–42.
- Рычков и др. 1969 — *Рычков Ю. Г., Перевозчиков И. В., Шереметьева В. А., Волкова Т. В., Башилай А. Г.* К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны (материалы Сибирской антрополого-генетической экспедиции) // Вопросы антропологии. 1969. Вып. 31. С. 3–32.
- Халдеева 1984 — *Халдеева Н. И.* Одонтологический тип тувинцев и его положение в кругу популяций восточного одонтологического ствола // Антропо-экологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М.: Наука, 1984. С. 195–209.
- Хитъ, Богданова 1980 — *Хитъ Г. Л., Богданова В. И.* Дерматоглифические данные к проблеме происхождения тувинцев // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков: ст. ст. / отв. ред. У. У. Эрдниев. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 53–85.
- Хомякова, Балинова 2017 — *Хомякова И. А., Балинова Н. В.* Антропологические исследования в Туве и Северной Монголии: тувинцы, тувинцы-тоджинцы, цаатаны // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2017. № 2. С. 12–25.
- Хомякова, Балинова 2020 — *Хомякова И. А., Балинова Н. В.* Антропологические исследования в Южной Сибири и Северной Монголии: анализ морфологических особенностей тувинцев, цаатанов, алтайцев // Известия Института антропологии МГУ. Вып. 8 / отв. ред. И. В. Перевозчиков. М.: МГУ, 2020. С. 78–101.
- Хомякова и др. 2021 — *Хомякова И. А., Балинова Н. В., Задорожная Л. В., Анисимова А. В., Бондарева Э. А.* Межгрупповая изменчивость обхватных размеров тела и подкожного жира отложения у молодых мужчин различных этнических групп // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2021. № 4. С. 5–18.
- Хрисанфова, Перевозчиков 1991 — *Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В.* Антропология. М.: МГУ, 1991. 318 с.
- Ярхо 1929 — *Ярхо А. И.* Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев // Северная Азия. 1929. № 5–6. С. 127–131.
- Ярхо 1947 — *Ярхо А. И.* Алтае-Саянские тюрки (антропологический очерк). Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1947. 148 с.
- Bounak 1928 — *Bounak V.* Un pays de l'Asiepeuconnu: le Tanna-Touva // Internationales Archiv für Ethnographie. 1928. Vol. 29. Pp. 1–16.

References

- Aksyanova G. A. Principal findings of the 20th-century population studies in Tuva. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2009. No. 4 (40). Pp. 137–145. (In Russ.)
- Alekseev V. P. A brief introduction to paleoanthropology of Tuva in relation to historical questions. In: Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 6–75. (In Russ.)

- Alekseeva T. I. (ed.) *Human Ecology of Central Asia*. Moscow: Nauchnyi Mir, 2005. 326 p. (In Russ.)
- Alekseeva T. I. Anthropological particularities of contemporary Tuvans: Cephalometry and cephaloscopy. In: Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 75–114. (In Russ.)
- Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology*. Moscow: Nauka, 1984. 225 p. (In Russ.)
- Batsevich V. A. Photoelectric colorimetry to identify hair color patterns among Tuvans in a comparative perspective. In: Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 115–125. (In Russ.)
- Batsevich V. A., Krasilnikova V. A., Permyakova E. Yu. Adaptation capabilities of students from different regions of the Republic of Tyva. *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2020. No. 3. Pp. 19–31. (In Russ.)
- Batsevich V. A., Mashina D. A., Permyakova E. Yu. Socio-economic transformations on the territory of Tuva and changes in adaptive biological characteristics of the indigenous population. *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2020. No. 4. Pp. 20–31. (In Russ.)
- Batsevich V. A., Mashina D. A., Krasilnikova V. A., Yasina O. V., Permyakova E. Yu. Changes in adaptive anthropological characteristics in Tuvan youth due to socio-economic factors. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 3. Pp. 148–163. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.3.12
- Batsevich V. A., Permyakova E. Yu., Mashina D. A., Yasina O. V., Khrustaleva O. V. Comparison of urban and rural groups of school-age children of the Tuva Republic according to bioelectrical impedance analysis in the context of “transformation” of traditional lifestyle. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2020. No. 4 (51). Pp. 148–160. (In Russ.)
- Bitadze L. O. Dermatoglyphics to explore Tozhu Tuvans in a comparative perspective. In: Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 209–223. (In Russ.)
- Bogdanova V. I. *Modern Tuvans: Anthropological Structure and Questions of Origins*. Cand. Sc. (history) thesis. Leningrad, 1979. 219 p. (In Russ.)
- Bogdanova V. I. Tuva: Some newly discovered paleoanthropological materials dated to the late 1st Millennium CE [analyzed]. In: *Studies in Soviet Paleoanthropology and Craniology. Collected Papers by [Peter the Great] Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. XXXVI. Leningrad: Nauka, 1980. Pp. 100–107. (In Russ.)
- Bogdanova V. I. Tuvans: Anthropological structure and questions of origins [revisited]. In: Alekseev V. P. (ed.) *Ancient and Modern Population of Soviet Asia: Issues of Anthropology*. Novosibirsk: Nauka, 1986. Pp. 108–162. (In Russ.)
- Bogdanova V. I., Khaldeeva N. I. Odontologic features among Tuvans. In: *Contemporary Challenges and New Methods in Anthropology*. Leningrad: Nauka, 1980. Pp. 184–195. (In Russ.)
- Bounak V. Un pays de l’Asiepeuconnu: le Tanna-Touva. *Internationales Archiv für Ethnographie*. 1928. Vol. 29. Pp. 1–16. (In Fr.)
- Debets G. F. Anthropological explorations across Kamchatka Oblast. In: *Transactions by the Institute of Ethnography. New Series*. Vol. XVII. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. 263 p. (In Russ.)
- Debets G. F. Foreword. In: Yarkho A. I. *Altai-Sayan Turks*. Abakan: Khakass [Autonomous] Oblast Publ. House, 1947. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Debets G. F. Tannu-Tuvans: An essay in craniology. *Severnaya Aziya*. 1929. No. 5–6. Pp. 32–37. (In Russ.)
- Deryabin V. E., Purundzhan A. L. *Soviet Population: Geography and Body Structures*. Moscow: Moscow State University, 1990. 191 p. (In Russ.)
- Goroshchenko K. I. Materials in the Anthropology of Siberia: Soyot, Beltyr, Koibal, Qachi, Sagai, Kyzyl, and Melet (Chulym) Ethnic Groups. *Zapadnoe Krasnoyarskoe podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii*. 1905. Vol. 1. No. 2. 64 p. (In Russ.)
- Goroshchenko K. I. Soyots. *Russkiy antropologicheskiy zhurnal*. 1901. No. 2. Pp. 62–73. (In Russ.)
- Gremyatsky M. A. Foreword. In: Yarkho A. I. *Altai-Sayan Turks*. Abakan: Khakass [Autonomous] Oblast Publ. House, 1947. P. 3. (In Russ.)
- Khaldeeva N. I. Tuvan odontologic type and its place in the structure of populations clustered within the Eastern Odontologic Branch. In: Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology*. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 195–209. (In Russ.)
- Khit G. L., Bogdanova V. I. Dermatoglificheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya tuvintsev // In: Erdniev U. E. (ed.) *Kalmyks: Issues of Comparative Ethnography and Anthropology*. Elista: Kalmyk Institute for the Study of Histo-

- ry, Philology and Economics, 1980. Pp. 53–85. (In Russ.)
- Khomyakova I. A., Balinova N. V. Anthropological research in the Southern Siberia and Northern Mongolia: Analysis of the morphological features of the Tuvans, Tsaatans, and Altaians. In: Perevozchikov I. V. (ed.) *Izvestiya of the Institute of Anthropology. Collected papers. Vol. 8.* Moscow: Moscow State University, 2020. Pp. 78–101. (In Russ.)
- Khomyakova I. A., Balinova N. V. Anthropological studies in Tuva and Northern Mongolia: Tuvans, Tozhu Tuvans, Tsaatans. *Moscow University Anthropology Bulletin.* 2017. No. 2. Pp. 12–25. (In Russ.)
- Khomyakova I. A., Balinova N. V., Zadorozhnaya L. V., Anisimova A. V., Bondareva E. A. Intergroup variability of body circumferences and subcutaneous fat deposition in young men of different ethnic groups. *Moscow University Anthropology Bulletin.* 2021. No. 4. Pp. 5–18. (In Russ.)
- Khrisanfova E. N., Perevozchikov I. V. Anthropology. Coursebook. Moscow: Moscow State University, 1991. 318 p. (In Russ.)
- Klevtsova N. I. Body structures of Tuvans: Key trends of between-group variability [analyzed]. In: Alekseeva T. I., Uryson M. I. (eds.) *Tuva: Studies in Human Ecology.* Moscow: Nauka, 1984. Pp. 125–157. (In Russ.)
- Klevtsova N. I. Somatic differentiation in Siberia's Mongoloids: Some assessment issues revisited. *Voprosy antropologii.* 1980. No. 66. Pp. 107–120. (In Russ.)
- Klevtsova N. I. Somatic features of Siberia's Mongoloids: Between-group variability revisited. *Voprosy antropologii.* 1976. No. 53. Pp. 106–116. (In Russ.)
- Krasilnikova V. A., Buduk-ool L. K. Morphofunctional features of the first-year Tuvan State University students living in different regions of Tuva. *Moscow University Anthropology Bulletin.* 2018. No. 4. Pp. 34–42. (In Russ.)
- Levin M. G. Anthropology of Southern Siberia revisited: A preliminary 1952 activity report by the Anthropology Crew of the Sayan-Altai Expedition. *Kratkie soobshcheniya instituta etnografii.* 1954. No. 21. Pp. 17–26. (In Russ.)
- Levin M. G. Essays on the History of Anthropology in Russia. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 176 p. (In Russ.)
- Levin M. G. Peoples of the Far East: Ethnic anthropology and questions of ethnogenesis. In: Transactions by the Institute of Ethnography. New Series. Vol. XXXVI. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 359 p. (In Russ.)
- Maurer A. M., Batsevich V. A., Permyakova E. Yu., Yasina O. V. A comparative study of age and temporal dynamics of cephalometric characteristics and anthropological photography in modern Tuvan schoolchildren under environmental changes in populations. *The New Research of Tuva.* 2020. No. 4. Pp. 104–119. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.8
- Perevozchikov I. V. Ethnic anthropology in the Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University. *Moscow University Anthropology Bulletin.* 2013. No. 1. Pp. 30–42. (In Russ.)
- Rychkov Yu. G., Perevozchikov I. V., Sheremet'yeva V. A., Volkova T. V., Bashlay A. G. Approaching population genetics of Siberia's indigenous population: Materials of the Siberian Anthropogenetic Expedition [reviewed]. *Voprosy antropologii.* 1969. No. 31. Pp. 3–32. (In Russ.)
- Vasilevich G. M., Levin M. G. Types of reindeer breeding and their origins. *Sovetskaya etnografiya.* 1951. No. 1. Pp. 63–87. (In Russ.)
- Volkov-Dubrov V. P., Gudkova L. K., Pavlovsky O. M., Smirnova N. S. Morphophysiology Research Methods in Anthropology. Moscow: Moscow State University, 1981. 103 p. (In Russ.)
- Yarkho A. I. Altai-Sayan Turks: An Anthropological Essay. Abakan: Khakass [Autonomous] Oblast Publ. House, 1947. 148 p. (In Russ.)
- Yarkho A. I. Anthropological type of Tannu-Tuvans from the Khemchik [River valley]. *Severnaya Aziya.* 1929. No. 5–6. Pp. 127–131. (In Russ.)
- Yefimova S. G. The visual materials for history of the Tannu-Tuvan Anthropological Expedition 1926, headed by V. V. Bunak. *Herald of Anthropology.* 2011. No. 19. Pp. 7–13. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1325–1332, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 091: 94(470.55/57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1325-1332

Башкирская рукопись «Усерган таварихы»

Гульнара Хависовна Абдрафикова¹, Ильшат Сулейманович Игдавлетов²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН
(д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-9144-0348. E-mail: gulnara1273@bk.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН
(д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0000-0003-2714-9078. E-mail: igdavlet@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Абдрафикова Г. Х., Игдавлетов И. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Башкортостан является одним из немногих крупных центров России, где сосредоточено значительное количество арабографичных изданий и рукописей. Среди них немало рукописных документов, которые представляют ценный материал по истории края. В статье рассматривается одна из таких малоизученных рукописей — «Усерган таварихы». *Цель* исследования — сделать краткий обзор содержания рукописи, акцентируя внимание на сведениях, касающихся непосредственно истории башкир. *Материалом* для исследования послужила арабографичная рукопись на языке тюрки «Усерган таварихы», хранящаяся в отделе редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН. *Результаты.* Анонимный источник «Усерган таварихы» представляет собой достаточно объемный материал, отражающий важные периоды истории региона. Большое внимание неизвестный автор уделяет вопросам, имеющим внешний фактор влияния на историю башкирского народа, таким как распространение ислама, нашествие монголов и посольство к Чингис-хану, отношения с ногайцами в период пребывания под властью Ногайской орды и присоединение к России. В начале документа автор дает легенды о святых и пророках. Значительную часть рукописи занимает генеалогия ханов Золотой Орды, которые оформлены в виде схем, и часто к ним даются комментарии. *Выводы.* Рукопись «Усерган таварихы», безусловно, представляет ценный исторический материал, отражающий не только прошлое башкир — он имеет более обширный географический охват. Несмотря на то, что документ больше известен как «таварих», по своему содержанию он ближе к историко-функциональному жанру «тарихнаме» (от араб. *тарих* 'история' и перс. *наме* 'сочинение').

Ключевые слова: Усерган таварихы, Башкорт таварихы, арабографичные рукописи, История башкир, тарихнаме

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Для цитирования: Абдрафикова Г. Х., Игдавлетов И. С. Башкирская рукопись «Усерган таварихы» // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1325–1332. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1325-1332

***Usergan Tavarikhy* ('History of the Usergan'): One Bashkir Manuscript Reviewed**

*Gulnara Kh. Abdrafikova*¹, *Ilshat S. Igdavletov*²

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
 0000-0002-9144-0348. E-mail: gulnara1273@bk.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
 0000-0003-2714-9078. E-mail: igdavlet@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Abdrafikova G. Kh., Igdavletov I. S., 2022

Abstract. *Introduction.* Bashkortostan is one of Russia's major center of Arabic-script publications and manuscripts. The latter include quite a number of handwritten documents that contain valuable material on the history of the region. The article examines one of such texts — an understudied historical document titled 'Usergan Tavarikhy'. *Goals.* The work aims to provide a brief review of the manuscript's content and focuses on data directly related to Bashkir history. *Materials.* The paper analyzes one anonymous Arabic-script Turki-language manuscript of Usergan Tavarikhy stored at Ufa Federal Research Centre (Scientific Library, Rare Book Section). *Results.* The anonymous source proves quite rich in material describing most important periods in the history of the region. The author tends to focus on external factors that had had their impacts on Bashkir history, such as the spread of Islam, Mongol invasion and embassy to Genghis Khan, relations with Nogais under the rule of the Nogai Horde, and the beginnings of Russia's period. The document begins with legends about saints and prophets. A significant part of the manuscript deals with genealogies of the Golden Horde rulers introduced in the form of diagrams and supplemented with comments. *Conclusions.* The Usergan Tavarikhy manuscript is certainly a valuable historical source that examines not only the past of Bashkirs but rather covers far more extensive geographic areas. And despite the document is widely known as 'tavarikh', its content makes it closer to the historical and functional genre of *tarikhname*. **Keywords:** Usergan Tavarikhy, Bashqort Tavarikhy, Arabic-script manuscripts, History of the Bashkir, *tarikhname*

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment for the year 2022.

For citation: Abdrafikova G. Kh., Igdavletov I. S. *Usergan Tavarikhy* ('History of the Usergan'): One Bashkir Manuscript Reviewed. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1325–1332. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1325-1332

Введение

Исторический Башкортостан, границы которого простирались далеко за пределы современной территории республики, нахо-

дясь на стыке Европы и Азии, был вовлечен во многие этнополитические процессы, происходившие в этом регионе. Южный Урал являлся «перекрестком» контактов

разных культур и ареной крупных исторических событий в разные периоды.

Несмотря на исследования значительно-го количества источников, в том числе зарубежных, сегодня недостаточно изучены арабографичные рукописные и старопечатные материалы местного происхождения. Некоторые документы часто отображают события не только регионального характера, но и имеют более обширный географический охват. Одним из таких источников служит рукопись «Усерган¹ таварихы²» («История Усерган»). Цель данной статьи — сделать краткий обзор содержания рукописи, выявить в структуре рукописи описания тех событий, которые сыграли важную роль в истории башкирского народа.

Материалы и методы

Объектом анализа является документ, хранящийся в отделе редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН [Усерган таварихы: 1–69]. Рукопись обнаружена старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Б. Г. Калимуллиным в 1955 г., во время командировки по изучению «Народного зодчества» в деревне Верхний-Муйнак Абзановского района Башкирской АССР (ныне — Зианчуринский район Республики Башкортостан). Оригинал рукописи в конце XIX в. находился у человека по имени Муса, проживавшего в деревне Баиш Абзановского района. Он разрешил снять копию Ахметшарифу Абдуллину, Ахметшариф оставил ее сыну Габиту. В 1954 г. рукопись перешла к инструктору Абзановского районного комитета КПСС Н. Т. Хасанову. Б. Г. Калимуллин получил ее от инструктора Н. Хасанова и с его слов сообщил данную информацию на отдельном листе, вложенном в рукопись.

¹ Усергане — одно из крупных родоплеменных объединений башкир, которые занимают обширную территорию на юго-востоке современного Башкортостана и восточных районов Оренбургской области.

² Таварих (араб.) — историко-функциональный жанр средневековой восточной литературы; представляет собой тематический сборник сочинений, посвященный истории племени, рода, государства или региона, а также жизни и деятельности исторических личностей.

В исследовании были применены комплексный подход к археографическому изучению текстов на арабографичном тюрки с практической транслитерацией, текстологическим изучением, переводом на русский язык, а также сравнительно-исторический метод и источниковедческий анализ.

Описание рукописи

Рукопись написана на арабографичном тюрки, преимущественно почерком насх, коричневыми и красными чернилами. Объем составляет 69 страниц и начинается с первой страницы. Как обложка, так и титульный лист сочинения отсутствуют. Автор и название сочинения не известны. Название «История Усерган» является условным. Размеры листов — 22,2x17,7 см. Бумага желто-коричневого цвета. Читательность — удовлетворительная. Отдельных делений на введение, главы и заключение рукопись не имеет. Исследователи, которые обращались к данному источнику, неоднозначно определяют название. Так, Б. Г. Калимуллин во вложенном листе называет его «шежере» («родословное дерево»), Р. Г. Кузеев — «Шежере³ башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян», Г. Б. Хусаинов — «Башкорт таварихы» («История башкир»), М. Х. Надергулов — «Усерган таварихы». В каталоге отдела редких книг документ обозначен как «Усерган таварихы» и больше известен под этим названием.

Такое разночтение связано с тем, что рукопись на сегодняшний день полностью не исследована как одно целое, не сделаны транслитерация на башкирский язык и перевод на русский. Язык сочинения затрудняет широкое изучение материала исследователями, не владеющими арабографичным тюрки.

Одним из первых к источнику обратился известный башкирский историк, этнограф Р. Г. Кузеев. В своей работе «Башкирские шежере» он приводит небольшой отрывок с комментариями, где говорится о принятии некоторыми башкирскими племенами Московского подданства и Тура хане [Кузеев 1960: 75–80].

³ Шежерэ (*шэжэрэ*, башк. *шэжэрэ*) — название родословной у некоторых тюркских народов.

В журнале «Ватандаш» («Соотечественник») вышла статья известного башкирского филолога Г. Б. Хусаинова «Башкорт тауарихы» на башкирском языке. Автор опубликовал небольшую часть рукописи с транслитерацией на башкирский язык, с предисловием, краткими комментариями и словарем арабских заимствований [Хусаинов 2006: 79–99].

Другой башкирский ученый-филолог М. Х. Надергулов в своей монографии «Башкирские историко-литературные сочинения XVI – начала XX века» и статье «Некоторые заметки об анонимном сочинении «История Усергана»» исследует данный источник как литературный памятник. Отмечая художественные ценности рукописи, он также опубликовал некоторые отрывки сочинения на башкирском и русском языках [Надергулов 2013: 216–228; Надергулов 2009: 84–88].

Источник повествует об истории башкирского народа, где подобного рода описания чередуются с изложениями о пророках, тюркских и монгольских народах и генеалогией золотоордынских ханов. Характеризуя постранично содержание источника, мы больше обращаем внимание на те части рукописи, которые отражают собственно историю башкир, период столкновения с монголами, отношение с ногаями, присоединение башкир к русскому государству и их участие в войнах России.

Автор начинает изложение с периода существования Волжской Булгарии, западных границ башкир, появления мусульманских миссионеров в крае. Далее на третьей странице кратко рассказывается легенда о пророке Нухе (Ной). На четвертой и пятой страницах пишет о Чингис-хане, его потомках и башкирском бее Муйтен.

Посольство Муйтен бея к Чингис-хану

Муйтен-бей — предводитель башкирского племени Усерган, историческая личность начала XIII в. Автор описывает поездку бея с подарками к Чингис-хану, благосклонном расположении монгольского правителя к представителю башкир. О его пребывании в ставке хана и о результатах посольства пишет следующее: ...*Чыңгыз хан хузырына барып, тағзим вә тақрим илә*

әл каушарып, хан берлә сүзләшеп... Мөйтән бин Дусбаны (?) хан мөхәббәт әйдәнен, үзенә яру якын идеп, хөкүмәт мәжлесенә алыр иде... Мөйтәннең кәдер гиззәте зияда улуп, хан Сыңгызның хозурында бер ничә йыллар карарланмыштыр. Вә бәгдә мәзкүр Мөйтән данишмәнд сахиб фирасәт улдыкындан Сыңгыз хан тағрифендә улмыш әдәмләрнең дәгүә хосумәтләрен туғрылык илә дәтбир [тәдбир] хөкәм кылмакына Мөйтәннең фирасәтенә ихтыяр куйыр иде. Әүүәл бейлек дәрәжәсә әнсабына мирас улмак шарт илә, 2-че ыруғ әнсабына бейләну өчөн оран алды, 3-че нәсеб руғсына йәйләу һәм кышлау өчөн жир һәм суларына жәмлә мәнфәғәт мәгдәнләре илә махсус идеп бирмешдер һәм канун кагидә төзмәкдән осар кош ... Рузкарында кылмыш гәмәлләрене хакламак өчөн ыруғ нәсәбенә махсус тамга бирмешдер... Әүүәл Идел суы махсус нәһерләре илә, 2-че Яйык суы, Сакмар суы һәр икесендә улмыш нәһерләре илә мәзкүр суларда булган ерләр суларның башындан аягыначә Мөйтәннең руғ нәсабына кисмәт хосуси идеп, хан Сыңгыз Мөйтән бейгә жалунный бирмешдер» «Встретившись с Чингис-ханом, Муйтен бин Дусба (?) удостоился уважения, почестей и стал его приближенным, приглашался на совет... Рядом с Чингис-ханом он оставался несколько лет... Муйтен-бей был образованным и с тонким умом (сообразительным), поэтому при спорах в окружении Чингис-хана, для принятия верного решения, Чингис-хан (считался с мнением) предпочитал сообразительность Муйтена. Чингис-хан Муйтену дал ярлык («жалунный»), прежде всего его потомкам в наследство даровал звание бея, далее дал родовые атрибуты оран («клич»), птицу, тамгу... для летовок и зимовок земли... выделил реки Идель, Яик, Сакмар с притоками и землями вокруг...»¹ [Усерган таварихы: 5–6].

Для сравнения в другом источнике, в стихотворной форме шежере Усерган, говорится также о поездке Муйтен-бея к Чингис-хану, по смыслу они почти аналогичны:

Следует отметить, что Муйтен-бей был не единственным из башкир, кто ходил к Чингис-хану. В шежере башкир рода Ка-

¹ Здесь и далее перевод рукописи Г. Х. Абдрафиковой и И. С. Игдавлетова.

...Биш пар дөйә йөк артты
Хан Чынгызга ул барды
Ғиззәтләне аны хан,
Урын бирде янындан.
Мәдех алмыш һәм хандан
Вәзир кылмыш дәртендән
Бадиһаннә дауам көзәткән,
Ғиззәт – хөрмәт күб иткән
Көйлә дисә, көлгән,
Сөйлә дисә, сөйләгән,
Һәр максудын ул алған

...Пять пар верблюдов он нагрузил [подарками],
Ездил он к Чингис-хану.
Хан оказал ему почести,
Посадил его рядом с собой.
Получил он похвалу от хана,
Визиром сделал его [хан] за жизнерадостность.
Во всем он угождал падишаху.
Украшал его окружение,
Оказывал ему много почестей и уважения,
Если [хан] говорил: пой — [он] пел,
Если просил рассказывать — рассказывал,
Каждое желание [хана] он исполнял...

[Кузеев 1960: 81–85].

ра-Табын крупного племени Табын говорится о поездке с подарками их предводителя Майкы-бей к Чингис-хану. Он тоже смог добиться благожелательности хана: *Чынгыз ханга бүләк алып барып, аның белән юлдаш булып, Чынгыз хан белән бер арбада ултырып йөрөгән* 'Ездил к Чингис-хану с подарками, став его спутником, ездил на одной повозке' [Мрясов 1927: 6].

С шестой по девятую страницы автор пишет о принятии четырьмя крупными башкирскими племенами московского подданства, кратко об основании Уфы и участии башкир в войнах России.

Присоединение башкир к русскому государству

В середине XVI в. происходит важное событие — добровольное присоединение башкир к Русскому государству. Башкиры тогда занимали огромную территорию и были в составе нескольких государственных образований — Казанского, Сибирского ханств и Ногайской орды. Первыми русское подданство приняли северо-западные племена, которые были в составе Казанского ханства, далее — центральные и юго-восточные племена, бывшие под властью Ногайской орды, и последними — северо-восточные племена, которые были под властью Сибирского ханства.

В этой части рукописи говорится о посольстве юго-восточных башкирских племен Кыпсак, Бурзян, Усерган и Тамьян в Казань: *1552 йыл үктәбернең 2-нче көнөндә Русиә жәмәғәтләре Казан шәһәрәһә алмыштыр һәм йортлар бина кылмыштыр. Вә бәгдә 564 йыл башкорт исемләнемеш дүрт ыругдан, йәғни Үсәргәндән Бикбау кенәз Тәдәгәчев, Кыпчактан Мишәүле Ка-*

рағужак кенәз, Бөржәндән Иске бей кенәз олуғ кенәз Иван Василичкә Казан шәһәрәһә сакырылып барып, Русиә шаһы гәдел ирмеш, дәйү, бәгзеләре Бучай хандан вә бәгземез Нугай мырзадан, йәғни Бирген-бей Ақтулыштан, жафалар күргәнемездән, гәделлекләре юклыктан, жәберлекләре чуклыктан мәзкүр Бучай-ханны һәм бей Ақтулышыны Русиә ханы Иван Василичкә тотоп бирдек, олуғ кенәз Иван Василичкә рәғиәт булдык 'После завоевания Казани 2 октября 1552 г. русскими войсками в [1]564 г. по приглашению великого князя Ивана Васильевича в Казань, надеясь на его справедливость, прибыли представители четырех башкирских племен: князь Бикбау Тедигачев от Усергана, князь Мишавле Каракужак от Кипчака, князь Иске-бей от Бурзяна. Несправедливых ногайцев Бучай-хана и Бирген-бей Ақтулыша, постоянно чинивших страдания, схватили и выдали хану России Ивану Васильевичу, сами стали подданными великого князя Ивана Васильевича' [Усерган таварихы: 6–7].

Автор, отмечая о посольстве четырех предводителей племен (от Усергана Бикбау-бия, от Бурзяна — Иске-бей и Мишавале Каракужака от племени Кыпсак), не упоминает четвертого: от Тамьяна Шагали — Шакман-бия. Также допущена неточность в дате посольства: написано [1]564 г., однако это произошло раньше, в 1555–1556 гг. [Буканова, Игдавлетов 2021: 44].

Отношения башкир и ногайцев

Интересные материалы даются о взаимоотношениях башкир с ногайцами. В итоге распада Золотой Орды, значительная часть башкир оказалась в составе Ногайской орды. Притеснения со стороны последних

часто приводили к столкновениям и восстаниям башкир. К примеру, как видно из текста, приведенного выше, особенно «несправедливые и причинившие множество обид» Бучай-хан и Актулыш-бей были схвачены и переданы царю Ивану Грозному.

Непростые отношения башкир и ногайцев описываются и на последующих страницах. В части, где автор пишет о Тура-хане, повествуется больше о столкновении войск Борак-хана, которые состояли из ногайцев, и войск Кусем-хана, состоявших из башкир. Противоречие между ними заканчивается разделом границ по реке Самара и перемирием. В результате между башкирами и ногайцами наступает спокойствие до «периода Урак Мамай» [Усерган таварихы: 55]. Также на 58-й странице говорится о ногайцах в Башкирии, об их вражде между собой, крупном сражении вдоль реки Сакмар, в местечке, известном как «Качмарт тамагы» («Устье Касмартки»). В итоге происходит разделение ногайцев и их уход в разные стороны. Некоторое время этот район между «Идель и Яиком» опустел. В 1026 г (по григорианскому календарю 1617 г.) башкиры одержали победу и остались жить здесь [Усерган таварихы: 58].

Об условиях присоединения башкир к Русскому государству

Об этом автор пишет следующее: *Ерләремездә булган кәчепләремездән, йәғни бал, сыусар вә бәгзеләремез кама, кондоз тиресен ясак идеп бирдек... Әммә ул ясаclarымызны салдык урман ябынган төрлө руг исемдә булмыш ислам динендә улган башкорт жәмәгәтләре. Йәғни Инжәр сыуының буйындагы Катай, Эсем буйындагы Казаяк, Ләмәз буйындагы Төркмән, Өфө Иделе буйындагы Бүләкәй, Үзән буйындагы Шайтан-Көзәй, жәмәгәтләре һәм Уйдан сыккан Кыйгы, Олуғ Ык буйы Дыуан жәмәгәтләре, Сакмар, Ак Идел буйындагы Үсәргән, Бөржән жәмәгәтләре — барчаларымыз бер иттифакта булып салдык мәзкүр ясаclarымызны Казан кәлгәсенә. Һәм мәзкүр шаһымыз Иван Василич безнең башкорт халкына үзәмезнең разилыкымыздан гәйре костахлык кылып, жәбер-жафа кылмак булмады. ...Жирләремез һәм динләремез илә айыра язып, Ислам динендә булган башкорт жәмәгәтләрен аслан гәйре дингә көсләмәскә гәһед вә иман итеп, һәм безләр руг-нәсәбләремез ихласлы*

хезмәтләр кылмак өчөн указнамалар төзөп, араларымызда мәүжүд булган шартларымызга бер-беремездән алынмыш падтичнамаларемез Казан шәһарендә дәфтәргә язылмыштыр. Шул ук дәфтәргә язылмыш указнамә һәнүз дә әлемездә бардыр... 'Как ясак от наших промыслов дали мед, шкуры куницы, выдры, бобра... Но ясак разделили между башкирскими родами лесной зоны, исповедующих ислам, а именно — катаяцев, живущих по реке Инзер, Казаяк — по реке Сим, Туркмен — по реке Лемеза, Булекей — по реке Уфимке... Все вместе в союзе отдали вышеупомянутый ясак в Казани. Шах Иван Васильевич без нашего согласия обещал другими повинностями не притеснять башкирский народ. В Казани составили указную грамоту, где отдельно написали о наших землях и религии, чтобы башкир-мусульман не принуждать в другую веру и что башкиры будут верно служить. Эти условия мы записали в тетрадь и поставили подписи. Подписанный «указнаме» все еще у нас имеется' [Усерган таварихы: 7–8].

Как видим, условия подданства касались веры, несения службы, выплаты ясака и земельного вопроса. Относительно выплаты ясака говорится не только о юго-восточных племенах, но и разделе этого ясака с другими племенами северо-восточной части Башкирии с указанием территорий. И в конце автор отмечает, что документ «указная грамота», подписанный двумя сторонами, и сегодня хранится у них.

Интересное сведение дается об основании города Уфы. Так, автор пишет, что в связи с отдаленностью Казани для ввоза ясака башкиры сами просили царя и дали согласие заложить крепость Уфу на своей земле: *Вә бәгдә Казан кәлгәсенә ясак табишрмак йыраклыкындан ағыр булмаки сәбәплә үз жиремездә олуғ шаһымыздан Өфө кәлгәсен бина кылдырдык, хазинадар забуты якын булсын өчөн үзләремезнең разилыкларымыз илә...* 'Далее, в связи с трудностями отвоза ясака в крепость Казань по причине ее отдаленности, мы просили и разрешили основать крепость Уфу на своей земле, чтобы было ближе казначею занести в книгу' [Усерган таварихы: 8].

Далее автор коротко сообщает об участии башкир в 1648 г. в освобождении «Рин» и «Азау»: *1648-че йыларда Рин, Азау халкын яулап, шаһымыз әгзәм хәзрәтләренә ихлас илә хезмәт идеп, дошмандан*

алып бирдек 'Преданно неся службу великому царю, в 1648-х гг. завоевав народы [городов] Рин [Рига], Азау [Азов], отняли [их] у врага' [Усерган таварихы: 8].

Башкиры по условиям добровольного присоединения к России должны были нести военную службу, они уже участвовали в Ливонской войне, в изгнании польских интервентов в 1612 г., Азовских походах 1695 и 1696 гг., Северной войне и других. Историк Р. Г. Кузеев в комментариях пишет об участии башкир в Крымском и Азовском походах в конце XVII в. и Шведском походе в начале XVIII в. Опираясь на эти сведения, освобожденные «Рин» и «Азав» ученый переводит как Рига и Азов [Кузеев 1960: 198]. Действительно, здесь речь может идти о войнах Петра Первого, взятии Азовской крепости и прибалтийского города Риги. Филолог М. Х. Надергулов также отмечает, что это «Азовский и Рижский (Шведский) походы» [Надергулов 2013: 220]. При этом Р. Г. Кузеев упоминает об Азовском походе 1645 г. [Кузеев 1960: 198]. Действительно, в первой половине XVII в. донские казаки не раз ходили в поход на крепость Азов. Так, возможно, автор имел в виду Азовский поход 1646 г. [Аваков 2017: 50–57]. На наш взгляд, все же здесь речь идет о походах петровского времени.

На 10–12-й страницах повествуется легенда о пророке Идрисе, далее автор пишет также о пророках, святых, о генеалогии ханов и т. д. Генеалогии оформлены в виде схем, и часто к ним даются комментарии. Подобное изложение занимает основную часть рукописи, до 58-й страницы. Так, автор сообщает о ханах: Чингис-хане, Тулай-хане (Тулуй-хан), Сайын Батые (Батый-хан), Амир Тимер Турагае (Тимур ибн Тарагай), Узбек-хане, Джанибек-хане, Туктамыш-хане и других.

Генеалогия башкирских беев

С 59-й по 64-ю страницы даются генеалогические схемы башкирских беев. Автор, перечисляя каждого башкирского бея, указывает, при каком монгольском хане он правил. Например, Бузека бин Шакмалы бей при Тукай-хане, Мангут-бей при Узбек-хане, Урал-бей при Джанибек-хане, Инсан бин Урал бей при Бердибек-хане, Буйте-бей при Туй Ходжа хане, Ирбан-бей при Туктамыш-хане [Усерган таварихы: 53–64]. Н. А. Мажитов и Г. Н. Гарустович, исследуя

историю Башкортостана периода Золотой Орды, в том числе поездку Муйтен-бея к Чингис-хану, и правящих вышеперечисленных башкирских беев, подчеркивают ценность данного источника по истории башкирского народа XIII – середины XVI в., особенно в плане существования у них собственных государственных образований [ИБН 2012: 182].

На последних страницах документа дается непосредственно шежере племени Усерган, схема его разветвления. Так, во главе находится Тадегач-бей, его сыновья князь Бикбау (представитель от Усерган в посольстве в Казань) и Кушадавет, далее во главе многочисленных линий стоят Ябынчы и Куват. У Ябынчы восемь сыновей: Иркара, Аткара, Суракара, Ибай, Кубай, Инабчи, Казаксал и Усерган... У Кувата по данному документу три сына: Аргынбай, Бурангул и Нарынбай [Усерган таварихы: 65–69].

Куватовы — дворянский род, потомки которых в последующем сыграли большую роль в истории Башкирии и России. Представители этой фамилии есть среди старшин и кантонных начальников, среди офицеров французской кампании 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и среднеазиатских походов, а также были активными участниками в Башкирском национальном движении. Гумер Куватов стал народным комиссаром здравоохранения БАССР (1919–1928), его младший брат Усман Куватов работал в разных ведомствах Башкирского правительства, был народным комиссаром финансов БАССР (1918–1920).

Заключение

Данная арабиграфическая рукопись, написанная не позднее конца XIX в., является, таким образом, ценным источником, отображающим важные события в истории башкирского народа в контексте общей истории Евразии.

Башкиры, занимавшие обширные территории на Южном Урале, в начале XIII в. столкнулись с движением монголов на запад, в середине XVI в. — с продвижением Русского государства на восток. Находясь на границе Европы и Азии, но в составе России, в последующем башкиры нередко выступали связующим звеном России с восточными странами. Спустя несколько

веков, существуя в иных административных границах, башкиры вновь оказались юго-восточной окраиной государства.

В данной работе мы не ставили цель анализа текста или доказательств достоверности сведений. Даже при кратком обзоре достаточно объемной рукописи выявляется историческая ценность источника, и, несмотря на некоторые имеющиеся упущения и неточности в датах, увлеченность анонимного автора в изложении историй о пророках и святых, ее ценность и значение несколько не умаляются.

«Усерган таварихы» — один из редких источников, показывающий характер взаимоотношений башкир и монголов в период достижения последними границ Южного

Урала с перечислением башкирских беев. Данный документ подчеркивает добровольность присоединения Башкирии к Русскому государству с подписанием «указной грамоты», которая имела у башкир. Эти сведения, безусловно, представляют особую значимость и дополняют другие известные источники.

Обращает внимание и то, что автор больше пишет о внешних факторах влияния на историю башкир, таких как распространение ислама, посольство к Чингис-хану, отношения с ногайцами и присоединение к России, особо не касаясь социально-экономического развития и вовсе не упоминая о постоянных башкирских восстаниях XVII–XVIII вв.

Источники

Усерган таварихы — Рукопись «Усерган таварихы» (араб. тюрки, насх), 69 с. // Отдел редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Р6-2279.

Литература

- Аваков 2017 — *Аваков П. А.* «Азовский поход» 1646 г. // Война и воинские традиции в культурах народов юга России (VI Токаревские чтения): мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д: Алтаир, 2017. С. 50–57.
- Буканова, Игдавлетов 2021 — *Буканова Р. Г., Игдавлетов И. С.* Башкирия и исламский фактор в юго-восточной политике России в XVII – первой половине XIX века. Уфа: Башк. энцикл., 2021. 184 с.
- ИБН 2012 — История башкирского народа: в 7 тт. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.
- Кузеев 1960 — *Кузеев Р. Г.* Башкирские шежере.

References

- Avakov P. A. The Azov campaign of 1646. In: War and Military Traditions in Cultures of South Russia's Peoples. 6th Tokarev Readings. Conference proceedings (Rostov-on-Don, 4–5 May 2017). Rostov-on-Don: Altair, 2017. Pp. 50–57. (In Russ.)
- Bukanova R. G., Igdavletov I. S. Bashkiria and the Islamic Factor in Russia's Southeastern Policies: 17th to Mid-19th Centuries. Ufa: Bashkirkaya Entsiklopediya, 2021. 184 p. (In Russ.)
- Khusainov G. B. History of the Bashkirs. *Vatandash*. 2006. No. 9. Pp. 79–99. (In Russ.)
- Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir

Sources

Usergan Tavarikhy. Manuscript. At: Ufa Federal Research Centre (RAS), Scientific Library, Rare Book Section. Call no. Р6-2279. (In Turki)

Уфа: Башкиргоиздат, 1960. 304 с.

- Мрясов 1927 — *Мрясов С. Г.* Башкорт шәжәрәләре (= Башкирские шежере) // Башкорт аймагы (= Башкирский край). 1927. № 4. С. 1–6.
- Надергулов 2013 — *Надергулов М. Х.* Башкирские историко-литературные сочинения XVI – начала XX века. Уфа: Китап, 2013. 312 с.
- Надергулов 2009 — *Надергулов М. Х.* Некоторые заметки об анонимном сочинении «История Усерган» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 13(151). С. 84–88.
- Хусаинов 2006 — *Хусаинов Г. Б.* История башкир // Ватандаш. 2006. № 9. С. 79–99.
- People. In 7 vols. Vol. 2. Ufa: Gilem, 2012. 416 p. (In Russ.)
- Kuzeev R. G. The Bashkir Shezhere. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1960. 304 p. (In Russ.)
- Mryasov S. G. Bashkir shezhere [genealogical tables]. *Bashqort aimagy*. 1927. No. 4. Pp. 1–6. (In Bash.)
- Nadergulov M. Kh. Bashkir Historical and Literary Writings: 16th – Early 20th Centuries. Ufa: Kitap, 2013. 312 p. (In Bash. and Russ.)
- Nadergulov M. Kh. History of the Usergan: Some notes on the anonymous writing. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No. 13(151). Pp. 84–88. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1333–1351, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351

Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика

Анна Владимировна Дыбо¹, Виктория Васильевна Куканова², Сагара Викторовна Мирзаева³, Евгений Владимирович Бембеев⁴, Владимир Наранович Мушаев⁵, Вячеслав Николаевич Хонинов⁶

¹ Институт языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1 стр. 1, 125009 Москва, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом урало-алтайских языков

 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglamirzaeva@kigiran.com

⁴ Калмыцкий государственный университет (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

⁵ Калмыцкий государственный университет (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

⁶ Институт языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1 стр. 1, 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-8461-6213. E-mail: altngasn@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н., 2022

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию этимологии и семантики названий неба в монгольских языках. Астрономическая лексика имеет сложный характер и отражает разные напластования верований (добуддийских, буддийских и иных) предков монгольских народов. Основная *цель* ведущейся работы — установление этимологических и семантико-типологических доминант, действующих в данной тематической группе общемонгольского лексикона. Понятие «небо», которому посвящена данная статья, входит в списки базисной лексики, и потому лексическое наполнение для него ожидаемо обнаруживается в языках мира. **Материалы и методы.** Материалом послужили словари языков монгольской группы, в качестве надежных реконструкций прамонгольской лексики использовались работы Х. Нугтерена и О. А. Мудрака. Кроме того, привлекались в ходе анализа разные этимологические работы и словари по языкам алтайской группы, а также базы данных по семантическим переходам и коллексификаций. **Результаты.** В монгольских языках зафиксировано четыре наименования неба и два названия воздуха / воздушного пространства, в основном связанных с распространением определенных верований на разных территориях в различное время. Наименование **tengeri* свидетельствует о наличии отдельных элементов культа неба у ранних монгольских народов и о культурных контактах прамонголов с тюрками. Второе **hogtorgui* является ученым буддийским словом, семантически производным от названия пустого места, вероятно, семантическая калька с соответствующего санскритского слова, попавшая из переводных текстов буддийского канона в современные северно-монгольские языки. Третья лексема **köke* — гапакс средневекового арабского словаря Мукаддимат ал-Адаб, вероятно, появившийся вследствие влияния тюркского чагатайского языка на западный среднемонгольский. Четвертое слово **asman* является поздним заимствованием в мусульманские монгольские языки из персидского языка, в некоторых случаях через тюркские языки. Пятая лексическая единица **agaγaγ*, вероятно, буддийское санскритское заимствование, а шестое **kei* — среднекитайское. Неожиданным образом выяснилось, что для протомонгольского языка исконное название неба восстановить невозможно; вероятно, это связано с тем, что старое название было вытеснено заимствованиями вследствие интенсивных культурных контактов.

Ключевые слова: монгольские языки, лексикология, этимология, семантика, картина мира, реконструкция, небо

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ государственной регистрации АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н. Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1333–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351

Words Denoting the Sky in Mongolic Languages: Etymology and Semantics

Anna V. Dybo¹, Viktoria V. Kukanova², Saglara V. Mirzaeva³, Evgeny V. Bembeev⁴,
Vladimir N. Mushaev⁵, Vyacheslav N. Khoninov⁶

¹ Institute of Linguistics of the RAS (bldg. 1/1, Bolshoi Kislovodsky St., Moscow 125009, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr.Sc. (Philology), Head of Department for Uralic and Altaic Language Studies

 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

⁴ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

⁵ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin street, 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

⁶ Institute of Linguistics of the RAS (bldg. 1/1, Bolshoi Kislovodsky St., Moscow 125009, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0001-8461-6213. E-mail: altngasn@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N., 2022

Abstract. *Introduction.* The articles examines etymologies and semantics of Mongolic words denoting the sky. The system of astronomical terms in Mongolic languages is structurally complicated due to multiple layers of pre-Buddhist, Buddhist and other beliefs adopted by proto-Mongols. *Goals.* The work aims to identify etymological and semantic dominants characterizing this thematic group within the common Mongolic vocabulary. The concept of sky clusters with most basic ones, and lexemes to denote it are to be found in each and every language. *Materials and methods.* The study examines dictionaries of Mongolic languages, involves reliable proto-Mongolian lexical reconstructions by H. Nugteren and O. Mudrak. Furthermore, the paper analyzes various etymological works and Altaic dictionaries, as well as databases on semantic transitions and colexifications. *Results.* The Mongolic vocabularies contain four lexemes denoting the sky and two for air/airspace — all of them being largely associated with different beliefs and faiths across different areas and in different eras. So, the word **tengeri* attests to some elements of the cult of heaven had been practiced by earliest Mongols and the latter had maintained contacts with Turkic groups. The second lexeme **hogtorgui* is a Buddhist scholarly term semantically derived from the one denoting emptiness, i.e. a suggested semantic calque from the Sanskrit word that was borrowed to northern Mongolic languages from translated texts of the Buddhist Canon. The third name **köke* is a hapax from the Muqaddimat al-Adab that may have arrived in western Middle Mongolian from Chagatai Turkic. The fourth word **asman* is a later borrowing from Persian to vocabularies of Muslim Mongols, sometimes via Turkic languages. The fifth lexical unit **agayar* may have been included from Buddhist Sanskrit, and the sixth word **kei* — from Middle Chinese. The unexpected conclusion is that the original proto-Mongolian word to have denoted the sky simply cannot be reconstructed. Evidently, the ancient word had been displaced by the loanwords throughout most intensive cultural contacts.

Keywords: Mongolic languages, lexicology, etymology, semantics, view of the world, reconstruction, sky

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Words Denoting the Sky in Mongolic Languages: Etymology and Semantics. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1333–1351. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351

Введение

Система астрономической терминологии монгольских языков имеет сложный характер и отражает разные напластования верований (добуддийских, буддийских и

иных) предков монгольских народов. Культы неба, небесных явлений и небесных светил в той или иной мере отражаются в их духовной и материальной культуре. Исследованиями названий неба и небесных све-

тил на тюрко-монгольском языковом материале в лингвистическом и этнографическом ключе занимались разные ученые, см. в [СИГТЯ 2006: 326–352; Калмыки 2010: 290–304]. То, что небо со звездами, которые чаще всего персонифицировались или складывались в антропоморфные и зооморфные изображения, осознается как модель мира, в своеобразной форме отражающая картину жизни людей и животных, известно с глубокой древности и активно исследуется со второй половины XX в. [Бонов 1984; Евсюков 1988; Фролов 1982; Владимирский, Кисловский 1989; Крапп 1999; Корнелиус 2000; Полякова 2020].

Особый интерес представляют в этом плане работы востоковеда, одного из основоположников исследований в области археоастрономии, В. Е. Ларичева [Ларичев 1986; Ларичев 1989; Ларичев 1993; Ларичев 1999], а также исследования, определяющие этническую вариативность астрономических представлений, обусловленную географическими факторами [Макрэй 1993]. Большое внимание к этой проблематике проявляют также лингвисты [Карпенко 1981; В созвездии слов и имен 2017].

Громадное количество фольклорных материалов, связанных с народными астрономическими представлениями, собрано Ю. Е. Березкиным, Е. Н. Дувакиным в его проекте «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологиче-

ских мотивов по ареалам» [Березкин, Дувакин]. Одним из направлений исследования этнической культуры в связи с астрономическими знаниями является непрерывная традиция изучения национальной астрологии, которая для монголоязычных народов насчитывает почти два столетия [Ковалевский 1837; Скородумова 1994; Омакаева 1995; Омакаева 1998; Омакаева 1999]. Исследования в этом направлении не могли не привлечь наше внимание.

В настоящей статье мы рассматриваем названия неба в монгольских языках, исследуем их происхождение, семантические переходы и многозначность.

Материалы исследования

В качестве материалов использовались словари языков монгольской группы [Lessing 1960; Haenisch 1939; МА 1938; Ковалевский 1844; Ковалевский 1846; Ковалевский 1849; БАМРС, 1 2001; БАМРС, 2 2001; БАМРС, 3 2001; БАМРС, 4 2002; БРС 2006; БРС 2008; Mostaert 1968; Тодаева 2001; КРС 1977; Ramstedt 1935; Тодаева 1986; КДРС 2014; ШЮПМКС 1984; BWMChD 1986; Тодаева 1964; Тодаева 1973; ДКС 2012; и др.].

Группы монгольских языков приводятся по принятой А. В. Дыбо классификации, основанной на датировках, полученных в результате применения глоттохронологического анализа, модифицированного С. А. Старостиным [Дыбо, Норманская 2014: 87].

Таблица 1. Классификация монгольской семьи языков
[Table 1. Classification of Mongolic languages]

Монгольская семья языков (распад ок. 5 в. н. э.; свидетельства: табгачский в китайских транскрипциях)				
Собственно-монгольские языки (свидетельства: киданьский язык)				Кукунорская группа
«Северно-монгольские» (распад ок. 11 в. н. э.)		«Южно-монгольские»		Монгорский
«Восточно-монгольские»	«Западно-монгольские»	Могольский	Дагурский	Дунсянский
Халха	Ойратский Калмыцкий		Шира-юйгу	Баоаньский
Дариганга				
Чахарский				
Ордосский				
Хамниганский				
Бурятский				

В качестве надежных реконструкций прамонгольской лексики был взят список лексем, восстанавливаемых в работе [Nugteren 2011], а также использовались реконструкции, произведенные О. А. Мудраком и размещенные на сайте «Вавилонская башня» [Мудрак 1998–2003].

В монгольских этимологиях были добавлены ссылки на источники, примеры по которым были приведены Х. Нугтереном. К сожалению, в словарях языков южно-монгольской и кукунорской группы обычно приводятся небольшие словники наиболее употребительных слов, и многие лексические единицы нами не были обнаружены, однако мы предполагаем, что некоторые наименования имелись и, видимо, имеются в указанных языках. Преимущественно описательные номинации методом сплошной выборки отбирались из Большого академического словаря монгольского языка [БАМРС, 1 2001; БАМРС, 2 2001; БАМРС, 3 2001; БАМРС, 4 2002]. Привлекались разные этимологические работы и словари по тюркским языкам, а также этимологический словарь праалтайского языка [EDAL 2003]. Кроме того, в работе использовались данные двух фундаментальных проектов: база данных семантических переходов DATSEMSHIFT, разрабатываемой под руководством А. А. Зализняк [Zalizniak 2016–2022], и база данных коллексификаций CLICS [CLICS 2019]. В работе применяются этимологический, семантический и типологический виды анализа.

«НЕБО»

Значение «небо» входит в список базисной лексики М. Сводеша, в его более пространственный, 200-словный вариант [Сводеш 1960: 35–37].

В монгольских языках употребляются следующие слова для обозначения неба.

1. *TENGERI ‘НЕБО; ПОГОДА; НЕБЕСА; БОЖЕСТВО’

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **tengeri* ‘небо; погода; небеса; божество’ [Nugteren 2011: 518–519]:

1.1.1. письм.-монг. *tengeri* [TNGRI] ‘небесный свод; божество, небо; погода’ [Lessing 1960: 809–810]; в словаре О. М. Ковалевского приводится: *tenggeri* → *tegrī* (tngri) «1) у древних: небо, гений неба, могущественное божество, источник души; вечный

и правосудный мироправитель; 2) божество, тэгри, санскр. дэва; 3) гении (земные и небесные, добрые и злые)»; среди фразеологических сочетаний, кроме имен божеств и эпитетов императора, названия звезд и созвездий, имеются и такие понятия, как *tngri yin orui* ‘зенит’ и *tngri yin qorgui* ‘горизонт’, *tngri yin tobragi* ‘поднебесная, обитаемая земля, мир; китайская империя’; *tngri yin dayu* ‘гром, букв. небесный звук’ [Ковалевский 1849: 1697, 1763–1768].

В доклассических памятниках письменного-монгольского языка¹ (см. в: [Tumurtogoo 2006]) значение слова *tengeri* зависит от жанра письменного памятника. В эпистолярных документах XIII–XIV вв., например, в письме Нур ал-Дина (A Letter of Nūr Al-Dīn), Письме Ильхана Аргуна королю Франции Филиппу IV (The Letter of Ilkhan Argun to Philippe IV the King of France, 1289 г.), Указах Хубилай-хана (The Edicts of Khubilai Khan, 1261 г., 1268 г.) *tengeri* отождествляется с божественной сущностью как Небесный Дух, Небесный Отец, дарующий победы [Tumurtogoo 2006: 12, 13, 152, 191]. Например, в Указе Хубилай-хана повеление подкрепляется фразой: *Möngke tngri-yi:n kücün-dür* ‘Силою вечного неба (смысл. перевод: Властью Вечного неба)’² [Tumurtogoo 2006: 12].

В буддийских сутрах и ксилографах можно найти частое употребление слова *tengeri* в значении богов-тэнгриев, обитателей Верхнего мира. Согласно буддийской традиции, тэнгрии являются воплощениями вечных буддийских сущностей и живут на 99 небесах. Так, к примеру, в монгольской версии «The Bodhicāryavatāra from Olon Süme» («Фрагмент Бодхичарьяватары из Олон Сюмэ») написано: *Tengri asuri kümü:n-lüge: saqiqui sedkil-[iye:r] nasuda kündületügei* ‘Всю жизнь пусть будут уважаемы верующим сердцем людей, асуров и тэнгриев’ [Tumurtogoo 2006: 223]. Примечательно употребление слова *tengeri* во множественном числе. Например, в этом же памятнике *Tengri ner saqiqui boltuyai* ‘Пусть Тэнгрии охраняют...’ [Tumurtogoo 2006: 222]. В то же время в буддийских сутрах,

¹ Год создания текста приводится по: [Tumurtogoo 2006], однако не все памятники имеют данные сведения.

² Здесь и далее перевод с письменного-монгольского языка Е. В. Бембеева, С. В. Мирзаевой.

наряду с употреблением слова *tengeri* в значении «божество», оно встречается в значении «небеса, небесный свод» (за которым находится мир богов): *tere gsan-dur tngri-e:če čečeg-ü:d oruju delekei ɣajar dengselügsen-dür* 'В тот самый момент с небес посыпались цветы, всю вселенную землю накрыв' (The Mongolian Version of the «Twelve Deeds of Buddha» («Монгольская версия «Двенадцати деяний Будды»)) [Tumurtogoo 2006: 122]. В переводном памятнике «Монгольская версия конфуцианской классики Сяо-Цзин» оно употребляется как эпитет *tngri qan-luɣ-a: tenggečegü:ljü* 'быть равным небесному хану' [Tumurtogoo 2006: 67]. В значении «погода» обнаружено в этом же переводном памятнике: *Tngri-yi:n dörben Čaɣ-un aɣu:ɣ-i keregler-ün* 'досл. используют воздух четырех времен неба' [Tumurtogoo 2006: 64], в других же памятниках, опубликованных в работе [Tumurtogoo 2006], употребление анализируемого слова в значении «погода» не обнаружено, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что это буквальный перевод с китайского языка (天 *tiān* 'небо; бог; природа; погода, сезон') на письменно-монгольский.

Таким образом, анализ ранних памятников монгольского языка указывает в основном на употребление лексемы *tngri* в значениях «небо; небеса; бог-божество».

1.1.2. ср.-монг. *tenggeri* | *tenggiri* 'небо, небосвод; небо как божество' (*mungke tenggeriyin gucun tur* 'durch die Macht des ewigen Himmels' ('силой Вечного Неба') и *tenggeri tur ɣarɣu* 'zum Himmel aufsteigen' ('восходящий к небесам')) [Haenisch 1939: 148]; *tengri* только 'тенгри, божество' [MA 1938: 347–348] (ср. пример: *tengri ɣayaqči bi köke ɣajari* = чаг. *tengri uayatuqči turur köklerni dayi yerni* 'господь — творец неба и земли');

1.1.3. халх. *тэнгэр* 'небо, небеса, небесный свод; гром; погода; бог, гений, божество, небожитель' [БАМРС, 2 2001: 288];

1.1.4. бур. *тэнгэри* 'неба, небеса; бог, гений-хранитель, божество, обитатель неба, небожитель' [БРС 2008: 277];

1.1.5. орд. *tenger* 'небо, небосвод, состояние атмосферы, время, божество' [Mostaert 1968: 658];

1.1.6. ойр. *теңгер* (теңгери) 'небо, небеса, небесный свод, гром, раскаты грома' [Тодаева 2001: 323];

1.1.7. калм. *теңер* 'небо, небеса; погода / небеса, небесные боги, бог' [KPC 1977: 493], *teŋgr* 'небеса, небесные боги, Бог' [Ramstedt 1935: 392];

1.1.8. дагур. *тэнгэр* 'небо, небеса' [Тодаева 1986: 167], *тэнгэр* 'небо, небеса' [КДРС 2014: 165];

1.1.9. шира-юг. *tenger* 'небо; день; погода' [ШЮПМКС 1984: 116–117];

1.1.10. баоан. *teŋgərag* 'небо; день; погода' [BWMChD 1986: 164];

1.1.11. монгор. *теңгери* 'небо, небеса' [Тодаева 1973: 365].

1.1.12. старомогол. *tngrɣ* (гlossa к *allāh*; в более поздних источниках — персидское заимствование, см. ниже) [Zirni 1961: 33].

1.2. Обычно лексема считается имеющей праалтайское происхождение: ПТю **teŋri/*taŋri* 'небо; верховное божество' — ПМонг. **tengeri* 'небо; погода; божество' [Nugteren 2011: 518–519]. Однако см. ПА этимологию **t'aŋgiri* 'клятва, божество', ПТМ **taŋgura-* 'молиться, поклоняться', ПЯп. **tinkir-* 'клясться' [EDAL 2003: 1402]. По мнению исследователей, слово было заимствовано в прамонгольский из восточных тюркских языков (возможно, из древнетюркского) [СИГТЯ 2001: 59]. Собственно монгольский этимон для тюркского слова в этой этимологии — **taŋgarag* 'клятва': письм.-монг. *taŋgarig* [Lessing 1960: 776]; халх. *тангараг* [БАМРС, 2 2001: 188], бур. *тангариг* [БРС 2008: 227], калм. *таңһрг* [KPC 1977: 477], ордос. *t'aŋg.arik* [Mostaert 1968: 646], дагур. *таңгараг* [Тодаева 1986: 165].

1.3. Существует несколько точек зрения об этимологии слова в тюркских языках. Как можно видеть, в тюркской этимологии слово выступает в двух различающихся по вокалическому ряду формах, что наводит на мысль о возможности контаминации двух разных слов. Переднерядная форма **teŋri* формально может быть проэтимологизирована как образование от древнего *teŋ-* 'возвышаться, подниматься, взлететь' посредством аффикса причастия *-ig*, что в совокупности дает имя субъекта действия — 'то, что поднимается, возвышается', 'тот, кто поднимается, возвышается' [Татаринцев 1984: 80; СИГТЯ 2001: 59]. Предполагались также среднекитайский и енисейский источники. Маловероятна гипотеза Н. К. Антонова об этимологии данного слова (в его якутской форме): из словосочетания *taŋ* 'заря' + *eri* 'муж' = 'верховное божество, творец

всего сущего' [Антонов 1984: 124, 126]. См. разбор существующих этимологий в [Дыбо 2007: 82–84].

Согласно авторам этимологического словаря алтайских языков, первоначально у слова *t'angiri было значение 'клятва, божество', впоследствии в тюркском было приобретено вторичное значение 'небо' [EDAL 2003: 1402]; ареальное объяснение развития, а именно, что оно произошло вследствие распространения в восточноазиатском шаманизме идеи о верховенстве небесного божества — см. в упомянутой работе [Дыбо 2007: 82–84]. С этим значением слово было, по-видимому, заимствовано в прамонгольское состояние вместе с другой важной культурной лексикой.

Монгольский материал определенно указывает на первичность значения «небо как божественная сущность», что естественно при гипотезе о тюркском культурном заимствовании. Что касается описания класса природных объектов, то рефлексные значения совмещают семантику «небесный свод» и «поднебесное пространство» (диагностические контексты: а) «на небе показались звезды»: монг. *тэнгэрт одод гарчээ*; бур. *тэнгэридэ одо мэшид харагдаба*; калм. *тенгерт одд харв / тенгерт одд күцв*; б) «в небе летают птицы»: монг. *тэнгэрт шувууд нисэж байна*; бур. *тэнгэридэ шувууд нишдэнэ*; калм. *тенгерт шовуд нисжэнэ*). Лексема *teŋgeri, кроме своих основных значений ('божество' и 'небо'; распространенное совмещение значений, но, возможно, частично связанное с распространением мировых религий¹), имеет также в ряде поздних источников значение «погода». По данным базы семантических переходов², разрабатываемой под руководством А. А. Зализняка, такой семантический переход является довольно частотным в языках восточной Евразии (в базе представлены переходы в маньчжурском, японском, хантыйском, нанайском, монгольском, лао); по данным базы колексификаций такой переход еще гораздо более распространен (от латыни до маори³). Указание значения «гром» в лек-

сикографических источниках, как кажется, здесь сводится к хрестоматийной ошибке — дать значение «родственник» слову *вода*, руководствуясь его употреблением в выражении *седьмая вода на киселе*. Ведь идет речь об употреблении во фразеологических сочетаниях, буквально означающих «звук неба», «небо гремит» и т. п. Впрочем, можно подозревать, что та же ошибка просочилась и в базу колексификаций⁴, где данное семантическое отношение не частотно, но обнаруживается в самых различных частях мира.

2. *HOGTORGUI 'ПУСТОЕ ПРОСТРАНСТВО; НЕБО'

2.1. В северномонгольских языках имеются рефлекс лексемы, которая условно может быть восстановлена как *hogtorgui 'пустое пространство'. В классическом письменномонгольском и в современных языках она имеет также значение «небо»:

2.1.1. письм.-монг. *oγturγui* | *oγtarγui* 'небо, небесный свод, атмосфера' [Lessing 1960: 602];

2.1.2. ср.-монг. *hohtorɣu* 'пустой' (ого *hohtorɣu bolba* 'постель опустела (после похищения жены)') [Haenisch 1939: 76];

2.1.3. халх. *огторгуй* 1) 'небосвод, небо, небеса; сфера (небесная), атмосфера; поднебесье' (*огторгуйн агаар* 'воздушное пространство; атмосфера'; *огторгуйн хүнхэр* 'небесный свод'; *огторгуйн оёдол / огторгуйн бүс* 'Млечный путь'); 2) 'пространство' (*сансрын огторгуй* 'космическое пространство'; *хоосон огторгуй* 'пустое пространство') [БАМРС, 3 2001: 458];

2.1.4. бур. *огторгой* 'небо, небосвод' [БРС 2008: 13];

2.1.5. ойр. *огторхуу* (огторхуй) 'небо, небосвод, гром' [Тодаева 2001: 258];

2.1.6. калм. *оһтуһу* 'небо, небосвод; гром / (видимое) небо, небесный свод' [КРС 1977: 392–393]; *октрыу* 'видимое небо, небесный свод' [Ramstedt 1935: 284];

2.1.7. ордос. *uGturGʷi* 'небо, небосвод, небесные пространства' [Mostaert 1968: 725];

2.2. Имеется гипотеза о праалтайском происхождении: ПА *p'okt'o(-rV) 'окрестности' — ПМонг. *hogtorgui 'пустое про-

¹ См. <https://clics.clld.org/edges/1732-1944> (дата обращения: 15.06.2022).

² См. <https://datsemshift.ru/shift1840> (дата обращения: 15.06.2022).

³ См. <https://clics.clld.org/edges/952-1732> (дата обращения: 15.06.2022).

⁴ См. <https://clics.clld.org/edges/1150-1732> (дата обращения: 15.06.2022).

странство, небо', ПТМ *pokta 'дорога', ПТю *otar 'пастбище', ср.-кор. pàthàn 'место', ПЯп *pəteri 'окрестности' [EDAL 2003: 1166–1167]. По крайней мере, тюркская параллель тут крайне сомнительна: ПТю *otar 'пастбище' легко трактуется как причастие на -г от зафиксированного глагола *ot-a- 'пастись', образованного с помощью стандартного вербализатора -а- от имени *ot 'трава'.

2.3. Многие исследователи вычленяют морфемные компоненты в лексеме [Бертагаев 1971: 101–102; Хомонов 1980: 157], однако исследователи наделяли разными значениями вычлененные морфемы: *ог* (yɜ) 'первооснова, начало' + *тор* (myɾ) 'жилище, обиталище' + *гой* (аффикс) и *хог* (xuɜ) 'небо' + *тор* 'жилище' + *го* (аффикс). Кажется, что более реалистично трактовать слово как причастие будущего времени от глагола *hoktal-/*hoktar- 'отрубать'. Ср. производное от того же глагола hohtoru 'поперек, насквозь' в «Сокровенном сказании» [Haenisch 1939: 77].

В доклассических письменных памятниках слово отмечается с начала XIV в. (заметим еще раз, что в «Сокровенном сказании» оно встретилось 1 раз в значении «пустой» применительно к постели [Haenisch 1939: 76]). Значение его также отчасти связано с жанром письменного памятника. В буддийских произведениях оно, кроме значения «небо», используется и как 'пустое пространство, пустота' в сочетании с лексемой sang. Например, в памятнике «Комментарий к Бодхичарья-аватара, составленное Chos-kyi 'od-zer» («The Commentary of Bodhicaryāvatāra by Chos-kyi 'od-zer», 1312 г.¹): Burqan Bodistv-nar **oytorγui sang** keme:kü diyan-i oluysan-u 'Бурханы и Бодхисаттвы нашли затворничество в [месте] называемом Небесное пространство' [Tumurtogoo 2006: 50]. В этом же письменном памятнике также встречается сочетание qoγo:sun oytorγui 'пустое небо, пустота': šibaγu:d ba sedkil ügegü: modud ba burqad-un ba naran-u genel terigü:ten gegege:d ba qoγo:sun oytorγui-a:ča ber Sugavadi ulus-tur nom nomlaqu dayu:n sonosdan ajuγu:i 'Птицы и бездушные деревья, гэгэны, излучающие свет, словно бурханы и солнечные лучи, все

услышали звук учения для земли Суковади, исходящий из пустого неба (пустоты, пространства)' [Tumurtogoo 2006: 52].

Однако в тех же буддийских произведениях oytorγui употребляется в значении «небо», в некоторых случаях в сочетании köke oytorγui 'синее небо': Oyтарыи-dur naran urγuba:su elen odud olan ber böge:sü ülü ijegdeγü 'Когда на небе нет солнца [когда солнце уходит], хоть и много звезд, [ничего] не видно' («Монгольская версия Субхашиды» («The Mongolian Version of Subhāṣitaratnanidhi»)) [Tumurtogoo 2006: 232], Dege:gši-de üjebe:sü dege:r-e köke oyтарыи-dur neng olan tngri luus yaksas terigü:ten bögüdege:r 'Если взглянуть наверх, там, в синем небе очень много тенгриев, луусов, яксасов' («Монгольская версия „Двенадцать деяний Будды“» («The Mongolian Version of the Twelve Deeds of Budda»)) [Tumurtogoo 2006: 118].

В некоторых случаях на фоне лексемы oytorγui в значении «небо» четко определяется значение слова tngri как «божество»: tere čay-tur oyтарыи-dur бүкүн tngri-yi:n köbegü:d 'В тот самый момент на небе сыновья всех Тенгриев' («Монгольская версия „Двенадцать деяний Будды“» («The Mongolian Version of the Twelve Deeds of Buddha»)) [Tumurtogoo 2006: 117].

Таким образом, анализ ранних памятников монгольского языка указывает на употребление лексемы oytorγui в значениях «небо; небесное пространство; небесная пустота как буддийское понятие». Похоже, что в значении «небо» слово представляет собой ученый термин с буквальным значением «пустота», образованный от глагола «отрезать». В халха, бурятском, калмыцком и ойратском языках это слово является заимствованием из письменно-монгольского языка, откуда и произошли фонетические нерегулярности, как, например, фонетическое сохранение аффикса -γui, обычно редуцировавшегося в рефlekсах этого грамматического показателя. Ср. встречаемости в словаре О. М. Ковалевского [Ковалевский 1844: 432–438]: исключительно буддийские термины. По всей вероятности, слово в данном значении представляет собой кальку с буддийско-санскритского ākāṣa: 1) sky or atmosphere [Monier-Williams 1899: 126–127]; 2) emptiness [Edgerton, II 1953: 87]. Заметим, что в базе данных по семанти-

¹ Хотя Б. Я. Владимирцов указывает, что перевод был сделан в 1305 г. [Владимирцов 1929: i].

ческим изменениям¹, а также в базе коллексификаций² подобных развитий значения не зафиксировано, что подтверждает его уникальность и, соответственно, гипотезу о калькировании. Точное значение в классическом монгольском, судя по примерам, скорее, «поднебесное пространство»; в современных языках вне «ученых» контекстов рефлекс слова употребляются только в застывших фразеологизмах (бур. *огрторгойн үндэр* 'небесная высь, поднебесье', *Огрторгойн Оёдол* 'Млечный путь'; калм. *оһтрһун өндр* 'небесная высь, поднебесье', *Оһтрһун уйдл* 'Млечный путь'; ср. монг. *огторгуй* 'небосвод', но *Тэнгэрийн Оёдол* 'Млечный путь').

3. *KÖKE 'СИНИЙ; ЗЕЛЕНый; ПЕПЕЛЬНЫЙ; НЕБО'

3.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема *köke 'синий, зеленый' [Nugteren 2011: 424–425], т. е. «макросиний», цветообозначение в так называемой «сине-зеленой системе», см. [Вежбицка 1996: 231–283]:

3.1.1. письм.-монг. köke 'синий; небесно-голубой; зеленый; пепельный; темный (о лице)' [Lessing 1960: 482];

3.1.2. ср.-монг. koko 'синий, голубой' [Haenisch 1939: 103], köke 'небо' [MA 1938: 245];

3.1.3. халх. хөх 'синий, голубой; зеленый; серый, сивый, пепельного цвета; смуглый, темный, черный (о цвете лица, кожи); массивный (о мускулах и т. п.); иронический, насмешливый; суровый' [Бампс, 4 2002: 149];

3.1.4. бур. хүхэ 'синий, голубой; зеленый; серый, сивый (о масти); сизый (о цвете); серый (о погоде), скучный, нудный (о человеке); тяжелый (о времени года), одно только, без примеси (о продуктах питания); сплошной, сильный, продолжительный; синий цвет, синева; сплошь, совсем, сильно, очень' [БРС 2006: 507–508];

3.1.5. орд. Gö^kхө 'синий; зеленый (растения); серый (лошади, козы и др.); пепельный цвет (волы); черноватый; которая еще не потеряла естественную влажность (растения); свежие, сырые, не прошедшие

подготовку (шкуры убитых животных)' [Mostaert 1968: 268];

3.1.6. ойр. көке (көкү) 'синий (часто голубой, зеленый); серый, сивый (о масти); неспелый, недозревший, зеленый (о плодах)' [Тодаева 2001: 205];

3.1.7. калм. көк 'синий, зеленый, голубой; серый, сивый (о масти); синяк, кровоподтек', [КРС 1977: 312–313]; kök⁶ 'синий, сине-зеленый, зеленый, пепельно-серый; маленькие ремешки или кусочки кожи, которыми крепятся стенные решетки' [Ramstedt 1935: 236–237];

3.1.8. дагур. кукэ 'зеленый; синий, голубой' [Тодаева 1986: 151], куку 'зеленый' [КДРС 2014: 95];

3.1.9. шира-юг. hkø 'синий' [ШЮПМКС 1984: 59];

3.1.10. дунс. kugie 'синий' [ДКС 2012: 248];

3.1.11. баоан. когэ 'синий' [Тодаева 1964: 141]; kugø 'синий' [BWMChD 1986: 82];

3.1.12. монгор. кузую 'синий' [Тодаева 1973: 340].

3.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА *kōk'e 'голубой, зеленый' [EDAL 2003: 714] — ПМонг. *köke 'синий, зеленый' [Nugteren 2011: 424–425].

3.3. Единственный источник, в котором выступает в монгольских языках значение «небо», — это словарь «Мукаддимат ал-Адаб»³, где монгольская лексика обнаруживает вообще сильное влияние тюркской чагатайской [Бадгаев 2011: 51]. Действительно, все употребления монгольского слова в словаре являются пословными кальками с чагатайских фразеологизмов: köke donqaqtu = чаг. kök kürkireki 'гром', köke kürkirebe (основа глагола заимствована из чагатайского) = чаг. kök күкреді 'гром гремел', kökeyin dunda = чаг. kökning ortasi 'середина неба', kökeyin mör = чаг. kökning yoli 'небесный путь', kökeyin kijat = чаг. kökning qirayları 'небесные горизонты', tengri jayaqçı bi köke ıajarı = чаг. tengri uyayatuçı turur köklerni dayı yerni 'господь — творец неба и земли', kökese buba itelgü = чаг. kökdin indi itelgü 'с неба спустился кречет' (порядок слов и в монгольской, и в чагатайской фразах яв-

¹ См. https://datsemshift.ru/meanings_sense=empty (дата обращения: 15.06.2022).

² См. <https://clics.clld.org/parameters/1732#1/21/1> (дата обращения: 15.06.2022).

³ В частности в издании доклассических памятников [Tumurtogoo 2006: 451] слово зафиксировано только в атрибутивном значении, т. е. как цветообозначение.

ляются результатом пословного перевода арабского оригинала в словаре) [МА 1938: 220, 221, 347]. В базе коллексификаций¹ совмещение значений «blue = sky» зафиксировано практически только для тюркских языков (еще в одном австронезийском, в тайском и одном кушитском, в базе семантических изменений² добавляются еще амхарский, кхмерский и тигре), что несколько неожиданно, поскольку небо является базовым природным объектом, через который толкуется значение атрибута «синий», см. [Вежбицка 1996: 231–283].

Первичное значение лексемы — цветообозначение; это значение представлено также во всех современных языках и в памятниках, в том числе в словаре Мукаддима ал-Адаб (ср. *köke ebesün* ‘зеленая трава’, *köke kerî’e* ‘синяя ворона’ и т. п.) [МА 1938: 220]. В доклассических памятниках данное слово выступает в значении цвета, причем представлено и в сочетании со словом *oytorııı* [Tumurtogoo 2006: 79, 118, 119, 121]. В языках южно-монгольской и кукунорской группы осталось только обозначение синего цвета, что связано, на наш взгляд, с перестройкой системы цветообозначений, возможно, под китайским влиянием.

4. *ASMAN ‘НЕБО’

4.1. Лексема *asman* / *aspan* ‘небо’ в тюркских языках заимствована из персидского (ср. ошибочную этимологию в [СИГТЯ 2006: 332], где слово привязывается к тюркскому глаголу *as-* ‘вешать’). Тюркская лексема распространена в языках мусульманских народов (каз., ккалп., кирг., тат., турк., узб., уйг.) [СИГТЯ 2006: 328].

4.2. Что касается монгольских языков, слово зафиксировано только в некоторых южномонгольских языках:

4.2.1. дунс. *asiman*³ ‘небо’ [ДКС 2012: 18];

4.2.2. баоан. *асэман* ‘небо’ [Тодаева 1964: 10, 134].

4.2.3. могол. *asmōn* ‘небо’ (*asmōndu nikam naran, nika mō, χīl istōrei bi* ‘am himmel

¹ См. <https://clics.elld.org/edges/837-1732> (дата обращения: 15.06.2022).

² См. <https://datsemshift.ru/shift1480> (дата обращения: 15.06.2022).

³ Здесь слово произносится [*asiman*] [ДКС 2012: 18].

gehen eine sonne, ein mond und viele sterne’ (рус. ‘в небе ходят одно солнце, одна луна и множество звезд’) [Ramstedt 1906: 9].

4.2. Лексема заимствована через новотуркский язык (*асман* ‘небо’ [УРС 1961: 21]; не через казахский, где *aspan*) в южно-монгольские дунсянский и баоанский языки, носители которых исповедуют ислам. Могольский язык, распространенный в Афганистане, очевидно, заимствовал слово непосредственно из дари: перс. *āsmān* ‘небо’ [Лебедев, Яцевич, Конаровский 1989: 369].

5. *AGAŲAR ‘ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО’

5.1. Это слово реконструируется таким образом в [EDAL 2003: 273–274], долгота второго слога — по данным современных языков. Рефлексы слова встречены только в северно-монгольских языках. В «Этимологическом словаре алтайских языков» [EDAL 2003: 273] сюда ошибочно отнесено старомогольское [Zimi 1961: 12, 47, 88] *aur* ‘облако’ — реально в могольском это рефлекс *прамонг.* **haŋur* см. [Nugteren 2011: 351]: **haur* ‘воздух, пар, гнев’. Соответственно, **agaar* в [Nugteren 2011] отсутствует; имеется в [Санжеев и др. 2015: 38].

5.1.1. письм.-монг. *ауаг* ‘небесная сфера; воздух, атмосфера’ [Lessing 1960: 13], *ауаг* ‘объем, пространство, протяжение, масса, сфера, место’; *key agar* ‘пространство воздуха, атмосфера’ [Ковалевский 1844: 28].

В доклассических памятниках примеры с употреблением данной лексемы обнаружены, употребляется в виде *ау:г*. Примечательно, что в двух случаях анализируемая лексема сочетается со словом *tengeri* (*tngrī*) в родительном падеже, образуя атрибутивно-притяжательную конструкцию: *tngrī-yi:n ау:г-i kündülen dayan dege:düs-i erkilen kümü:n jaruju qola-a:ča* ‘они почитают пространство Неба, букв. воздух Неба’ («Монгольский указ в музее Топкапы Сарай» («The Mongolian Edict in the Topkapı Saray Museum»), 1453 г.) [Tumurtogoo 2006: 158]; *tngrī-yi:n ау:г-i erkilen* ‘повелевает пространство Неба’ («Фрагмент № 4 дунсянской рукописи» («Dun. VI A Fragment from Dunhuang»)) [Tumurtogoo 2006: 265]. Во фрагменте из указа турфанской рукописи слово употребляется в привычном значении: *Derge buŋuŋ [. . .] qatayu:n ау:г*

inu küyi:ten keme:ldüjü ‘говорили между собой, что жесткий воздух холодный...’ [Tumurtogoo 2006: 173].

5.1.2. халх. *агаар* ‘воздух, атмосфера’ [БАМРС, 1 2001: 36];

5.1.3. бур. *агаар* ‘воздух, атмосфера; погода’ [БРС 2006: 34];

5.1.4. калм. *аһар* ‘воздух, атмосфера, погода, небесное пространство’ [КРС 1977: 26], аҭг, аҭӡ ‘воздушные пространства за облаками; атмосфера; дымка’ [Ramstedt 1935: 3];

5.1.5. орд. *ag āri*, *ag ār* ‘небесное пространство, облик неба’, метафорически ‘отношения между соседями’ [Mostaert 1968: 6].

5.2. В [EDAL 2003: 273–274] для слова предполагается алтайская этимология, оно связывается с ТМ **aga* ‘дождь’, кор. **ak-su* ‘ливень’, ПЯп **ākī* ‘осень’. В тунгусо-маньчжурских языках слово **aga* ‘дождь’ реально представлено только в маньчжуро-чжурчженской группе, см. [ССТМЯ, 1 1975: 11]. В [Санжеев и др. 2015: 38] высказано предположение о том, что монгольское слово — источник заимствования в маньч. *аҭа* ‘дождь’ (маньч. *аҭа* ‘дождь’, *аҭа* — ‘идти о дожде’ [Hauer 2007: 6]); это сомнительно фонетически (конечные сонанты при заимствовании в маньчжурский обычно не падают) и семантически. В [EDAL 2003: 273–274] маньчжурское слово сопоставляется также с ПТМ **agdī* ‘гром’ (в, вероятно, более точной реконструкции Г. Дёрфера **agdia* [Doerfer 2004: 44]); сопоставление кажется возможным, но словообразовательная модель не известна.

О. М. Ковалевский [Ковалевский 1846: 28] и Сухбаатар [Сухбаатар 1997: 12] утверждают, что монгольское слово — заимствование из санскр. *akaṛa* ‘бесполезный, беспечный’ — [Monier-Williams 1899: 1]; развитие семантики предполагает буддийскую идеологию; впрочем, в словаре буддийского санскрита [Edgerton, II 1953] слово отсутствует). Г. Й. Рамстедт [Ramstedt 1935: 3] предполагает заимствование из древнеуйгурского, но уйгурский источник не обнаруживается, например в словаре [Röhrborn 2010]. Все же эта гипотеза о заимствовании из санскрита, учитывая распространение и значение слова, представляется весьма правдоподобной. Г. Д. Санжеев [Санжеев и др. 2015: 38] указывает на возможную связь

монг. *аҭа* с монг. *аҭадаг* [Санжеев и др. 2015: 37]¹: халх., бур. *аадаг* ‘ливень, проливной дождь’ *аҭадаг* ‘скоро проходящий (дождь)’ [Ковалевский 1846: 27]; фонетически связь была бы возможна, если предполагать, что в первом слове -g- — результат прояснения выпадающего -γ- по правилу Б. Я. Владимирцова (при втором выпадающем -γ-). Однако подходящей словообразовательной модели для такой связи не находим.

Таким образом, вероятнее всего, письм.-монг. слово *аҭа* заимствовано из санскрита, а в монгольский и бурятский заимствовано из письменно-монгольского (ср. трудно объяснимую в ином случае долготу второй гласной). При желании сохранить алтайскую этимологию [EDAL 2003: 273–274], можно попытаться заменить в ней монгольский когнат на *аҭадаг* ‘ливень’, что семантически лучше, однако остаются проблемы с суффиксацией.

6. *KEI ‘воздух, ветер’

6.1. Слово реконструируется для прамонгольского состояния, см.: **kei* ‘ветер’ [Nugteren 2011: 410]. В центральных языках часто имеет значение ‘воздух’.

6.1.1. письм.-монг. *kei* ‘ветерок, легкое дуновение ветра; ветер, воздух, атмосфера; жизненная сила’ [Ковалевский 1849: 2437].

В доклассических памятниках лексема употребляется в значениях и «ветра», и «воздуха», и «дыхания». В монгольской версии «Двенадцать деяний Будды» («The Mongolian Version of the Twelve Deeds of Buddha») используется и в том, и в другом значении: *tere čay-tur kei-yi:n egü:led-ün tngri-yi:n köbegü:d Nayiranjа mören-e:če bodi jirüken-dür kürtele odqui mör-i ariyu:n-a sayi:tur arčiju šigü:rčü eldeb sayi:n ünürten usun-i sačuju eldeb čеčeg-ü:d-i delgen* ‘сыны божеств воздушных облаков расчистили путь от реки Найранджаны до Бодхгаи, опрыскали благовонной водой, рассыпали цветы’ [Tumurtogoo 2006: 135] — *Adalidqaba:su öbül-ün čay-taki kei qur-a ali ba mod nabč’in-i qokirayu:lumui* ‘Если приво-

¹ Г. Д. Санжеев под вопросом сравнивает *аҭадаг* ‘дождь’ с др.-тюрк. *āγ-* ‘подниматься (об облаке)’, но этот глагол значит «подниматься» вообще, в том числе «всходить на возвышение» о человеке и под., см. [ДТС 1969: 16]; таким образом, семантические основания для этого сопоставления отсутствуют.

дять пример, то зимний ветер и дождь уничтожает всю древесную листву» [Tumurtogoo 2006: 110]. В другом же памятнике («Бодхичарья-аватара, составленное Olon Süme» («The *Bodhicaryāvatāra* from Olon Süme») Qalayu:n kei ber bi busu ‘я не горячее дыхание» [Tumurtogoo 2006: 221]. В основном встречается в значении «ветер» [Tumurtogoo 2006: 59, 79, 110, 131, 146, 203, 230, 231, 234, 237, 257, 258], несколько употреблений в значении «воздух» [Tumurtogoo 2006: 135, 143, 148], что косвенно подтверждает, что значение «ветер» первично.

6.1.2. ср.-монг. kei ‘ветер’ [Haenish 1939: 97], kei ‘воздух’ (чаг. yel ‘ветер’) [MA 1938: 213, 122];

6.1.3. халх. хий(н) ‘воздух, газ; впустую, вхолостую» [БАМРС, 4 2002: 79], хийсэ- ‘развевать, раскидывать, разбрасывать, сдуть, развеять» [БАМРС, 4 2002: 82];

6.1.4. бур. хии ‘пустота; воздух; газ; пустой, бессодержательный, напрасный» [БРС 2008: 422];

6.1.5. хамн. кии ‘воздух, газ’, но киидкү, кэйдкү ‘лететь по ветру; развеиваться» [Дамдинов, Сундueva 2015: 12];

6.1.6. калм. кī ‘воздух; бесполезный, напрасный; отдушина» [Ramstedt 1935: 233–234];

6.1.7. ойр. кии ‘воздух; дыхание; бесполезный» [Тодаева 2001: 197];

6.1.8. орд. kī ‘ветер, воздух, какое-то беспокойство; пространство» [Mostaert 1968: 419].

6.1.9. дагур. хein, kein, kīn ‘ветер» [Тодаева 1986: 149], hein ‘ветер’, heise- ‘дуть» [Martin 1961: 159], hii ‘воздух» ([Martin 1961: 162] — как более новый китаизм), ветер [Kałużyński 1969: 138]; хэйн ‘ветер» [КДРС 2014: 225];

6.1.10. шира-юйг. kī ‘ветер» [ШЮПМКС 1984: 68];

6.1.11. монгол. хуцзу k’ī ‘ветер» [Smedt, Mostaert 1933: 199], минхэ кэi ‘ветер» [Тодаева 1973: 339];

6.1.12. баоан. kī ‘ветер» [Тодаева 1964: 141];

6.1.13. дунс. кэi ‘ветер» [Тодаева 1961: 124];

6.1.14. старомогол. kei ‘ветер» [Zirni 1961: 11, 16, 51], могол. kei ‘воздух, ветер» [Ramstedt 1906: 30].

6.2. Монгольское слово заимствовано в эвенк. барг. kei ‘воздух’, сол. хии ‘ветер’,

хэи ‘вихрь», см. [ССТМЯ, 1 1975: 443–444; Doerfer 1985: 102].

6.3. Этимология EDAL: ПАлт *kiájо ‘сильный запах, дым’: ПТю *KAjīr ‘бобровая струя’, ПТМ *koja ‘струя кабарги’, ПЯп *káiN-rúri ‘дым’ (словосложение с производным от глагола ‘идти об осадках») [EDAL 2003: 685] — семантически сомнительна, монгольское слово сильно отличается от ПТю и ПТМ (которые, наоборот, скорее всего родственны), и похоже на японское. При этом и монгольское, и японское слова могут быть среднекитайским заимствованием: ср.-кит. 氣, совр. qì, ср.-кит. khj ‘воздух, атмосфера; газ; пар; дыхание; дух; эфир; жизненная сила; настроение; темперамент; гнев’ (это предположение высказывалось, в частности, О. М. Ковалевским и в [Rozycki 1994: 139]). В [EDAL 2003: 685] предположение о китаизме оспаривается, в основном потому, что наряду с др.-яп. ke имеется несомненное среднекитайское заимствование в японский, освоенное как ki, однако это может объясняться различными временными или региональными характеристиками заимствований. Видимо, прамонгольский действительно получил это слово из среднекитайского. Многозначность «ветер» ~ «воздух» широко зафиксирована в языках мира, ср. в базах данных DATSEMSHIFT¹, где обнаруживается такая колексификация в 21 случае и CLICS² — 56 таких колексификаций во всех регионах мира; явление трактуется как полисемия с ненаправленным развитием значения. По монгольскому материалу для прамонгольского состояния первично значение «ветер», которое в центральной зоне постепенно переходит в «воздух», возможно, под влиянием повторных более поздних заимствований из китайского.

Выводы

В монгольских языках зафиксировано четыре наименования неба и два названия воздуха / воздушного пространства, в основном связанных с распространением определенных верований на разных территориях. Очевидно,

¹ См. <https://datsemshift.ru/shift0904> (дата обращения: 15.06.2022). Отметим в базе наличие неточностей; так, для среднемонгольского постулируется значение «воздух», которое в памятниках слабо зафиксировано.

² См. https://clics.clld.org/graphs/subgraph_27 (дата обращения: 15.06.2022).

что все эти обозначения возникли в разное время. Первое наименование свидетельствует о наличии отдельных элементов культа неба у ранних монгольских народов и о культурных контактах прамонголов с тюрками. Второе является ученым буддийским словом, семантически производным от названия пустого места, вероятно, семантическая калька с соответствующего санскритского слова, попавшая из переводных текстов буддийского канона в современные северно-монгольские языки. Третья лексическая единица — гапакс средневекового арабского словаря Мукаддимат ал-Адаб, вероятно, появившийся вследствие влияния тюркского чагатайского языка на западный среднемонгольский. Четвертая лексема является поздним заимствованием в мусульманские монгольские языки из персидского языка, в некоторых случаях через тюркские языки. Пятая, вероятно, буддийское санскритское заимствование, а шестое — среднекитайское.

«Исконно-монгольских» названий неба — небесного свода и воздушного пространства — мы, следовательно, не обнаружили. Вероятно, таковые еще в прамонгольский период были заменены заимствованиями из раннетюркского и среднекитайского языков. Тюркское заимствование на тюркской почве, по-видимому, сначала приобрело значение «верховное божество», а затем «небо» (синкретично выражающее подзначения «небесный свод» и «воздушное пространство») в связи с соответствующими представлениями, свойственными циркумкитайскому этнокультурному ареалу (см. [Дыбо 2007: 39]). В синкретичном значении оно попало и в прамонгольский. Среднекитайское слово со значением «воздух» заимствовалось в прамонгольский, вероятно, в значении «ветер» и постепенно развило в центральной зоне значение «воздух» под влиянием повторных заимствований из китайского.

Сокращения

баоан. — баоаньский
 бур. — бурятский
 дагур. — дагурский
 др.-яп. — древнеяпонский
 дунс. — дунсянский
 каз. — казахский
 калм. — калмыцкий
 кирг. — киргизский
 ккалп. — каракалпакский
 могол. — могольский
 монгор. — монгорский
 ойр. — ойратский
 орд. — ордосский
 ПА — праалтайский
 письм.-монг. — письменно-монгольский
 ПМонг. — прамонгольский

ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
 ПТю — пратюркский
 ПЯп. — праяпонский
 совр. — современный
 ср.-кит. — среднекитайский
 ср.-монг. — среднемонгольский
 старомогол. — старомогольский
 тат. — татарский
 турк. — туркменский
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 чаг. — чагатайский
 халх. — халхаский
 шира-юг. — шира-югурский
 эвенк. барг. — эвенкийский, баргузинский говор южного наречия

Литература

Антонов 1984 — Антонов Н. К. материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 184 с.
 Бадгаев 2011 — Бадгаев Н. Б. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб» как лингвокультурологический источник (на примере *bahyasun*) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 49–52.
 БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 1: А–Г. М.: ACADEMIA, 2001. 488 с.

БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 2: Д–О. М.: ACADEMIA, 2001. 536 с.
 БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 3: Ө–Ф. М.: ACADEMIA, 2001. 440 с.
 БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамбы. Т. 4: Х–Я. М.: ACADEMIA, 2002. 532 с.

- Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам аналитический каталог (электронная и ежегодно обновляемая база данных) [электронный ресурс] // Рутения. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://starling.ginet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=%2Fusr%2Flocal%2Fwww%2Fdata%2Fberezkin&basename=\data\berezkin\berezkin&first=1> (дата обращения: 25.04.2022).
- Бертагаев 1971 — *Бертагаев Т. А.* Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков / отв. ред. О. П. Суник. Л.: Наука, ЛО, 1971. С. 90–109.
- Бонов 1984 — *Бонов А.* Мифы и легенды о созвездиях Минск: Вышэйшая школа, 1984. 256 с.
- БРС 2006 — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2006. 635 с.
- БРС 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2-х тт. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2008. 707 с.
- В созвездии слов и имен 2017 — В созвездии слов и имен: сборник научных статей к юбилею М. Э. Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. 591 с.
- Вежбицка 1996 — *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 411 с.
- Владимирский, Кисловский 1989 — *Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д.* Археoaстрономия и история культуры. М.: Знание, 1989. 64 с.
- Владимирцов 1929 — *Bodhicaryāvatāra. Śāntideva.* Монгольский перевод *Ṣhos-kyi ḥod-zer'a*. I. Текст / издал Б. Я. Владимирцов. Л.: АН СССР, 1929. VI, 184 p. (Bibliotheca Buddhica XXVIII).
- Дамдинов, Сундуева 2015 — *Дамдинов Д. Г., Сундуева Е. В.* Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- ДКС 2012 — Дунсянско-китайский словарь / 2-е изд. Ланьчжоу: Изд. дом национальностей Ганьсу, 2012. 548 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.
- Дыбо, Норманская 2014 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 84–100.
- Евсюков 1988 — *Евсюков В. В.* Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, СО, 1988. 187 с.
- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с. (Сер.: «Народы и культуры»)
- Карпенко 1981 — *Карпенко Ю. А.* Названия звездного неба. М.: Наука, 1981. 184 с.
- КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков; отв. ред. Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Ковалевский 1837 — *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань: В Университетской тип., 1837. 167 с.
- Ковалевский 1844 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 1. Казань: В Университетской тип., 1844. 1–594 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 2. Казань: В Университетской тип., 1846. 595–1545 с.
- Ковалевский 1849 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 тт. Т. 3. Казань: В Университетской тип., 1849. 1546–2690 с.
- Корнелиус 2000 — *Корнелиус Дж.* Звездное небо. Предания и новейшие знания о созвездиях, звездах и планетах. М.: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2000. 176 с.
- Крапп 1999 — *Крапп Э. К.* Астрономия: Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 656 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Ларичев 1986 — *Ларичев В. Е.* Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 176 с. 177 с.
- Ларичев 1989 — *Ларичев В. Е.* Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.
- Ларичев 1993 — *Ларичев В. Е.* Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука, 1993. 288 с.
- Ларичев 1999 — *Ларичев В. Е.* Звездные боги. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН; Издательство Новосибирского университета, 1999. 356 с.

- Лебедев, Яцевич, Конаровский 1989 — *Лебедев К. А., Яцевич Л. С., Конаровский М. А.* Русско-пушту-дари словарь: около 20 тыс. слов. Изд. 2-е. М.: Рус. яз., 1989. 768 с.
- МА 1938 — *Понне Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I–II. М.; Л.: Наука, 453 с.
- Макрэй 1993 — *Макрэй И. И.* Астрология на земном шаре: геодетическая карта мира. М.: Информационно-исследовательский астрологический центр ТХО «Юпитер» АН России, 1993. 96 с.
- Мудрак 1998–2003 — *Mongolian Etymology.* База данных по монгольским языкам [электронный ресурс] // URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=/data/alt/monget&first=1> (дата обращения: 01.09.2020).
- Омакаева 1995 — *Омакаева Э. У.* Калмыцкая астрология. Молитвы. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 178 с.
- Омакаева 1998 — *Омакаева Э. У.* Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // *ALTAICA II. Сборник статей и материалов.* М.: ИВ РАН, 1998. С. 101–111.
- Омакаева 1999 — *Омакаева Э. У.* Время и календарь в традиционной культуре калмыков // *Время и календарь в традиционной культуре. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / ред. А. Б. Островский.* СПб.: Лань, 1999. С. 76–78.
- Полякова 2020 — *Полякова О. О.* Археoaстрономия как инструмент исследования древнего познания // *Евразийский Союз Ученых. Философские науки.* 2020. № 69(6). С. 33–48. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.69.520
- Санжеев и др. 2015 — *Этимологический словарь монгольских языков.* В 3-х тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Расседин, Я. Д. Леман. Т. I: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Сводеш 1960 — *Сводеш М.* Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // *Новое в лингвистике.* М.: Прогресс, 1960. С. 23–53.
- СИГТЯ 2001 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев.* 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2006 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо.* М.: Наука, 2006. 909 с.
- Скородумова 1994 — *Скородумова Л. Г.* Дзурхай: Буддийская астрология. Владивосток: Рубеж, 1994. 38 с.
- ССТМЯ, 1 1975 — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю.* В 2-х тт. Т. I / отв. ред. В. И. Цинциус; авт. предисл. О. П. Суник. Л.: Наука, ЛО, 1975. xxx + 672 с.
- Сүхбаатар 1997 — *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар: Адмон компани, 1997. 233 с.
- Татаринцев 1984 — *Татаринцев Б. И.* О происхождении тюркского наименования неба (tängi и его соответствия) // *Советская тюркология.* 1984. № 4. С. 73–84.
- Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М.: Вост. лит., 1961. 151 с.
- Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.
- Тодаева 1973 — *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. 392 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 190 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 497 с.
- УРС 1961 — *Уйгурско-русский словарь / под ред. Ш. Кибирова, Ю. Цунвазо.* Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 328 с.
- Фролов 1982 — *Фролов Б. А.* Астральные мифы и рисунки // *Очерки истории естественнонаучных знаний в древности.* М.: Наука, 1982. С. 41–58.
- Хомонов 1980 — *Хомонов М. П.* О значении слов «тэнгэри» и «огторго» (небо) // *Традиционный фольклор бурят.* Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1980. С. 155–158.
- ШЮПМКС 1984 — *Шира-югурский письменномонгольско-китайский словарь.* 1984. 180 с.
- BWMChD 1986 — *Словарь баоаньского, письменного монгольского, китайского языков.* Хух-Хото: Тип. Внутренней Монголии, 1986. 265 с.
- CLICS 2019 — *Rzymski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al.* The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019 [электронный ресурс] // *Database of Cross-Linguistic Colexifications.* URL: <https://clics.clld.org> (дата обращения: 15.06.2022). DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Doerfer 1985 — *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985. 307 p.

- Doerfer 2004 — *Doerfer G.* Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialecte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim – Zürich – New York: G. Olms Verlag, 2004. 936 p.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Edgerton, II 1953 — *Edgerton F.* Buddhist hybrid Sanskrit Grammar and dictionary. Vol. II: Dictionary. New Haven: Yale University Press, 1953. 627 p.
- Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p.
- Hauer 2007 — *Hauer E.* Handwörterbuch der Mandschusprache. 2. durchgesehene und erweiterte Auflage Hrg. v. Oliver Corff, Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. 539 p.
- Kałużyński 1969 — *Kałużyński St.* Dagurisches Wörterverzeichnis // *Rocznik Orientalistyczny*. T. XXXIII. Zeszyt 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. Pp. 103–144.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. xv + 1086 p.
- Martin 1961 — *Martin S. E.* Dagur Mongolian. Grammar, texts and lexicon. Bloomington: Indiana University, 1961. 336 p.
- Monier-Williams 1899 — *Monier-Williams M. A.* Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and philologically arranged with special reference to Cognate indo-european languages.. Oxford: Clarendon Press, 1899. 1333 p.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Ramstedt 1906 — *Ramstedt G. J.* Mogholica, Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1906. Vol. XXIII. No. 4. iv + 60 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Röhrborn 2010 — *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. I. Verben, Band 1: ab- – äzüglä-. Neubearbeitung. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 213 p.
- Rozycki 1994 — *Rozycki W.* Mongol Elements in Manchu. Bloomington: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. 255 p.
- Smedt, Mostaert 1933 — *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. III partie: Dictionnaire monguor-français. Pei-p'ing: Imprimerie de l'Université catholique, 1933. 521 p.
- Tumurtogoo 2006 — *Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography.* Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p.
- Zalizniak 2016–2022 — *Zalizniak A. et al.* Database of Semantic Shifts in languages of the world. DatSemShift 3.0. M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2022 [электронный ресурс] // URL: <https://datsem-shift.ru> (дата обращения: 15.06.2022).
- Zirmi 1961 — *The Zirmi Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Iwamura.* Kyoto: Kyoto University, 1961. ix, [3], 160, [44] p.

References

- Antonov N. K. Yakut Historical Vocabulary: [Collected] Materials. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 184 p. (In Yak. and Russ.)
- Badgaev N. B. Mongolian Vocabulary of the Muqaddimat al-Adab as a linguoculturological source: Analyzing the lexeme *balyasun*. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011. No. 1. Part 2. Pp. 49–52. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Thematic Classification and Areal Distribution of Folklore/ Mythological Motifs: An [Annually Updated] Analytical Catalogue. On: Ruthenia. Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics. Available at: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=%2Fusr%2Flocal%2F-www%2Fdata%2Fberezkin&basename=data\berezkin\berezkin&first=1> (accessed: 25 April 2022). (In Russ.)
- Berezovich E. L. et al. (eds.) In the Constellation of Words and Names. Collected scholarly papers. Jubilee edition. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2017. 591 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Altaic languages: Internal reconstructions and etymologies of lexemes. In: *The Issue of Commonness among Altaic Languages Revisited*. Leningrad: Nauka, 1971. Pp. 90–109. (In Russ.)

- Bonov A. Myths and Legends about Constellations. Minsk: Vysheyshaya Shkola, 1984. 256 p. (In Russ.)
- Cornelius G. The Starlore Handbook: An Essential Guide to the Night Sky. Moscow: Bertelsmann Media Moskau AG, 2000. 176 p. (In Russ.)
- Damdinov D. G., Sundueva E. V. Khamnigan-Russian Dictionary. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Kham. and Russ.)
- Dictionary of Bonan, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia Publ. House, 1986. 265 p. (In Bon., Mong. and Chin.)
- Doerfer G. Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialecte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim, Zürich, New York: G. Olms Verlag, 2004. 936 p. (In Germ.)
- Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985. 307 p. (In Germ.)
- Dongxiang-Chinese Dictionary. 2nd ed. Lanzhou: Gansu Nationalities Publ. House, 2012. 548 p. (In Dong. and Chin.)
- Dybo A. V. Linguistic Contacts of Earliest Turks. Vocabulary. Proto-Turkic Period. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 222 p. (In Russ.)
- Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Towards a historical typology of weapon names in Uralic and Altaic languages. *Vestnik of RFH*. 2014. No. 2. Pp. 84–100. (In Russ.)
- Eastern Yugur – Classical Mongolian – Chinese Dictionary. 1984. 180 p. (In Yug., Mong. and Chin.)
- Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. Vol. 2: Dictionary. New Haven: Yale University Press, 1953. 627 p. (In Sans. and Eng.)
- Frolov B. A. Astral myths and pictures. In: Historical Essays on Ancient Natural Science. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 41–58. (In Russ.)
- Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p. (In Germ.)
- Hauer E. Handwörterbuch der Mandschusprache. 2. durchgesehene und erweiterte Auflage Hrg. v. Oliver Corff, Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. 539 p. (In Germ.)
- Kałużyński St. Dagurisches Wörterverzeichnis. In: Rocznik Orientalistyczny. Vol. XXXIII. Part 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. Pp. 103–144. (In Pol.)
- Karpenko Yu. A. Names of Celestial Bodies. Moscow: Nauka, 1981. 184 p. (In Russ.)
- Khomonov M. P. *Tengeri* and *ogtorgo* ('sky'): Semantics revisited. In: Buryat Traditional Folklore. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Buryat Institute, SB), 1980. Pp. 155–158. (In Russ.)
- Kibirov Sh., Tsunvazo Yu. (eds.) Uighur-Russian Dictionary. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961. 328 p. (In Uig. and Russ.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (comps., eds.) An Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 1: A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., Russ., etc.)
- Kowalewski O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Dictionnaire mongol-russe-français. In 3 vols. Vol. 1. Kazan: Imperial Kazan University, 1844. Pp. 1–594. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Dictionnaire mongol-russe-français. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. Pp. 595–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kowalewski O. M. Dictionnaire mongol-russe-français. In 3 vols. Vol. 3. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. Pp. 1546–2690. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Krupp E. C. Beyond the Blue Horizon: Myths and Legends of the Sun, Moon, Stars, and Planets. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 656 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Celestial Gods. Novosibirsk: United Institute of Geology, Geophysics and Mineralogy (SB RAS), Novosibirsk State University, 1999. 356 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Making of the Universe: The Sun, Mon, and Heavenly Dragon. Novosibirsk: Nauka, 1993. 288 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Wheel of Time: The Sun, Moon, and Ancient Humans. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Wisdom of Snakes: Prehistoric Man, the Moon and the Sun. Novosibirsk: Nauka, 1989. 272 p. (In Russ.)
- Lebedev K. A., Yatsevich L. S., Konarovskiy M. A. Russian-Pashto-Dari Dictionary. 2nd ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 768 p. (In Russ., Pashto and Dari)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p. (In Mong. and Eng.)
- Martin S. E. Dagur Mongolian. Grammar, Texts and Lexicon. Bloomington: Indiana University, 1961. 336 p. (In Mong. and Eng.)
- McRae C. The Geodetic World Map. Moscow: Yupiter, 1993. 96 p. (In Russ.)
- Mongolian Etymology [by O. Mudrak]. Available at: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>.

- cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\monget&first=1 (accessed: 1 September 2020). (In Mong., Eng., etc.)
- Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Oxford: Clarendon Press, 1899. 1333 p. (In Sans. and Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p. (In Mong. and Eng.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p. (In Russ. and Old Turk.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Omaikaeva E. U. Birth and first year of life: Magic and astrology in Kalmyk customs and rites reviewed. In: Altaica II. Collected papers. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1998. Pp. 101–111. (In Russ.)
- Omaikaeva E. U. Kalmyk Astrology. Prayers. Elista: Dzhangar, 1995. 178 p. (In Russ.)
- Omaikaeva E. U. Time and calendar in Kalmyk traditional culture. In: Ostrovsky A. B. (ed.) Time and Calendar in Traditional Culture. Conference abstracts. St. Petersburg: Lan, 1999. Pp. 76–78. (In Russ.)
- Polyakova O. O. Archaeoastronomy as a tool to explore ancient cognition. *Eurasian Union of Scientists. Philosophical Sciences*. 2020. No. 69(6). Pp. 33–48. (In Russ.) DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.69.520
- Poppe N. N. Mongolian Vocabulary of the Muqaddimat al-Adab. Parts 1–2. Moscow, Leningrad: Nauka, 1938. 453 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 488 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Ramstedt G. J. Mogholica, Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1906. Vol. XXIII. No. 4. IV + 60 p. (In Germ.)
- Röhrborn K. Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. I. Verben, Vol. 1: ab- – äzüglä. Neubearbeitung. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 213 p. (In Germ.)
- Rozycki W. Mongol Elements in Manchu. Bloomington: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies, 1994. 255 p. (In Eng.)
- Rzymiski C., Tresoldi T. et al. Reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. On: Database of Cross-Linguistic Colexifications. Available at: <https://clics.clld.org> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.) DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. 635 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Skorodumova L. Zurhai: Buddhist Astrology. Vladivostok: Rubezh, 1994. 38 p. (In Russ.)
- Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Part III: Dictionnaire monguor-français. Beijing: Catholic University, 1933. 521 p. (In Fr.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Sükhbaatar O. Borrowed Words in Mongolian. Ulaanbaatar: Admon, 1997. 233 p. (In Mong.)
- Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. In: *The New in Linguistics*. Moscow: Progress, 1960. Pp. 23–53. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Origins of the Turkic for heaven revisited: *Tänri* and its equivalents. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1984. No. 4. Pp. 73–84. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Proto-Turkic (Ancestor) Language. Worldview of Proto-Turks as Evidenced by Language Data. Moscow: Nauka, 2006. 909 p. (In Russ.)

- The Zirni Manuscript. A Persian-Mongolian Glossary and Grammar by Shinobu Iwamura. Kyoto: Kyoto University, 1961. IX, [3], 160, [44] p. (In Mong., Pers., Jap. and Eng.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat (Compiled from Jangar Narratives and Author's Field Data). Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 497 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Bonan Language. Moscow: Nauka, 1954. 158 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Dagur Language. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Dongxiang Language. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 151 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Monguor Language: Analysis, Texts, Dictionary. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 392 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) A Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages: Etymological Materials. In 2 vols. Vol. 1. O. Sunik (foreword). Leningrad: Nauka, 1975. XXX + 672 p. (In Manchu, etc.)
- Tumurdei G., Tsybenov B. D. (comps.) A Concise Dagur-Russian Dictionary. Zh. Badagarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Tumurtogoo D., Cecegdari G. (eds.) Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. 723 p. (In Eng. and Chin.)
- Vladimirsky B. M., Kislovsky L. D. Archaeoastronomy and History of Culture. Moscow: Znanie, 1989. 64 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. (ed.) Bodhicaryāvatāra by Čāntideva: A Mongolian Translation of Čhoskyi ḥod-zer. Bibliotheca Buddhica XXVIII. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1929. VI, 184 p. (In Russ.)
- Wierzbicka A. Language [Semantics], Culture and Cognition. Moscow: Russkie Slovaki, 1996. 411 p. (In Russ.)
- Yevsyukov V. V. Myths about the Universe. Novosibirsk: Nauka, 1988. 187 p. (In Russ.)
- Zalizniak A. et al. Database of Semantic Shifts in Languages of the World. DatSemShift 3.0. Moscow: Institute of Linguistics (RAS), 2016–2022. Available at: <https://datsemshift.ru> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1352–1372, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-112.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1352-1372

К вопросу о чувашских материалах Ф. И. Страленберга

Александр Владиславович Савельев¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-8343-2057. E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Савельев А. В., 2022

Аннотация. Введение. В статье рассматривается языковой материал, задокументированный в первом лексикографическом источнике по чувашскому языку — словнике Ф. И. Страленберга (опубликован в приложении к его книге 1730 г., но собран, по-видимому, раньше — в 1711 г.). **Цель** исследования — предложить филологическую интерпретацию данного словника и определить возможности его использования при изучении истории чувашского языка. В чувашеведении материалы Ф. И. Страленберга, как правило, считаются почти не имеющими научной ценности и фактически не интерпретируемыми из-за сильно искаженного характера записей, усугубленного очень небольшим объемом данных. Однако анализ словника Ф. И. Страленберга все же возможен, если рассматривать его не как изолированный памятник, а в более широком контексте материалов того же автора по другим языкам, а также иных старописьменных памятников чувашского языка XVIII в. **Материалы и методы.** В статье показано, что общий объем чувашской лексики, отраженной у Ф. И. Страленберга, составляет 30 слов: 28 непосредственно в чувашском словнике, одно — в основном тексте его книги и одно явно ошибочно помещенное в словник марийского языка. К этим данным были применены стандартные методы филологического анализа, направленные на исследование орфографии памятника на фоне других старописьменных чувашских источников, а также на обоснование введения конъектур. **Результаты и выводы.** В рамках филологического комментария предложены соображения текстологического и лингвистического характера, объясняющие облик каждой из чувашских записей Ф. И. Страленберга. Установлено, что почти все трудности в интерпретации данного памятника обусловлены использованием в нем нетривиальных орфографических приемов (находящих, однако, параллели в других образцах ранней документации языков Волго-Уральского региона и Сибири), а также порчей записанных форм в период между первичной документацией и публикацией книги. Благодаря введению конъектур удалось достаточно надежно восстановить фонетические прототипы записанных форм. Это в свою очередь создало почву для попытки диалектной атрибуции чувашского словника Ф. И. Страленберга. Будучи не очень выразительным с точки зрения исторической диалектологии, данный языковой материал может быть в широком смысле охарактеризован как соотносимый с верховым диалектом

чувашского языка. С учетом экстралингвистических свидетельств можно предположить, что словарь Ф. И. Страленберга был записан в районе Чебоксар и отражает в таком случае материал одного из говоров на севере верхового ареала.

Ключевые слова: чувашский язык, старочувашские памятники, Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, Герхард Фридрих Миллер, чувашская диалектология, история чувашского языка, Волго-Камский языковой ареал

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (№ 22-28-01924).

Для цитирования: Савельев А. В. К вопросу о чувашских материалах Ф. И. Страленберга. *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1352–1372. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1352-1372

Ph. J. Strahlenberg's Chuvash Language Materials Revisited

Alexander V. Savelyev¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-8343-2057. E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Savelyev A. V., 2022

Abstract. Introduction. The paper deals with the linguistic data documented in Ph. J. Strahlenberg's Chuvash wordlist, which is known to be the earliest lexicographic source on the Chuvash language. The wordlist was published in Ph. J. Strahlenberg's 1730 book but had been, most likely, collected much earlier, in 1711. **Goals.** The study aims to provide a philological interpretation of Ph. J. Strahlenberg's wordlist and evaluate its significance for the history of Chuvash. This source has been widely considered to be of little linguistic value and, generally, hardly interpretable because of numerous errors and inconsistencies as well as the brevity of the wordlist. The starting point of this article is the idea that Ph. J. Strahlenberg's wordlist can still be analyzed if it is taken not as an isolated piece of documentation of Chuvash, but within the broader context of, firstly, Ph. J. Strahlenberg's materials on other languages of Northern Eurasia and, secondly, other sources on the 18th-century Chuvash language. **Materials and methods.** It is shown that Ph. J. Strahlenberg has documented 30 Chuvash words in total, including 28 words in the Chuvash wordlist proper, 1 word in the main text of his book, and 1 word mistakenly placed in the wordlist of the neighboring Mari language. These materials have been investigated through standard methods of philological analysis, with a main focus on the orthographic peculiarities of the wordlist (considered against the background of other old written Chuvash sources) and on proposing plausible conjectures. **Results.** The paper provides a comprehensive philological account of each item on Ph. J. Strahlenberg's Chuvash wordlist. It is established that almost all difficulties of interpretation that are traditionally associated with this source are rooted in the use of limitedly known orthographic patterns and, additionally, in the distortion of the recorded forms during the period after the original documentation and before the publication of Ph. J. Strahlenberg's book. After introducing conjectures into the wordlist, it becomes possible to reconstruct phonetic prototypes of the documented forms. This, in turn, sets the stage for placing Ph. J. Strahlenberg's materials on the dialectological map of Chuvash. While not particularly specific in terms of historical dialectology, the features characteristic of this variety can be broadly described as Viryal Chuvash. Given the extra-linguistic evidence available, it can be assumed that Ph. J. Strahlenberg's Chuvash wordlist was recorded in the vicinity of Šupaškar (Cheboksary). Therefore, the attested dialect should probably be classified among the northern varieties of Viryal Chuvash.

Keywords: Chuvash language, old written Chuvash sources, Philipp Johann von Strahlenberg, Gerhard Friedrich Müller, Chuvash dialectology, history of the Chuvash language, Volga-Kama linguistic area

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01924 'Linguistic History of the Chuvash-Mari Volga Region'.

For citation: Savelyev A. V. Ph. J. Strahlenberg's Chuvash Language Materials Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1352–1372. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1352-1372

Введение

Настоящая статья посвящена интерпретации языкового материала, задокументированного в первом лексикографическом источнике по чувашскому языку. Таковым является словник из приложения к книге «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», которую опубликовал в 1730 г. в Стокгольме Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг (Штраленберг)¹ [Strahlenberg 1730].

Ф. И. Страленберг был офицером на шведской службе и участвовал в Северной войне; после битвы под Полтавой он попал в плен и в 1711 г. был отправлен в ссылку в Тобольск. Многолетнее пребывание в Сибири он посвятил сбору географических, этнографических и исторических материалов и, в частности, участвовал в экспедиционной работе Даниэля Готлиба Мессершмидта. В 1722–1723 гг. Ф. И. Страленберг смог вернуться через Москву и Санкт-Петербург в Швецию и в следующие годы занимался подготовкой к публикации ставшего впоследствии знаменитым труда.

Данные Ф. И. Страленберга, представляющие лингвистический интерес, находятся почти исключительно не в основном тексте его книги, а в прилагаемой к ней таблице «Gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum harmonia linguarum», более известной под кратким названием «Harmonia linguarum». В этой таблице даны переводы заданного списка немецких слов на 32 языка. По большей части речь идет о языках Сибири, но

наряду с этим в приложение были включены словники языков и некоторых других регионов, в частности — Волго-Уральского.

В литературе традиционно обсуждаются две проблемы, связанные с использованием этих словников в лингвистической работе. Первая, — как считается, достаточно невысокое качество опубликованного языкового материала. В некоторой степени это связано с непростой судьбой исходных данных (записанных в путевых условиях военнопленным). Сам Ф. И. Страленберг сообщал, что на обратном пути в Москву он потерял записную книжку, в которой были собраны словники; лишь частично их удалось восстановить благодаря дневниковым записям и другим вспомогательным материалам, и этим обусловлены многочисленные лакуны в таблице [Новлянская 1966: 75; Напольских 2018: 473–474].

Вторая проблема связана с авторством лингвистических материалов, опубликованных в «Harmonia linguarum». Как предполагается, Ф. И. Страленберг в значительной степени опирался на материалы, собранные Д. Г. Мессершмидтом, — вероятно, по согласованию с последним [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 422]. О. А. Сергеев [Сергеев 2021: 115] полагает, что марийский словник Ф. И. Страленберга почти целиком заимствован у Д. Г. Мессершмидта и лишь немного подправлен в части орфографии. Однако, что касается чувашского словника Ф. И. Страленберга, составляющего основной предмет рассмотрения в настоящей статье, то какие-либо аргументы в пользу его неоригинального характера отсутствуют. Ф. И. Страленберг свидетельствовал, что собирал его самостоятельно, а нередкие искажения в чувашском словнике, выглядящие как ошибки при переписывании, вполне могли появиться при копировании собственных материалов («если копирование происходило в спешке, по памяти, при плохо разборчивом оригинале и т. д.» — см.: [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 414–415]). Таким образом, по умолчанию автором чувашского словника следует считать Ф. И. Страленберга. В этом случае встает вопрос: где и когда он мог задокументировать чувашскую лексику?

¹ В титуле книги автор указан как *Philipp Johann von Strahlenberg*. В. В. Напольских отмечает, что с точки зрения единообразия подходов к транслитерации корректнее было бы записывать дворянское имя исследователя, имевшего нижненемецкое происхождение, сообразно оригиналу, то есть — «фон Штраленберг» [Напольских 2018: 462]. В настоящей работе отдается предпочтение написанию «Страленберг», прежде всего ввиду глубокой укорененности этого варианта в научной традиции (он устоялся в русскоязычных работах фактически с XVIII в.). Интересные сведения об обстоятельствах получения Ф. И. Таббертом дворянского титула и имени «Страленберг» содержатся в работе [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 396].

Применительно к одному из соседей чувашского языка по Волго-Камскому региону — удмуртскому — аналогичный вопрос был исследован В. В. Напольских. Отсылая за деталями к работе [Напольских 2018: 462–478], остановлюсь на тех обстоятельствах, которые столь же существенны и при обсуждении чувашского словника. Что касается хронологии, то Ф. И. Страленберг мог контактировать с носителями языков Среднего Поволжья либо по дороге в Сибирь в 1711 г., либо на обратном пути в 1722–1723 гг. Как убедительно показывает В. В. Напольских, ранняя документация значительно более вероятна, поскольку по дороге из Сибири Ф. И. Страленберг спешил домой и, кроме того, именно в этом путешествии потерял уже собранные словники языков Европейской части России. Не менее важно понять, как выглядел маршрут Ф. И. Страленберга, что позволило бы установить конкретные диалектные ареалы тех языков, с носителями которых он имел дело. В. В. Напольских обратился к дневнику пленного шведского корнета Андерса Пильстрёма, который по крайней мере часть пути в Тобольск — начиная от Хлынова (Вятки) — проделал вместе со Ф. И. Страленбергом. Эти записи позволили реконструировать маршрут колонны пленных, из которого, в частности, следует, что лишь очень небольшой отрезок их пути пролегал по населенной чувашами территории. Выйдя из Нижнего Новгорода, колонна прошла через Козьмодемьянск, в районе которого локализуется северо-западный диалект чувашского языка (представленный ныне только говором пожилых жителей с. Малое Карачкино в Ядринском районе Чувашии, но имевший, по-видимому, значительно более широкое распространение в предыдущие века), после чего пленные добрались до Чебоксар, а затем повернули на север, в сторону Санчурска, и покинули чувашские земли. При этом, как следует из дневника Пильстрёма, в Чебоксарах колонна сделала длительную остановку, и шведы пользовались там относительной свободой, которая предполагала, в том числе, возможность взаимодействия с местным населением. Хотя и нет прямых доказательств того, что Ф. И. Страленберг следовал по чувашским землям в той же колонне, что и Пильстрём, эти свидетельства создают некоторое экстралингвистическое основание для догадок

о месте сбора чувашского словника. Они, однако, требуют проверки собственно лингвистическими методами.

Ввиду исключительно раннего происхождения данные Ф. И. Страленберга неоднократно привлекали внимание исследователей истории чувашского языка. Как правило, именно с этого словника начинаются обзоры памятников старочувашской письменности. Чтения чувашских записей Ф. И. Страленберга приводили, в частности, Б. Мункачи [Munkácsi 1887], В. Г. Егоров [Егоров 1949], Н. П. Петров [Петров 1978], Х. Эрен [Eren 1998], А. П. Хузангай [Хузангай 2003; Хузангай 2011], Л. П. Сергеев [Сергеев 2004], О. Дурмуш [Durmuş 2009; Durmuş 2014]. При этом чувашский словник почти не подвергался серьезному лингвистическому анализу, что связано с утвердившимся в чувашеведении мнением о фактической бесполезности данного источника по причине его сильно искаженного характера (ср. формулировки в [Егоров 1949: 111–112; Hovdhaugen 1975: 274]).

Ценность чувашских материалов Ф. И. Страленберга, действительно, неочевидна в силу не очень понятного, на первый взгляд, соотношения между опубликованными в книге записями и звучащими чувашскими формами, которые мыслимо было бы реконструировать для диалектов начала XVIII в. Усугубляет ситуацию и крайне небольшой объем словника: на таком материале, и правда, сложно найти признаки какой-либо системности в отражении фонетики. Тем не менее это не значит, что попытка интерпретации не должна быть предпринята. Упомянутые препятствия для анализа могут быть преодолены путем введения конкретного памятника в более широкий контекст. Прежде всего, необходимо учитывать особенности словников иных языков, опубликованных в той же таблице «*Harmonia linguarum*». Если чувашский список сближается по признаку авторства по крайней мере с некоторыми другими списками, то было бы ожидаемо найти в них одни и те же особенности документации — будь то общее использование некоторого нетривиального орфографического приема или же единообразные ошибки при копировании исходных материалов.

Кроме того, словник Ф. И. Страленберга должен быть интерпретирован в связи с

другими чувашскими памятниками XVIII в. Возможности для такой интерпретации значительно расширились после начала системной работы по всестороннему анализу старочувашских источников (см.: [Савельев 2014; Савельев 2016; Савельев 2018; Савельев 2021]). Благодаря накопленному корпусу нетривиальных орфограмм и типичных ошибок в записи можно рассчитывать, что и для специфических отражений в словнике Ф. И. Страленберга найдутся близкие параллели. В этом отношении особый интерес представляет сравнение с памятником, более всего приближенным к рассматриваемому словнику в плане используемой системы письма (т. е. латинографичным) и в плане хронологическом. Речь идет о чувашских материалах Герхарда Фридриха Миллера, опубликованных в его сочинении «Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern...» [Müller 1759] и включающих, во-первых, чувашский словник из сравнительной таблицы «Vocabularium Harmonicum», во-вторых, перевод на чувашский язык молитвы «Отче наш» и, в-третьих, некоторые чувашские слова в основном тексте книги. Хотя труд Г. Ф. Миллера был издан в конце 1750-х гг., сами данные были собраны значительно раньше — в 1733 г. Некоторое сходство между чувашскими записями Ф. И. Страленберга и Г. Ф. Миллера в принципе может быть обусловлено общностью традиций документации, близостью документируемого материала и, наконец, прямым заимствованием материалов Ф. И. Страленберга Г. Ф. Миллером. Последнее, впрочем, почти не подтверждается при сравнительном анализе этих памятников, о чем см. ниже. Однако нет сомнений, что Г. Ф. Миллер хорошо был знаком с трудами Ф. И. Страленберга, поскольку последний неоднократно цитируется в «Nachricht...». На фоне записей Г. Ф. Миллера меньшее значение в качестве сравнительного материала имеют более поздние и кириллические в своей основе памятники, такие как «Сочинения...» 1769 г. (первая грамматика чувашского языка) [Сочинения 1769] и Словарь П. С. Палласа 1787–1789 гг. [Паллас 1787; Паллас 1789].

Отказ от практики рассматривать чувашский словник Ф. И. Страленберга как изолированный памятник, можно надеять-

ся, во многих случаях позволит доказать, что вводимые конъектуры являются не единичными (и потому абсолютно спекулятивными), а рекуррентными в корпусе старочувашских источников. Это в свою очередь откроет возможности для достаточно надежной реконструкции фонетических прототипов задокументированных форм, а затем и для попытки диалектной атрибуции словника.

Языковые данные

В литературе элементы чувашского словника Ф. И. Страленберга нередко приводятся в ошибочном виде, что бывает связано с использованием копий его книги, включающих нечеткие места. В первую очередь это касается факсимильного переиздания «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» (Szeged, 1975), в котором многие чувашские слова оказались частично или полностью нечитаемыми. Ниже приводятся данные Ф. И. Страленберга, выверенные по сохранившемуся в очень хорошем качестве экземпляру его книги из собрания Национальной библиотеки Чешской Республики, доступному в электронном виде на сайте Google Books¹ [Strahlenberg 1730]. Чувашские данные Г. Ф. Миллера, с которыми сравниваются материалы Ф. И. Страленберга, цитируются по копии, доступной в отличном качестве на объединенном сайте библиотеки Гёттингенского университета и библиотеки Гёттингенской академии наук² [Müller 1759].

Чувашский словник Ф. И. Страленберга, представленный в соответствующ-

¹ Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 s. [электронный ресурс] // Google Books. URL: https://www.google.ru/books/edition/Das_Nord_und_Ostliche_Theil_von_Europa_u/fHYs73SNHJMC?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 10.09.2022).

² Müller G. F. Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken [электронный ресурс] // Sammlung Russischer Geschichte. Band III, Stück IV. St. Petersburg: Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1759. 412 s. Göttinger Digitalisierungszentrum (ein Service der SUB Göttingen). URL: gdz.sub.uni-goettingen.de/id/PPN331674602 (дата обращения: 10.09.2022).

щей колонке («CZUWASCHI») таблицы «Harmonia linguarum», содержит 28 слов. Первые 17 из них расположены столбцом на своих местах — как переводы заданных немецких слов (эквиваленты которых даются, по возможности, для всех языков в таблице). Остальные чувашские слова напечатаны на месте незаполненных ячеек поперек основного списка; таким образом, речь идет о некотором дополнительном лексикографическом материале. Именно этот дополнительный список практически не читается в факсимильном издании 1975 г., поэтому с ним большей частью и связаны разногласия между интерпретаторами. Слово <Ohra>¹ (~ чув. *ora* ‘нога’) приводится в основном списке, а затем повторяется в дополнительном.

29-е чувашское слово приводится в основном тексте книги. Отражение основы *Tor(ь)* ‘Бог’ содержится в очень кратком этнографическом описании чувашей [Strahlenberg 1730: 347], а именно в следующем контексте: *Sie opffern ihrem Gott Thor alle erste Geburth von ihren Früchten, sonderlich aber backen sie ein gewisses Brod, welches sie demselben vorsetzen* ‘Они [чуваша] жертвуют своему богу Тору каждый первый урожай своих плодов, а в особенности <примечательно тем, что> пекут определенный род хлеба, который подают ему же [т. е. Тору]’ [Strahlenberg 1730: 347].

Исследователям чувашского словника Ф. И. Страленберга до сих пор не был известен тот факт, что у него задокументировано еще одно, 30-е чувашское слово. Речь идет об эквиваленте немецкого ‘Mutter = мать’: соответствующая ячейка в чувашском словнике не заполнена, при этом в марийском («черемисском») словнике, приведенном в той же таблице, дается перевод <Annæ>. Марийскому языку такое слово незнакомо, зато в нем легко опознается основное чувашское слово для ‘матери’ — *anne*. Очевидно, что чувашский термин попал в марийский список по недоразумению. Это не единственная ошибка такого рода в материалах Ф. И. Страленберга: ср. хотя бы марий-

ское числительное ‘семь’ (горн., СЗ *šəmatʲ*²), оказавшееся в виде <Ssemet> в удмуртском словнике [Тепляшина 1965: 26; Напольских 2018: 465–466]. Чувашская принадлежность выглядит настолько бесспорной, что объяснить неупоминание его в чувашеведческих работах можно лишь прискорбной особенностью исследовательской традиции, а именно рассмотрением одного конкретного словника Ф. И. Страленберга в полном отрыве от других. Между тем исследователям старомарийских памятников ошибочный характер включения записи <Annæ> в марийский словник Ф. И. Страленберга, а не в чувашский, уже известен [Сергеев 2021: 116].

Помимо этого, О. А. Сергеев высказался в пользу чувашской языковой принадлежности еще одного элемента из марийского словника Ф. И. Страленберга: <Yulni> ‘Erde = земля’. Его было предложено считать отражением *jalne*, формы дательного-винительного падежа чув. *jal* ‘деревня’. Представляется, что во всех отношениях более удачно объяснение этой записи на собственно марийской почве, ср. мар. горн. *ūlnə*, СЗ *ūlnō* ‘внизу’³. Соотношение реального марийского значения и значения по Ф. И. Страленбергу может быть объяснено недопониманием в ситуации опроса: ‘земля’ в вопросе исследователя → ‘[то, что] внизу’ в ответе информанта.

Наконец, необходимо остановиться на еще одном свидетельстве о возможной фиксации чувашского материала в книге Ф. И. Страленберга. Согласно одному из первых исследователей старочувашских памятников Г. И. Комиссарову, Ф. И. Страленбергом был записан и опубликован не только первый чувашский словник, но и первая фраза на чувашском языке. Строго говоря, это верно: см. ниже анализ записи <Kašpolat>, за которой кроется целое чувашское предложение. Однако Г. И. Комиссаров сообщал в рукописи 1946 г. (цит. по:

¹ Здесь и далее в угловые скобки заключаются формы из чувашского словника Ф. И. Страленберга и других старописьменных памятников, представленные в оригинальной орфографии.

² Согласно О. А. Сергееву, в словнике Ф. И. Страленберга отражены данные западномарийского типа, в частности материалы северо-западного наречия [Сергеев 2021: 109]. В связи с этим здесь и далее в качестве сопоставительного материала цитируются западномарийские (горные и северо-западные) формы, но не луговые.

³ Автор выражает благодарность М. А. Ключевой, обратившей внимание на возможность такой интерпретации данной формы.

[Комиссаров 2003: 314–315]), что в «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» приводится также поговорка на чувашском (!) языке, основанная на известной легенде о корове, которая съела чувашскую книгу (мотив B116 «Съеденная книга» в каталоге: [Березкин, Дувакин]. Это не так, и мнение Г. И. Комиссарова, скорее всего, основано не на личном знакомстве с книгой Ф. И. Страленберга, а на пересказе из какого-то вторичного источника — например, из труда В. А. Сбоева [Сбоев 1850: 65]. У Ф. И. Страленберга, в самом деле, приводится легенда о съеденной коровой книге, но, во-первых, марийская («черемисская»), а во-вторых, только в немецком изложении¹. В. А. Сбоев, обсуждая «сказания» Ф. И. Страленберга, ошибочно связывает этот фрагмент с описанием чувашей, а ставшую поговоркой часть легенды — «книги корова съела» — сопровождает переводом на чувашский (*книгге-зане и-не сйза питерны*). Пассаж В. А. Сбоева, действительно, можно понять так, будто эта чувашская фраза содержится уже у Ф. И. Страленберга, так что неточность Г. И. Комиссарова (по-видимому, не имевшего доступа к первоисточнику) получает правдоподобное объяснение.

Таким образом, в книге Ф. И. Страленберга задокументировано в общей сложности 30 чувашских слов. Языковые формы и прочие данные, необходимые для адекватной интерпретации этого материала, представлены ниже (см. табл. 1). Эта таблица структурирована следующим образом. В ле-

вой части приводятся формы из чувашского словника Ф. И. Страленберга в оригинальной орфографии; немецкие значения сопровождаются русским переводом; при необходимости вводятся конъектуры (в фигурных скобках под астериском). Формы пронумерованы для упрощения ориентирования в материале и в целях его систематизации: сначала даются слова из основного словника (в порядке появления), затем из дополнительного, после чего следуют записи <Thor> (находящаяся за пределами словника, но хорошо известная исследователям старочувашских памятников) и <Annæ> (впервые вводимая в чувашеведческий научный оборот). Далее для элементов чувашского словника Ф. И. Страленберга предлагаются реконструкции фонетических прототипов. Необщепринятые фонетические символы имеют следующие значения: [з] — открытая реализация переднего неогубленного редуцированного а; точка под символом для редуцированного гласного — суженная артикуляция; гачек (ˇ) под символом для шумного согласного — не отражаемая в орфографии Ф. И. Страленберга полувзвонная артикуляция; [ʌ] — открытая реализация заднего неогубленного редуцированного ы; ° — огубленная артикуляция редуцированного гласного. Вслед за этим приводятся эквиваленты форм памятника в фонологической записи, в целом опирающиеся на данные верхового диалекта чувашского языка (как более архаичного). В колонке [Müller 1759] приводятся в качестве сравнительного материала миллеровские записи (в оригинальной орфографии) тех же слов, которые были задокументированы Ф. И. Страленбергом. Наконец, таблица включает указатель комментариев к конкретным формам из словника Ф. И. Страленберга, в то время как сами комментарии составляют следующий раздел настоящей работы.

¹ «Sie haben keine Bücher und Schrifften, sondern wenn man sie um folche fraget, antworten sie, daß dergleichen wohl vor uhralters den ihnen gewesen; Allein die große Kuh hätte die Bücher aufgefressen» [Strahlenberg 1730: 346].

Таблица 1. Интерпретация чувашских материалов Ф. И. Страленберга
[Table 1. Interpretation of Ph. J. Strahlenberg's Chuvash materials]

	Strahlenberg 1730	Реконструкция фонетического прототипа	Чув. эквивалент в фонологической записи	Müller 1759	Комментарии (см. след. раздел)
1	<Pärr> 'eins = один'	[p ^(h) zr]	pər (attr.) 'тж.'	<Bär>	1, 2, 3, 8
2	<Ycki> 'zwey = два'	[ikkə ~ iķə]	ikkə (subst.), igə (attr.) 'тж.'	<Ike>	4, 5, 6, 8, 25
3	<Uitfi> 'drey = три'	[viśśə]	viśśə (subst.) 'тж.'	<W{*ü}ffe>	4, 6, 7, 8, 13

	Strahlenberg 1730	Реконструкция фонетического прототипа	Чув. эквивалент в фонологической записи	Müller 1759	Комментарии (см. след. раздел)
4	<Twata> 'vier = четыре'	[tvattɐ ~ tvaɬɐ]	<i>tʷvattʷ</i> (subst.), <i>tʷvadʷ</i> (attr.) 'тж.'	<Dwatta>	7, 8, 9, 10
5	<Belich> 'fünff = пять'	[pillək ~ pilək]	<i>pillək</i> (subst.), <i>pilək</i> (attr.) 'тж.'	<Billek>	1, 5, 6, 8, 11
6	<Olta> 'sechs = шесть'	[oltta ~ olɬa]	<i>oltʷ</i> (subst.), <i>oldʷ</i> (attr.) 'тж.'	<Alta>	8, 10, 12
7	<Sithy> 'sieben = семь' <{*Sifchy}>	[síččə ~ síčə]	<i>siččə</i> (subst.), <i>sižə</i> (attr.) 'тж.'	<Sifche>	4, 6, 8, 13, 14
8	<Ssyem> 'acht = восемь' <{*Ssyem}>	[síɾəm]	<i>siɾəm</i> 'двадцать'	<Sirem>	4, 6, 13, 15, 16
9	<Bokur> 'neun = девять' <{*Tokur}>	[tʷ°xxʷ°r ~ tʷ°xʷ°r]	<i>tʷ°xxʷ°r</i> (subst.), <i>tʷ°xʷ°r</i> (attr.) 'тж.'	<Tuchor>	8, 10, 17, 18, 19
10	<Wonn> 'zehen = десять'	[von]	<i>von</i> (attr.) 'тж.'	<Wonna>, <Wonn=>	3, 7, 8, 12
11	<Kuell> 'Sonne = солнце'	[xvel]	<i>xə°vel</i> 'тж.'	<Chwel, Schwel>	3, 7, 9, 19, 20
12	<Bofs> 'Kopff = голова'	[poʃ]	<i>poʃ</i> 'тж.'	<Bos, Poff>	1, 3, 12, 13
13	<Sumfa> 'Nafe = нос'	[sʷ°mʃa]	<i>sʷ°mʃa</i> 'тж.'	<Sumfah>	8, 18
14	<Ssys> 'Haar = волосы' <{*Syfs}>	[śús]	<i>śús</i> 'тж.'	<Süfl>	3, 13, 21
15	<Kann> 'Tag = день' <{*Konn} / ?{*Kunn}>	[kon] / ?[kun]	верх. <i>kon</i> , низ. <i>kun</i> 'тж.'	<Kon>	3, 5, 12, 22, 23
16	<Kafpolat> 'Nacht = ночь'	[kaś=polat]	<i>kaś polat</i> 'вечер/ночь наступает'	<Kafpolat>	5, 12, 13, 16
17	<Ohra> 'Fuß = нога' (в основном списке), 'Fuß' (в дополнительном списке)	[ora]	<i>ora</i> 'тж.'	<Oràh>	12
18	<Sack> 'Bauck <{*Banck} = лавка, скамья'	[sak]	<i>sagʷ, sak</i> 'тж.'	<Sak>	5, 27
19	<Sokula> 'Bart = борода' <{*Sokala}>	[soɣala]	<i>soɣal</i> , (dat.-acc.) <i>soɣal-a</i> 'тж.'	<Sochàl, Suchàl>	8, 12, 19, 23, 24
20	<Karuhoe> 'Fenster = окно' <{*Karundoc(k)}>	[kaɾʷndʷk]	<i>kaɾʷndʷk</i> 'брюшина', (уст.) 'окно'	<Karndik>	5, 8, 10, 14, 25
21	<Kukru> 'Bruft = грудь'	[kʷ°krʷ°]	<i>kʷ°gʷ°r</i> , диал. <i>kʷ°krʷ°</i> 'тж.'	<Kukrù>	5, 10, 18
22	<Köes> 'Aug{*e} = глаз' <{*Kofs} / ?{*Koes}>	[koʃ] / ?[kuʃ]	верх. <i>koʃ</i> , низ. <i>kuʃ</i> 'тж.'	<Koff, Kôs>	3, 5, 12, 13
23	<Sukru> 'Brod = хлеб'	[śʷ°krʷ°]	<i>śʷ°gʷ°r</i> , диал. <i>śʷ°krʷ°</i> 'тж.'	<Sukru>, <fukrù>	5, 10, 13, 18
24	<Koll> 'Arm = рука (верхняя часть)'	[xol]	<i>xol</i> 'тж.'	<Chol>	3, 12, 19
25	<Suas> 'Mund = рот' <{*Suar(r)}>	[śvar]	<i>śʷ°var</i> 'тж.'	<Suwàr, Suàr>	3, 7, 9, 13, 26
26	<Alln> 'Hand = рука (кисть)' <{*Allu}>	[alʷ°]	<i>alʷ</i> 'тж.'	<Alla>	8, 10, 27
27	<Giëra> 'Hertz = сердце'	[=žrã]	<i>čəre</i> 'тж.'	<Tfchiri>	2, 20, 28
28	<Ziurd> 'Hauß = дом'	[śort] / ?[śurt]	верх. <i>śort</i> , низ. <i>śurt</i> 'тж.'	<S{*s}ort>	12, 13, 29
29	<Thor> 'Gott = Бог'	[tor]	<i>Torʷ, Tor</i> 'тж.'	<Thora>, <Tora>, <Tóra>	3, 12, 30
30	<Annæ> 'Mutter = мать'	[anñä]	<i>anñe</i> 'тж.'	<Anài>	8, 20

Филологический комментарий

Ниже приводятся соображения текстологического и лингвистического характера, совокупность которых позволяет интерпретировать чувашские материалы Ф. И. Страленберга. Основная задача этого комментария — установить, какие факторы определили облик той или иной записи. Среди возможных причин нетривиального облика форм в памятнике — неточная передача чувашской фонетики в процессе документации; намеренное обращение к неочевидным орфографическим приемам; порча формы в промежутке между документацией и публикацией книги (в случае чего необходимо введение конъектур); наконец, адекватное отражение нетривиальных особенностей некоего чувашского говора начала XVIII в.

1. Глухие / звонкие отражения в соответствии с чув. *p-*

В случае ₁<Pärr> ‘eins’ (~ чув. *pər*) отражается глухой анлаут, в случаях ₅<Belich> ‘fünff’ и ₁₂<Bofs> ‘Kopff’ (~ *pil(l)ək, poś*) — как будто звонкий. Вероятно, в действительности речь идет о вариантах губного шумного, воспринятых Ф. И. Страленбергом в реалиях родного немецкого языка, соответственно, как придыхательный и непридыхательный. Встает вопрос о природе этого распределения. Примечательно, что в первом случае за губным следует редуцированный гласный (см. п. 2), в других — гласный полного образования. В таком случае <b-> может отражать простой [p-], а <p-> — как бы придыхательный [p^h-] из-за позиции перед редуцированным, который мог иметь в таком контексте шепотную артикуляцию.

Для сравнения, в чувашском словнике Г. Ф. Миллера <b-> и <p-> встречаются примерно с одинаковой частотностью (по полтора десятка раз), в том числе в одних и тех же словах: <Bitfchē>, <Pitfche> ‘Bruder (der ältere)’ (~ *pičče*), <Bos>, <Poſſ> ‘Kopf’ (~ *poś*).

2. Отражение открытой реализации *ə* в первом слоге

Для записи ₁<Pärr> ‘eins’ (~ чув. *pər*) Х. Эрен [Eren 1998: 306] давал ошибочное чтение <Parr>; в других учтенных работах она прочитана верно. При помощи <ä> здесь передается открытый аллофон переднего редуцированного гласного типа [ɜ]. Аналогичная орфограмма представлена у Г. Ф. Мил-

лера, ср. <Bär> в записи той же чувашской основы, а также случаи типа <Kímä> ‘Schiff’ (~ *kimə*), <Wīlnä> ‘todt’ (~ *vilnə*).

Судя по записи ₂₇<Giëra> ‘Hertz’ (~ *čäre*), в словнике Ф. И. Страленберга синонимично по отношению к <ä> в значении открытого переднего редуцированного гласного употребляется <ë>. Ср. в связи с этим параллелизм между <a> и <e> как отражениями аналогичного гласного полного образования (п. 20). Заметим, что в предшествующей литературе данное слово последовательно цитировалось как <Giera>, но в доступной высококачественной копии без сомнений читается именно <ë>.

Других способов реализации *ə* в первом слоге не отмечено, т. е. открытый аллофон в данной позиции оказывается регулярным. О реализации в непервых слогах см. п. 6.

3. Двойные согласные в исходе однослога, маркирующие краткость предшествующего гласного

Это случаи ₁<Pärr> ‘eins’ (~ чув. *pər*), ₁₀<Wonn> ‘zehen’ (~ *von*), ₁₁<Kuell> ‘Sonne’ (~ *xə^ovel*), ₁₂<Bofs> ‘Kopff’ (~ *poś*), ₁₅<Kann> ‘Tag’ <{*Konn} / ?{*Kunn} (~ *ko/un*), ₂₄<Koll> ‘Arm’ (~ *xol*). Облик данных основ (как и многих других в словнике) отражает сильное влияние немецкой орфографии, где выписывание одинарного или двойного согласного указывает, соответственно, на долготу или краткость предшествующего гласного. К этой же группе относится случай ₂₂<Köes> ‘Aug{*e}’, если принять конъектуру {*Kofs} (~ *koś*). Любопытен случай ₁₄<Ssys> ‘Haar’ (~ *šüs*): В. Г. Егоров [Егоров 1949: 112] дает для этой записи неверное чтение <syss>, при этом введение именно формы {*Syfs} в качестве конъектуры выглядит достаточно оправданным, если отталкиваться от орфографии памятника. По тем же основаниям для случая ₂₅<Suas> ‘Mund’, возможно, следует реконструировать не просто {*Suar}, а {*Suarr}. Фонологически это двусложное слово (~ *šb^ovar*), но у Ф. И. Страленберга отражено фонетически односложное [švar], а приведенное выше ₁₁<Kuell> подтверждает, что основы подобной структуры ведут себя с точки зрения орфографии памятника как однослоги.

Также приведенное правило не соблюдается в записи ₂₉<Thor> ‘Gott’ (~ *Tor*), но конъектура не вводится, поскольку это слово, вероятно, изначально было записано в

таким виде под воздействием специфических факторов, см. п. 30.

Аналогичная орфограмма отмечается и в других словниках Ф. И. Страленберга, ср. примеры: сиб.-тат. <Birr> 'eins' (~ тат. *bər*¹), <Onn> 'zehen' (~ *un*), <Ott> 'Feuer' (~ *ut*); удм. <Nell> 'vier' (~ *nijl*), <Witt> 'fünff' (~ *vit*), <Pinn> 'Zahn' (~ *piñ*). В чувашском словнике Г. Ф. Миллера подобные примеры также встречаются (<Wonn=> 'zehen', <Polf> 'Kopf', <Sülf> 'Haar'), но чаще в исходе однослогов записывается одинарный согласный.

4. Синонимичное употребление <i>, <y> для передачи i

Латинская буква <y> используется, наряду с тривиальной <i>, как отражение переднего неогубленного гласного i. На каждую орфограмму приходится по два примера, ср. <Ycki> 'zwey' (~ чув. *ikkə, igə*), <Ssytem> 'acht' <{*Ssyrem}> (~ *širəm* 'двадцать') и <Uitfi> 'drey' (~ *viššə*), <Sithy> 'sieben' <{*Sithy}> (~ *šiččə, šížə*). Установить правила распределения на столь скудном материале невозможно, поэтому <y> и <i> приходится считать орфографическими синонимами. Случаи нетривиального употребления <y> в аналогичном значении отмечаются и у Г. Ф. Миллера: <Wyfimkon> 'uebermorgen; vorgestern' (~ чув. *vižəm=kon* 'позавчера'), <Pyn> '1000' (~ *pin*).

5. Отражения k

В анлауте последовательно используется <k->: <Kann> 'Tag' <{*Konn}> / ?{*Kunn}> (~ чув. *ko/un*), <Kaspolat> 'Nacht' (~ *kaš polat*), <Karuhoe> 'Fenster' <{*Karundoc(k)}> (~ *karəndək*), <Köes> 'Aug{*e}' <{*Kofs}> / ?{*Koes}> (~ *ko/uš*). В инлауте и ауслауте по умолчанию применяются правила немецкой орфографии и употребляется сочетание <-ck->: <Ycki> 'zwey' (~ *ikkə, igə*), <Sack> 'Bauck' <{*Banck}> (~ *sak*), а также, возможно, <Karuhoe> 'Fenster' <{*Karundock}>. По-

¹ Сибирско-татарский словник Ф. И. Страленберга отражает, согласно комментарию в «Harmonia linguarum», речь тобольских, тюменских и тарских татар. Здесь и далее эти записи сопоставляются с литературным (казанско-) татарским языком, а не с письменной формой сибирско-татарского, поскольку нагляднее сходство записей Ф. И. Страленберга именно с первым.

следняя конъектура была предложена еще Н. П. Петровым [Петров 1978: 49]. Если инлаутный <-k-> выступает как первый элемент в сочетании согласных, то вместо <-ck-> используется простая <-k->: <Kukru> 'Brust' (~ *kʷkrʷ*^o), <Sukru> 'Brod' (~ *šʷkrʷ*^o). Случай <Belich> 'fünff' (~ *pil(l)ək*), если это не искажение исходного {*Belick}, может быть объяснен попыткой передать сильно палатализованный [-k'] в ауслауте переднерядной основы при помощи особого сочетания <ch> — по модели того, как в немецкой орфографии <ch> употребляется для отражения аллофонического по отношению к веларному [x] палатального [ç]. Нельзя исключать единичное употребление <c> в значении k, если вводить для <Karuhoe> 'Fenster' конъектуру {*Karundoc}. Преимущество такой реконструкции в сравнении с {*Karundock} — отсутствие необходимости постулировать в одной и той же форме, помимо ряда других ошибок при переписывании, еще и утерю <-k>, а цена этого решения — введение орфограммы, которая иначе в чувашских материалах Ф. И. Страленберга не встречается. Однако можно, по крайней мере, отметить использование <c> в значении заднеязычного взрывного (увулярного q) в опубликованном в этой же таблице сибирско-татарском словнике: <Cara> 'Schwartz' (~ *qara*).

В том же сибирско-татарском словнике находим аналогичное чувашским случаям использование <ck>, ср. <Icke> 'zwey' (~ тат. *ikə*). Параллелью для чувашского случая с <ch> может служить мар. <Ichtet> 'eins' (~ горн., СЗ *iktət*), где особое сочетание, вероятно, маркирует k в переднерядном окружении.

6. Отражения ə в непервых слогах

Как и при отражении полного i (см. п. 4), синонимично используются <i>, <y>. На первую орфограмму приходится три примера, на вторую — один, ср. <Ycki> 'zwey' (~ чув. *ikkə, igə*), <Uitfi> 'drey' (~ *viššə*), <Belich> 'fünff' (~ *pil(l)ək*) и <Sithy> 'sieben' <{*Sithy}> (~ *šiččə, šížə*). Кроме того, единожды ə в закрытом втором слоге отражается при помощи <e>: <Ssytem> 'acht' <{*Ssyrem}> (~ *širəm* 'двадцать'). Установить распределение не удастся, поскольку это та же позиция, что и в случае <Belich>, а отражения — разные.

Ср. нетривиальное использование <y> в аналогичной функции в сибирско-татарском словнике Ф. И. Страленберга: <Kfy> ‘Mensch’ (~ тат. *käſä*). «Черемисское» <Wyfett> ‘fünff’ (~ мар. горн., СЗ *wəzət*) включает <y> как отражение *ə* в первом слоге и, подобно чув. <Ssylem>, <e> на месте *ə* второго слога.

7. Отражения v

Как синонимы употребляются <w>, что ожидаемо исходя из сильного влияния немецкой орфографии на орфографию памятника, и <u>. На первую орфограмму приходится два примера, на вторую — три, ср. <Twata> ‘vier’ (~ чув. *təˈvattə*, *təˈvadə*), <Wonn> ‘zehen’ (~ *von*) и <Uitfi> ‘drey’ (~ *viššä*), <Kuell> ‘Sonne’ (~ *xəˈvel*), <Suas> ‘Mund’ <{*Suar(r)}> (~ *śəˈvar*). Запись <Uitfi> приводится в ошибочном чтении <vitsi> у В. Г. Егорова [Егоров 1949: 111], в остальных учтенных работах она прочитана верно.

В качестве параллели к не совсем тривиальной записи [v] через <u> ср. <Kuatt> в коми-пермяцком словнике Ф. И. Страленберга (~ *kvat*); см. [Напольских 2018: 464].

8. Проблема отражения интервокальных согласных

В чувашском интервокале (позиция между гласными или после сонанта перед гласным) противопоставляются геминированные и простые согласные, причем негеминированные шумные подвергаются озвончению. В материалах Ф. И. Страленберга геминацию можно надежно усматривать в записи <Annæ> ‘Mutter’ (~ чув. *an̄ne*). Более проблематичен случай <Alln> ‘Hand’ <{*Allu}>. В этой основе многие старочувашские памятники отражают как будто геминированный *l*, хотя в современной чувашской форме *al̄* никакой геминаты нет, и с точки зрения этимологии не ясно, откуда она могла бы взяться (ПТю **elig* ~ **elg*). Возможно, этот случай следует объяснять тем, что <ll> старочувашских памятников мог маркировать краткость предшествующего гласного не только в однословах (см. п. 3), но и в многосложных основах. У Г. Ф. Миллера, действительно, встречается целый ряд записей с <ll> в таких не односложных чувашских словах, где отражение геминаты было бы крайне неожиданно, ср., помимо собственно <Alla> ‘Arm, Hand’, формы <Püllüt> ‘Wolken’ (~ *pəˈlät*),

<Tóllo> ‘Weizen’ (~ *tol̄*), <Süll{*ü}> ‘Hafer’ (~ *səˈlät*), <killes> ‘zu komme’ (~ *kiles*). В таком случае аналогичное отражение термина ‘рука’ в кириллических (!) памятниках XVIII в., в частности <алла> в первой чувашской грамматике («Сочинения...» 1769 г.) [Сочинения 1769: 18] и <алла> в Словаре П. С. Палласа (1787–1789 гг.) [Паллас 1787: 109], может быть объяснено общим влиянием латинографических памятников или даже механической транслитерацией прямого заимствования из более раннего источника¹.

Судя по записям <Sumfa> ‘Nafe’ (~ *səˈmza*), <Sokula> ‘Bart’ <{*Sokala}> (~ *soyal-a*), полувзвонность негеминированных шумных в чувашском словнике Ф. И. Страленберга не отражается. Это приводит к некоторым сомнениям при выборе конъектуры для <Karuhoe> ‘Fenster’ (~ *kar̄ndək*). Вариант <{*Karundoc(k)}>, в сравнении с допустимым <{*Karuntoc(k)}>, нарушает тенденцию неотражения полувзвонности, но имеет то преимущество, что позволяет объяснить смешение <d> и <h> сходством начертания этих букв. Такое объяснение едва ли возможно в случае гипотетического смешения <t> и <h>. В конечном счете <{*Karundoc(k)}> следует считать предпочтительной конъектурой, тем более степень озвончения чувашских шумных варьируется в зависимости от качества самого согласного и от его окружения. Вполне вероятно, что в контексте [kar̄ndək] качество срединного шумного больше способствовало звонкому отражению, чем в приведенных выше основах, отражающих чув. [sɤˈmʂa] и [soɣala].

Вопрос о качестве второго согласного основы возникает при обсуждении всех числительных из списка Ф. И. Страленберга, кроме <Pärr> ‘eins’ (~ *pər*), <Ssylem> ‘acht’ <{*Ssyrem}> (~ *širəm* ‘двадцать’) и <Wonn> ‘zehen’ (~ *von*). Чувашские числительные первого десятка имеют два варианта: так называемый «полный» (употребляется в субстантивной функции, в частности как счетная форма) и «краткий» (появляется в атрибутивной позиции). Полные формы содержат геминированный согласный в инлауте, краткие — одинарный (т. е. полувзвонный, если речь идет о шумном), причем ауслаутный редуцированный гласный в кратких

¹ Иное возможное объяснение формы из Словаря П. С. Палласа предложено в диссертации [Савельев 2014: 96].

формах часто отпадает. А priori имело бы смысл исходить из того, что в списке от '1' до '10' представлены счетные формы или, по крайней мере, все числительные выступают последовательно в полном или кратком варианте. Однако материал Ф. И. Страленберга показывает ложность этой предпосылки. Среди задокументированных им числительных ₁<Pärt> 'eins' и ₁₀<Wonn> 'zehen' надежно опознаются как краткие, ₃<Uitfi> 'drey' — как полное (~ *viśśā*), поскольку сочетание <tf> мыслимо представить в качестве отражения геминаты -śś- (см. п. 13), но не простого -ś- (~ -ž-). В случае же числительных ₂<Ycki> 'zwey' (~ *ikkə, igə*), ₄<Twata> 'vier' (~ *tə^ovattə, tə^ovadə*), ₅<Belich> 'fünff' (~ *pil(l)ək*), ₆<Olta> 'sechs' (~ *olttə, oldə*), ₇<Sithy> 'sieben' <{*Sittfchy}> (~ *śiččə, śižə*), ₉<Bokur> 'neun' <{*Tokur}> (~ *tə^oxxə^or, tə^oγə^or*) орфография не позволяет сказать, идет ли здесь речь о кратких или полных вариантах. Это могут быть краткие варианты с неотражаемой полувзвонкостью или полные с неотражаемой геминацией. И то, и другое — вполне частотные орфографические феномены в старочувашских памятниках.

9. Выпадение безударного редуцированного перед [v]

Случаи ₄<Twata> 'vier' (~ чув. *tə^ovattə, tə^ovadə*), ₁₁<Kuell> 'Sonne' (~ *xə^ovel*), ₂₅<Suas> 'Mund' <{*Suar(r)}> (~ *śə^ovar*). Отражение этого явления в орфографии в целом характерно для старочувашских памятников, ср. те же основы у Г. Ф. Миллера: <Dwatta>, <Chwel, Schwel>, <Suär> наряду с <Suwär> (в последнем случае гласный первого слога сохраняется). Выпадение редуцированного в такой позиции вполне характерно и для современного чувашского языка (в спонтанной речи).

10. Отражения задних редуцированных [ʏ], [ʏ^o] в непервых слогах

В непервых открытых слогах противопоставление между [ʏ] и [ʏ^o] последовательно соблюдается. Неогубленный редуцированный реализуется как открытый [-ʌ] и записывается через <a>, огубленный реализуется как закрытый [-ʏ^o] и отражается при помощи <u>. Ср., с одной стороны, ₄<Twata> 'vier' (~ чув. *tə^ovattə, tə^ovadə*), ₆<Olta> 'sechs' (~ *olttə, oldə*) и, с другой, ₂₁<Kukru> 'Bruft', ₂₃<Sukru> 'Brod', ₂₆<Alln> 'Hand' <{*Allu}>. В случаях ₂₁<Kukru> и

₂₃<Sukru> лабиализация во втором слоге возникает в результате гармонии по этимологически огубленному редуцированному в первом (~ диал. *kə^okrə^o, śə^okrə^o*). Сложнее случай ₂₆<Alln> (~ *alə*). Если это не результат цепочки ошибок (в таком случае конъектура {*Allu}, см. п. 27, должна считаться вторичной по отношению к еще более раннему варианту {*Alla}, см. п. 23), то огубление редуцированного может быть объяснено только позицией после -l-. В кириллическом Словаре П. С. Палласа некоторые основы, включающие такую фонетическую последовательность, отражают как раз огубленный — в том числе в случае <ало> 'рука' [Савельев 2014: 150].

В непервых закрытых слогах огубленные и неогубленные задние редуцированные в орфографии Ф. И. Страленберга, по-видимому, не различаются. Буквы для огубленных используются не только в случае ₉<Bokur> 'neun' <{*Tokur}>, где лабиализация второго редуцированного по этимологически огубленному первому вполне ожидаема (~ *tə^oxxə^or, tə^oγə^or*), но и в записи ₂₀<Karuho> 'Fenster' <{*Karundoc(k)}>. Последняя форма не дает никаких оснований предполагать реальное огубление инлаутных редуцированных (~ *karəndək*) вдобавок к чисто «орфографическому».

11. Единичное выписывание <e> на месте ожидаемого [i]

Случай ₅<Belich> 'fünff'. С точки зрения синхронной и исторической фонетики такое отражение чув. *pil(l)ək* 'пять' совершенно необъяснимо — ожидалось бы {*Bilich}. Даже в наиболее обособленном северо-западном (малокарачкинском) диалекте чувашского языка, где общечувашскому *i* может соответствовать закрытый *e* (из краткого ПТю **e*), данная основа выступает в тривиальном варианте *pilək* (что указывает на пратюркский долгий **e* или дифтонг). Таким образом, *i*-образный гласный должен быть реконструирован в этом слове уже для прачувашского состояния (~ послемонгольское время), и нет причин думать, что [e] мог отражаться в каких-либо чувашских говорах XVIII в. По-видимому, это тот редкий элемент в чувашском словнике Ф. И. Страленберга, своеобразие которого следует объяснять просто неточной документацией, а именно ошибочным соотношением чув. [i] с гласным среднего подъема [e].

12. Отражения «общечуашского» *o

Различные рефлексy старoгo *o традиционно приводят как наиболее яркие признаки двух «классических» диалектов чувашского языка — верхового и низового. Как считается, в верховом диалекте *o сохраняется, а в низовом переходит в *u*. Данные Ф. И. Страленберга в общем случае отражают материал с рефлексацией первого типа, ср. записи ⁶<Olta> ‘sechs’ (~ чув. *oltt̃, old̃*), ¹⁰<Wonn> ‘zehen’ (~ *von*), ¹²<Bofs> ‘Kopff’ (~ *poś*), ¹⁶<Kaſpolat> ‘Nacht’ (~ *kaś polat*), ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ <{*Sokala}> (~ *soyal-a*), ²⁴<Koll> ‘Arm’ (~ *xol*), ²⁹<Thor> ‘Gott’ (~ *Tor*). Скорее всего, «окающая» фонетика стоит и за записью ¹⁵<Kann> ‘Tag’ из {*Konn} (~ *kon*) — вряд ли {*Kunn}.

Своеобразен случай ¹⁷<Ohra> ‘Fuß / Fufs’ (~ *ora*). В немецкой орфографии <h> после гласного маркирует долготу. Объяснить использование этой орфограммы каким-то особым качеством чувашского [o-] не представляется возможным: позиция здесь безударная, так что предполагать удлиненную артикуляцию не приходится. Таким образом, речь идет о синонимичном по отношению к простому <o> способе оформления краткого [o]. Случаи, как кажется, немотивированного выписывания <h> после гласного встречаются и в других словниках Ф. И. Страленберга, ср. сиб.-тат. <Buruhn> ‘Nafe’ (~ тат. *börön*), удм. <Ihm> ‘Mund’ (~ *im*).

Требуеt комментария и запись ²²<Köes> ‘Aug{*e}’. Выписывание <ö> здесь, по-видимому, ошибочно — и во всяком случае оно не может быть связано с отражением переднего огубленного [ö]. Хотя исторически гласный в чув. *koś* ‘глаз’ является как раз передним (< ПТю *kör̃sə), его переход в задний ряд в позиции после *k- произошел рано (отражен уже в чувашских заимствованиях в марийском языке, датируемых XIII–XV вв.), так что усматривать форму на *kö-* в материалах XVIII в. было бы явным анахронизмом. Возможны два варианта конъектуры — {*Kofs} или {*Koes}. Первый вариант указывает на отражение тривиального [koś], но цена такого решения — предположение об искаженном характере сразу двух букв в слове из четырех. Второй вариант требует минимальной конъектуры, однако предполагает реконструкцию формы с достаточно проблематичной фонетикой. Дело в том, что <oe> в орфографии Ф. И. Страленберга является

одним из способов записи *u*. В чувашском словнике других таких примеров нет, однако подобный случай находим, например, в удмуртском списке: <Woe> ‘Waffer’ (~ *vu*). Эта орфограмма заимствована Ф. И. Страленбергом из нижненемецкой традиции, где при помощи <oe> обозначается долгий *ū*. Как и сочетание с <h>, при документации языков Волго-Уральского региона и Сибири <oe> вполне мог использоваться и для передачи кратких гласных: ср. не только приведенный выше пример, но и, например, вариант названия удмуртов <Oedmurd> в материалах близкого соратника и друга Ф. И. Страленберга Д. Г. Мессершмидта [Напольских 2018: 467–468]. В таком случае фонетический прототип обсуждаемой записи можно было бы восстанавливать в виде [kuś]. Документация такой формы в общем возможна; сомнительным, однако, является отражение в ней специфической фонетики низового диалекта (упомянутое развитие *o > *u*). Допускать возможность отражения в очень коротком списке Ф. И. Страленберга данных сразу двух чувашских диалектов, во-первых, не хотелось бы по причинам общеметодологического характера (поскольку такое допущение снижает надежность анализа — ср. пассаж о возможной разнодиалектности удмуртского словника в [Напольских 2018: 462–463]). Во-вторых, разнодиалектность чувашского списка крайне слабо подтверждается непосредственно наблюдаемым, а не восстановленным в результате конъектуры, языковым материалом.

Единственная запись, в которой как будто напрямую отражается низовая фонетика: ²⁸<Ziurd> ‘Hauß’ (~ чув. верх. *śort*, низ. *śurt*). Ввиду изолированного характера довольно рискованно считать эту форму надежной. По-видимому, лучше объяснять ее неточным отражением чувашского вокализма при документации формы типа [śort]. Ср. в связи с этим случай ⁵<Belich> ‘fünff’ (п. 11): в обоих случаях неточная документация может быть обусловлена перцептивным смешением гласных верхнего и среднего подъема.

13. Отражения ś

Наиболее частотным отражением является <s>: ⁷<Sithy> ‘sieben’ <{*Sittfchy}> (~ чув. *śiččə, śižə*), ¹⁴<Ssys> ‘Haar’ <?{*Syfs}> (~ *śūs*), ¹⁶<Kaſpolat> ‘Nacht’ (~ *kaś polat*), ²³<Sukru> ‘Brod’ (~ *ṣ́kṛ*), ²⁵<Suas> ‘Mund’

<{*Suar(r)} (~ *śʷvar*). В случаях ₁₂<Bofs> ‘Kopff’, ₁₄<Ssys> ‘Naar’ <?{*Syfs}> на месте -ś в исходе однослога (~ *poś, śiś*) записывается или восстанавливается <-fs>. Это, по-видимому, всего лишь вариант предыдущей орфограммы, в котором удвоение <s> маркирует краткость предшествующего гласного (см. п. 3). В принципе можно было бы говорить о том, что двойная <s> имеет конкретное значение палатального ś, ср. однозначно интерпретируемый случай ₈<Ssylem> ‘acht’ <{*Ssyrem}> (~ *śirəm* ‘двадцать’), однако дело в том, что в других словниках Ф. И. Страленберга это сочетание даже в анлауте может использоваться при передаче простого s-, ср.: сиб.-тат. <Sfu> ‘Waffer’ (~ тат. *su*), фин. <Ssata> ‘Hundert’ (~ *sata*). Таким образом, в целом его материалы указывают на свободное использование и одинарной, и двойной <s> для обозначения как палатального, так и непалатального сибиланта. Надо сказать, что похожая картина наблюдается и в чувашском словнике Г. Ф. Миллера.

Возвращаясь к чувашскому словнику Ф. И. Страленберга, случай ₂₂<Kōes> ‘Aug{*e}’ предполагает отражение -ś при помощи двойного или одинарного <s> в зависимости от выбранной конъектуры: {*Kofs} / ?{*Koes} (~ *ko/uś*).

Уникальна передача ś- в записи ₂₈<Ziurd> ‘Haufs’ (~ *śo/urt*). Некоторую параллель можно усматривать в форме из марийского словника Ф. И. Страленберга: <Ziemett> ‘sieben’ (~ горн., СЗ *šəmat*). В таком случае сочетание <zi-> может быть интерпретировано как окказиональный способ обозначения тех сибилантов, которые были объединены в восприятии исследователя общим признаком «шепелявости».

В единственном случае отражения геминированного -śś- употребляется сочетание <tf>: ₃<Uitfi> ‘drey’ (~ *viśśə*).

14. Пропуск букв

Для случая ₇<Sithy> ‘sieben’ (~ чув. *śiččə, śižə*) восстанавливается исходное {*Sitfchy}. Надежность такой реконструкции определяется тем, что сочетание <tfch> практически универсально используется в значении палатальной аффрикаты как в материалах иных языков у Ф. И. Страленберга, ср. сиб.-тат. <ütfch> ‘drey’ (~ тат. *öč*), так и в прочих латинографичных старочувашских памятниках: ср., например, запись <Sitfche> ‘7’ в словнике Г. Ф. Миллера.

В зависимости от выбранной конъектуры для случая ₂₀<Karuhoe> ‘Fenfter’ <{*Karundoc(k)}> приходится предполагать пропуск одной или даже двух букв: <n> и, возможно, <k>. Несмотря на столь серьезную порчу (еще две буквы в слове записаны ошибочно — см. пп. 8, 25), слово было правильно отождествлено с чув. *karəndəḱ* ‘окно (уст.)’ уже Бернатом Мункачи [Munkácsi 1887: 27]. Другое предложенное сопоставление — с чув. *čüreže* ‘окно’ [Хузангай 2011] — следует признать невероятным.

15. Смешение <r> и <l>

Случай ₈<Ssylem> ‘acht’ <{*Ssyrem}>. С точки зрения графики мотивация для такого смешения неясна. Ввиду ошибочной документации не только формы, но и семантики (‘восемь’ вместо ‘двадцать’ — подлинного значения чув. *śirəm*, см. п. 16) анализ данной записи был традиционно проблематичен. В работах Б. Мункачи [Munkácsi 1887: 27] и А. П. Хузангай [Хузангай 2011], судя по приводимому рядом с <Ssylem> чувашскому *sakkər* ‘восемь’, по-видимому, предлагается считать первое слово сильно искаженным отражением второго. В. Г. Егоров [Егоров 1949: 111] сопроводил форму <Ssylem> знаком вопроса, О. Дурмуш указал ее как единственное неизвестное слово («*bilinmeyen kelime*») в чувашском словнике Ф. И. Страленберга [Durmuş 2014: 410]. Между тем в более ранней работе [Durmuş 2009: 508] обращается внимание на то, что сопоставление с чув. *śirəm* ‘двадцать’ было предложено уже Н. П. Петровым [Петров 1978: 49]. Представляется, что объяснение Н. П. Петрова и является единственным правдоподобным: оно требует лишь двух конъектур (одной буквы и значения), а сопоставимых по убедительности альтернативных объяснений данной записи просто не существует.

16. Неточности и ошибки при документации значений чувашских слов

В целом значения в чувашском словнике Ф. И. Страленберга переданы очень точно. В одном случае можно говорить о небольшой погрешности: для ‘Nacht = ночь’ дана форма ₁₆<Kaſpolat>, отражающая чувашское предложение *kaś polat* ‘ночь наступает’. Примечательно, что точно такая же запись <Kaſpolat> ‘Nacht’ содержится в чувашском словнике Г. Ф. Миллера. Невероятно, чтобы столь нетривиальная неточность в докумен-

тации появилась в двух наиболее ранних памятниках чувашской лексикографии независимо. По-видимому, это редкий случай прямого заимствования чувашских материалов Ф. И. Страленберга Г. Ф. Миллером.

Еще один случай — ошибочное приписывание записи ⁸<Ssylem> значения ‘acht = восемь’ вместо ‘zwanzig = двадцать’ — уже был охарактеризован в предыдущем пункте. Добавлю только, что выглядит неслучайным явно неверный перевод именно числительного ‘8’ еще и в удмуртском словнике: там ‘acht’ переведено при помощи марийского термина для ‘7’ [Тепляшина 1965: 26; Напольских 2018: 465–466]. Видимо, путаница в переводах одного и того же немецкого слова обусловлена общей не очень удачной судьбой определенных фрагментов чувашского и удмуртского списков.

17. Смешение <T-> и <B->

Случай ⁹<Bokur> ‘neun’ <{*Tokur}>. О. Дурмуш дает неверное чтение <Vokur> (опечатка?) в обобщающем труде [Durmuş 2014: 334], но правильное <Bokur> в [Durmuş 2009: 508; Durmuş 2014: 26]. Слово было соотнесено с чув. *tʰəxxʰər*, *tʰəyʰər* ‘девятнадцать’ уже в самых ранних работах [Munkácsi 1887: 27], у В. Г. Егорова впервые дана попытка конъектуры: {*tokhur} [Егоров 1949: 112]. По умолчанию нельзя было бы исключать конъектуру {*Dokur}, ср. примеры на выписывание как бы звонкого <b-> в соответствии с чув. *p-* в п. 1, а также пример с <d-> из сибирско-татарского словника: <Dokos> ‘neun’ (но <Tockfan> ‘neunzig!’ ~ тат. *tuŋʒ, tuqsan*). Однако в чувашских материалах Ф. И. Страленберга начальный <d-> иначе не встречается: даже отражение чув. *tʰəvattʰə*, *tʰəvadʰə* ‘четыре’, которое в старочувашских памятниках зачастую выписывается с начальным звонким [Durmuş 2014: 339–340], у него документируется с глухим (⁴<Twata>). В словаре Г. Ф. Миллера случаи с начальным <d-> также редки, в отличие от <t->. С графической точки зрения причины смешения <T-> и <B-> неясны.

18. Отражения *tʰə* в первом слоге

Вне позиции выпадения редуцированного (см. п. 9) почти регулярным отражением является <u>: ¹³<Sumfa> ‘Nafe’ (~ чув. *sʰəmza*), ²¹<Kukru> ‘Bruft’ (~ чув. *kʰəkrʰə*), ²³<Sukru> ‘Brod’ (~ чув. *śʰəkrʰə*). А. П. Хузангай [Хузангай 2003: 3; Хузангай 2011] и О. Дурмуш [Durmuş 2009: 510, 512; Durmuş 2014:

26, 177, 299], не имевшие доступа к копии памятника с хорошо различимыми чувашскими формами, ошибочно читают последние две записи как <Kokru> и <Sokru>; в прочей учтенной литературе даны правильные чтения. В записи ⁹<Bokur> ‘neun’ <{*Tokur}> огубленный в первом слоге (~ *tʰəxxʰər*, *tʰəyʰər*) неожиданно записан как <o>. Возможно, не случайно, что такое нетривиальное отражение находится рядом с порченной первой буквой слова, в таком случае весь анлаут с точки зрения передачи чувашской фонетики может быть ненадежен.

19. Отражения *x*

Этот согласный абсолютно регулярно передается через <k>: ⁹<Bokur> ‘neun’ <{*Tokur}> (~ чув. *tʰəxxʰər*, *tʰəyʰər*), ¹¹<Kuell> ‘Sonne’ (~ чув. *xəʰvel*), ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ <{*Sokala}> (~ чув. *soyal-a*), ²⁴<Koll> ‘Arm’ (~ чув. *xol*). Ср. орфографию чувашского словника Г. Ф. Миллера, где *x* в общем случае отражается при помощи сочетания <ch>: <Tuchor> ‘9’, <Chwel, Schwel> ‘Sonne’, <Sochäl, Suchäl> ‘Bart’, <Chol> ‘Arm, Hand’.

20. Отражения *e*

В словнике отмечено по одному случаю, где чув. *e* передается при помощи <e>, <a>, <æ>: ¹¹<Kuell> ‘Sonne’ (~ чув. *xəʰvel*), ²⁷<Giëra> ‘Hertz’ (~ чув. *čäre*), ³⁰<Annæ> ‘Mutter’ (~ чув. *anñe*). Материал очень скуден, но наблюдаемое распределение между отражением *e*-закрытого в закрытом слоге и *e*-открытого (~ *ä*) в открытом слоге отмечается и в более поздних старочувашских памятниках. Использование буквы <æ> в записи <Annæ>, возможно, уникально для чувашской письменности: чаще всего гласный такого типа отражается при помощи <ä> в латинографических памятниках и <я> в кириллических.

21. Отражение *ii*

Единственный случай: ¹⁴<Ssys> ‘Haar’ <{*Syfs}> (~ чув. *śiś*). Ср. у Г. Ф. Миллера: Urgy ‘Uffa’ ~ чув. *Əpxi* ‘Уфа’. В остальных случаях в чувашских записях Г. Ф. Миллера почти всегда используется <ü>, и эта же буква, как правило, употребляется в других словниках Ф. И. Страленберга: сиб.-тат. <ütfch> ‘drey’ (~ тат. *öç*) и т. п.

22. Смешение <a> и <o>

Запись ¹⁵<Kann> ‘Tag’ <{*Konnn}> (~ чув. *kon*). Можно было бы считать этот единственный случай примером изначально не-

точной документации (гласного типа *о*-открытого?), но более вероятна ошибочная интерпретация исходного <о> как <а> при переписывании, обусловленная сходством рукописных начертаний этих букв. Такая же ошибка встречается, например, в кириллической чувашской грамматике 1769 г. и в Словаре П. С. Палласа 1787–1789 гг. [Савельев 2014: 135–136]. Ср. также запись <Alta> ‘6’ (~ *oltta*) в чувашском словнике Г. Ф. Миллера, но здесь сложнее объяснить ошибку графическим сходством (поскольку этот аргумент применим только к строчным вариантам <о> и <а>, но не к прописным).

О. Дурмуш считает, что исходным вариантом записи <Kann> был не {*Konn}, а {*Kunn} [Durmuş 2009: 509–510]. Это принципиально не исключено; в таком случае можно было бы ограничиться при комментировании памятника предположением о смешении <u> и <a>, которое надежно иллюстрируется другим примером (см. п. 23), и не вводить ради одного случая пункт о неразличении <о> и <а>. Однако конъектура {*Kunn} указывала бы на отражение в словнике данных низового диалекта (~ *kun*), что, как было сказано выше, чрезвычайно сомнительно.

23. Смешение <a> и <u>

Случай ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ < {*Sokala} (~ чув. *soyal-a*). Смешение может быть обусловлено некоторым сходством между рукописными начертаниями этих букв. Ср. в удмуртском словнике Ф. И. Страленберга запись <Mador> ‘Gott’ в соответствии с удм. *tudor* ‘священный кораб; икона’ и <Ma> ‘Erde, Land’ в соответствии с удм. *ti* ‘земля’, что можно было бы рассматривать как примеры на тот же тип ошибки. Впрочем, В. В. Напольских [Напольских 2018: 466] предлагает для этих случаев объяснения, связанные не с ошибками при переписывании, а с отражением удмуртской диалектной фонетики (в первом случае) и с искусственным конструированием удмуртского слова Ф. И. Страленбергом (во втором).

Обсуждение возможной конъектуры ¹⁵<Kann> ‘Tag’ < ?{*Kunn} см. в п. 22.

24. Косвенная форма имени, выступающая в качестве словарной

Запись ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ < {*Sokala} отражает, предположительно, форму дательного-винительного падежа на -а от чув. *soyal* ‘борода’. Сама по себе документация неначальных форм имени в качестве словарных

не так редка в самых ранних памятниках чувашского и других языков Волго-Камского ареала, что неудивительно ввиду зачаточного уровня как общей лексикографической методологии, так и лингвистического понимания этих конкретных языков в начале XVIII в. Ср. запись <Pele> ‘Ohr’ в удмуртском словнике Ф. И. Страленберга, которая, как предполагается, также снабжена словоизменительным аффиксом — показателем принадлежности 1-го лица [Тепляшина 1965: 28; Напольских 2018: 470].

25. Смешение <с> и <е>

Обусловлено сходством начертаний этих букв и объясняет одну из ошибок в форме ²⁰<Karuhoe> ‘Fenster’ < {*Karundoc(k)}. Замечу, что и в шрифте книги Ф. И. Страленберга <с> и <е> чрезвычайно похожи, с чем связан ряд ошибочных чтений чувашских слов в предшествующей литературе. Так, О. Дурмуш правильно отождествляет упомянутую форму с чув. *kar̥nd̥k* ‘окно (уст.)’, при этом, не располагая копией с различным начертанием данного слова и опираясь на мнение Н. П. Петрова, цитирует эту запись неверно как <Karuhoc> [Durmuş 2009: 512; Durmuş 2014: 26, 170]. По той же причине запись ²<Ycki> ‘zwey’ (~ *ikkə, igə*) была ошибочно прочитана как <Yeki> Х. Эреном и А. П. Хузангаем [Eren 1998: 306; Хузангай 2003: 3; Хузангай 2011].

26. Смешение <s> и <r>

Случай ²⁵<Suas> ‘Mund’ < {*Suar(r)} (~ чув. *š̥var*). Смешение обусловлено сходством рукописных начертаний <s> и <r>. Адекватная конъектура для этой записи была дана уже В. Г. Егоровым [Егоров 1949: 112]. Аналогичная ошибка встречается в чувашских материалах Г. Ф. Миллера, ср. <Schippūs> ‘Blafe’ < {*Schippūr} наряду с правильным <Schipūr> ‘Dudelfack’ (~ *š̥b̥b̥r, š̥pp̥r* ‘пузырь; волынка’).

27. Перевернутая <u> в дополнительном списке

Так следует объяснять запись ²⁶<Alln> ‘Hand’ < {*Allu} (~ чув. *al̥*). А. П. Хузангай [Хузангай 2003: 3; Хузангай 2011] дает это слово сразу в форме Allu, не указывая, что это конъектура. О. Дурмуш, цитируя список Ф. И. Страленберга, данную запись вовсе не приводит, по-видимому, не догадываясь о ее существовании из-за неразличимости дополнительного списка в сегедском изда-

нии [Durmuş 2014: 26, 89]. Случай <Alln> находит параллель в записи¹⁸ <Sack> ‘Bauck <{*Banck}>’, где с ошибкой опубликовано уже немецкое слово. Понятны трудности Б. Мункачи в отождествлении <Sack> (~ *sak* ‘скамья’) с каким-либо известным чувашским словом [Munkácsi 1887: 27]. Значение ‘Bauck’ он интерпретировал как нем. *Bauch* ‘живот’ и, не найдя похожего слова с такой же семантикой в чувашском, был вынужден сопроводить <Sack> только чувашским *xîr̥m* ‘живот’ и знаком вопроса. Данная ошибка возникла, наверное, уже при печати книги: в обоих случаях речь идет о словах из дополнительного списка, расположенного поперек основного текста, с чем и могут быть связаны трудности с ориентацией типографской литеры. Речь идет именно о перевернутой <u>, а не <n>, поскольку в шрифте книги Ф. И. Страленберга эти два символа явно отличаются.

Та же ошибка встречается и за пределами чувашской части материалов Ф. И. Страленберга, ср. мар. <Oetzin> ‘Vater = отец’. Правдоподобна точка зрения О. А. Сергеева [Сергеев 2021: 116], согласно которому это слово (приводимое им уже в варианте <Oetziu>) было заимствовано Ф. И. Страленбергом из опубликованной Н. К. Витсенем молитвы «Отче наш» на марийском языке, где находим <uziu> ‘Vader’ [Сергеев 2021: 116].

28. Проблема фонетического значения <Gi- >

В записи²⁷ <Giëra> ‘Hertz’ проблематична орфография анлаута. В. В. Напольских [Напольских 2018: 466–467], обсуждая предложенное Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965: 27] чтение одной из форм в удмуртском словнике, отвергает интерпретацию сочетания <Gi- > как способа передачи звонкой аффрикаты, усматривая в нем отражение *j*-перед узким гласным. Орфограмма с таким фонетическим значением, действительно, встречается и в старочувашских памятниках, правда, кириллических. В Словаре П. С. Палласа на месте ожидаемого *j*- в позиции перед узким в части случаев выписывается сочетание <ги- > [Савельев 2014: 103]. Однако в чувашском словнике Ф. И. Страленберга соответствие <Giëra> литературному *çäre* ‘сердце’ (и так же — во всех диалектах) с неизбежностью указывает как раз на употребление <Gi- > в значении аффрикаты. Не ясна только отражаемая звонкость: воз-

можно, в качестве исключения здесь передается хорошо известное чувашскому языку фразовое озвончение, т. е. документируется форма типа [=žră], извлеченная из синтагмы, в которой предшествующее слово оканчивалось на гласный или сонант.

Отчасти сходная орфограмма, а именно обозначение звонкой аффрикаты при помощи сочетания <Dgi- >, встречается в сибирско-татарском словнике: <Dgirt> ‘Erde’ (~ тат. *žir*). Сочетание <Gi- > в этом списке также употребительно, но обозначает оно скорее йот, ср. <Gius> ‘Hundert’ ~ тат. *jöz*.

29. Выписывание ауслатного <-d>

Случай²⁸ <Ziurd> ‘Hauls’ (~ чув. *šo/urt*). По-видимому, речь идет о чисто орфографическом приеме; в фонетическом прототипе следует восстанавливать [-rt]. В параллельных словниках Ф. И. Страленберга это сочетание может записываться и как <-rt>, и как <-rd>, ср. сиб.-тат. <Dort> ‘vier’ (~ тат. *dürt*), як. <Türd> ‘vier’ (~ *tüört*). Выписывание <-d>, наряду с <-t>, на месте ожидаемого чув. *-t* встречается в словнике Г. Ф. Миллера: <Wod> ‘Feuer’ (~ *vo*t), <Chod> ‘Papier’ (~ *xot*), <Ss{*ü}d> ‘Milch’ (~ *sə°t*).

30. Сконструированная форма <Thor>

О. Дурмуш, опираясь на работу [Сергеев 2004: 4], цитирует данное слово как <Tora> [Durmuş 2009: 506, 512–513; Durmuş 2014: 26, 352], что не верно. Запись²⁹ <Thor> ‘Gott’ отражает реальную чувашскую форму *Tor(ь)* ‘Бог’, однако по общим правилам орфографии Ф. И. Страленберга в этом случае ожидалось бы написание типа <Toгг>. Выписывание <Th- > вместо <Т- > и одинарного <-г> вместо ожидаемого двойного (см. п. 3) связано, по-видимому, с подчиненностью орфографии данного слова компаративистским идеям Ф. И. Страленберга, а именно его стремлению показать тождество имен чувашского бога *Tor(ь)* и скандинавского бога Тора. В немецкой орфографии имя последнего записывается именно как <Thor>. В целом в словниках Ф. И. Страленберга <th> в значении *t* встречается, но лишь изредка. Похоже звучащие термины для ‘Бога’ в мансийском («вогульском») и хантыйском («остяцком») списках тоже записываются с сочетанием (<Thor> и <Thorum>, соответственно).

В чувашских материалах Г. Ф. Миллера чув. *Tor(ь)* отражается как <Thora>, т. е. опять же с <Th- >, и напрямую отождествляется с «Тором древних готов» («der Thor der

alten Gothen») [Müller 1759: 344]. Выписывание <th> на месте чув. *t* в его словнике почти не встречается, так что и в данном случае следует говорить о своеобразном применении этимологического принципа в ранней чувашской орфографии.

Диалектная основа чувашских материалов Ф. И. Страленберга

Проведенный анализ создает почву для обсуждения диалектной принадлежности чувашских записей Ф. И. Страленберга. Серьезную проблему составляет, однако, не только крайне ограниченный объем языкового материала, но и невыраженность в нем каких-либо инновативных изоглосс. Между тем задача диалектной атрибуции старописьменных памятников должна решаться, прежде всего, именно на основании фонетических и морфологических инноваций: при опоре на архаизмы возможна ситуация, когда из числа претендентов на роль диалекта-основы памятника неоправданно исключается некоторый говор, в XVIII в. еще сохранявший архаичное состояние, а затем прошедший через перестройку системы [Савельев 2021: 86].

В таких обстоятельствах можно лишь рассчитывать, что по крайней мере некоторые из инноваций, противопоставивших два основных чувашских диалекта — верховой и низовой, уже проявились к началу XVIII в. При таком допущении архаизмы, отраженные в материале Ф. И. Страленберга, также могут привлекаться к решению проблемы диалектной атрибуции, однако вопрос о возможном диагностическом значении должен решаться индивидуально для каждого конкретного признака. Потенциально такое значение может быть присвоено трем фонетическим особенностям рассматриваемого языкового материала.

Во-первых, это сохранение в диалекте словника этимологически огубленных редуцированных гласных (пп. 10, 18 «Филологического комментария»). Как обычно считается, данный архаизм характеризует верховой и средненизовой диалекты, в то время как в северо-западном и низовом произошло совпадение старых огубленных и неогубленных редуцированных в нелабиализованном варианте. Однако данные Словаря П. С. Палласа показывают, что в последней четверти XVIII в. огубленные редуцированные в низовом чувашском еще сохранялись [Савельев 2014: 162, 235–238].

Следовательно, ценность этого признака для диалектной атрибуции памятника начала того же века оказывается очень сомнительной.

Во-вторых, важным с точки зрения диахронии чувашских диалектов может быть сохранение в говоре-основе памятника конечного редуцированного в исторически многосложных основах вида *CVTƏRƏ* (где *T* представляет шумный согласный, а *R* — плавный сонант). У Ф. И. Страленберга эта изоглосса отражается в записях ²¹<Kukru> ‘Bruft’, ²³<Sukru> ‘Brod’, что соответствует чувашским диалектным формам *kʲʊkrʲʊ* ‘грудь’, *śʲʊkrʲʊ* ‘хлеб’ при значительно более распространенных вариантах *kʲʊgʲʊr*, *śʲʊgʲʊr*. В форме с конечным редуцированным данные основы очень распространены в старописьменных памятниках XVIII–XIX вв. [Durmuş 2014: 177, 299; Савельев 2021: 80], а на современной диалектной карте эти «реликтовые», по формулировке [Сергеев 2007: 107], варианты отмечаются в так называемых «островных» говорах саратовских и ульяновских чувашей (отражающих ряд верховых особенностей), а также у приуральских чувашей. Разбросанность подобных форм по перифериям чувашского ареала, с одной стороны, подчеркивает архаичность данной изоглоссы, а с другой — делает невозможным ее соотнесение с какой-то конкретной группой говоров. Следовательно, и этот признак не может быть использован для географической локализации «говора Ф. И. Страленберга».

Наконец, многие формы в рассматриваемом словнике указывают на сохранение в его диалекте «общечувашского» **o* (см. п. 12 в «Филологическом комментарии»). Эта изоглосса может указывать на верховой, северо-западный (малокарачкинский) или средненизовой диалект; в низовых говорах переход **o > u*, скорее всего, уже завершился к началу XVIII в. По крайней мере, в 1780-х гг. это развитие документируется в Словаре П. С. Палласа [Савельев 2014: 133–136]; возможно, данные такого типа изредка отражаются и в более ранней (1769 г.) грамматике чувашского языка. Свидетельства в пользу возможной документации в словнике Ф. И. Страленберга «укающих» форм низового типа неубедительны: на десяток примеров с явным «оканьем» приходится лишь один случай с <u>, и еще в двух случаях о низовой огласовке можно вести речь только при введении соответствующих конъектур.

Ввиду такого соотношения «укающими» формами следует пренебречь, считая их ненадежными, а язык памятника — «окающим».

Таким образом, собственно лингвистические данные лишь в незначительной степени позволяют сузить ареал, в пределах которого мог находиться говор-основа словника Ф. И. Страленберга. Однако остается возможность сопоставления этих результатов с экстралингвистическими свидетельствами. Как было сказано выше, наиболее вероятно, что список Ф. И. Страленберга был собран в 1711 г. на пути следования колонны пленных в Сибирь, а населенная чувашами часть этого маршрута ограничивалась районами под Козьмодемьянском и Чебоксарами. В терминах диалектологической карты речь идет, соответственно, об ареалах северо-западного диалекта и северных говоров верхового диалекта чувашского языка. Первый вариант можно исключить, поскольку северо-западный диалект характеризуется крайним своеобразием, и невероятно, чтобы, будучи задокументированным, он вовсе не проявил эти особенности в лексической выборке Ф. И. Страленберга. Следовательно, материал словника следует связывать с верховым диалектом — и облик записанных слов такой атрибуции, по крайней мере, не противоречит. Если же исходить из имеющихся сведений о длительном пребывании колонны в Чебоксарах, то наиболее вероятно, что в словнике нашла отражение речь какого-то из чувашских сел неподалеку от города.

Сокращения

attr. — атрибутивная форма числительных
dat.-acc. — дательно-винительный падеж
subst. — субстантивная (счетная) форма числительных
верх. — верховой диалект чувашского языка
горн. — горное наречие марийского языка
мар. — марийский язык
нем. — немецкий язык
низ. — низовой диалект чувашского языка

Литература

Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам аналитического каталога (электронная и ежегодно обновляемая база данных) [электронный ресурс] // Рутения. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=%2Fusr%2F>

Выводы

Анализ материалов Ф. И. Страленберга показывает, что данные первого чувашского словника не являются принципиально неинтерпретируемыми, что подспудно предполагалось многими исследователями старочувашских письменных памятников. Словник Ф. И. Страленберга, действительно, нередко отражает чувашский языковой материал в очень своеобразном виде, но в большинстве случаев возможно определить, чем это своеобразие обусловлено, и предложить правдоподобные конъектуры. Оказывается, что почти все трудности в интерпретации данного памятника объясняются либо использованием нетривиальных орфографических приемов (находящих, однако, параллели в других словниках Ф. И. Страленберга и в других старочувашских памятниках XVIII в.), либо порчей записанных форм в период между первичной документацией и публикацией книги (чаще всего, как можно предполагать, в результате неверной интерпретации сходных по начертанию букв при переписывании). Лишь в единичных случаях формы Ф. И. Страленберга выглядят как изначально неточно отражавшие фонетику чувашского языка XVIII в. Сам языковой материал достаточно маловыразителен с точки зрения исторической диалектологии и может быть охарактеризован как в широком смысле верховой. Судя по экстралингвистическим свидетельствам, он был записан в районе Чебоксар и в таком случае мог отражать данные какого-то из говоров на севере верхового ареала.

ПТю — пратюрский язык

СЗ — северо-западное наречие марийского языка

сиб.-тат. — сибирско-татарский язык

тат. — (казанско-)татарский язык

удм. — удмуртский язык

уст. — устаревшее слово

фин. — финский язык

чув. — чувашский язык

як. — якутский язык

local%2Fwww%2Fdata%2Fberezkin&basename=%2Fdata%2Fberezkin%2Fberezkin&first=1 (дата обращения: 25.04.2022).

Егоров 1949 — *Егоров В. Г.* Чувашские словари XVIII века // Записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1949. Вып. 2. С. 111–142.

Комиссаров 2003 — *Комиссаров Г. И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Комиссаров Г. И. О чувашах: исследова-

- ния, воспоминания, дневники, письма / сост. В. Г. Родионов. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2003. С. 312–337.
- Манастир Рамер, Бондарь 2018 — *Манастир Рамер А., Бондарь Л. Д.* Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Мат-лы II Междунар. научн. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 395–427.
- Напольских 2018 — *Напольских В. В.* К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Изд. 2-е, испр., дополн. Казань: Казанская недвижимость, 2018. С. 462–478.
- Новлянская 1966 — *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л.: Наука, 1966. 95 с.
- Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 411 с.
- Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 2. СПб.: Тип. Шнора, 1789. 491 с.
- Петров 1978 — *Петров Н. П.* Чăваш литературра чĕлхин историйĕ: Яковлевченхи тапхăр (= История чувашского литературного языка: дояковлевский период). Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 1978. 109 с.
- Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 445 с.
- Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016. № 1(20). С. 68–104.
- Савельев 2018 — *Савельев А. В.* «Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века // Урало-алтайские исследования. 2018. № 3(30). С. 62–81.
- Савельев 2021 — *Савельев А. В.* Старочувашский памятник с различением датива и аккумулятива // Урало-алтайские исследования. 2021. № 1(40). С. 77–100.
- Сбоев 1850 — *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Ч. 1: Заметки о чувашах. Казань: Губ. тип., 1850. 272 с.
- Сергеев 2004 — *Сергеев Л. П.* XVIII ёмĕрти чăваш сырулаьхĕн палăкĕсем (= Памятники чувашской письменности XVIII века). Шупашкар: Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, 2004. 102 с.
- Сергеев 2007 — *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. 428 с.
- Сергеев 2021 — *Сергеев О. А.* Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.
- Сочинения 1769 — *Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка.* СПб.: Имп. Акад. наук, 1769. 68 с.
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. (Выпуск первый.) М.: Институт языкознания АН СССР, 1965. 324 с.
- Хузангай 2003 — *Хузангай А. П.* Шведский «прибавочный элемент» в чувашской компаративистике // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура: мат-лы междунар. конф. (г. Чебоксары, 4–6 октября 2001 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 3–14.
- Хузангай 2011 — *Хузангай А. П.* Страленберг // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 797 с.
- Durmuş 2009 — *Durmuş O.* Strahlenberg ve ilk Çuvaşça kelime listesi // *Gazi Türkiyat Dergisi*, 2009, Cilt 1, Sayı 5. S. 503–517.
- Durmuş 2014 — *Durmuş O.* 18. Yüzyıl Çuvaşçasının Söz Varlığı. Edirne: Paradigma Akademi Yayınları, 2014. VIII+553 s.
- Eren 1998 — *Eren H.* Türklük Bilimi Sözlüğü: I. Yabancı Türkologlar. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1998. X+349+32 s.
- Hovdhaugen 1975 — *Hovdhaugen E.* The Phonetic System of early 18th Century Chuvash // *Central Asiatic Journal*. Vol. 19. No. 4. 1975. Pp. 274–286.
- Munkácsi 1887 — *Munkácsi B.* Csuvás Nyelvészeti Jegyzetek // *Nyelvtudományi Közlemények (NyK)*. № 21 (1887). O. 1–44.
- Müller 1759 — *Müller G. F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwachen und Wotjaken [электронный ресурс] // *Sammlung Russischer Geschichte*. Band III, Stück IV. St. Petersburg: Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1759. 412 s.
- Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph. J. von.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 s.

References

- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Thematic Classification and Areal Distribution of Folklore/ Mythological Motifs: An [Annually Updated]

Analytical Catalogue. On: Ruthenia. Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics. Available at: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=%2Fusr%2Flocal%2F>

- www%2Fdata%2Fberezkin&basename=\data\berezkin\berezkin&first=1 (accessed: 25 April 2022). (In Russ.)
- Durmuş O. Strahlenberg and the first Chuvash wordlist. *Gazi Türkiyat Dergisi*. 2009. Vol. 1. No. 5. Pp. 503–517. (In Turk.)
- Durmuş O. The Eighteenth-Century Wordlist of Chuvash. Edirne: Paradigma Akademi, 2014. VIII+553 p. (In Chuv. and Turk.)
- Eren H. The Dictionary of Turkology. Vol. I: Foreign Turkologists. Ankara: Türk Dil Kurumu (Turkish Language Association), 1998. X+349+32 p. (In Turk.)
- Hovdhaugen E. The phonemic system of early 18th century Chuvash. *Central Asiatic Journal*. 1975. Vol. 19. No. 4. Pp. 274–286. (In Eng.)
- Khuzangai A. P. A Swedish ‘surplus element’ in Chuvash comparativistics. In: Uralic-Altaic Language Interaction. Language and Culture. Conference proceedings (Cheboksary, 4–6 October 2001). Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 2003. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Khuzangai A. P. Strahlenberg. In: The Chuvash Encyclopedia. Vol. 4. Cheboksary: Chuvashia Book Publ., 2011. 797 p. (In Russ.)
- Komissarov G. I. Chuvash script in the 18th century. In: Komissarov G. I. About the Chuvash: Studies, Memoirs, Diaries, Correspondence. V. Rodionov (comp.). Cheboksary: Chuvash State University, 2003. Pp. 312–337. (In Russ.)
- Manaster R. A., Bondar L. D. About the authorship of “*Harmonia Linguarum*” published by Ph. J. Strahlenberg. In: Tunkina I. V. (ed.) *Miller Readings — 2018: Consistency and Traditions in the Preservation and Investigation of Documented Academic Heritage*. Conference proceedings (St. Petersburg, 24–26 May 2018). St. Petersburg: Renome, 2018. Pp. 395–427. (In Russ.)
- Müller G. F. *Sammlung Russischer Geschichte*. Vol. III. Part IV: Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1759. 412 p. (In Germ.)
- Munkácsi B. Notes on the Chuvash language. *Nyelvtudományi Közlemények (NyK)*. 1887. No. 21. Pp. 1–44. (In Turk.)
- Napolskikh V. V. Philip Johan von Strahlenberg’s wordlist of Udmurt: The dialect basis revisited. In: Napolskikh V. V. *Essays on Ethnic History*. 2nd ed., rev. and suppl. Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost, 2018. Pp. 462–478. (In Russ.)
- Novlyanskaya M. G. Philip Johan von Strahlenberg. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966. 95 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected Personally [by P. S. Pallas]. Part 1. St. Petersburg: Schnorr, 1787. 411 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected Personally [by P. S. Pallas]. Part 2. St. Petersburg: Schnorr, 1789. 491 p. (In Russ.)
- Petrov N. P. A History of Standard Chuvash: The Pre-Yakovlev Period. Cheboksary: Chuvash State University, 1978. 109 p. (In Chuv.)
- Savelyev A. V. A pre-standard Chuvash text with a dative-accusative distinction. *Ural-Altaic Studies*. 2021. No. 1(40). Pp. 77–100. (In Russ.)
- Savelyev A. V. Dialect Features in Eighteenth-Century Old-Script Chuvash Texts: Pallas’s Dictionary Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2014. 445 p. (In Russ.)
- Savelyev A. V. The Chuvash translation of one sermon of the mid-19th century. *Ural-Altaic Studies*. 2016. No. 1(20). Pp. 68–104. (In Russ.)
- Savelyev A. V. Viktor Vishnevsky’s Načertaniye... and the language of Chuvash written culture in the early 19th century. *Ural-Altaic Studies*. 2018. No. 3(30). Pp. 62–81. (In Russ.)
- Sboev V. A. Surveys of Non-Russian Ethnic Groups Inhabiting Kazan Governorate. Part 1: Notes on the Chuvash. Kazan: Kazan Governorate Press, 1850. 272 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P. Chuvash Dialect System. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University, 2007. 428 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P. Eighteenth-Century Chuvash Written Monuments. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University, 2004. 102 p. (In Chuv.)
- Sergeev O. A. The Language of Mari Written Monuments: Late 17th – 18th Centuries. Yoshkar-Ola: Mari Institute for the Study of Language, Literature and History, 2021. 422 p. (In Russ.)
- Strahlenberg Ph. J. von. *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm: Autoris, 1730. 438 p. (In Germ.)
- Teplyashina T. I. Eighteenth-Century Udmurt Written Monuments. Vol. 1. Moscow: Institute of Linguistics (USSR Academy of Sciences), 1965. 324 p. (In Russ.)
- Writings on Chuvash Grammar. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1769. 68 p. (In Russ.)
- Yegorov V. G. Eighteenth-century Chuvash dictionaries. In: Notes by the [Republican] Institute for the Study of Language, Literature and History (Chuvash ASSR Council of Ministers). Cheboksary, 1949. Vol. 2. Pp. 111–142. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1373–1388, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1374-1389

Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики)

Евгений Евгеньевич Иванов¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6451-8111. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Иванов Е. Е., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются абсурдные и парадоксальные пословицы как результат категоризации пословичной семантики по критерию «отношение к действительности» в онтологическом или логическом аспектах. *Цель* исследования — установить количественные и качественные особенности реализации онтологического и логического противоречия действительности в семантике тувинских пословиц. *Материалы и методы.* Исследование проведено на материале 770 тувинских пословиц из сборников «Тувинские пословицы и поговорки» (1966), «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020) и других источников. Использована авторская методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности». *Результаты.* Было выявлено, что каждая восьмая тувинская пословица противоречит в своем прямом смысле существующему порядку вещей в мире. Онтологический характер противоречия действительности в пословицах реализуется в семантике абсурда, которая мотивирована ситуативным или вербальным контекстом, без знания которого невозможно интерпретировать буквальное содержание пословицы с точки зрения логического (рационального) мышления. Логический характер противоречия действительности в пословице реализуется в семантике парадокса, который может быть мотивирован эпистемологически, семантически или формально-логически. Противоречащей действительности может быть только одна структурная часть пословиц, которая всегда доминирует в их общем плане содержания. Характерной особенностью тувинских пословиц, противоречащих действительности, является наличие в одной из их структурных частей семантики абсурда, а в другой — семантики парадокса. *Выводы.* Неожиданно большое количество абсурдных и парадоксальных пословиц в тувинском пословичном фонде показывает, что в этнической картине мира тувинцев значимое место занимает вос-

приятие и осмысление действительности, основанные на онтологическом и/или логическом противоречии объективной реальности.

Ключевые слова: тувинский язык, тувинский фольклор, пословица, пословичная семантика, категоризация, отношение к действительности, онтологический аспект, логический аспект, абсурд, парадокс

Благодарность. Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского университета дружбы народов в рамках системы грантовой поддержки научных проектов (D.2-F/S2022).

Для цитирования: Иванов Е. Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388

Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics

*Evgeny E. Ivanov*¹

¹ RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-6451-8111. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Ivanov E. E., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with absurd and paradoxical proverbs resulting from the categorization of proverbial semantics according to the criterion of ‘relation to reality’ in the ontological or logical aspects. **Goals.** The study aims to identify quantitative and qualitative features of ontological and logical contradictions to reality traced in semantics of Tuvan proverbs. **Materials and methods.** The work analyzes a total of 770 Tuvan proverbs contained in Tuvan Proverbs and Sayings (1966), Proverbs and Sayings of the Tuvan People (2020), and other sources. The publication employs the author’s methodology for semantics categorization of aphoristic units and their differentiation into semantic types according to the criterion of ‘relation to reality’. **Results.** The article reveals that one in eight Tuvan proverbs literally (in the direct sense) contradict the existing order of things in the world. The ontological nature of a contradiction to reality in a proverb is implemented via the semantics of the absurd, which is motivated by a situational or verbal context, and it is impossible to interpret the literal content of the proverb — from the viewpoint of logical (rational) thinking — being unaware of that very context. The logical nature of the contradiction to reality in the proverb is implemented via the semantics of the paradox, which can be motivated epistemologically, semantically or formally, and logically. Only one structural part of a proverb can be contrary to reality, and this part always dominates in terms of general content. The Tuvan proverbs that contradict reality are distinguished by the presence of absurdity semantics in one of their structural parts, and that of paradox in the other one. **Conclusions.** An unexpectedly large number of absurd and paradoxical proverbs in the Tuvan proverb corpus attests to that it is reality’s perception and comprehension — based on the ontological and/or logical contradictions to objective reality — that take a significant place in the Tuvan view of the world.

Keywords: Tuvan language, Tuvan folklore, proverb, proverbial semantics, categorization, relation to reality, ontological aspect, logical aspect, absurd, paradox

Acknowledgements. The reported study was funded by RUDN University (Scientific Projects Grant System), project no. D.2-F/S2022.

For citation: Ivanov E. E. Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1373–1388. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388

Введение

Пословицы в своем прямом значении часто противоречат реалиям окружающей действительности (содержательно «выпадают» из эмпирически обусловленной картины мира). Такое противоречие существующему в реальной действительности порядку вещей свойственно паремиям различных народов мира [Kuusi 1994: 132], поэтому рассматривается в качестве универсального свойства семантики пословиц как основной разновидности афористических единиц [Иванов 2003: 54–57; Иванов 2004: 66–67].

Специфическим для разных языков является количественная представленность в пословичных фондах противоречащих действительности пословиц (соотношение с пословицами, отражающими реальный порядок вещей) и их качественное разнообразие в семантическом характере противоречия объективной картине мира (соотношение объяснимого и необъяснимого в содержании пословиц с точки зрения логического мышления) [Иванов 2014: 24; Иванов 2002: 87].

Семантика тувинских пословиц еще недостаточно широко изучена. На сегодняшний день основное внимание уделяется исследованию в них отдельных образов и символов [Болат-оол, Пелевина 2017; Салчак 2019; Чугункова 2019], когнитивных и культурных стереотипов [Доржу 2012; Коняшкин, Чадамба 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет 2020], лексико-семантических компонентов [Кечил-оол, Саая 2016; Кечил-оол, Саая 2017]).

В последнее время появились типологические описания тувинских пословичных образов и концептов на широком европейском паремиологическом фоне [Иванов, Ломакина, Нелюбова 2021]. Пословицы тувинского языка никогда не были предметом специального изучения с точки зрения категоризации их семантики по критерию «отношение к действительности».

Новейшие исследования тувинского пословичного фонда показывают, что от того, насколько адекватно описывается пословичная семантика в плане характера отражения в ней действительности, зависит

степень аутентичности перевода тувинских пословиц на другие языки [Бредис, Иванов 2022], верификация национально-культурных особенностей пословиц тувинского народа [Бредис и др. 2021; Колесникова 2022; Петрушевская 2022; Селиверстова 2022], характеристика этнокультурной и аксиологической специфики тувинской пословичной картины мира [Зиновьева, Алёшин 2022; Ломакина 2022; Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022; Нелюбова 2022], описание структуры тувинских пословиц [Бочина 2022; Иванов, Марфина, Шкуран 2022].

Актуальность исследования заключается в том, что изучение абсурдных и парадоксальных пословиц в тувинском языке позволит не только выявить количество противоречащих действительности единиц в тувинском пословичном фонде и характер языкового выражения в них абсурдного и парадоксального содержания, но и определить национально-культурные особенности возникновения как логически необъяснимого, так и логически объяснимого противоречия объективному порядку вещей в пословичной картине мира тувинского народа.

Целью исследования является установление количественных и качественных характеристик реализации онтологически и логически обусловленного противоречия действительности в тувинских пословицах с абсурдной и парадоксальной семантикой.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц, отобранных при помощи фронтальной выборки (за исключением повторений и вариантов) из сборников «Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ и О. Саган-оола [ТПП 1966] и «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа [ППТН 2020], а также из «Тувинско-русского словаря» под редакцией Э. Р. Тенишева [ТРС 1968] и монографии «Тувинцы в своем фольклоре» Г. Н. Курбатского [Курбатский 2001]. В общем количестве проанализированных тувинских пословиц абсурдное и/или парадоксальное содержание зафиксировано у 97 единиц.

В качестве методологической основы исследования использовано современное понимание языковой семантики пословиц [Паремиология в дискурсе 2015; Паремиология без границ 2020; Паремиология на перекрестках 2021], основные положения теории пословицы как афористической единицы языка [Иванов 2019; Иванов 2020; Иванов 2022б], теории пословичной картины мира [Иванова 2002; Иванова 2006], теории когнитивной семантики пословиц [Семененко 2011; Абакумова 2013], а также методы и приемы определения национально-культурно обусловленных компонентов пословичной семантики [Ivanov, Petrushevskaja 2015; Петрушевская 2015; Петрушевская 2021; Бредис, Иванов 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021; Петрушэўская 2021].

Описание этнокультурно маркированного содержания тувинских пословиц основывается на фундаментальных исследованиях тувинского фольклора [Курбатский 2001; Цэнгэльский тувинцы 2020], а также исторических фактов, этно- и социокультурных реалий Тувы [Будегечиева 2018; Ламажаа 2011; Ламажаа 2013; Ламажаа 2021], репрезентированных в пословичной картине мира тувинцев.

Для выявления и описания абсурдных и парадоксальных пословиц тувинского языка использована разработанная автором данной статьи и апробированная на материале ряда славянских и германских языков методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности» [Иваноў 2003: 43–46; Иваноў 2004: 63–65].

На том основании, что в афористических единицах выражаются «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» [Иваноў 2004: 63–64], предполагается, что такие закономерности различаются «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [Иваноў 2004: 63–64].

В зависимости от этого дифференцируются группы афористических единиц, в том числе и пословицы, в которых выражаются закономерности одного рода. «Большин-

ство выделенных семантических типов афористических единиц имеют нечетко очерченные границы, однако строгую организацию членства (для всех элементов данной категории характерен типичный набор признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию). Такой подход представляется полностью применимым и к семантической категоризации единиц пословичного фонда тувинского языка» [Иванов 2022а: 319].

В ходе исследования все избранные для анализа тувинские пословицы были дифференцированы на основании противоречия vs непротиворечия их прямого смысла существующему порядку вещей в мире. Далее те пословицы, которые содержательно противоречат действительности, были дифференцированы по критерию онтологического vs логического характера своего противоречия объективной реальности на абсурдные и парадоксальные. Основанием для разграничения абсурдных и парадоксальных пословиц выступает способ искажения действительности в пословичной картине мира, которое в первом случае имеет собственно бытийную природу (отрицание реальности как таковой и порождение альтернативного бытия), а во втором случае является результатом только тех или иных мыслительных операций (преобразование реальности вопреки здравому смыслу, но в рамках ее логического осмысления). Абсурд в своем классическом понимании — это «отрицание центрального компонента рациональности — логики» [Абсурд и вокруг 2004: 8].

В абсурдных пословицах отражение действительности лежит за пределами разумного (логического), что делает невозможным объяснение их прямого содержания с точки зрения логического (рационального) осмысления окружающего мира без знания того ситуативного и / или вербального контекста, которым мотивирована пословичная семантика. Парадоксальные пословицы могут быть содержательно интерпретированы с точки зрения логического мышления. Дифференциальным признаком парадоксальных пословиц является их «аномальная логическая структура» [Левин 1998: 504], поэтому их невозможно однозначно квалифицировать либо как ложные, либо как истинные высказывания без специального обращения к тем мыслительным операциям, которые ее породили.

Типология пословиц, противоречащих действительности

В результате исследования установлено, что свыше 12,5 % тувинских пословиц в своем прямом смысле (хотя бы одной структурной части) противоречат существующей действительности. Следует отметить, что такой показатель воспринимается, на первый взгляд, как весьма высокий (каждая восьмая пословица!), однако таковым на самом деле не является. Так, например, и в русском, и в белорусском языках количество пословиц, противоречащих действительности, составляет около 25 % [Иванов 2014: 24]. Относительно небольшое количество пословиц в тувинском языке, прямое содержание которых не соответствует реальности, объясняется тем, что этническая картина мира тувинцев во многом детерминирована предметным восприятием окружающей действительности и поведенческой обрядовой практикой, которые соответствуют хозяйственной деятельности кочевого народа и не предполагают отрицания или искажения объективного порядка вещей в природе. Тем более неожиданным выглядит и требует своего объяснения каждый случай такого отрицания или искажения реальности в тувинской пословичной картине мира.

Абсурдные пословицы

Пословицы с абсурдной семантикой составляют свыше 5,0 % от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая двадцатая тувинская пословица алогична в своем прямом значении). Напр.: *Аът — хаак, Арага — суг* 'Конь — тальник, Арага — вода' [ППТН 2020: 88]; *Довурактан тодар, Малгаштан байыыр* 'От сырой земли — сытость, От жидкой грязи — богатство' [ППТН 2020: 26]; *Дүш муңу кандыг-даа болур* 'У сна тысячи лиц' [ППТН 2020: 99]; *Ишти ий, Дашты даг* 'Внутри кипит, Снаружи трещит' [ППТН 2020: 102]; *Каарган кас эдергеш, даванын донурган* 'Погналась ворона за гусем и ноги обморозила' [ТПП 1966: 156–157]; *Кадыг сөөгүн каккырып, Чымчак сөөгүн сиңмирип* 'Выплюывая твердые кости, Сморякаясь мягкими костями' [ППТН 2020: 103]; *Кенен сеткил — кеппээн шара* 'Сиюминутное решение — невысохшая слизь' [ППТН 2020: 105]; *Мый-ыттың сагыжы танды бажында* 'Мысли кошки на вершине высокой горы' [ТПС 1968: 305];

Ыт кудуруун айбылаар 'Пес хвосту приказал' [ТПП 1966: 150–151] и др.

Однако какой бы, на первый взгляд, абсурдной ни казалась та или иная пословица, следует признать, что она всегда должна иметь объяснимое содержание. Как известно, в спонтанной речи, где обычно рождаются паремии, невозможно мыслить абсурдно и, соответственно, категоризировать объективную действительность вне какой бы то ни было связи с реальностью. Абсурдные (бессмысленные) сочетания понятий и образов всегда в той или иной степени мотивированы вербальным и/или ситуативным контекстом, без знания которого невозможно адекватно понять и осмыслить (расшифровать) содержание данной пословицы, закодированное в ней при помощи окказиональной лексической сочетаемости и/или необычной (разовой) метафоры.

Например, пословица *Кадыг сөөгүн каккырып, Чымчак сөөгүн сиңмирип* 'Выплюывая твердые кости, Сморякаясь мягкими костями' [ППТН 2020: 103] перестает восприниматься как абсурдная, если знать, что *сөөк* 'кость' имеет устаревшее метафорическое значение 'род, племя' [ТПС 1968: 386], а твердость и мягкость «костей-родов» ассоциируется в традиционной картине мира тувинцев с «твердыми» и «мягкими» породами деревьев, которыми также использовались для обозначения родства (каждый род в Туве еще на рубеже XIX–XX вв. обозначался теми или иными символами-маркерами, а каждый человек воспринимался не индивидуально, а как член данного родового сообщества). «Родство по дереву более раннее и широкое, чем родство по кости (отголоски этого поверья в загадке о кедре, в пословицах о шишке). «Твердым» (лиственница) и «мягким» (хвойные) породам деревьев соответствовали «твердые» и «мягкие» «кости-роды». Дерево определенной породы символизировало экзогамную общность группы родов» [Курбатский 2001: 191]. «Родство по кости» представлено в дальней зоне номинаций тувинского родства как «*сөөк төрөл* — родственники 'по кости'» [Кужугет и др. 2019: 155], а образ «кости» в качестве обозначения «дальней родни» зафиксирован в пословицах, например: *Сөөгүнден сивирерге-даа, төрөл чыды читпес* 'Даже если соскребать из костей, то запах родни не исчезнет' [Кужугет и др. 2019: 154].

Тувинская пословица *Кара аяк ханылыг* 'Черная пиала ответа требует' абсурдна в прямом смысле, но имеет переносное значение «каждой чаше соответствует чашка», обусловленное традиционным обычаем тувинцев всегда досыта угощать гостей, и употребляется в качестве правила «гость должен помнить оказанное ему гостеприимство и отвечать на него взаимностью» [Курбатский 2001: 282], о котором говорится и в безобразной пословице *Чаг берген кижибиле чаргы кылыр* 'Не забывай человека, что тебя угощал' [ТПП 1966: 144–145].

Пословица *Аныян аңчытпас* 'Молодость не озверять' воспринимается, на первый взгляд, как абсолютно алогичная, однако ее значение становится понятным в контексте отражения ею народного тувинского обычая, имевшего до недавнего времени силу неписанного закона, «неженатым, даже в 25–30 лет, пить хмельное, как и курить, строго запрещалось» [Курбатский 2001: 305].

Тувинская пословица *Өлген кижээ чиркен аът айтыр* 'Обещать мертвому утерянную лошадь' имеет абсурдное прямое содержание, но в переносном смысле означает «давать пустое, невыполнимое обещание». Эта паремия возникла в результате обобщения традиционного древнетюркского обычая хоронить коня вместе с его умершим владельцем. «Со смертью утрачивался образ не только человека, но и окружавших его вещей. Чтобы „переправить“ вещи умершего на тот свет, их символически портили. С этой же целью убивали лошадь покойного. По древнетюркскому обычаю, тувинцы-шаманисты, как и их соседи — алтайцы, хакасы и др., вплоть до недавнего времени коня хоронили вместе с умершим. Однако в связи с широким распространением в Туве ламаизма с середины XVIII в. эта традиция стала нарушаться. Ламы говорили, что коня взял мертвый, а сами забирали его себе. Отсюда пустое, невыполненное обещание вылилось в форму поговорки» [Курбатский 2001: 150].

Пословица *Довурактан деспе — Тодуг чуртталгаң ол. Маглаштан деспе — Бай чуртталгаң ол* 'Не чуждайся [земной] грязи: Там сытая жизнь. Не сторонись [земной] слякоти: Там богатство' [ППТН 2020: 98] перестает быть абсурдной, если актуализировать мотивированность причинно-след-

ственной связи «грязи (слякоти)» и «богатства» тем, что влажная почва обеспечивает быстрый прирост подножного корма для скота, количество которого в традиционной картине мира тувинского народа рассматривалось в качестве основного источника и мерила зажиточной жизни.

Довольно часто абсурдной по своему содержанию бывает только одна из структурных частей тувинской пословицы. Например:

– *Доңгурактан даңгырак чидиг, Тоолайдан таалай чүгүрүк* 'Клятва ножа острее, Заяц молва быстрее' [ППТН 2020: 26], где алогичностью характеризуется первая часть, в которой обобщен древнейший обычай судопроизводства, когда подозреваемый должен был принести присягу-клятву в своей невиновности, после чего его подвергали жестоким пыткам-испытаниям: «по феодальным нормам, сдержавший клятву, не сознавшийся в преступлении, стойко выдержавший все пытки считался невиновным, чуть ли не героем, он и его род, община освобождались от штрафа в пользу потерпевшего» [Курбатский 2001: 235]; при этом самой страшной считалась клятва на ноже, когда вложив клинок ножа в рот, допрашиваемый клялся: „Если я лгу, пусть этот нож войдет в меня и перережет все внутренности...“» [Курбатский 2001: 235];

– *Саасканның кара чаарда, Чазыйның кара чагда* 'Сорока ищет сбитую спину, Обжора — сало' [ППТН 2020: 48], где абсурдна также первая часть, если не знать, что в ней отражено народное наблюдение за поведением сороки, которая весьма часто «со спин домашних животных отбрасывает отложенных насекомыми личинок» [Курбатский 2001: 117];

– *Хана баарынга төрүүр, Хая баарынга өлүр* 'В стенах юрты рождаются, Под скалой умирают' [ППТН 2020: 57], где алогична вторая часть пословицы, в которой «обобщена известная со времен средневековья традиция скальных групповых захоронений» [Курбатский 2001: 149];

– *Кургаг ыяштың чөвүрэзи куу, Куурумчу кижиниң арны куу* 'У высохшего дерева серая кора, У непутевого человека серое лицо' [ППТН 2020: 109], где вторая часть воспринимается как абсурдная, но только в отрыве от первой, в которой используется природный образ «серой коры» мертво-

го дерева как основание для последующего сравнения с «серым лицом» духовно «мертвого» человека.

В некоторых случаях каждая из структурных частей пословицы, будучи взятой по отдельности, не имеет абсурдного содержания, однако в составе пословицы они образуют алогичное сочетание, обуславливающее восприятие общего прямого смысла пословицы как абсурдного. Например: *Ашак болза салдыг, Анай болза кудуруктуг* 'Если старик — с бородой, Козленок — с хвостом' [ППТН 2020: 88], где параллельная связь старика с козленком, а бороды с хвостом необъяснима с точки зрения логического мышления; *Тын — алдын, Хун — күзел* 'Жизнь — золото, Солнце — надежда' [ППТН 2020: 52], где вполне допустимо сравнение независимо друг от друга жизни и золота (в материальном плане, когда благополучная жизнь связывается с роскошью), солнца и надежды (в мифопоэтической картине мира, когда с солнцем связываются все позитивные устремления), однако соположение таких сравнений воспринимается как алогичное (общее содержание пословицы не является суммой значений ее структурных частей, поэтому выходит за рамки рационального объяснения).

То же самое можно наблюдать и в пословице *Авазы хун болза, Ачазы ай болур* 'Если солнце — мать, Отец — луна' [ППТН 2020: 80], в которой само по себе отождествление природных объектов с ближайшим кровным родством вполне объяснимо их мифопоэтическим восприятием, однако установление взаимосвязи между солнцем и луной, как между «матерью» и «отцом», является аномальным и не поддается объяснению даже в рамках традиционной картины мира тувинцев, у которых, согласно их «мифопоэтическому сознанию, жизнь людей непосредственно зависела от энергии солнца, «небесного отца». Лучи (нити, поводья) восходящего солнца («макушка небесного отца») воспринимались как носители жизненного, оплодотворяющего начала» [Курбатский 2001: 151]. Отношения родства приписывались солнцу (отцу) и земле (матери), что соответствовало восприятию природы кочевым народом, жизнь и благополучие которого прямо зависела от естественной взаимосвязи природных сил и явлений. «Основные условия роста и раз-

вития растений определены через термины кровного родства: *хун адалыг, чер иелиг, суг угбалыг* 'солнце — отец, земля — мать, вода — сестра'» [Курбатский 2001: 157].

Обращение к ирреальным ситуациям и образам используется в абсурдных тувинских пословицах не только как прием иносказательного обобщения действительности, но и как способ усиления прагматического воздействия той дидактически значимой обобщенной мысли, которая закодирована в абсурдном содержании пословицы. Так, абсурдность ситуации «деревья стремятся за людьми» способствует созданию эффекта иронии, усиливающей высмеивание зазнайства в пословицах *Дыттар бажы бедик-даа бол, Дуңмаларга кайыын чедер* 'Как бы ни были высоки вершины деревьев, Братьев вряд ли они достанут'; *Арга ишти шыргай-даа бол, Акыларга кайыын чедер* 'Как бы ни была густа лесная чаща, Вряд ли она сравняется с этими дядями' [Курбатский 2001: 306].

С помощью абсурдного образа «окровавленных мужских гениталий» саркастически, на грани грубости осуждаются любые проявления неряшливости, неаккуратности в пословице *Кодан өлүрген кижиниң Кодаанда бээр хан* 'У человека, разделявавшего зайца, Даже половой член в крови' [Курбатский 2001: 309].

Абсурдная ситуация «дойти до небесных светил» используется в тувинской пословице *Айтырып шорааи, Айга, хунге-даа чеде бээр* 'Обогащаясь знанием, До луны, солнца можно дойти' [ППТН 2020: 84] в качестве гиперболы-подтверждения того, чего может достигнуть просвещенный человек, для повышения убедительности пословичной мысли о пользе приобретения знаний.

Парадоксальные пословицы

Пословицы с парадоксальной семантикой составляют около 7,5 % от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая тринадцатая тувинская пословица в своем прямом значении имеет аномальную логическую структуру). Например: *Аштай-аштай, тодугга чеддер, Дона-дона, чылыгга чеддер* 'Голодая-голодая, до сытости доживут, Замерзая-замерзая, до тепла дойдут' [ППТН 2020: 18]; *Бениң көрбээн черин кулун көөр* 'Там, где не была кобыла, жеребенок будет' [ППТН 2020: 91]; *Дарган кижиниң*

масказы чок, Базаңчы кижиниң балдызы чок ‘У кузнеца нет молотка, У плотника — топора’ [ППТН 2020: 96]; Дуктүг чүве та-заргыже, Тас чүве дүктейгиге ‘И волосатое становится плешивым, А плешивое — волосатым’ [ППТН 2020: 99]; Келдир кижиилаксаар, Аскак кижии маңнаксаар ‘Заика хочет петь, Хромой — бегать’ [ППТН 2020: 105]; Күзээр болза, хулбүс-даа бичелей бээр, Күзээр болза, хулчүк-даа улгады бээр ‘Если захотеть, и косуля станет мальцом, А мош-кара станет великаном’ [ППТН 2020: 110]; Өөрээнде — ыглаар, Муңгараанда — кат-тырар ‘От радости плачут, В горе — сме-ются’ [ППТН 2020: 46] и др.

Аномальность логической структуры парадоксальных пословиц имеет различную природу, которая детерминирована тремя основными факторами: эпистемологическим, семантическим и формально-логическим.

С эпистемологической точки зрения все парадоксальные пословицы разграничиваются по критерию искусственного vs естественного характера возникновения противоречия объективному порядку вещей. «Пословицы, выражающие такие ситуации, существование которых невозможно с точки зрения практического опыта человека, можно определить как эпистемологические парадоксы» [Иванов 2014: 22]. Порождение пословиц, в которых искусственно моделируются эпистемологически невозможные ситуации, обусловлено «игрой разума», но всегда мотивировано той или иной реальной ситуацией из народной жизни.

Например, тувинская пословица, содержащая эпистемологический парадокс, Даң-зазы чок — таакпызырак, Дашказы чок — арагазырак ‘Курильщик без трубки, Пьяница без рюмки’ [ППТН 2020: 24] употреблялась по отношению к бедным, которые не имели самых необходимых вещей для кочевой жизни. Так тувинцы добродушно подшучивали «над не имевшими скота, сбруи, домашней утвари» [Курбатский 2001: 222].

Еще одна пословица на основе эпистемологического парадокса Орук аксы олчалыг, Кежиг аксы кежиктиг ‘На развилке дорог найдешь добычу, у переправы реки — счастье’ [ТПП 1966: 154–155] отражает традиционный кочевой образ жизни тувинского народа, во многом определивший его мировосприятие и мировоззрение.

В тувинской национальной картине мира жизнь невозможна без постоянного движения, без пребывания в пути, без каждодневных многочисленных забот кочевника, связанных с выживанием в суровых природных условиях. Тувинцы считают, что «цель достигается в пути, в движении, в деле» [Курбатский 2001: 299], о чем прямо говорят в своих пословицах: Барзыңза мөрүң, барбазыңза шоруң ‘Пойдешь — будет тебе удача, не пойдешь — будешь сам виноват’ [ТРС 1968: 302].

Иногда эпистемологический парадокс в пословице основывается на шутке, которая мотивирована реальным положением дел. «Доведенный до отчаяния бедняк вынуждался на воровство, фактически, несмотря на шуточный оттенок, оправдываемое пословицей Чарлыг оорда кем чок ‘Вор, открыто заявивший, что украдет, невиновен’» [Курбатский 2001: 226].

С помощью эпистемологических парадоксов в тувинской пословичной картине мира моделируются границы воображаемого и действительного, желанного и достижимого, неосуществимого и реального, например: Кудук суу балык күзээр ‘Вода колодца мечтает о рыбе’; Тас баш дүк күзээр ‘Лысина мечтает о волосах’; Куу ыяш бүрү күзээр ‘Сухое дерево хочет листьев’ [Курбатский 2001: 84].

Все парадоксальные пословицы, в которых противоречие действительности носит естественный характер (не эпистемологические парадоксы), дифференцируются в зависимости от семантического или собственно логического фактора возникновения аномальной логики на два основных типа: «семантические парадоксы» и «формально-логические парадоксы» [Иванов 2014: 22].

Семантические парадоксы возникают, как правило, либо в результате неограниченных и неоговоренных специально отношений номинации на уровне отдельных лексических компонентов, либо потому, что определенным лексическим компонентам в составе высказывания «приписывается» только одно строгое значение. В результате ранее проведенного исследования было установлено, что в семантическом парадоксе слова употребляются как «термины» (когда объемы лексического значения и понятия совпадают) независимо от того, явля-

ется каждое из этих слов многозначным или не является [Иванов 2014: 22]. Иначе говоря, семантическая парадоксальность основывается на неверном (избирательном) понимании значения отдельных лексических компонентов высказывания (либо слишком узком, либо излишне широком, либо лишь прямом, либо только переносном, либо исключительно узуальном, либо лишь одним из нескольких и т. п.).

Например, тувинская пословица *Бай кижиниң (аалдын) коданы кара* ‘У богатого человека (аала) стойбище черное’ [Курбатский 2001: 228] является по своему содержанию семантическим парадоксом, который возникает в силу семантической неопределенности лексического компонента *кара*, который понимается в своем основном значении ‘черный’ [TPC 1968: 226], однако имеет в пословице иной смысл, связанный с мерилем богатства — количеством домашнего скота, в том числе лошадей. У богатого стойбище черное потому, что «много скота, выбившего кругом траву» [Курбатский 2001: 229], т. е. в пословице компонент *кара* более соответствует своему второму значению ‘темный’ [TPC 1968: 226], мотивированному представлением о вытопанной земле, начисто лишенной травы, удобренной навозом, поэтому имеющей темный оттенок, близкий к черному цвету.

В тувинской пословице *Ада кижиги огулун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр* ‘Отец гордится сыном, а павлин — хвостом’ [ТПП 1966: 54–55] вторая часть является семантическим парадоксом, поскольку *алдын-доос* в ней обозначает не птицу ‘павлин’, а чиновника, который ассоциировался в народном сознании с павлином. Верховным собственником земли в феодальной Туве до XIX в. выступал маньчжуро-китайский император, власть которого представляли местные тувинские чиновники. «Наличие образа павлина в пословице объясняется тем, что китайское правительство за исправное отправление должности жаловало крупных чиновников отличительным знаком-одага. К их шапкам прикрепляли пучок павлиньих перьев, продетых через серебрянную или стеклянную трубочку» [Курбатский 2001: 231].

Нередко семантический парадокс детерминирован метафорой, особенно в случае использования в пословице предметной

образности, например: *Демниг сааскан Теве тудуп чиир* ‘Дружные сороки и верблюда одолеют’ [ППТН 2020: 25], где парадоксальной пословица является только в прямом значении («сорока» и «верблюд» являются зооморфными образами, символизирующими силу «сплоченных слабых» и слабость по сравнению с ними «одного сильного»); *Азаның бичези кежээ* ‘Маленький черт самый шустрый’ [ТПП 1966: 158–159], *Азаның бичези кончуг* ‘Младший чертенок умнее (мудрее)’ [Курбатский 2001: 215], где парадокс основан на прямом значении лексического компонента *азаның* ‘черт’ [TPC 1968: 45] (в переносном смысле означающего в пословице ‘ребенок’) и т. д.

Формально-логические парадоксы, в отличие от семантических, порождаются вследствие отсутствия информации, необходимой для адекватного понимания данной пословицы. «Логические парадоксы возникают в результате логически правильного рассуждения (или вывода) в случае, когда отсутствуют (намеренно пропущены) тезисы и/или аргументы» [Иванов 2014: 22], что характерно для устной разговорной речи, в которой создается большинство пословиц.

Так, тувинская пословица *Оолдуг кижиги оя сөглээр, Кыстыг кижиги кыя сөглээр* ‘Имеющий сыновей прямо говорит, Имеющий дочерей — намеками’ [ППТН 2020: 42] воспринимается как парадоксальная в формально-логическом плане (из ее содержания не следует, почему именно так говорят отцы), если не знать, что ее смысл является выводом из следующих тезисов: во-первых, в традиционной культуре брак считался обязательным для каждого тувинца; во-вторых, отец дочери-невесты считался «богатым», что подтверждает содержание другой пословицы *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, күдээ белен* ‘Был бы зимник — скот найдется, Была бы дочь — зять сыщется’ [ТПП 1966: 50–51]; в-третьих, отец дочери-невесты, в отличие от отца жениха, «мог и хитрить, выбирая более достойного зятя» [Курбатский 2001: 194].

К формально-логическим парадоксам относятся такие тувинские пословицы, которые для логически непротиворечивого понимания своего прямого содержания требуют актуализации тезисов, из которых оно выводимо, например: *Аскырлыг*

аалдың уруглары сонугарак болур, Бугалыг аалдың уруглары кортук болур 'Дочки аала, где есть жеребец, — любопытны, Дочки аала, где есть бык, — трусливы' [ППТН 2020: 87]; Бичии кижиниң аксы — Ийи дугаар караа болур 'У ребенка рот, что вторые глаза' [ППТН 2020: 92]; Дорттааи, тос хонар 'Хотел напрямик, потерял девять дней' [ППТН 2020: 26]; Каракты элезин доллар 'Глаза закроем только песок' [ППТН 2020: 104]; Кижиниң өлүмү сала бажында 'Смерть человека может быть на кончике пальца' [ППТН 2020: 107]; Кижии хөңнү — киши кулаа 'Человеческое настроение — что соболю уши' [ППТН 2020: 108]; Хачызы чидигде — каас 'Ножницы остры — человек наряден' [ППТН 2020: 58]; Чалгаа кижии часка четпес, Чарык доскаар күске четпес 'Ленивый человек весны не дожидается, Дырявая бочка до осени не сохранится' [ППТН 2020: 64]; Эштиг кижии эгенмес, Чаптыг кижии чалданмас 'Имеющий друга — не стыдится, Имеющий ребенка — не боится' [ППТН 2020: 78] и др.

Следует отметить, что в логико-семантическую структуру некоторых тувинских пословиц входят тезисы, необходимые для логически правильного, непротиворечивого понимания пословичного смысла, напр.: Инек малдан кээп дүжерже, Ийи мыйызы биле кудуруун дөжээр, Ынчангаи кадыг болур. Чылгы малдан кээп джерге, Чымчак кудуруу биле челин дөжээр, Ынчангаи чымчак болур 'Падаешь с бычка — Стелятся рога и хвост костяной, Поэтому жестко. Падаешь с лошади — Стелятся грива и хвост волосистой, Поэтому мягко' [ППТН 2020: 101]. Если такие тезисы в пословице элиминировать, то она незамедлительно превращается в формально-логический парадокс, ср.: Инек малдан кээп дүжерже, Ынчангаи кадыг болур. Чылгы малдан кээп джерге, Ынчангаи чымчак болур 'Падаешь с бычка, Поэтому жестко. Падаешь с лошади, Поэтому мягко' (?!).

Парадоксальное содержание может быть свойственно только одной структурной части тувинской пословицы, например: Бот кижээ хырын херек, Бода малга чыдын херек 'Холостому человеку главное — еда, Крупному скоту — лежбище' [ППТН 2020: 93], ср. ее формальный вариант Бот кижиниң хырыны улуг, Бода малдың чыдыны улуг 'Холостому нужно много еды, Крупному

скоту — много места' [ППТН 2020: 93], где часть «о холостом человеке» — это формально-логический парадокс.

В отдельных случаях в пословице одна ее структурная часть может быть парадоксальной, а другая — абсурдной. Такова, например, пословица, которую приводит Г. Н. Курбатский, ср.: Даай көргенде, чээн омак, Даг көргенде, бөрү омак 'Увидев дядю по матери, племянник радуется, Увидев гору, волк радуется' [Курбатский 2001: 217]. Вторая ее часть имеет абсурдное содержание, поскольку может быть адекватно интерпретирована только человеком, сведущим в охоте на волка в природных условиях Тувы, где преследуемый конным охотником волк имеет шанс на спасение только в случае, если убежит в горы, куда лошадь не сможет взобраться. В свою очередь, первая часть данной пословицы представляет собой формально-логический парадокс, поскольку ее содержание выводится из целого ряда тезисов: во-первых, для раннего периода истории тувинского народа был характерен материнско-родовой строй (матриархат); во-вторых, особенная близость дяди по матери к своему племяннику сохранилась у тувинцев и в более позднее время; в-третьих, дядя по матери был обязан по древнему обычаю оказывать своему племяннику любую материальную помощь, нередко весьма разорительную; в-четвертых, родственное отношение племянника к своему дяде по матери довольно часто основывалось не на искренних чувствах, а на корыстном расчете (что в итоге привело к преобразованию сравнения образов племянника и волка в их сближение в виде метафоры «племянник – волк») [Курбатский 2001: 217].

Пословицы, в которых выражаются закономерности, определяемые на основе индивидуализированного опыта («грегерические» пословицы [Иванов 2022а: 326–328]), на первый взгляд, весьма близки по своему содержанию пословицам, которые противоречат объективной действительности (абсурдным или парадоксальным), например: Күс дүжерже, Күске байыыр 'Осень наступит, Празднует мышь' [ППТН 2020: 110]; Эжи хозарның экти кызык, Ийи кызарның арны кызыл 'Жена не любит — плечи сутулые, Обувь жмет — лицо красное' [ППТН

2020: 75] и т. п. Тонкая граница между греческими и парадоксальными (абсурдными) пословицами проходит в отличие от закономерностей, которые противоречат субъективным представлениям о действительности (как индивида, так и отдельного языкового коллектива), от таких закономерностей, которые противоречат объективной картине мира вообще.

Заключение

Анализ тувинских пословиц с точки зрения противоречия их прямого содержания объективной реальности позволил, во-первых, непротиворечиво дифференцировать абсурдные и парадоксальные пословицы по критерию «отношение к действительности», соответственно — в онтологическом и логическом плане, во-вторых, установить их количественную представленность в тувинском пословичном фонде, в третьих, выявить языковые и национально-культурно обусловленные особенности реализации семантики абсурда и парадокса в тувинских пословицах, в-четвертых, показать то особое место в пословичной и этнической картинах мира тувинцев, которое занимает отрицание или искажение реальности.

Установлено, что в тувинском пословичном фонде каждая восьмая пословица в своем прямом значении противоречит действительности. Противоречивость существующему порядку вещей в мире в тувинских пословицах имеет характер либо онтологический, либо логический. При онтологическом противоречии реальность отрицается, и порождается семантика абсурда, который находится за пределами логического мышления (в каждой двадцатой тувинской пословице), а при логическом противоречии реальность искажается и возникает семантика парадокса, который всегда порождается в результате логически обусловленных мыслительных операций (в каждой тринадцатой тувинской пословице). Семантика парадокса мотивирована в тувинских пословицах либо эпистемологически (искусственным преобразованием реальной ситуации в нереальную), либо семантически (неверным выбором одного из возможных значений лексического компонента), либо формально-логически (намеренной заменой или опущением положений, необходимых для логически правильного вывода).

Абсурдной или парадоксальной по содержанию часто является не вся тувинская пословица, а одна из ее структурных частей, которая всегда выступает семантической доминантой. В этом случае обращение к нереальным и противоречащим логике образам и ситуациям в пословицах используется не только для иносказательного обобщения действительности, но и для усиления дидактического воздействия той обобщенной мысли, которая таким образом закодирована в пословичной семантике. Яркой особенностью тувинских пословиц является комбинация в них абсурдной и парадоксальной семантики, каждая из которых реализуется в разных структурных частях одной и той же пословицы.

Количественная представленность абсурдных и парадоксальных пословиц является неожиданно высокой для традиционной картины мира тувинцев, которая сформировалась под влиянием хозяйственной деятельности кочевого народа, опирающегося в восприятии окружающей действительности и поведенческой обрядовой практике прежде всего на объективный порядок вещей в природе. Такая ориентация этнической картины мира тувинцев детерминировала то, что абсурдная или парадоксальная семантика тувинских пословиц всегда мотивирована национально-культурно маркированным ситуативным или вербальным контекстом, историческим фактом, природным или социальным условием, хозяйственным фактором или обрядовым поведением. Иначе говоря, каждый абсурд или парадокс в тувинских пословицах объясним, если знать, какая именно онтологическая или логическая причина мотивировала его возникновение. Это в свою очередь убедительно свидетельствует о том, что отрицание и искажение действительности занимает значимое место как способ восприятия и осмысления действительности в пословичной и этнической картинах мира тувинцев.

Ближайшей перспективой дальнейшего изучения когнитивной структуры тувинской пословичной картины мира является исследование тех пословиц, содержание которых не противоречит действительности, с точки зрения уже эмпирического и аксиологического аспектов категоризации пословичной семантики.

Источники

- ППТН 2020 — Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тув. кн. изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с.
- ТПП 1966 — Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Литература

- Абакумова 2013 — *Абакумова О. Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 353 с.
- Абсурд и вокруг 2004 — Абсурд и вокруг: сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. 448 с.
- Болат-оол, Пелевина 2017 — *Болат-оол Р. В., Пелевина Н. Н.* Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 29–32.
- Бочина 2022 — *Бочина Т. Г.* Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3
- Бредис, Иванов 2021 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615
- Бредис, Иванов 2022 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. DOI: 10.25178/nit.2022.1.2
- Бредис и др. 2021 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю., Кужугет Ш. Ю.* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. DOI: 10.25178/nit.2021.4.11

Sources

- Budup B. K. (comp.) Proverbs and Sayings of the Tuvan People. Kyzyl: Tuva Book Publ., Raduga Tuvy, 2020. 112 p. (In Tuv.)
- Khadakhane M., Sagan-ool O. (comps.) Tuvan Proverbs and Sayings. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1966. 172 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 648 p. (In Tuv. and Russ.)

- Будегечиева 2018 — *Будегечиева Т. Б.* Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл: ТувГУ, 2018. 115 с.
- Доржу 2012 — *Доржу К. Б.* Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. 2012. № 1. С. 94–98.
- Егорова, Кондакова, Кужугет 2020 — *Егорова А. И., Кондакова А. П., Кужугет М. А.* Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 18–31. DOI: 10.25178/nit.2020.1.2
- Зиновьева, Алёшин 2022 — *Зиновьева Е. И., Алёшин А. С.* Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. DOI: 10.25178/nit.2022.1.9
- Иванов 2014 — *Иванов Е. Е.* Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 21–24.
- Иванов 2019 — *Иванов Е. Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170
- Иванов 2020 — *Иванов Е. Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706
- Иванов 2022a — *Иванов Е. Е.* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22
- Иванов 2022b — *Иванов Е. Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

- Иванов, Ломакина, Нелюбова 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю.* Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
- Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032
- Иванов, Марфина, Шкуран 2022 — *Иванов Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран О. В.* Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. DOI: 10.25178/nit.2022.1.4
- Иванова 2002 — *Иванова Е. В.* Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб.: СПбГУ, 2002. 155 с.
- Иванова 2006 — *Иванова Е. В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: СПбГУ, 2006. 280 с.
- Иваноў 2002 — *Иваноў Я. Я.* «Парадоксы» і «каань» як семантычныя тыпы афарыстычных выказванняў // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. 2002. № 2(32). С. 82–88. (На белорус. яз.)
- Иваноў 2003 — *Иваноў Я. Я.* Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // *Frazeologické štúdie*. Т. III / eds.: J. Mlacek, P. Ďurčo. Bratislava: Stimul, 2003. S. 43–60. (На белорус. яз.)
- Иваноў 2004 — *Иваноў Я. Я.* Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2004. № 1. С. 63–68. (На белорус. яз.)
- Кечил-оол, Саая 2016 — *Кечил-оол С. В., Саая О. М.* Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–2(63). С. 107–109.
- Кечил-оол, Саая 2017 — *Кечил-оол С. В., Саая О. М.* Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–1(72). С. 92–95.
- Колесникова 2022 — *Колесникова С. М.* Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 90–103. DOI: 10.25178/nit.2022.1.6
- Коняшкин, Чадамба 2017 — *Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С.* Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6(67). С. 616–618.
- Кужугет и др. 2019 — *Кужугет Ш. Ю., Сувандии Н. Д., Дамбаа Ш. В., Ламажаа Ч. К.* Концепт *төрөл* ‘родственник’ в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 149–157. DOI: 10.25178/nit.2019.3.12
- Курбатский 2001 — *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Ламажаа 2011 — *Ламажаа Ч. К.* Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2011. 368 с.
- Ламажаа 2013 — *Ламажаа Ч. К.* Архаизация общества: тувинский феномен. М.: Либроком, 2013. 272 с.
- Ламажаа 2021 — *Ламажаа Ч. К.* Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.
- Левин 1998 — *Левин Ю. И.* Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 504–519.
- Ломакина 2022 — *Ломакина О. В.* Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. DOI: 10.25178/nit.2022.1.1
- Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022 — *Москвичева С. А., Александрова О. И., Эбзеева Ю. Н.* Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182. DOI: 10.25178/nit.2022.1.11
- Нелюбова 2022 — *Нелюбова Н. Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. DOI: 10.25178/nit.2022.1.10
- Паремиология без границ 2020 — *Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной.* М.: РУДН, 2020. 244 с.
- Паремиология в дискурсе 2015 — *Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной.* М.: URSS; Ленанд, 2015. 294 с.

- Паремиология на перекрестках 2021 — Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.
- Петрушевская 2015 — Петрушевская Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // *Acta Germano-Slavica*. Вып. 6 / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. С. 213–216.
- Петрушевская 2021 — Петрушевская Ю. А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // *WEST – EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*. 2021. Vol 5. № 1. С. 61–72. DOI: 10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72
- Петрушевская 2022 — Петрушевская Ю. А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 3. С. 241–263. DOI: 10.25178/nit.2022.3.16
- Петрушэўская 2021 — Петрушэўская Ю. А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Могилёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2021. 220 с. (На белорус. яз.)
- Салчак 2019 — Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // *Символ науки*. 2019. № 6. С. 25–27.
- Селиверстова 2022 — Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 115–130. DOI: 10.25178/nit.2022.1.8
- Семененко 2011 — Семененко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 355 с.
- Цэнгэльская тувинцы 2020 — Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература / науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск: Наука, 2020. 152 с.
- Чугунекова 2019 — Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 10–2(37). С. 18–21.
- Ivanov, Petrushevskaja 2015 — Ivanov E., Petrushevskaja Ju. Etymology of English Proverbs // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.
- Kuusi 1994 — Kuusi M. Concerning Folk Paradoxes // *Mind and Form in Folklore. Selected Essays of Matti Kuusi* / ed. H. Ilomaki. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. Pp. 131–141.
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (On the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021. Vol. 11. No. 4. Pp. 607–615. (In Russ.) DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615
- Bredis M. A., Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu., Kuzhuget Sh. Yu. A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocultural commentary as compared to European paremies. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 143–160. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.4.11
- Bredis M. A., Lomakina O. V. (eds.) *Paremiology without Borders*. Moscow: RUDN University, 2020. 244 p. (In Russ.)
- Budegechieva T. B. *Tuvan Culture: The Material and the Spiritual, Traditions and Innovations*. Kyzyl: Tuvan State University, 2018. 115 p. (In Russ.)

References

- Abakumova O. B. Proverbs in Language, Consciousness, and Communication: Cognitive Modelling of Ideas behind a Proverb in Discourse, and Referential/Evaluative Typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech Proverbs about Truth and Lies. St. Petersburg: Aleph-Press, 2013. 353 p. (In Russ.)
- Bochina T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 37–46. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.3
- Bolat-ool R. V., Pelevina N. N. On woman's image in Tuvanian and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2017. No. 21. Pp. 29–32. (In Russ.)
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (As contrasted to Russian and English languages). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 17–36. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.2

- Burenina O. (ed.) The Absurd and Beyond. Collected papers. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2004. 448 p. (In Russ.)
- Chugunekova A. N. Symbolism of numbers in Khakass and Tuvan paremiology. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. No. 10–2(37). Pp. 18–21. (In Russ.)
- Dorzhu K. B. Comparison of how negative and reproachful qualities of people are expressed in Russian and Tuvan sayings. *Vestnik of Tuvan State University*. 2012. No. 1. Pp. 94–98. (In Russ.)
- Egorova A. I., Kondakova A. P., Kuzhuget M. A. Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *The New Research of Tuva*. 2020. No. 1. Pp. 18–31. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.1.2
- Ivanov E. E. 'Paradoxes' and 'kōans' as semantic types of aphoristic phrases. *BSPU Bulletin*. 2002. No. 2 (32). Pp. 82–88. (In Bel.)
- Ivanov E. E. Aphorism as an object of linguistics: The main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 659–706. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706
- Ivanov E. E. Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*. 2019. Vol. 17. No. 2. Pp. 157–170. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157–170
- Ivanov E. E. Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*. 2022. Vol. 20. No. 2. Pp. 167–185. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185
- Ivanov E. E. Paradoxical proverbs in Russian and Belarusian. *Vestnik NovSU. Issue: Philological Sciences*. 2014. No. 77. Pp. 21–24. (In Russ.)
- Ivanov E. E. Semantic typology of aphorism in Slavic and Germanic languages. In: Mlacek J., Ďurčo P. (eds.) *Phraseological Studies*. 2003. Vol. III. Pp. 43–60. (In Bel.)
- Ivanov E. E. Semantic typology of Tuvan proverbs (Empirical and axiological aspects). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 4. Pp. 317–337. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.4.22
- Ivanov E. E. Semantics of aphoristic phrases: A case study of Slavic and Germanic language materials. *Journal of the Belarusian State University*. 2004. No. 1. Pp. 63–68. (In Bel.)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V. Paremiology: At the Crossroads of Languages and Cultures. Moscow: RUDN University, 2021. 246 p. (In Russ.)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *The New Research of Tuva*. 2021. No. 3. Pp. 232–248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya J. A. The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 993–1032. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032
- Ivanov E. E., Marfina Zh. V., Shkuran O. V. Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 47–68. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.4
- Ivanov E., Petrushevskaya J. Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8. No. 5. Pp. 864–872. (In Eng.)
- Ivanova E. V. Proverbial World Views: A Case Study of English and Russian Proverbs. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2002. 155 p. (In Russ.)
- Ivanova E. V. The World in English and Russian Proverbs. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006. 280 p. (In Russ.)
- Kechil-ool S. V., Saaya O. M. Specifics of phraseological units with the component “ear” in the Tuvanian language in comparison with the Russian. *Philology. Theory & Practice*. 2016. No. 9–2(63). Pp. 107–109. (In Russ.)
- Kechil-ool S. V., Saaya O. M. The semantic peculiarities of phraseological units with the component “hand” in the Tuvan and Russian languages. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 6–1(72). Pp. 92–95. (In Russ.)
- Kolesnikova S. M. Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 90–103. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.6
- Konyashkin A. M., Chadamba Sh. S. Linguocultural aspect of the Tuva paremiology in texts of the Russian literary translations. *The World of Science, Culture and Education*. 2017. No. 6(67). Pp. 616–618. (In Russ.)
- Kurbatsky G. N. Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Kuusi M. Concerning folk paradoxes. In: Ilomäki H. (ed.) *Mind and Form in Folklore. Selected Essays of Matti Kuusi*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1994. Pp. 131–141. (In Eng.)
- Kuzhuget Sh. Yu., Suvandii N. D., Dambaa Sh. V., Lamazhaa Ch. K. The concept of *модел* ('relative') in the Tuvan linguistic world picture. *The*

- New Research of Tuva*. 2019. No. 3. Pp. 149–157. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.3.12
- Lamazhaa Ch. K. Archaization of Society: The Tuvan Phenomenon. Moscow: Librokom, 2013. 272 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Essays on Contemporary Tuvan Culture. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 192 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Tuva: Between Past and Future. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Aletheia, 2011. 368 p. (In Russ.)
- Levin Yu. I. Logical/semiotic experiment in folklore. In: Levin Yu. I. Selected Works. Poetics. Semiotics. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1998. Pp. 504–519. (In Russ.)
- Lomakina O. V. (ed.) Paremiology in Discourse. Moscow: URSS, Lenand, 2015. 294 p. (In Russ.)
- Lomakina O. V. Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 6–16. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.1
- Moskvitcheva S. A., Aleksandrova O. I., Ebzeeva Yu. N. Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 164–182. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.11
- Nelyubova N. Yu. Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 146–163. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.10
- Petrushevskaya J. A. Belarusian Proverbs: Language Specifics and Ethnic Features. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2021. 220 p. (In Bel.)
- Petrushevskaya J. A. Methodology for determining national, international and universal in Belarusian phraseology and paremiology. *WEST – EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*. 2021. Vol. 5. No. 1. Pp. 61–72. (In Russ.) DOI: 10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72
- Petrushevskaya J. A. Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 3. Pp. 241–263. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.3.16
- Petrushevskaya Yu. A. The universal and the national in paremiological system of language: Analyzing Enkish and Belarusian language materials. In: Ivanov E. E. (ed.) Acta Germano-Slavica. Vol. 6. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2015. Pp. 213–216. (In Russ.)
- Salchak A. M. Image of wolf in Tuvan and English proverbs. *Symbol of Science*. 2019. No. 6. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Seliverstova E. I. Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 115–130. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.1.8
- Semenenko N. N. Russian Paremiology: Functions, Semantics, Pragmatics. Stary Oskol: ROSA, 2011. 355 p. (In Russ.)
- Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 131–145. DOI: 10.25178/nit.2022.1.9
- Zolbayar G., Bayarsaikhan B. (eds.) Tsengel Tuvans: Folklore and Literature. Novosibirsk: Nauka, 2020. 152 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1389–1400, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400

Тувинский язык в образовании: вопросы витальности языка

Сайзана Сергеевна Товуу¹

¹ Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Республике Тыва (16, ул. Калинина, 667011 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат философских наук, Уполномоченный по правам ребенка в Республике Тыва

 0000-0002-0231-5140. E-mail: tovuus@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Товуу С. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается использование и функционирование тувинского языка в системе образования в его исторической ретроспективе в XX–XXI вв. В работе проведен анализ языкового развития в контексте образовательной политики Республики Тыва. На основе социологических исследований представлено отношение носителей тувинского языка к родному языку. *Цель исследования* — показать значимость системы образования как основной сферы витальности языка. *Материалы и методы.* В основу положены данные исследовательских проектов: в рамках внедрения и реализации регионального проекта в системе образования «Тувинский язык детям» в 2019 г. с участием 52 186 человек (2019–2020 гг. — 22 931 чел., 2021–2022 гг. — 29 255 чел.) и научного проекта «Традиционные семейные ценности в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи в Республике Тыва» в 2022 г. с выборкой 2 083 респондентов с целью определения родного (тувинского) языка. *Результаты.* Итоги проведенных 3 мониторинговых исследований показывают ежегодный рост количества детей в дошкольных образовательных организациях, изучающих тувинский язык, и достаточный уровень владения родным (тувинским) языком детей дошкольного возраста. Определено, что язык является ценностью народа и, прежде всего, семья способствует сохранению родного (тувинского) языка. *Выводы.* Существенную роль в государственном строительстве образовательной системы в историческом аспекте сыграло обучение родному (тувинскому) языку. Государственная поддержка родных языков в республике через реализацию Государственной программы по развитию государственных языков существенно повлияла на создание условий для обучения родному (тувинскому) языку в образовательных организациях.

Ключевые слова: тувинский язык, система образования, языковое образование, языковая политика, тувинская письменность, государственные языки, этноязыковые процессы, государственная программа, ценность, витальность

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФ и Министерства образования Республики Тыва в рамках проекта «Традиционные семейные ценности в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи в Республике Тыва» (№ 22-28-20512).

Для цитирования: Товуу С. С. Тувинский язык в образовании: вопросы витальности языка // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1389–1400. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400

Tuvan in Education: Vitality of the Language Revisited

Sayzana S. Tovuu¹

¹ Office of the Commissioner for Children's Rights in the Tyva Republic (1Б, Kalinin St., 667011 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Commissioner for Children's Rights

 0000-0002-0231-5140. E-mail: tovuus@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tovuu S. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines the functioning of Tuvan in the educational system from a historical perspective throughout the 20th–21st centuries. The work analyzes language development endeavors as part of Tuva's educational policy, summarizes outcomes of sociological surveys for actual attitudes of Tuvan speakers to their native language as a value. *Goals.* The paper aims to show the importance of the educational system as a key sphere for language vitality. *Materials and methods.* The analyzed data were obtained from the research projects as follows: 'Tuvan for Children' — a regional educational project attended by a total of 52,186 individuals since 2019 (2019–2020 — 22,931; 2021–2022 — 29,255); and 'Traditional Family Values in Spiritual and Moral Education of Children and Youth in the Tyva Republic' — a scientific project to have involved 2,083 respondents in 2022, and aiming to determine whether the latter view their native (Tuvan) language as a value. *Results.* Outcomes of three monitoring surveys show a year-on-year increase in the number of pre-school children that learn Tuvan and a sufficient language proficiency level of theirs. The study attests to that native language is viewed as a value of the ethnos, and it is family that contributes most to its preservation. *Conclusions.* In a historical perspective, native language teaching has played a significant role in the educational system's shaping as such. The actual state support for native languages of the Republic manifested in official languages development programs has significantly facilitated the emergence of additional opportunities for native (Tuvan) language teaching and learning in educational institutions.

Keywords: Tuvan language, educational system, language education, language policy, Tuvan script, official languages, ethnolinguistic processes, government program, value, vitality

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-20512 'Traditional Family Values in Spiritual and Moral Education of Children and Youth in the Tyva Republic' (2022–2023).

For citation: Tovuu S. S. Tuvan in Education: Vitality of the Language Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1389–1400. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400

Введение

Актуальность исследования продиктована необходимостью провести ретроспективный анализ использования и функционирования тувинского языка в системе образования в связи с современными тенденциями языкового образования в Республике Тыва.

Тувинский язык как государственный язык республики выполняет интеграционную функцию в политической, социальной и культурной сферах жизни общества.

Правовое положение государственных языков в республике регламентировано Законом Республики Тыва «О языках

в Республике Тыва» (2003 г.) [[Закон РТ 2003](#)]. Данный закон отменил принятые ранее закон о языках 1990 г. и закон с изменениями от 1994 г. По сути, в новом законе закреплены статус тувинского языка как официального языка и равноправное функционирование тувинского и русского языков как государственных языков Республики Тыва и их использование в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в официальном опубликовании законов и других нормативно-правовых актов, в проведении референдумов и выборов в представительные и исполнительные органы Республики Тыва, в деятельности государственных и органов, организаций, предприятий и учреждений Республики Тыва, в судопроизводстве и делопроизводстве в правоохранительных органах, в средствах массовой информации, в преподавании языков и др. [[Закон РТ 2003](#)].

В языковом строительстве республики приняты две государственные программы: в 2014 г. — Государственная программа Республики Тыва «Развитие русского языка на 2014–2018 годы» [[Государственная программа 2014](#)] и в 2017 г. — Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» [[Государственная программа 2017](#)].

По итогам реализации государственной программы развития тувинского языка реализован комплекс мероприятий по его функционированию как государственного языка в республике в системе непрерывного образования, в том числе достигнуты показатели по повышению квалификации педагогических кадров — учителей тувинского языка.

В дальнейшем реализация задач продолжена в новой государственной программе «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» [[Государственная программа 2020](#)].

Реализация государственной программы Республики Тыва позволила создать условия для сохранения родных языков в образовательной среде — как русского, так и тувинского. Существующая положительная динамика уровня владения тувинским языком в республике связана с изучением тувинского языка как школьного предмета, что подтверждается результатами проведенных 3 мониторинговых исследований.

Статья имеет целью показать значимость системы образования как основной сферы витальности языка, в которой важная составляющая — передача языка, традиций и обычаев народа через образовательную среду. Новизна исследования в том, что впервые систематизированы результаты проведенных мониторинговых исследований, которые показали состояние тувинского языка в образовании и ценность родного языка как традиционной семейной ценности в воспитании детей и молодежи.

Материалы и методы

В статье обобщаются материалы исследовательских проектов под руководством автора. Первое мониторинговое исследование проведено в 2019 г. в Институте развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва в рамках реализации регионального проекта «Тувинский язык детям», который был направлен на создание единого образовательного пространства по развитию родной (тувинской) речи детей дошкольного возраста.

В 2019–2020 учебном году проведено первое мониторинговое исследование среди 197 дошкольных образовательных организаций Республики Тыва (34 дошкольных учреждения в г. Кызыле, в муниципальных образованиях — 163).

Мониторинговое исследование 2019 г. позволило определить языковую ситуацию в системе дошкольного образования, которое показало, что 21 % детей, посещающих детские сады г. Кызыла, и 7 % детей из кожуунов не владеют родным (тувинским) языком.

Второе мониторинговое исследование проведено в начале 2021–2022 учебного года (с 1 по 15 сентября 2021 г.) и в конце учебного года (с 15 по 30 мая 2022 г.) с целью определения уровня владения родной (тувинской) речью детей в дошкольных образовательных учреждениях. По результатам исследования выявлены 3 уровня владения родной (тувинской) речью детей возрастной категории от 3 до 7 лет.

В исследовании приняли участие 203 детских сада из 19 муниципальных образований (2 городских, 17 — в муниципальных образованиях). Выявлено, что 16 389 детей изучают родной (тувинский) язык в соответствии с утвержденной

примерной образовательной программой «Төрөөн Тывам» («Моя родная Тува»).

В целом внедрение единой примерной образовательной программы по развитию родной (тувинской) речи для детей в дошкольных образовательных учреждениях республики показало свою эффективность.

В июне–июле 2022 г. в Туве проведено социологическое исследование среди населения республики, цель которого состояла в том, чтобы определить, является ли родной (тувинский) язык ценностью. Опрос проводился через открытые социальные сети. Всего приняло участие в опросе 2 083 чел. Получена информация об отношении респондентов к родному (тувинскому) языку:

- для 1 347 чел. (64,7 %) тувинский язык является ценностью народа; для 711 чел. (34,1 %) — ценностью в семье, не ответили 25 чел. (1,2 %);

- часто общаются на родном (тувинском) языке в семье 1 925 чел. (62,2 %), стараются поддерживать общение в семье — 769 (36,9 %), не поддерживают общение 19 чел. (0,9 %);

- дети изучают родной (тувинский) язык у 1 811 (86,9 %) респондентов, не изучают 258 чел. (12,4 %), не желают изучать 14 чел. (0,7 %);

- большинство респондентов ответили, что желают, чтобы дети знали родной (тувинский) язык в будущем, — 2 053 чел. (98,6 %), «нет необходимости в знании родного (тувинского) языка» — так ответили 30 чел. (1,4 %);

- «способствует в сохранении родного (тувинского) языка» ответили: «семья» — 1 154 чел. (55,4 %), «общество» — 680 чел. (32,6 %), «образовательная организация» — 232 (11,1 %), «не знаю» — 17 чел. (0,9 %).

Полученные результаты легли в основу разработки учебного пособия «Семейная педагогика: традиционное воспитание тувинцев» для внедрения в образовательный процесс.

Тувинский язык: его витальность и статус в измерениях

Среди 156 живых языков России, по данным Института языкознания РАН, тувинский язык отнесен к саянской подгруппе тюркских языков [Саянские языки 2022].

Согласно критериям включения языка в состав языков России, тувинский язык со-

ответствует всем трем критериям [Список языков 2022]:

- а) процент проживающих в компактных поселениях носителей языка — тувинцев составляет более 20 %;

- б) носители языка — тувинцы проживали за последние 100 лет в компактных поселениях и образуют народность — тыва;

- в) по переписи 2010 г. носителей данного языка насчитывается 249 299 человек, которые проживают на территории России [ВПН 2010].

По классификации Н. А. Баскакова, тувинский язык относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе уйгурской группы восточнотюркской ветви тюркских языков [Баскаков 1952: 134].

В правовом измерении статья 5 Конституции Республики Тыва определяет статус тувинского языка как государственного языка Республики Тыва. Частью 2 статьи 5 Конституции Республики Тыва гарантировано соблюдение прав всех национальностей на сохранение родного языка, создания условий для его изучения и развития. Частью 2 статьи 24 Конституции Республики Тыва определено, что каждый имеет право на пользование родным языком, на свой выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества [Конституция РТ 2001].

Тувинский язык входит в число 32 письменных языков России. Создание тувинской письменности насчитывает 92-летнюю историю и является самым важным фактором в сохранении родного языка тувинского народа.

В этом же статусе среди 37 языков¹ России тувинский язык выступает в качестве миноритарного как язык меньшинства населения России. Здесь речь идет об обозначении как лингвистического или языкового меньшинства.

Тувинский язык является языком титульной народности в территориальном измерении².

¹ В число 37 входит и 13 языков народов Дагестана. Государственными на территории Республики Дагестан являются русский и 13 языков народов Дагестана.

² Термин «титульный язык» стал активно применяться в 90-е гг. XX в. в отношении языков наций, давших название соответствующей республике в составе Российской Федерации [Словарь 2006: 230].

Демографические параметры населения в социолингвистике определены как экстралингвистические факторы функционирования языка. В настоящее время ареалом большинства носителей тувинского языка является территория Республики Тыва. По данным ВПН 2010 г., 82 % жителей республики — тувинцы [ВПН 2010].

Корреляция языка с титульной народностью благотворно влияет на общее состояние и развитие языка, так, по мнению Ч. С. Цыбеновой, компактное проживание основной массы тувинского народа на определенной территории является существенным фактором для тувинского языка [Цыбенова 2017: 41].

Данный факт подтверждается и тем, что языковые трудности испытывают этнолокальные группы тувинцев, проживающие на территории Красноярского края, — 384 усинских тувинцев [Фельде, Журавель 2012: 160]; на территории Монголии около 20 тыс. чел., в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китайской Народной Республики примерно 4 тыс. чел. [Монгуш 2002: 17–23].

Вариации факторов социолингвистической витальности тувинского языка со стороны самого языкового сообщества и внешних факторов отмечены в официальных данных 2020 и 2022 гг., представленных Институтом языкознания РАН. Так, согласно подготовленному учеными Института языкознания РАН списку языков России за 2020 г., тувинский язык отнесен среди 14 языков России к типу «0» как благополучные языки (в том числе благополучные за пределами России). Далее мы не находим критерии, по которым тувинский язык определен в число благополучных языков [Саянские языки 2022].

За 2022 г. по социолингвистическому статусу витальности тувинский язык характеризуется по типу 3В как язык, успешно развивающийся в межпоколенческой передаче на значительной территории, в том числе и в городских условиях, отмечается развитость языковой инфраструктуры, однако язык функционально ограничен [Саянские языки 2022].

Как видим, здесь отмечается широкий спектр вариативности факторов лингвистической витальности языка, но, на наш

взгляд, одним из самых основных является сфера образования.

Языковое строительство Тувы в образовании

Специфика языкового строительства в Туве, основанная на роли доминирующего языка в тот или иной исторический период тесно связана со становлением государственной системы образования.

Языковое многообразие или их переплетение в историческом развитии тувинского этноса — результат межкультурного взаимодействия. Здесь наиболее точно территорию Тувы как лимитрофную зону влияния разных цивилизаций определила Ч. К. Ламажаа. Во-первых, влияние российской цивилизации, во-вторых, китайской и, в-третьих, цивилизации или цивилизационной общности кочевников Внутренней Азии [Ламажаа 2021: 182].

Следует подчеркнуть, что этноязыковые процессы в историческом контексте (динамике) всесторонне представлены в трудах ученых Д. А. Монгуша [Монгуш 2009], Ш. Ч. Сата [Сат 1973], Н. А. Сердобова [Сердобов 1980], Б. И. Татаринцева [Татаринцев 1976], К. А. Бичелдея [Бичелдей 2010], М. Б. Мартан-оола [Мартан-оол 2001], Т. Г. Боргояковой [Боргоякова 2021], И. В. Отрощенко [Отрощенко 2015], Ч. С. Цыбеновой [Цыбенова 2017] и др. Отдельные аспекты языкового строительства республики в архивных документах содержатся в докладах о состоянии системы образования в различные периоды.

Хронологические рамки функционального развития тувинского языка в исследованиях представлены в различных аспектах:

– в исследованиях Ш. Ч. Сата рассматривалось развитие литературного языка с начала 20-х гг. XX в. до 1970-х гг. [Сат 1973: 13];

– в работе Б. И. Татаринцева описаны русско-тувинские языковые контакты с конца XIX в. до 1960-х гг. [Татаринцев 1968: 6].

Исследователем Ч. С. Цыбеновой выделено 3 три этапа функционирования языков в Туве:

1) этап формирования единого тувинского языка до начала XX в.: язык функционировал преимущественно в устном и бесписьменном виде во взаимодействии с монгольским языком;

2) этап создания тувинской письменности с 1921–1941 гг. — расцвет тувинского языка и его литературной базы;

3) этап функционального двуязычия с 1941 г. по настоящие дни: доминирования русского языка до 1980-х гг. и возрождения, софункционирования тувинского с русским языком с 1990 г. по настоящее время [Цыбеннова 2017: 34].

В процессе исследования в контексте тенденций языковой политики СССР нами определена специфика языкового строительства в Туве, основанного на роли доминирующего языка в тот или иной исторический период:

– первый период — доминирование монгольского языка на основе старомонгольской письменности (примерно с XVII в. по 1930 гг.) — характеризуется монгольско-тувинским билингвизмом;

– второй период — активное развитие тувинского языка, связанное с созданием тувинской письменности (с 1930 по 1943 гг.), характеризуется тувинско-русским билингвизмом;

– третий период — усиление позиции русского языка (с 1943 по 1989 гг.) — характеризуется русско-тувинским билингвизмом;

– четвертый период — становление государственного статуса языков (начало 90-х гг. XX столетия по настоящее время) — развитие государственных языков.

Этноязыковое взаимодействие с монголоязычными племенами имело место быть еще в VI–VIII вв. [Татаринцев 1976: 3]. Тесные этнокультурные связи, по мнению М. Х. Маннай-оола, начались в начале XIII в. в период монгольского господства и далее продолжались [Маннай-оол 2004: 127].

В течение нескольких столетий с XVII–XVIII вв. и вплоть до 30-х гг. XX в. тувинский народ пользовался в официальной и личной переписке старописьменным монгольским языком [Бичелдей 2010: 212].

В тувинских исторических хрониках и летописях подтверждается длительное бытование старописьменной монгольской письменности на рубеже XIX–XX вв. [Самдан 2001: 166].

В первые годы существования ТНР отмечается как период расцвета монгольского языка (с 1921 по 1930 гг.) [Цыбеннова 2017: 16].

В качестве факторов успешного доминирования монгольского языка и старописьменной монгольской письменности следует указать несколько:

– межэтнические монголоязычные контакты;

– широкое использование монгольского языка в делопроизводстве и обслуживании управленцев, представителей духовенства, зажиточных;

– распространение буддийской веры, канонической литературы;

– расширение общественных функций;

– язык светского обучения в период ТНР;

– выпуски периодических изданий на старомонгольском языке с 1925 г.: «Танну-Тувагийн унэн» (Правда Танну-Тувы), «Эрхчолоот Танну-Тува» (Свободная Тува); «Залуучуудын зорилго» (Задачи молодежи), «Хувисгалт Ард» (Революционный арат) [Кан 2007: 43–47].

В этом периоде мы отмечаем доминирование монгольского языка как языка межэтнического контакта, а также его использования на письме. Очевидно, что тувинский язык использовался в общении как язык этнической группы.

Активное развитие тувинского языка связано с общеполитическими задачами того периода — ликвидацией неграмотности и культурного строительства Тувинской аратской республики (ТАР).

Существенную роль в государственном строительстве образовательной системы в историческом аспекте оказала ликвидация безграмотности через обучение языку. Решающим в деле языкового образования в истории Тувы стал IV съезд ТНРП, в октябре 1925 г., на котором была поставлена государственная задача создания письменности.

В обращении в ЦК ВКП(б) секретарь Тувинской аратской революционной партии И. Шагдыржап выдвинул просьбу об оказании помощи по выработке тувинской письменности, обосновывая ее тем, что отсутствие родной письменности является одним из основных тормозов в деле культурного подъема аратских масс и приобщения их социалистической культуре [ЦГА РТ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 861. Л. 2–4].

По указанию ВКП(б) в разработке проекта тувинской письменности принима-

ли участие научные сотрудники Коммунистического университета трудящихся Востока (далее — КУТВ) и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (далее — НИАНКП): заместитель директора КУТВ Л. Покровский и лингвист-тюрколог А. А. Пальмбаха, Е. Д. Поливанов, Н. Н. Поппе, А. М. Сухотин, Н. Ф. Яковлев, а также Геше-Лама Верхнечаданского хурээ Монгуш Лопсан-Чимит. 28 июня 1930 г. считается днем рождения тувинской государственной письменности на основе новотюркского латинизированного алфавита.

Тувинский язык детям

С этого времени началась целенаправленная разработка первых учебников и обучение тувинскому языку. В целом этап характеризуется активным распространением тувинского языка, тувинско-русским билингвизмом в образовании.

Первый тувинский букварь разработали сотрудники НИАНКП и прислали его в качестве подарка трудящимся ТНР.

Постановлением Агитпропа ЦК Аратской Революционной партии от 23 июня 1930 г. по вопросу о введении новой государственной письменности с начала 1930–1931 учебного года во всех тувинских школах 1-й ступени и Кызылской партийной школе введено преподавание на тувинском языке [ЦГА РТ. Ф. II-1. Оп. 1. Д. 855. Л. 18–20].

С 1930 г. с созданием Ученого комитета при Малом Хурале ТНР изданы первые учебники по родному языку, естествознанию, арифметике и географии на латинском алфавите; в 1933 г. под редакцией Т. И. Арцыбашевой был издан краткий «Тувинско-русский словарь» («Тыва-орустуңтоюлбижи»), учебное пособие «Өөренили» («Учимся») (1936 г.); под редакцией А. А. Пальмбаха издано пособие по тувинскому языку «Тыва домак» («Предложение на тувинском») (1936 г.).

Таким образом, создание новой письменности явилось началом культурного строительства и фундаментом для становления и развития школ.

В 1941 г. было принято решение о переводе тувинской письменности на кириллицу. Данное историческое событие имело решающее значение для развития народной школы под руководством Министер-

ства народного просвещения ТНР. С 1943–1944 учебного года началось обязательное начальное обучение [ЦГА РТ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 181. Л. 10–11].

Период с 1943 по 1989 гг. характеризуется русско-тувинским билингвизмом, с этого времени преподавание предметов совершенствовалось на русском языке.

Культурная, политическая интеграция Тувы, связанная с вхождением в состав Советского Союза, определили интенсивное развитие русского языка.

С конца 1960-х – начала 1970-х гг. в сельских школах базовые предметы стали преподаваться на русском языке с переводом на тувинский язык. В качестве переводчиков работали тувинские учителя. Это создавало возможность формирования русско-тувинского двуязычия, диалога культур, осознанному освоению содержания школьного образования. Так было до 1970-х гг., когда тувинский язык был языком обучения и предметом изучения, затем с 1980–1990-х гг. — языком обучения до 7 класса в сельских школах.

В начале 90-х гг. XX столетия с установлением государственного статуса языков главным фактором в развитии билингвизма в республике стала система школьного образования. Правовое положение государственных языков в Республике Тыва, регламентированное «Законом о языках Тувинской АССР» (1991 г.), усилило интерес к тувинскому языку.

В настоящее время государственную языковую политику в области образования осуществляет Министерство образования Республики Тыва. Научное и методическое сопровождение родного (тувинского) языка на уровне региона в образовательном процессе проводит Институт развития национальной школы.

В системе организации обучения ставятся задачи непрерывного обучения родному (тувинскому) языку с дошкольного уровня. В дошкольном образовании внедрена единая программа по развитию родной (тувинской речи), издан единый учебно-методический комплекс серии книжек для детей «Тыва дыл».

Результаты первого мониторингового исследования, проведенного с начала реализации проекта следующие:

– количество детей, не владеющих родным (тувинским) языком составило

28 %. (в ДОУ г. Кызыла из 7 667 воспитанников 1 629 чел. (21 %), в ДОУ районов из 15 264 воспитанников — 1 093 чел. (7 %) не владеют родным (тувинским языком);

– количество дошкольных учреждений, реализующих программу по развитию родной (тувинской) речи составило 60 %. (из 34 дошкольных образовательных учреждений г. Кызыла в 12, из 163 дошкольных образовательных учреждений районов в 86 реализуются различные программы овладения родной (тувинской) речью);

– 65 % семей, желающих обучать детей на родном (тувинском) языке (в г. Кызыле составило 3 991 (55 %) из 7 128 семей); в районах республики в 9 632 семьях (69 %) из 13 792 семей желали обучать детей на родном (тувинском) языке).

Институтом развития национальной школы проведено второе исследование в начале 2021–2022 учебного года (с 1 по 15 сентября 2021 г.) и в конце учебного года (с 15 по 30 мая 2022 г.) с целью определения уровня владения родной (тувинской) речью детей в дошкольных образовательных организациях. Диагностические задания выполнялись детьми от 3 до 7 лет. По результатам исследования выявлены 3 уровня владения родной (тувинской) речью.

В исследовании приняли участие 203 детских сада из 19 муниципальных образований (2 городских, 17 — в муниципальных образованиях). Выявлено, что 16 389 детей изучают родной (тувинский) язык в соответствии с принятой программой.

Итоги мониторингового исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Уровни владения родной (тувинской) речью детей в дошкольных образовательных организациях

[Table 1. Native (Tuvan) language proficiency levels in pre-school children]

№	Возраст детей	Период обучения	Количество детей, принявших участие в исследовании	Выявленные уровни владения языком		
				Высокий	Средний	Низкий
1	3–4 лет	Начало 2021–2022 учебного года	3 196	783 (24 %)	1 522 (48 %)	891 (28 %)
		Конец 2021–2022 учебного года	3 801	1 665 (44 %)	1 534 (40 %)	602 (16 %)
2	4–5 лет	Начало 2021–2022 учебного года	3 440	1 102 (32 %)	1 426 (41 %)	912 (27 %)
		Конец 2021–2022 учебного года	3 906	1 949 (50 %)	1 533 (39 %)	424 (11 %)
3	5–6 лет	Начало 2021–2022 учебного года	3 581	1 038 (30 %)	1 573 (43 %)	970 (27 %)
		Конец 2021–2022 учебного года	4 242	2 199 (52 %)	1 685 (40 %)	358 (8 %)
4	6–7 лет	Начало 2021–2022 учебного года	3 321	863 (26 %)	1 525 (46 %)	924 (28 %)
		Конец 2021–2022 учебного года	3 768	1 919 (51 %)	1 524 (40 %)	325 (9 %)

Сравнительное исследование на начало 2021–2022 учебного года и итоги усвоения программы обучения родному (тувинскому) языку показало, что у детей возрастной

категории старшей и подготовительных групп (5–7 лет) высокий уровень владения родным (тувинским) языком — у более 50 % детей. У детей от 3 до 5 лет уровень

владения родным языком определен у менее 50 % детей.

По итогам внедрения единой программы в 207 дошкольных учреждениях республики 17 513 детьми начато изучение родного (тувинского) языка по 2 часа в неделю. В 39 % (69) дошкольных учреждениях создана образовательная среда через оформление уголков в виде юрт.

В 2021–2022 учебному году внедрена программа обучения тувинскому языку для детей с родным (русским) языком. Издана вторая серия книжек для детей. Разработаны аудиовизуальные средства обучения: мультфильмы, детские песни для разучивания в исполнении детей для разных возрастов, реализуется проект «Тувинские игры детям».

В общеобразовательных организациях преподавание и изучение государственного языка Российской Федерации, тувинского языка обеспечены в соответствии с учебными планами, где установлены количество часов на их изучение по классам (годам) обучения.

Введено новшество в 2021–2022 учебном году: в начальной школе Министерством образования Республики Тыва приказом № 955-д от 13 августа 2021 г. утвержден перечень образовательных организаций (ОО) по обеспечению возможности получения образования на тувинском языке. В 21 общеобразовательной организации Республики Тыва введено обучение предметов «Математика» и «Окружающий мир» в начальных классах на родном (тувинском) языке по 4-му варианту с использованием переводных учебников «Окружающий мир» и «Математика».

В 2022–2023 учебном году языком обучения для 72 479 учащихся 175 ОО является русский язык, 67,6 % (49 007 чел.) в 162 ОО республики изучают родной язык как предмет (в сравнении с 2021–2022 учебным годом из 71 082 учащихся 174 ОО 65,8 % (46 737 чел.) в 165 общеобразовательных классах республики изучали родной (тувинский) язык как предмет).

Учебно-методическая обеспеченность образовательных организаций позволяла получать образование на родном (тувинском) языке вплоть до 2018 г. В 2019 г. в федеральный перечень учебников включены учебники по тувинскому языку и литературе с 1-го по 4-й классы, в дальнейшем

в федеральный реестр также включены примерные образовательные программы по родному (тувинскому) языку и родной (тувинской) литературе с 1 по 11 классы в 2021 г.

В настоящее время в образовательном процессе 5–11 классов используются учебные пособия по тувинскому языку, тувинской литературе.

После принятия изменений и дополнений в Закон об образовании Российской Федерации (2018 г.) в соответствии с п. 6 статьи 14 изучение родного (тувинского) языка определялось свободным выбором языка образования по заявлениям родителей при приеме на обучение. Тем не менее из года в год увеличивается количество детей, изучающих родной (тувинский) язык как предмет. При изучении родного языка в образовательной среде формируется ценностное отношение к языку, культуре своего народа. Так, результаты социологического исследования показали, что тувинский язык является ценностью народа для 64,7 % респондентов; будущее своих детей они связывают с родным (тувинским) языком; семья принимает ответственность в сохранении родного языка.

Республика полностью обеспечена педагогическими кадрами: 1 159 учителей преподают тувинский язык и тувинскую литературу с 1 по 11 классы, из них в 1–4 классах работает 1 014 человек, в 5–11 классах — 345 человек.

Таким образом, изучение государственного языка РФ и родного языка из числа языков народов РФ осуществляется в рамках федерального компонента, в республике реализуются конституционные права обучающихся на изучение двух государственных языков Республики Тыва в системе образования. Однако право выбора языка обучения в образовательной организации все-таки остается за родителями.

Заключение

Этноязыковые процессы в истории тувинского народа свидетельствуют о богатой истории становления и развития тувинского языка. Исследование показало, что специфика языкового строительства в Туве связана с вопросами использования языков народами, проживавшими в данном ареале, и общеполитическими тенденциями: 1) до-

минированием монгольского языка на основе старомонгольской письменности (примерно с XVII в. по 1930 гг.); 2) активным развитием тувинского языка, связанным с созданием тувинской письменности (с 1930 по 1943 гг.); 3) усилением роли русского языка (с 1943 по 1989 гг.); 4) становлением государственного статуса языков (начало 90-х гг. XX столетия по настоящее время), развитием государственных языков. Широкий спектр витальности языка проявляется в его статусах: государственном, письменном, миноритарном, титульном — в этом многообразии прослеживается устойчивость языка.

За весь исторический период языковое строительство оказало существенную роль в становлении и развитии образовательной системы в Туве. С началом обучения родному (тувинскому) языку исторически тувинский язык не терял своей позиции, доминируя во всех сферах жизнедеятельности народа.

В истории развития тувинского языка с периода создания тувинской письменности прошло 92 года. Несмотря на имеющиеся тенденции языкового сдвига тувинского языка, языковая компетенция носителей контактирующих языков по итогам социологических опросов остается благоприят-

ной. Данные исследовательских проектов — в 2019 г. в рамках внедрения и реализации регионального проекта «Тувинский язык детям» с участием 52 186 воспитанников в дошкольных образовательных учреждениях (2019–2020 гг. — 22 931 чел., 2021–2022 гг. — 29 255 чел.) и научного проекта «Традиционные семейные ценности в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи в Республике Тыва» в 2022 г. — показали, что основной сферой витальности языка является образование. В образовательных организациях созданы условия для изучения родного (тувинского) языка, что отмечается положительной динамикой увеличения количества детей, изучающих родной (тувинский) язык.

Основой языковой политики в Республике Тыва является стратегия сохранения и сбалансированного русско-тувинского и тувинско-русского двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного и языка межнационального общения, создаются условия для гармоничного их взаимодействия.

В целом вопросы языкового образования предопределили исторический путь социального, культурного, политического развития Тувы и тувинского народа.

Источники

- ЦГА РТ — Центральный государственный архив Республики Тыва.
ВПН-2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Численность и размещение населения [электронный ресурс] // Федеральная служба госстатистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.05.2022).

Литература

- Баскаков 1952 — Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков [электронный ресурс] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М.: АН СССР, 1952. С. 121–134.
Бичелдей 2010 — Бичелдей К. А. 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы // Новые исследования. 2010. № 4. С. 212.
Боргоякова 2021 — Боргоякова Т. Г. Хакасский язык и языковой сдвиг в языковых биографиях хакасов // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 12. С. 198–201.

Sources

- Central State Archive of the Tyva Republic.
Russian Census of 2010. Population numbers and distribution. On: Federal State Statistics Service [of Russia] (website). Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)

- Государственная программа 2014 — Постановление Правительства Республики Тыва от 18 октября 2013 года № 608 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие русского языка на 2014–2020 годы» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424074858> (дата обращения: 01.05.2022).
Государственная программа 2017 — Постановление Правительства Республики Тыва от 7 апреля 2017 № 152 «Об утверждении государственной программы Республики

- Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» (с изменениями на 30 сентября 2020 года) [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 01.05.2022).
- Государственная программа 2020 — Постановление Правительства Республики Тыва от 8 декабря 2020 года № 610 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571035348> (дата обращения: 01.05.2022).
- Закон РТ 2003 — Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 года № 462 ВХ-1 [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 01.05.2022).
- Кан 2007 — Кан В. С. Возникновение и развитие газетной прессы на старомонгольском языке в Туве (1925–1929 гг.) // Омский научный вестник. 2007. № 2(54). С. 43–47.
- Конституция РТ 2001 — Конституция Республики Тыва от 06 мая 2001 года [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906705011> (дата обращения: 01.05.2022).
- Ламажаа 2021 — Ламажаа Ч. К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. DOI: 10.25178/nit.2021.3.14
- Марган-оол 2001 — Марган-оол М. Б. Сферы функционирования тувинского языка // Гуманитарные исследования в Туве: сб. науч. ст. М.: РУДН, 2001. С. 43–56.
- Монгуш 2009 — Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Избранные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. 248 с.
- Монгуш 2002 — Монгуш М. В. Тувинцы Монголии и Китая: этнодисперсные группы: (История и современность). Новосибирск: Наука, 2002. 126 с.
- Маннай-оол 2004 — Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Отрощенко 2015 — Отрощенко И. В. Языковая политика и культурное строительство в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. 2015. № 2. С. 16–31.
- Самдан 2001 — Самдан А. А. Тувинские летописи как исторический источник // Гуманитарные исследования в Туве: сб. науч. статей. М.: РУДН, 2001. С. 165–173.
- Сат 1973 — Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. 193 с.
- Саянские языки 2022 — Тюркские языки: Саянские языки. 2022 [электронный ресурс] // Институт языкознания РАН. Проект «Языки России». URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Tu.%20Sayanic.shtml> (дата обращения: 01.05.2022).
- Сердобов 1980 — Сердобов Н. А. О роли языка и письменности в национальной консолидации тувинского народа // Тувинская письменность, язык и литература. Кызыл: Тувкнигоиздат. 1980. С. 15–30.
- Словарь 2006 — Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, Рос. акад. лингвистич. наук, 2006. 312 с.
- Список языков 2022 — Список языков России 2022 [электронный ресурс] // Институт языкознания РАН. Проект «Языки России». URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 01.05.2022).
- Татаринцев 1968 — Татаринцев Б. И. Влияние лексики русского и монгольского языка на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1968. 26 с.
- Татаринцев 1976 — Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 130 с.
- Фельде, Журавель 2012 — Фельде О. В., Журавель Т. Н. Тувинский язык в Красноярском крае: опыт социопсихолингвистического исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 10(125). С. 159–163.
- Цыбенова 2017 — Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Монография / отв. ред. Г. А. Дырхеева. Иркутск: Оттиск, 2017. 170 с.
- Баскаков Н. А. Classification of Turkic languages revisited. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 1952. Vol. XI. No. 2. Pp. 121–134. (In Russ.)
- Bicheldey K. A. To the 80th anniversary of the Tu-

References

Baskakov N. A. Classification of Turkic languages revisited. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 1952. Vol. XI. No. 2. Pp. 121–134. (In Russ.)

- van written language: Formation, development, perspectives. *The New Research of Tuva*. 2010. No. 4. P. 212. (In Russ.)
- Borgoyakova T. G. Khakass language and language shift in the linguistic biographies of the Khakass. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021. No. 12. Pp. 198–201. (In Russ.)
- Constitution of the Tyva Republic of 6 May 2001. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/906705011> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Tyva Republic of 18 October 2013 no. 608 on the Establishment of the Regional Program ‘Development of the Russian Language for the Years 2014 to 2020’. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/424074858> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Tyva Republic of 7 April 2017 no. 152 on the Establishment of the Regional Program ‘Development of the Tuvan Language for the Years 2017 to 2020’ (with amendments of 30 September 2020). On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/446197328> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- Decree of the Government of the Tyva Republic of 8 December 2020 no. 610 on the Establishment of the Regional Program ‘Development of Official Languages of the Tyva Republic for the Years 2021 to 2024’. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/571035348> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- Felde O. V., Zhuravel T. N. The Tuvian language in Krasnoyarsk Region: The sociopsycholinguistic research. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012. No. 10(125). Pp. 159–163. (In Russ.)
- Kan V. S. The newspapers press rise and progress in Mongolian language in Tuva (1925–1929). *Omsk Scientific Bulletin*. 2007. No. 2(54). Pp. 43–47. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people’s identity. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 3. Pp. 178–194. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.3.14
- Law of the Tyva Republic of 31 December 2003 no. 462 BX-1. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- List of Russia’s Languages. 2022. On: Languages of Russia (website). Project by the Institute of Linguistics (RAS). Available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)
- Mannay-ool M. Kh. The Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka, 2004. 166 p. (In Russ.)
- Martan-ool M. B. Functioning realms of Tuvan. In: Humanities Research in Tuva. Collected papers. Moscow: RUDN University, 2001. Pp. 43–56. (In Russ.)
- Mikhalchenko V. Yu. (ed.) Terminological Dictionary of Sociolinguistics. Moscow: Institute of Linguistics (RAS), Russian Academy of Language Sciences, 2006. 312 p. (In Russ.)
- Mongush D. A. Tuvan Language and Script. Selected Writings. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. 248 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. Tuvans of Mongolia and China: Ethnodispersed Groups, Their Past and Present. Novosibirsk: Nauka, 2002. 126 p. (In Russ.)
- Otroshenko I. V. The language policy and cultural building in the Tuvan People’s Republic. *The New Research of Tuva*. 2015. No. 2. Pp. 16–31. (In Russ.)
- Samdan A. A. Tuvan chronicles as a historical source. In: Humanities Investigations in Tuva. Collected papers. Moscow: RUDN University, 2001. Pp. 165–173. (In Russ.)
- Sat Sh. Ch. The Shaping and Development of Standard Tuvan. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1973. 193 p. (In Russ.)
- Serdobov N. A. The role of language and script in the Tuvan people’s ethnic consolidation. In: Tuvan Script, Language and Literature. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1980. Pp. 15–30. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Russian and Mongolian Impacts on the Lexical System of Modern Standard Tuvan. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Novosibirsk, 1968. 26 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan Vocabulary: Tracing Mongolian Impacts. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1976. 130 p. (In Russ.)
- Tsybenova Ch. S. Contemporary Language Situation in the Tyva Republic: A Sociolinguistic Aspect. Monograph. G. Dyrkheeva (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2017. 170 p. (In Russ.)
- Turkic Languages: Sayan Languages. 2022. On: Languages of Russia (website). Project by the Institute of Linguistics (RAS). Available at: <http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Tu.%20Sayanic.shtml> (accessed: 1 May 2022). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1401–1409, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.32

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Образ культурного героя Сартакпая в алтайском фольклоре

Тамара Михайловна Садалова¹, Татуна Николаевна Паштакова²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

² Университет Внутренней Монголии (234, ул. Западная Университетская, 010021 Хух-Хото, КНР) аспирант

 0000-0003-2659-3572. E-mail: ms.tatuna@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Садалова Т. М., Паштакова Т. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* Мифология алтайцев представляет особую религиозно-мифологическую систему, поскольку исторические и культурные связи алтайцев уходят вглубь древней и средневековой истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии. В статье проводится анализ алтайских мифов о культурном герое Сартакпая, образ которого хорошо известен в фольклоре многих народов Южной Сибири и Монголии. *Целью* настоящей работы является выявление мифологических оснований в системе культурного ландшафта или этнокультурного пространства алтайского народа. *Материалы и методы.* Обозначенная цель требует выявления механизмов, которые обеспечивают жизнедеятельность религиозно-мифологической традиции, механизм отбора, сохранения или удаления тех ли иных фрагментов из сюжетов мифов, сказок, преданий. Для решения поставленных задач значимость приобретает сочетание традиционных методов исследования фольклора с междисциплинарным подходом. Авторами используется сопоставительный метод межжанровых текстов алтайского фольклора с привлечением сравнительного материала родственных народов. Это позволяет рассмотреть религиозно-мифологическую систему алтайцев в тесном взаимоотношении с мифологической картиной мира, выявить некоторые новые измерения и уточнить отношения ее «древних» и «новых» пластов. *Результаты.* По самому общему определению, мифология алтайцев носит преимущественно этиологический характер и выражает мироощущение и взгляды их далеких предков на окружающий мир. В систему культурного ландшафта или этнического пространства алтайцев входит и понятие его мифологического освоения. Наравне с иерархией божеств, духов, каждый из которых имеет в трехмерном пространстве свою нишу, есть культурные герои, которые непосредственно занимались обустройством конкретных мест, рек, озер в среднем мире. К числу наиболее популярных героев фольклора алтайцев, с именем которого

связывают происхождение того или иного объекта природы, относится Сартакпай. В алтайской мифологии он является одним из самых активных строителей среднего мира людей — обитателей Алтая. Его образ созидателен, он — творец, оставивший после себя множество результативных свидетельств в культурном наследии алтайского народа. Они стали неразрывной частью и современного бытия народа, который продолжает его воспринимать не только мифологическим персонажем, но и как реального человека, прославившего себя добрыми делами. Поэтому образ Сартакпая продолжает занимать свое место и в современных процессах этнокультурного наполнения этнического пространства.

Ключевые слова: мифы алтайцев, религиозно-мифологическая система, культурный герой, Сартакпай, природные объекты, историзм фольклорных текстов

Для цитирования: Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Образ культурного героя Сартакпая в алтайском фольклоре // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1401–1409. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Culture Hero Sartakpai: The Image in Altaian Folklore Revisited

Tamara M. Sadalova¹, Tatuna N. Pashtakova²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

² Inner Mongolia University (234, West University Road, 010021 Hohhot, People's Republic of China)
Postgraduate Student

 0000-0003-2659-3572. E-mail: ms.tatuna@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sadalova T. M., Pashtakova T. N., 2022

Abstract. Introduction. Altaian mythology is a distinct religious and mythological system, since historical and cultural ties of the Altai people go deep into the ancient and medieval history of Central Asian Turks and Mongols. The article analyzes Altaian myths centered around the culture hero Sartakpai whose image is widely known in folklore traditions of Southern Siberia and Mongolia. *Goals.* The work aims to identify mythological foundations in the system of cultural landscapes (or ethnocultural space) inherent to the Altai people. *Materials and methods.* To facilitate this, it is urgent to reveal mechanisms that sustain the religious and mythological tradition, and serve to select, preserve or remove certain elements in plots of myths, folktales, and legends. So, it is a combination of traditional folklore research methods and an interdisciplinary approach that proves instrumental therein. The paper examines multi-genre texts of Altaian folklore from a comparative perspective, and involves comparative materials of related cultures. This makes it possible to consider the Altaian religious and mythological system in its close relationship with the mythological world view, identify some new dimensions, and actualize relations between its 'ancient' and 'new' layers. *Results.* It is generally agreed that Altaian mythology is largely etiological by nature and tends to express worldviews and attitudes of the people's distant ancestors. The Altaian system of cultural landscapes (or ethnic space) comprises a concept of its mythological development. Hierarchically arranged deities and spirits — each occupying a special niche in three-dimensional space — co-exist with culture heroes that had arranged (developed) certain places, rivers, lakes in the Middle World. And it is Sartakpai who proves a most popular hero of Altaian folklore and whose name is associated with origins of some natural objects. In Altaian mythology, he is viewed as a most active builder of the human-inhabited Middle World — and a native of the Altai. His image is creative, and it is him who had left behind lots of productive evidence in cultural heritage of the Altai people that survive to date, the culture hero himself being still perceived as a glorified historical figure rather than a mythological character. Therefore, the image of Sartakpai persists in present-day ethnocultural processes and discourse.

Keywords: Altaian myths, religious and mythological system, culture hero, Sartakpai, natural objects, historicism of folklore texts

For citation: Sadalova T. M., Pashtakova T. N. Culture Hero Sartakpai: The Image in Altaian Folklore Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1401–1409. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1401-1409

Введение

Мифология алтайцев представляет особую религиозно-мифологическую систему, исследование которой требует обширной источниковедческой базы, поскольку исторические и этнокультурные связи алтайцев уходят вглубь древней и средневековой истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии. При этом исследователи отмечают, что граница общепринятого разделения религиозно-мифологических традиций народов Центральной Азии на «степные» и «лесные» достаточно подвижна. Исторический парадокс, по их мнению, заключается в том, что если архаичные элементы «степной» мифологии частично можно восстановить по древним письменным памятникам, то более ранняя «лесная» мифология известна лишь по полевым исследованиям последних двух столетий [Неклюдов 2019: 13].

Отмеченная исследователями подвижность границ между религиозно-мифологическими традициями народов обширного центральноазиатского региона находит подтверждение на конкретных материалах, которые хорошо известны исследователям [Гарф, Кучияк 1939; Каташ 1978; Алтайские мифы 1994; Несказочная проза 2011]. Одним из таких убедительных примеров подвижности традиций выступают мифы о культурном герое. Наиболее известным в религиозно-мифологической системе тюркских и монгольских народов является образ Сартакпая¹ или Сартактая. Мифы и предания об этом тюрко-монгольском демиурге хорошо известны не только алтайцам, но и монголам, бурятам, ойратам Синьцзяна, хакасам, тувинцам и др.

В Монголии он известен под именами Сартактай, Сартанбай, Жааханз [Сампилдэндэв 1978; Монгол домог 1984: 8–12, 128; Мөнхбаяр 2014].

Монгольские исследователи в своих работах, посвященных проблеме историчности преданий о Сартактае, возводят его имя к слову *sart*, которым в VIII в. стали называть иранских торговцев и земледельцев. Впоследствии оно стало этнонимом, а затем и именем собственным [Мөнхбаяр 2006: 92–94]. Алтайские исследователи предполагают, что имя этого культурного героя происходит от слова *saradağ*, которым обозначают годовалого марала. По их мнению, предания о Сартакпае восходят к древним представлениям тюрко-монгольских народов о тотемном животном [Несказочная проза 2011: 32].

С именем Сартакпая связаны многие природные и археологические объекты на территории Западной Монголии [Потанин 1883: 285–288; Апродов 1962: 154; Бурдуков 1969: 139–141].

Монгольские исследователи отмечают, что в текстах мифов, преданий, легенд Сартактай выступает как демиург, атлант, творец. Как культурный герой он изменяет течение рек, роет каналы, создает природные объекты [Намсарай 1969: 23; Сампилдэндэв 1978: 253–257; Монгол домог 1984: 8–12; Дамдинжав 2004: 62–68]. Считается, что искусственный канал, который находится на территории Ховд аймака, был прорыт за один день Сартактаем, поскольку китайский император обещал выдать за него свою дочь, если он пророем канал до Пекина [Катуу 2003: 47]. Несколько иной вариант этого сюжета записан Г. Н. Потаниным [Потанин 1881: 170–171].

Л. П. Потапов, отмечая «мифы о народном герое» Сартакпае у алтае-саянских народов, также указывает на то, что, согласно мифам, он дал имена горам и рекам на обширной территории Алтая, а также названия зверям и птицам. Как культурный герой он строитель дорог и оросительных каналов, создатель крупных рек и озер [Потапов 1983: 108].

¹ У некоторых авторов [Гарф, Кучияк 1939: 3–7] имеется написание имени: Сартак-пай.

Таким образом, мифы о Сартакпае как о культурном герое имели широкий ареал распространения на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Исходя из этого, целью настоящего исследования является обнаружение мифологических оснований в системе культурного ландшафта или этнокультурного пространства алтайского народа. Обозначенная цель требует выявления механизмов, которые обеспечивают жизнедеятельность религиозно-мифологической традиции, механизм отбора, сохранения или утраты тех ли иных фрагментов из сюжетов мифов, сказок, преданий.

Материалы и методы

Для решения обозначенных задач особую значимость приобретает сочетание традиционных методов исследования фольклора с широким междисциплинарным подходом. Это позволяет рассмотреть религиозно-мифологическую систему алтайцев в ее тесном взаимоотношении с мифологической картиной мира, которая, по мнению исследователей, состоит из «мифологических представлений», реализуемых в «мифологических текстах» и обретает некоторые новые измерения, уточняются отношения «верхних» и «нижних» пластов мифологии [Неклюдов 2019: 11].

По самому общему определению, мифология алтайцев носит преимущественно этиологический характер и выражает мироощущение и взгляды их далеких предков на окружающий мир [Потапов 1983: 244].

Следует особо отметить, что в систему культурного ландшафта или этнического пространства алтайского народа входит и понятие мифологического освоения или своеобразного окультуривания родной земли. Наравне с иерархией различных божеств, многообразных духов-хозяев местностей, каждый из которых имеет в трехмерном пространстве мира свою нишу, существуют представления о культурных героях, которые непосредственно обустроивали или окультуривали конкретную территорию в среднем мире, наполняя ее конкретными природными объектами: горами, реками и озерами. Поэтому, обращаясь к религиозно-мифологической системе алтайского народа, важно воспринимать и исследовать ее как некую единую духовно-материальную целостность, в которой все пласты, вклю-

чая древние и новые, не только гармонично взаимосвязаны, но и являются равнозначными по своей сути.

В качестве основного материала данного исследования используются алтайские тексты мифов, сказок, преданий и легенд о Сартакпае [Гарф, Кучияк 1939: 3–7; Алтайские мифы 1994: 72–75; Каташ 1978: 30–32; Суразаков 2015: 118–119; Окладников 1982: 151]. Исходя из содержания мифов об этом народном герое, исследователи выделяют три группы нарративов: а) сюжеты о Сартакпае, в которых говорится, что он жил в далекие времена и владел огромными территориями, на которых дал имена горам и рекам, а также названия зверям и птицам; б) сюжеты о Сартакпае, в которых он выступает строителем дорог, оросительных каналов и мостов; в) сюжеты, в которых Сартакпай предстает как создатель крупных рек и озер на Алтае и в Монголии [Потапов 1983: 97; Сампилдэндэв 1978: 254–256].

Для сравнительно-сопоставительного анализа нами были привлечены некоторые тексты монгольских мифов и преданий о Сартактае [Потанин 1883: 285–288, 737, 777, 839–840, 900; Потанин 1948: 389–340; Сампилдэндэв 1978: 253–254; Монгол домог 1984: 8–9, 12; Мөнхбаяр 2006: 106–130].

Космогонические мифы алтайцев о Сартакпае

Сартакпай, как уже было отмечено, относится к числу наиболее известных героев фольклора алтайцев, с именем которого связывают происхождение того или иного объекта природы. Существует целый цикл вариативных сюжетов и ряд топонимических названий, связанных с этим образом. В свое время алтайский фольклорист С. С. Суразаков ассоциировал Сартакпая с древнегреческим мифологическим героем Гераклом и тематически распределил известные сюжеты о нем [Суразаков 2015: 119].

Из сюжетов о Сартакпае наиболее архаичным является монгольский сюжет о змеборчестве и алтайский миф об освобождении своей земли от свирепого чудовища Дьелбегена-людоеда. В монгольском мифе, огромный трехголовый змей пожирает всех людей и зверей вокруг своей норы. Узнав об этом, Сартактай поднялся на вершину горы Думбэрэл и стал ждать, когда змей выйдет из своей норы. Когда три головы змеи пока-

зались из норы, Сартактай сорвал вершину горы Думбэрэл и придавил ею трехголовую змею. На том месте посреди обширной равнины образовался большой холм, а гора Думбэрэл с тех пор осталась без вершины [Мөнхбаяр 2006: 109].

По мнению исследователей, змееборческий мотив связан с представлением о змее как первобытном недифференцированном хаосе. Мотив змееборства, как правило, возникает вместе с государственностью. Этого мотива нет в фольклоре народов, не достигших стадии государственности [Пропп 1986: 224].

В алтайском мифе Дьелбеген-людоед обладает семью головами и невероятной мощностью, перед которой бессилён любой земной герой [Несказочная проза 2011: 115]. Этот демонический персонаж олицетворяет собой мир хаоса, в котором тогда находился древний Алтай. Для того чтобы привести хаотичный средний мир, который ассоциирует Алтай, в упорядоченный мир космоса, люди с мольбой обращаются сначала к солнцу, а затем к луне. Но два небесных светила оказываются не в состоянии одолеть Дьелбегена-людоеда, не причинив вреда людям и всем живым существам среднего мира. Этот мотив принципиально важен в понимании мифологического миропорядка алтайцев. Солнце и луна, будучи необходимыми элементами космического миропорядка, обладают невероятной мощностью. Однако они не в силах вмешиваться в процесс земного существования. Солнце, снижающееся к земле, чтобы спалить людоеда, может сжечь все живые существа. Приближение луны грозит заморозить всю землю. Поэтому чудовищу может противостоять только человек, но необычного происхождения, способный не только физически одолеть его, но и отправить его за пределы Алтая, т. е. среднего мира. Сразив Дьельбегена-людоеда, Сартакпай зашвырнул его на луну вместе с тысячелетней пихтой, за которую тот уцепился. С тех пор не может Луна от земли далеко уйти [Несказочная проза 2011: 115].

Следует отметить, что в этом сюжете космогонического содержания мы находим ряд объяснений тем или иным природным явлениям. Например, почему луна кружит вокруг земли, отчего произошли пятна на луне, почему месяц не всегда бывает пол-

ным [Несказочная проза 2011: 115]. Однако наряду с этим в содержании алтайской версии этого мифа мы видим гармоничное сочетание мотива заступничества героя за людей с мотивом установления земного миропорядка, который устраняет первопричину хаоса, ассоциирующегося с образом многоголового чудовища-людоеда.

Мифы о Сартакпае как о культурном герое

В другом цикле мифов и преданий в роли демиургов выступают отец с сыном, т. е. Сартакпай с сыном Адучы-мергенем. Совместно они направляют известные реки Алтая по новым руслам. До вмешательства героев реки Алтая, «бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натываясь на горы. Надоело Сартакпаю видеть слезы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан» [Гарф, Кучияк 1939: 3–4].

Сартакпай указательным пальцем правой руки прочертил новое русло с берега Теплого озера (Дылы-Кёль) и потекла река Чолышман. Затем указательным пальцем левой руки он провел борозду между гор для реки Башкаус, а пальцем правой руки повернул ее к холмам Кёк-Баша. Так она стала притоком реки Чолышман [Суразаков 2015: 119]. В этом сюжете упоминание правой и левой руки не просто художественный прием, а отражение неких представлений о том, что левая сторона не может быть создающей, поэтому логичное завершение творения совершается правой рукой. «Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить» [Гарф, Кучияк 1939: 4].

Сын Сартакпая — Адучы с горы Белуха провел борозду на запад для самой главной водной артерии Алтая — Катунь. Отец ждал сына в Чолышманской долине, воткнув палец в землю. Под его палец натекло много воды. Так образовалось Телецкое озеро (Алтын Кёль) [Гарф, Кучияк 1939: 5]. Надо отметить, что в текстах таких мифов указываются все излучины и повороты рек, названий мест и гор, сопков, которые существуют на самом деле. Таким образом, тексты мифов проецируют карту реального ландшафта.

В основной сюжет мифа о творении нового русла для алтайских рек органично на-

пластовывается сюжет о том, как кормится дятел. В знак благодарности за исполнение его просьбы Сартакпай учит дятла, «как всегда сытым быть». Он советует дятлу не искать червей в земле, не гоняться за мошками по ветвям деревьев, а, уцепившись за ствол, стукнуть клювом по коре и прокричать, что сын Караты-хана зовет всех на свадьбу. И все черви, букашки и мошки выбегут из-под коры [Гарф, Кучияк 1939: 5]. Вследствие вкрапления этиологического сюжета в миф творения содержание приобретает синкретическое начало.

В цикле сюжетов о том, как Сартакпай выстрелом из лука разрубил вершину горы [Гарф, Кучияк 1939: 5–6], также присутствуют указания на конкретные природные объекты. В одном из вариантов этого мифа повествуется о том, что Сартакпай, находясь в долине Чобы, присел отдохнуть на круглый камень, тот прогнулся от тяжести богатыря. Алтайцы теперь его называют *Ойык-Таи* ‘Камень с трещиной’ [Несказочная проза 2011: 235].

Однажды Сартакпай натянул тетиву лука и выстрелил. Стрела коснулась верхушки одной крутой горы, и она до основания раскололась. На месте удара стрелы осталась расщелина. Поэтому это место называют *Юзюк* ‘Гора с расщелиной’. Когда стрела ударила в верхушку горы, отлетевшие камни, сгруппировались на правом берегу реки Чамал и образовали небольшой хребет. Алтайцы называют его *Беишек* ‘Выпуклость’. Отколовшиеся камни полетели вниз и упали справа от горы Кирее. Стоящие рядом горы Мажыгак и Тарбаан затряслись. Теперь эти места называют *Соон-Саадак* ‘Стрела-Колчан’ [Несказочная проза 2011: 237–239].

Таким образом, в мифологических сюжетах прослеживается попытка дать объяснение происхождению ряда природных объектов на территории Алтая и связать эти объекты с мифическими героями прошлого. В данном случае это не просто обозначение определенного природного места конкретным наименованием, а наполнение жизненного пространства этнокультурным топонимом, превращающим окружающее пространство в родной Алтай. Наличие такой культурной функции в религиозно-мифологической системе алтайцев является одной из ее специфических особенностей.

Мифы о Сартакпае как о творце природных объектов

Своеобразным является цикл сюжетов о том, как Сартакпай строил мосты через бурные горные реки. Так, в одном из таких сюжетов повествуется о том, как Сартакпай выдолбил кинжалом большую дыру в высокой скале на одном берегу реки, потом выпустил стрелу в такую же скалу на другом берегу, которая тоже пробила в ней дыру. Между этими скалами он подвесил мост [Каташ 1978: 32].

Причиной строительства моста стала смерть молодых влюбленных, оказавшихся на противоположных берегах непреодолимой бурной горной реки [Алтайские мифы 1994: 74]. В данном сюжете лирическая тема представляет позднейшее напластование на более древний сюжет о культурных различиях (свой – чужой). Напомним, что влюбленные являются представителями разных культурных обществ древности — охотников и скотоводов. Горная река — это некий символ культурного разделения, непреодолимого препятствия. Эту преграду можно преодолеть только с помощью культурного героя, которым в данном сюжете выступает Сартакпай. Он строит мост через бурную реку.

Другая версия сюжета о строительстве моста связана с еще более архаичными представлениями. Сартакпай вместе с сыном строит мост через реку Катунь — самую большую реку Алтая. Герой решает возвести его в самой узкой части реки и предварительно собирает огромные валуны вместе с сыном. В один из дней сын отпросился у отца, чтобы повидаться с женой. Отец наказал ему, чтобы он не вступал в интимные отношения с женой. Однако этот запрет был нарушен. Вследствие этого незаконченный мост Сартакпая разрушился. Богатырь сразу понял причину его обрушения [Гарф, Кучияк 1939: 6]. Воздержание относится к числу обетов, связанных со священнодействием. Строительство моста таковым и является, поскольку это акт сотворения и созидания, которое требует физической и духовной чистоты.

В этом сюжете есть упоминание о том, что Сартакпай использовал молнию вместо источника света, чтобы работать ночью. «Сартакпай поднял руку, поймал молнию и вставил ее в расщепленный ствол пихты.

При свете пойманной молнии Сартак-пай стал строить мост» [Гарф, Кучияк 1939: 6].

Нарушители обета — сын и его жена, испугавшись гнева отца, превратились в гусей. Сартакпай стал кидать им вслед камни. Эти огромные камни, лежащие вразброс между селами Малый Яломан и Иня Онгудайского района, с тех давних пор стали называть «Камни Сартакпая» [Гарф, Кучияк 1939: 7]. Рядом с местом строительства моста в местности Кюр-Кечю есть выступ скалы, похожий на профиль человека. Выступ этот называют лицом богатыря Сартакпая [Несказочная проза 2011: 235].

Берега реки Катунь в указанной местности, действительно, удобны для строительства моста. По преданию, знаменитый ойратский военачальник Амар-Сана¹ просверлил отверстия в прибрежных камнях и, натянув веревку, переправился через Катунь [Алтайские мифы 1994: 75]. Известно, что издревле алтайцы на лодках пересекали в этом месте Катунь и там же переплавляли табуны. Иначе говоря, обозначенное в сюжете место строительства мифического моста оказалось используемым в реальной жизни.

По всей видимости, люди еще в древности умели распознавать разную скальную породу. Поэтому и выделили россыпь огромных валунов, назвав их «Камнями Сартакпая» [Несказочная проза 2011: 235]. Известно, что геологическое исследование камней уже в наше время подтвердило тот факт, что они отличаются от пород близлежащих камней, т. е. эти валуны были перемещены издалека силой природных явлений. Как видим, и в этом случае миф в силу присущей ему рациональности отражает реальную действительность.

Мифы о природных объектах, связанных с Сартакпаем

Отдельный цикл сюжетов рассказывает об оставленных на Алтае следах богатыря Сартакпая [Суразаков 2015: 119; Потанин 1881: 171]. Судя по их содержанию, следы этого культурного героя есть почти во всех районах Алтая — в местности Карасук Майминского района, в с. Саратан Улаганского района, в местности Аркыт Усть-Коксинского района, в Кош-Агачском и Усть-Канском

¹ Амурсана (1722–1757 гг.) — ойратский князь, возглавивший антиманьчжурское движение.

районах. Они представляют собой отпечатки на камнях, появившиеся от того, что на нем сидел герой вместе со своей собакой, или место, куда наступил его конь [Потанин 1881: 171]. Существуют камни, якобы брошенные им во время охоты на волков. Их называют *кодюрге таи*, т. е. камни для поднятия [Несказочная проза 2011: 235].

В отдельных сюжетах сказано, что Сартакпай оставлял некоторые следы специально, как напоминание о богатырях древних времен. В давние времена один алтайский батыр шел вместе со своей собакой с лунно-солнечными глазами вверх по реке. Вокруг не было ни камня, на который можно было бы присесть и отдохнуть. Увидел он только один большой камень и вместе с собакой залез на него. Отдохнув, он произнес: «Пусть наши следы как память о нас останутся. Наши следы увидят и богатырями-кезерами назовут». С тех пор алтайцы называют его «Камень батыра» или «Камень Сартакпая» [Несказочная проза 2011: 236–237].

Оленные камни, встречающиеся по всему Алтаю, алтайцы называют камнями-коновязями (*чаки таи*) Сартакпая. Считается, что текст и рисунок на этих камнях также принадлежит ему. Другими словами, он признается и создателем письма [Алтайские мифы 1994: 74].

Существуют сюжеты, повествующие о смерти Сартакпая. Согласно одному сюжету, записанному Г. Н. Потаниным, Сартакпай погиб в обледеневшем озере, будучи обманутым Еджен-ханом, который уговорил его сидеть в ледяной воде, пока не образуются девять слоев льда. Когда богатырь оказался в ловушке, Еджен-хан стал ездить по льду на телеге и колесами убил Сартакпая [Потанин 1883: 285–286].

По другим преданиям, он внезапно скончался в Чуйской долине. «Сартак-пай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый кичим (потник) и, чтобы он скорее высох, повернул камень к солнцу, а сам сел рядом и умер» [Гарф, Кучияк 1939: 7].

В некоторых сюжетах говорится, что он скончался от старости. «Сартакпай в местности Коту от старости скончался. Его съели собаки Коту» [Алтайские мифы 1994: 388]. Название местности, скорее всего, — искаженная передача названия западномонгольской местности Кобдо (Ховд), а съедение его тела собаками есть указание на традицию на-

земного захоронения. В отдельных текстах говорится о том, что Сартакпай ушел в земли Монголии и занимался там устройством русел монгольских рек [Суразаков 2015: 119].

Заключение

Мифы, легенды и предания о Сартакпае (Сартактае) имели широкое распространение в фольклоре многих народов, проживавших на обширной территории Центральной Азии и Южной Сибири. Вне зависимости от имевшихся культурных различий между тюркскими и монгольскими народами у всех он выступает как культурный герой, демиург, формирующий культурный космос, как богатырь, избавляющий людей от чудовища-людоеда или трехголового змея [Несказочная проза 2011: 32]. Мифологические сюжеты, в которых переплетаются реальность и вымысел, свидетельствуют не только о синкретизме их содержания, но также и о существовании некогда исходного древнего пласта нарратива, связывающего древние и новые мифологические слои.

Литература

- Алтайские мифы 1994 — Алтай кеп куучындар (= Алтайские мифы и легенды) / сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 414 с.
- Апродов 1962 — *Апродов В. А.* 6000 километров по МНР. Записки геолога. М.: Географгиз, 1962. 207 с.
- Бурдуков 1969 — *Бурдуков А. М.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 419 с.
- Гарф, Кучияк 1939 — *Гарф А., Кучияк П.* Сказки Алтая. М.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. 100 с.
- Дамдинжав 2004 — *Дамдинжав Ц.* Архангай аймгийн Өлзийт сумын түүхийн товчоон (= Краткий очерк истории Олзийт сомона Архангайского аймака). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 2004. 128 с.
- Каташ 1978 — *Каташ С. С.* Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1978. 112 с.
- Катуу 2003 — Баруун Монголын домог, хуучяриа. Эмхэтгэн боловсруулж оршил бичсэн Б. Катуу, Ч. Дашзэвэг (= Мифы и предания старины Западной Монголии / сост., введение Б. Катуу и Ч. Дашзэвэг). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 184 х.
- Монгол домог 1984 — Монгол домог / удиртгал, тайлбар хийж, эмхэтгэсэн Х. Сампилдэндэв (= Монгольские мифы и предания / сост., коммент. и подготовка к печати Х. Сампилдэндэва). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1984. 230 х.
- Мөнхбаяр 2006 — *Мөнхбаяр Ч.* Сартагтайн домог (Түүхэн домог болох нь) (= Предания о Сартактае (проблема историчности преданий)). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. 162 с.
- Мөнхбаяр 2014 — *Мөнхбаяр Ч.* Домог түүхийн эх сурвалж болох нь (Сартагтайн домгийн жишээн дээр) (= Историчность преданий в письменных источниках (на примере преданий о Сартактае)) // Полевые исследования: сб. тр. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 49–77.
- Намсарай 1969 — *Намсарай Н.* Ховд аймгийн Эрдэнэбүрэн сумын газар нутгийн нэрс (= Топонимы Эрдэнэбүрэн сомона Ховд аймака). Ховд: *Аймгийн хэвлэлийн газар*, 1969. 123 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Несказочная проза 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост., подгот. текстов, прим., коммент. и указатели Н. Р. Ойноткиновой, И. Б. Шинжина, К. В. Ядановой, Е. Е. Ямаевой; отв. ред. тома Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2011. 563 с. (Памятники фоль-

- клора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30). (На алт. и рус. яз.).
- Окладников 1982 — *Окладников А. П.* Открытие Сибири. 3-е изд., доп. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 206 с.
- Потапов 1983 — *Потапов А. П.* Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / отв. ред. Н. С. Модоров. Горно-Алтайск: Горно-Алт. НИИ истории, яз. и лит., 1983. С. 96–110.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 337 с.
- Потанин 1948 — *Потанин Г. Н.* Путешествия по Монголии. М.: Географгиз, 1948. 481 с.
- Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 362 с.
- Сампилдэндэв 1978 — *Сампилдэндэв Х.* Монгол дахь Сартагтайн домог (= Монгольские мифы о Сартактае) // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал (= III Международный конгресс монголоведов). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. Х. 253–257.
- Суразаков 2015 — *Суразаков С. С.* Алтай фольклор. 2-е изд., доп., ред. А. А. Конунов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. кн. изд-во, 2015. 320 с.

References

- Aprodiv V. A. Six Thousand Kilometers across the Mongolian People's Republic: Notes of a Geologist. Moscow: Geografiz, 1962. 207 p. (In Russ.)
- Burdukov A. M. In the Old and New Mongolia: Memoirs, Correspondence. Moscow: Nauka, 1969. 419 p. (In Russ.)
- Damdinjav Ts. Ölziit Sum of Arkhangai Province (Mongolia): A Brief Historical Essay. Ulaanbaatar: State Publ. House, 2004. 128 p. (In Mong.)
- Garf A., Kuchiyak P. Folktales of the Altai. Moscow: Detizdat, 1939. 100 p. (In Russ.)
- Katash S. S. Myths and Legends of the Mountainous Altai. Gorno-Altaysk: Altai Book Publ., 1978. 112 p. (In Russ.)
- Katuu B., Deshzeveg Ch. (comps.) Myths and Legends of Western Mongolia. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2003. 184 p. (In Mong.)
- Mönkhbayar Ch. Historicity of tales in written sources: Legends of Sartagtay analyzed. In: Field Studies. Coll. papers. Vol. 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 49–77. (In Mong.)
- Mönkhbayar Ch. Tales of Sartagtay: The Historicity Issue Revisited. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2006. 162 p. (In Mong.)
- Namsarai N. Erdenebüren Sum of Khovd Province (Mongolia): Toponyms Analyzed. Khovd: [Khovd] Aimag Publ. House, 1969. 123 p. (In Mong.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. (comps.) Non-Folktale Prose of the Altai People. Novosibirsk: Nauka, 2011. 563 p. Folklore Monuments of Siberia and Far East 30. (In Alt. and Russ.)
- Okladnikov A. P. Discovering Siberia. 3rd ed., suppl. Novosibirsk: Eastern Siberia Book Publ., 1982. 206 p. (In Russ.)
- Potani G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. II: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1881. 337 p. (In Russ.)
- Potani G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Potani G. N. Travels in Mongolia. Moscow: Geografiz, 1948. 481 p. (In Russ.)
- Potapov A. P. Myths of Altai-Sayan peoples as a historical source. In: Modorov N. S. (ed.) The Mountainous Altai: Issues of Archaeology and Ethnography. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Institute for the Study of History, Language and Literature, 1983. Pp. 96–110. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Historical Roots of the Magic Tale. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 362 p. (In Russ.)
- Sampildendev Kh. (comp.) Mongolian Myths and Tales. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1984. 230 p. (In Mong.)
- Sampildendev Kh. Mongolian myths of Sartagtay. In: Third International Congress of Mongolists. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1978. Pp. 253–257. (In Mong.)
- Surazakov S. S. Altaian Folklore. 2nd ed., suppl. A. Konunov (ed.). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Book Publ., 2015. 320 p. (In Alt.)
- Yamaeva E. E., Shinzhin I. B. (comps.) Altaian Myths and Legends. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1994. 414 p. (In Alt.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1410–1421, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.21(82-34)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421

Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Горяева Б. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В устной традиции калмыков сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer* включается как эпизод в волшебные и богатырские сказки. В калмыцких сказках герой, сразив змея, спасает от смерти девушку. В этих сказках герой отправляется в путь для устранения недостачи/беды, их действие основано на пространственном перемещении героя. Герой сказки, включающей сюжет о змееборстве, путешествует по мирам, спустившись в нижний, поднимается в средний мир людей, претерпевает трудности и находит себе невесту. Таким образом, мотив пути выступает сюжетообразующим в рассматриваемых сюжетах. *Цель* исследования — рассмотреть мотив пути в калмыцких волшебных сказках, включающих сюжет ATU 300. *Материалом* исследования явились тексты сказок, опубликованных в сборниках калмыцких сказок. *Результаты.* Герой сказки «Җал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») отправляется в путь, как и герой тууль-улигера, получив весть о суженой. Сказка описывает встречу героя с вестником о его суженой через традиционную формулу «хороший совет или шкура, величиной с ладонь». При описании отправки героя в путь в сказку включается также жанр *йоряла* (благопожелания), восходящего к магической поэзии народа и вере в силу слова. Достижение иного мира требует определенной подготовки и соответствующих атрибутов, некогда сопровождавших умерших в их последний путь. Еще одной мотивировкой отправки героя в путь является потеря зрения ханом-отцом. В сказке «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана») сыновья должны увидеть то, чего не видел отец, чтобы он прозрел. В данном тексте функцию советчика и дарителя выполняет буддийский священнослужитель — *гелюнг*, замещающий образ *заячи*. Обратный путь героя сказки из нижнего мира в срединный мир людей связан с образом хана Гаруды. *Выводы.* Мотив пути в сказках, включающих сюжет ATU 300 *The Dragon-Slayer*, разрабатывается согласно морфологии волшебной сказки (по В. Я. Проппу) в рамках устной традиции (тууль-улигера) с замещением более ранних представлений — поздними буддийскими.

Ключевые слова: калмыки, сказка, волшебная сказка, сюжет, змей, мотив пути, иной мир

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: ААА-А-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1410–1421. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421

ATU 300 *The Dragon-Slayer*: Motif of Way in Kalmyk Folktales

Baira B. Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Goryaeva B. B., 2022

Abstract. *Introduction.* In the oral tradition of Kalmyks, type ATU 300 *The Dragon-Slayer* serves an episode to magic and heroic folktales. In Kalmyk narratives, the main character slays a serpent to save a maiden from death. Such tales begin with that a hero takes the road to eliminate some shortage/trouble, the action be based on the former's spatial movement. So, the to-be serpent-slayer travels through worlds: he descends to the lower world, returns to the human-inhabited middle one, undergoes some difficulties, and finds a bride. Thus, the motif of way proves central to the considered plots. *Goals.* The study aims to examine the motif of way in ATU 300-based (*The Dragon-Slayer*) Kalmyk folktales. *Materials.* The paper analyzes texts of published Kalmyk folktales. *Results.* In *The Son of Khan Gal — Otkhon Shara* (Kalm. *Гал хаана отхн шар көвүн*), the main character — like a *tuuli-uliger* hero — sets off on a journey after receipt of a message from his betrothed. And it is the traditional formula ‘good advice, or a palm-sized skin’ that provides a stage for the hero to meet the messenger. When it comes to describe the hero's departure, the narrative involves the genre of *yöräl* (‘good wishes’) which goes back to magic folk poetry rooted in the belief word has power, a successful arrival in the other world be guaranteed by certain preparatory action and appropriate attributes that had once accompanied the deceased on their last journey. Another motive for a hero to start on a trip is that his reigning father loses eyesight. In *The Story of Tögseg Khaan* (Kalm. *Ном Төгсг хаана туск тууж*) sons are supposed to leave and dare see what their father never saw for his sight to recover. In this text, the function of adviser and donor is performed by a Buddhist priest — *gelong* — who replaces the image of *zayachi* (‘guardian genius’). The hero's return journey from the lower world to the middle (human) one is associated with the image of Khan Garuda. *Conclusions.* The motif of way in ATU 300-based (*The Dragon-Slayer*) folktales tends develop in accordance with magic folktale morphological patterns (according to Propp) and within the framework inherent to oral (*tuuli-uliger*) traditions, paralleled by that Buddhist representations replace the earlier ones.

Keywords: Kalmyks, folktale, fairy tale, plot, snake, motif of way, other world

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Goryaeva B. B. ATU 300 *The Dragon-Slayer*: Motif of Way in Kalmyk Folktales. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1410–1421. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421

Введение

Ранние представления, связанные со змеем, — мудрость, бессмертие и потусторонний мир, зарождение жизни и вода. Исследователи отмечают, что змеи — основообразующий персонаж в модели мира. По мнению В. Я. Проппа, змей «сложное и многообразное явление», и попытка подвести его под единое и общее заключение «всегда сводит разнообразие к единству и тем самым искажает сущность явления» [Пропп 1986: 279].

Истоки змееборческого сюжета в сказках В. Я. Пропп возводит к архаическим обрядам инициации, связанным с первобытным анимистическим мировоззрением, тотемизмом и культом животных [Пропп 1986: 279]. Змееборчество, согласно теории ученого, появляется в результате постепенной утраты исходного значения обряда поглощения при инициации. При переходе от охоты к земледелию сверхъестественные покровители человека становятся представителями враждебной ему дикой природы. Змееподобное существо, которое на данной стадии развития обретает черты водного обитателя — рыбы, кита и т. д. — теперь представляется чудовищем, которое герой должен убить [Пропп 1986: 232].

М. Э. Джимгиров, рассмотрев мотив в сопоставлении эпоса и сказок, отмечает, что сказочный змееборческий мотив органически вошел в калмыцкий эпос [Джимгиров 1970: 206].

В устной традиции калмыков сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer* [ATU 2004] включается как эпизод в волшебные и богатырские сказки. В калмыцких сказках герой, сразив змея, спасает от смерти девушку. В этих сказках герой отправляется в путь для устранения недостачи / беды, их действие основано на пространственном перемещении героя. Герой сказки на сюжет о змееборстве путешествует по мирам, спускаясь в нижний мир, возвращаясь в средний мир людей, претерпевает трудности и находит себе невесту. Таким образом, мотив пути выступает сюжетообразующим в рассматриваемых сюжетах.

В калмыцкой фольклористике на эпическом материале рассмотрен мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек [Убушиева 2011], изучены динамические и статические свойства пространства и времени и выявлен способ восприятия универсальных категорий [Селеева 2011].

При сравнении эпических тем в указателе двух национальных версий эпоса «Джангар» выделены темы отправления в путь, преодоления пути, временной остановки в пути, встречи, отдыха и прибытия [Селеева 2013: 105–184].

Поднималась также проблема изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и «Джангара» [Манджиева 2016]. Изучен топоним *Алтай* в мотиве пути на материале эпоса монгольских народов [Дампилова, Хабунова, Чулуун 2018]. Описан путь и странствие эпического героя в нижнем мире [Манджиева 2021], путь богатыря, отправившегося на боевые подвиги [Манджиева 2022].

На сказочном материале калмыков рассмотрены мотив путешествия героя по мирам [Манджиева 2013], мотив отправления героя, рожденного от медведя, на основе сказочной традиции тюрко-монгольских народов [Хабунова, Чао 2019], мотив пути в калмыцких сказках на сюжетный тип AT 508 «Благодарный мертвец» [Горяева 2022].

Мотив пути в сказке «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал хана Отхон Шара»)

В настоящей статье нами рассматривается мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer* (CUC 300, Победитель змея) [CUC 1979]. Материалом исследования явились сказки «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») [Хальмг туульс 1961: 159–164]; «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана») [Алтин чеежтэ 2010: 46–53].

В сказке «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») младший из трех сыновей любит охотиться. Однажды

он пощадил зайца, который указал ему местонахождение его суженой. Отхон Шара отправляется туда, где небо сливается с землей. По пути заезжает к сестрам и продолжает путь на конях своих зятьев. Отхон Шара встречается старуху, которая подсказывает ему, как узнать ханскую дочь среди пятисот схожих девушек. Ханская дочь возвращается для того, чтобы собрать приданое, юноша отправляется домой.

В пути ему встречается старуха, которая дает советы герою. Отхон Шара дважды нарушает запрет старухи и попадает в нижний мир, где спасает от змея дочь хана подземного мира. Победу над змеем присваивает себе ханский повар и женится на дочери хана, но ложь раскрывается. Благодарный хан советует герою спасти птенцов хана Гаруды от светло-пестрой змеи и подняться на ней в свой мир. Вернувшись домой, Отхон Шара расправляется со своими братьями, скинувшими его в преисподнюю, живет счастливо с женой и сыном [Хальмг туульс 1961: 159–164].

Сын Гал-хана Отхон Шара отправляется в путь, получив весть о суженой, как и герой тууль-улигера. «Тууль-улигер» — эпическое произведение, стадийно предшествующее героическому эпосу типа калмыцкого «Джангара» и повествующее о подвигах чудеснорожденного богатыря (его женитьба на «суженой» — волшебной деве из далекой страны, истребление чудовищ-мангусов, освобождение народа от насильников и установление мира на земле) [Кичиков 1978: 3–6].

Как и в тууль-улигере, в сказке герой получает весть о своей суженой. Сын Гал-хана Отхон Шара в одноименной сказке встречается с вестником о его суженой во время охоты: *Нег аңһучлад, аң шову харвад, Гал хаана Отхн Шар хардг болна. Аңһучлад йовжс йовхлань, нег туула һарад гүүдг болна. Отхн Шар туулан арднь орна. Туулаг көөһэд, күцэд ирхлән, туула келдг болна: «Амн сән үгдм дурлнч, аль ааһ махнд, аль альхн дүңгә арсндм дурлнч?» — гив. Көвүн санжаһад, амн сән үгичн чигн соңснав, — гив. Туула келв: «Чини авх күүкнчн теңгр һазр хойрин шавилһнд бәәнә», — гив* «Однажды сын Гал-хана Отхон Шара отправился на охоту, пострелять зверей и птиц. Когда он охотился, выскочил и побежал заяц. От-

хон Шара погнался за зайцем. Когда настиг зайца, тот спросил: «Что тебе по душе — мой хороший совет или мое мясо с пиялу, или моя шкура размером с ладонь?». Юноша призадумался и ответил: «Выслушаю твой хороший совет». Заяц сказал: «Твоя суженая, на которой ты должен жениться, живет там, где небо сливается с землей»¹ [Хальмг туульс 1961: 159].

Формула «хороший совет или шкура, величиной с ладонь» представлена также другими вариантами и используется при разговоре героя и животного, которому он сохраняет жизнь в обмен на ценный совет. Т. Г. Басанговой отмечается, что в данном эпизоде диалог строится на традиционных формулах [Басангова 2019: 107].

В сказке «Барс Мергн баатр» («Богатырь Барс Мерген») старшая сестра героя Цагалангу просит его привезти ей живого зайца, через которого она передает письмо сыну Харата хана, где дает знать, когда приезжать за ней [Хальмг туульс 1961: 173]. Таким образом, в указанных текстах сказок заяц является вестником, который указывает местонахождение суженой.

Рассматривая образ зайца в фольклоре калмыков, исследователи отмечают его хтоническую сущность, связь с иным миром [Басангова 2019: 106].

В мифологических воззрениях и обрядности бурят зайцы, наряду с другими животными, выступали в качестве духов-помощников шамана, они «считались, как и шаман, посредниками, способными проникать из Среднего, земного, мира в иные миры, например в подземное пространство» [Бадмаев 2020: 726].

Получив весть о суженой, герой решает ехать за ней, жена старшего брата *бергн* беспокоится о нем и спрашивает: *Тиим хол һазрт яһжс йовнач?* «Как же ты поедешь в такой дальний путь?». Не послушавшись *бергн*, Отхон Шара, оседлав своего солового, отправляется в дальний путь. Превратившись в белого горбатого зайца равнины (*бөөргин бөкн цаһан туула*), *бергн* кинулась следом за Отхон Шара. Выбившись из сил, она просит младшего брата мужа остановиться, дает ему нечто белое на случай опасности, посоветовав сунуть то под луку седла. Благословляя в дорогу, жена старшего брата

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

произносит *йорал* (благопожелание): *Көвүн, йовсн үүлчн номин йосар күңж, алтн жолаһан хэрү эргүлж, ахнр бергтәһән амулң менд байрта ирх бол* ‘Мальчик, пусть дело твое исполнится по законам; выполнив свое дело, благополучно возвращайся к братьям и невесткам живым и здоровым’ [Хальмг туульс 1961: 159]. В приведенном эпизоде проводов в дальний путь отметим два момента: обращение *бергн* — жены старшего брата в зайца и произнесение *йоряла*.

Е. Я. Джамбинова в послесловии к сборнику калмыцких народных сказок, изданных на немецком языке, отмечает, что положительные героини — младшая дочь или младшая сестра, чтобы спасти жизнь брата, совершает героические поступки, в нужный момент превращаясь в зайца. Этот мотив превращения интерпретируется ею как временная смерть, связанная с обрядами посвящения (по В. Я. Проппу) [Dshambinowa 1993: 127–130]. Выше описанный мотив превращения в зайца младшей сестры героя представлен также в сказке «Барс Мергн баатр» [Хальмг туульс 1961: 175].

На бурятском материале учеными отмечается, что в народных представлениях с зайцем связывалась идея оборотничества, например, героиня сказки оборачивается в серого зайца. Способность превращаться в животное у бурят воспринимается как признак медиатора между мирами и не несет отрицательной коннотации [Бадмаев 2020: 726].

Включение жанра *йоряла* (благопожелания) в текст сказки отражает древние представления, восходящие к магической поэзии народа и вере в силу слова. О жанре благопожелания в рамках обрядовой поэзии калмыков писали Е. Э. Хабунова, Т. Г. Борджанова [Хабунова 1998; Борджанова 1999]. *Йорялы* соотносились с основными жизненными этапами, благопожелания сопровождали калмыка от рождения и до смерти. Люди верили в магию слова, в то, что оно может благословлять, изменять жизнь в лучшую сторону [Борджанова 2007: 167].

В благопожелании, произнесенном женой старшего брата героя, отправляющегося в дальний и трудный путь, звучит формула *алтн жолаһан хэрү эргүлж*, которую буквально можно перевести как «золотые поводья обратно повернув». Этими словами желали человеку удачного завершения

дела и скорого, благополучного возвращения домой [Краткий калмыцко-русский 1971: 8–9].

Сын Гал-хана Отхон Шара, продолжая путь, заезжает к своим замужним сестрам и отправляется дальше на конях своих зятьев. Этот момент лишь указывается, большее внимание уделяется тому, что понадобится герою в пути. Здесь приведем отрывок из текста: *Эгчнь толһаднь бөөс-хуурс хээжәһәд, чамд мөңгн кергтәй? — гиж сурв. Нанд юн кергтә болх? Мөңгн, — гиж дүнь хэрү өгв. Эгчнь дүүдән үзүл уга, нег ик торм темәнә тавгин дүңгә алт бишмүдинь хавтхд дүрв* ‘Сестра его, ища вшей в его волосах: Тебе деньги нужны? — спросила. Что мне понадобится? Деньги, — ответил ей младший брат. Сестра незаметно для братишки положила в карман его бешмета золото величиной с лапу верблюда-двухлетки’ [Хальмг туульс 1961: 159]. Две другие сестры также интересуются, что требуется брату, и подкладывают ему золото [Хальмг туульс 1961: 159].

В пути во время скачки (*Гүүлгә-гүүлгә йовтлнь*) герой встречает старуху, которая требует у него золота, она заставляет Отхон Шара потрясти свои карманы, после чего он находит три куска золота и отдает ей. Старуха эта владеет овцами, вечером, когда работники пригнали стадо и закололи одну овцу, ее внутренностями наелись старуха, герой, оставшийся на ночлег, ее двенадцать помощников, десять огромных сторожевых псов, при этом потроха даже на половину не были съедены [Хальмг туульс 1961: 160].

Наутро старуха показывает Отхон Шара путь к суженой и подсказывает, как добраться до суженой и определить дочь хана из пятисот схожих девушек. Позже, когда герой добирается до суженой, он узнает ее по мухе с золотыми крыльями и серебряным тельцем и забирает у нее амулет жизни *амн эрднийн*. Потом возвращается к старухе, требовавшей золота, она признается ему, что является его гением-хранителем — *заяч*.

Этот образ у монголоязычных народов, в том числе и у калмыков, воспринимается «самовозникшим», «создателем всего», как «божество человеческой судьбы как небесного волеизъявления, даритель счастья и блага, защитник имущества и скота» [Неклюдов 2008: 310].

В сказке «Алtn Өргч хаана нутгин Мөнг-н Өргчк гидг өвгн» («Старик по имени Мөнг-н Өргчк из нутка хана Алтан Өргчк») отправление бездетного старика мифологического возраста к своему заячи обозначает путь в иной мир, к которому следует подготовиться: *Тигэд өвгн йисн давхр төмр башмг цутхулж авад, йисн алд төмр тайг келгүлж авад, заячдан одхар йовһар һарад йовна* 'Поэтому старик повелел выковать девятислойные железные башмаки, девяти-саженный железный посох, взяв их, пешком отправился к своему заячи' [Хальмг туульс 1961: 121].

В. Я. Пропп показал на материале фольклора и этнографических данных, «что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути» [Пропп 1986: 49].

В своем труде «Исторические корни волшебной сказки» исследователь отмечает, что «тридцатое царство» имеет свою «локальность», связано с солнцем, золотая окраска предметов этого царства выражение их «солнечности=огненности», является «страной обилия» [Пропп 2000: 369].

Иной мир в калмыцкой сказке также представлен «страной обилия», в которой внутренностей (дотр) одной забитой овцы хватает, чтобы наесться двенадцати работников, их хозяйке и герою: *Ялчнр нег хө алад, дотринь чанв. Би юһинь идхм, эн 10-20 ялч юһинь идхм болхв гиж Гал хаана Отхн Шар дотран санад суув. Дотр болв. Эмгн идв. Хонжсах көвүн идв. Арвн хойр ялчнрнь идв. Арвн барг идв. Дотр эс дунд орв* 'Работники забили овцу, сварили ее потроха. Что я буду есть, эти 10–20 работников что будут есть, — так думал про себя сын Гал-хана Отхон Шара. Потроха приготовились. Старуха поела. Юноша, оставшийся на ночлег, поел. Двенадцать работников поели. Десять сторожевых псов поели. А потроха даже на половину не уменьшились' [Хальмг туульс 1961: 160].

Мотив пути в сказке «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана»)

Сказка «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана») строится на отправке сыновей ханом-отцом, потеряв-

шим зрение: *Старший сын отправляется в путь, достигает одного кургана, на котором в семи чашах бурлит вода, и возвращается. Оказывается, в этих чашах с водой хан Номо Тексег мыл руки. Средний сын добрался до юрты-дворца без веревок-креплений, в котором человек с единственным глазом во лбу смотрел за конем, принадлежавшим хану Номо Тексег. Младший из братьев Мазан, прежде чем отправиться в путь, обращается к гелюнду, выполняет все сказанное им, добывает коня и отправляется в путь.*

По пути герой находит сверкающее перо павлина и отдает его хану, владений которого он достиг, и отпустил коня. Мазан обращается к своему коню и с его помощью привозит чудо-птицу. Герой доставляет хану также золотой престол владыки вод с помощью хана Гаруди. Пожелание хана заполучить дочь владыки вод юноша исполняет при помощи коня, который превращается в лодку.

Юноша отправляет письмо своим братьям с известием, что он возвращается домой с кочевьем. Старшие братья сговариваются и сталкивают младшего в пропасть. Путешествуя по нижнему миру, Мазан набредает на хотон и спасает дочь хана, оставленную на съедение змею. С помощью хана Гаруди герой поднимается наверх. Младший сын возвращается домой, рассказывает о том, где побывал и что видел, и к отцу возвращается зрение [Алtn чеежтэ 2010: 46–53].

Сказка «Ном Төгсг хаана туск тууж» из репертуара Шани Васильевича Боктаева (1933–2010) представляет контаминацию сюжетных типов ATU 551 *Water of Life* (CUC 551 Молодильные яблоки) и ATU 531 *The Clever Horse* (CUC 531 Конек-горбунок), включает также в качестве эпизода ATU 300 *The Dragon-Slayer* (CUC 300, Победитель змея). Мотивировкой отправки в путь является потеря зрения ханом. Три брата решают вернуть зрение своему отцу. Старший из братьев едет в хурул, узнает из священных книг, что может помочь отцу, если увидит то, чего не видел отец (*эцкиннь үзэд уга юм көвүн үзхлэ, нүднь орх*) [Алtn чеежтэ 2010: 46]. Старший брат достигает высокого кургана, на вершине которого в семи чашах бурлила вода, и возвращается домой. Оказывается, это было местом, где

их отец мыл руки. Средний брат также обращается к священнослужителям и по их совету отправляется в края, где не бывал отец. Миновав курган с чашами, где бурлит вода, он добрался до юрты без веревок-креплений, в которой человек с единственным глазом на макушке ухаживал за конем. Вернувшись домой, рассказав об увиденном, средний сын узнал, что это конь отца. Младший сын также отправляется в хурул, чтобы самому услышать о том, что он может помочь отцу, увидев то, что он не видел. Мазан узнает от священнослужителя-гелюнга, что отец объездил и посмотрел весь мир, получает от него три сушеные лепешки из творога для конюха отца, советует как заполучить отцовского коня. Мазан выполняет все сказанное гелюнгом, добывает коня и отправляется в путь.

В данном тексте функцию советчика и дарителя выполняет буддийский священнослужитель — гелюнг, а в сказке «Нал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») помощником героя выступает старуха-заячи. Таким образом, следует отметить, что в рассматриваемой сказке буддийские представления замещают более ранние. «Распространение этой мировой религии монголов и предков калмыков — ойратов шло одновременно двумя волнами. Первая охватывает XIII–XIV вв., вторая — период с конца XVI в. до начала XVII в. Но и в период (XIV–XVI вв.) феодальная верхушка продолжала придерживаться этого учения... В конце XVI — начале XVII в. началась вторая волна проникновения буддизма в среду монголов и ойратов», — отмечает Э. П. Бакаева [Бакаева 1994: 11–12].

Начиная с XVII в. буддизм проникает в культуру и быт калмыцкого народа. Многовековое влияние этой мировой конфессии на представления калмыков отражено в выше приведенной сказке современного сказителя Ш. В. Боктаева.

Заполучив коня отца, герой отправляется в дальнюю дорогу. По пути герой находит сверкающее перо павлина и отдает его хану, владений которого он достиг и отпустил коня. Получив задание хана доставить павлина, Мазан обращается к своему коню и с его помощью привозит чудо-птицу. Для того чтобы добыть для хана золотой престол владыки вод, конь юноши доставляет его к хану Гаруде, Мазан спасает птенцов птицы

от змея. Хан Гаруда проглатывает юношу, но после просьб птенцов выплевывает его. Узнав о том, что Мазан — младший сын хана Номо Тексег, хан Гаруда признается, что знакома с его отцом, и в благодарность помогает достать золотой престол владыки вод.

В следующий раз старик-неприятель подговаривает хана, и он изъявляет желание посидеть под тенью крыльев хана Гаруды. Мазан просит птицу исполнить эту просьбу. После двух дней кромешной тьмы хан просит хана Гаруду вернуться.

Пожелание хана заполучить дочь владыки вод юноша исполняет при помощи коня, который превращается в лодку. Герой в лодке играет на дудке, когда появляется дочь владыки вод, юноша ее хватает и привозит к хану. Девушка ставит условие хану искупаться в кипящем молоке восьмидесяти кобылиц. Хан после купания Мазана полез в чан с молоком и сварился.

Юноша отправляет письмо своим братьям с известием, что он возвращается домой с кочевьем. Старшие братья сговариваются и сталкивают младшего в пропасть. Мазан, упав в нижний мир, излечил свои переломанные ноги волшебными листьями, которымимышь исцелила свою перебитую ногу.

Путешествуя по нижнему миру, Мазан набредает на *хотон*, в крайней юрте которого он находит девушку, дочь хана, оставленную на съедение змею. Герой расправляется со змеем, превращается в альчик и прячется в подоле девушки. Когда хан решает выдать дочь замуж за старика, приведшего девушку домой, принимая его за спасителя, Мазан показывается и раскрывает правду.

Приведем пример реализации змееборческого мотива в тексте сказки «Ном Тексег хаана туск тууж» («Сказание о Номо Тексег-хане») сказителя Ш. В. Боктаева:

Йова-йовтл нег хотн үзгднэ. Захин герт орад ирхлэ, нег сээхн күүкн сууна.

— *Күүкн яһад суунач? — гижэ Мазн сурхла,*

— *Мини эцк намаг авч ирэд суулһчква, — гинэ.*

— *Яһад? — гинэ.*

Тиигхлэ келнэ:

— *Намаг хортн хо һалзн моһа иржэ идхм, — гинэ.*

— *Нэ, бичэ э, түңгичн алчкнав. Тегэд кезэ ирх? — гинэ көвүн.*

— *Сөөдөн ирх, — гинэ.*

Көвүн моһаг гетэд сууна. Сөөднө моһа ирнэ. Моһаг чавчад, һурвн эңг келэд алчкна. Үүднэ өөр герт орж йовх бээдлтәһәр тәвчкнэ

‘Шел он, шел, показался один хотон. Зашел в крайнюю юрту, сидит красивая девушка.

— Девушка, почему сидишь? — спросил Мазан,

— Мой отец меня привез и посадил, — ответила.

— Почему? — спросил.

На это ответила:

— Меня должен съест враждебный светлый с полосой на лбу змей, — сказала.

— Ну, не бойся, я его убью. Когда он появится? — спросил юноша.

— Ночью придет, — говорит.

Юноша стал поджидать змея. Ночью змей приполз. Змей убил, порубив на три части. У дверей его сложил так, будто он вползает в юрту’ [Алтин чеежтэ 2010: 51].

Из текста сказки мы узнаем, что девушка оставлена в качестве жертвы змею вместо хана-отца. Через некоторое время отец отправляет посыльного узнать, как его дочь, выясняется, что она спасена героем и жива.

Истоки змееборческого мотива В. Я. Пропп возводит к архаическим обрядам инициации, связанным с первобытным анимистическим мировоззрением, тотемизмом и культом животных: одним из таких животных изначально мог быть и змей [Пропп 1986: 279]. Мотив змееборчества, согласно теории ученого, появляется в результате постепенной утраты исходного значения обряда поглощения при инициации. При переходе от охоты к земледелию сверхъестественные покровители человека становятся представителями враждебной ему дикой природы. Змееподобное существо, которое на данной стадии развития обретает черты водного обитателя — рыбы, кита и т. д. — теперь представляется чудовищем, которое герой должен убить [Пропп 1986: 232].

Герой побеждает змея, освобождает ханскую дочь и, чтобы подняться в средний мир людей, юноша посылает хану Гаруде письмо. Птица прилетает, во время полета юноша кидает ей в пасть мясо, а в конце пути, — отрезав, кусок своего бедра. Достигнув среднего мира, хан Гаруда про-

глатывает Мазана и выплевывает его целым и невредимым. Младший сын возвращается домой, рассказывает о том, где побывал и что видел, и к отцу возвращается зрение [Алтин чеежтэ 2010: 46–53].

Данный сюжет записан Б. Б. Манджиевой от современного сказителя Ш. В. Боктаева, ею же проанализирована структура сказки [Манджиева 2005]. Шаня Васильевич слышал сказку от своего отца в детстве, в пяти-шестилетнем возрасте. Данная сказка богата архаичными мотивами и элементами. Она интересна и тем, что представляется как предтеча «Джангара», так как в героическом эпосе «Джангар» Ага Шавдал, супруга хана Джангара, — дочь Номо Тексег-хана [Манджиева 2013: 90–100].

Обратный путь героя из нижнего мира в средний

В рассмотренных сказках герой попадает в нижний мир, будучи обманутым своими братьями. Обратный путь героя сказки связан с образом хана Гаруды. Чтобы подняться из нижнего мира в средний мир людей, герой по подсказке подземного хана спасает птенцов птицы от змея. Расправившись со змеем, герой сказки предстает перед грозным ханом Гарудой, который проглатывает его, но потом выхаркивает после просьбы своих птенцов. В благодарность птица доставляет героя на землю.

Спасший дочь хана герой ищет способ подняться на землю и просит совета хана. Хан поведал, что есть птица — хан Гаруда, птенцов которой поедает враждебный змей, в то время, когда она отправляется за пропитанием. «Если расправиться с тем змеем, то хан Гаруда сможет помочь», — сказал хан. Юноша приходит к хану Гаруде, видит, что птенцы в гнезде без матери, затаился и стал поджидать. Герой нагнал и зарубил змея. Птенцы стали плакать и звать мать. Юноша подошел к ним, и они спрятали своего освободителя под крыльями, сказав, что их мать его проглотит. В это время хан Гаруда с пропитанием, плача, прилетела. Птенцы говорят, что спасший их человек скрылся в море, Гаруда крыльями его расплескала и превратила в лужу, не нашла его. Когда Гаруда не нашла освободителя и среди деревьев, птенцы высказали ей свое опасение, что она проглотит их спасителя. После заверений матери, что она не причи-

нит ему вреда, птенцы показали героя, которого Гаруда с отвращением проглотила и после слезных уговоров птенцов выплюнула. В благодарность хан Гаруда решает поднять героя в мир людей, велит приготовить мясо семидесяти лошадей, семьдесят бочек воды. Во время полета юноша кормит и поит птицу, но уже у самой границы миров, когда закончилась провизия, он отрезает кусок мяса из своей ноги и дает напиться своей мочой. Доставив юношу в срединный мир хан Гаруда спрашивает, почему последний кусок мяса был такой маленький, но такой вкусный, вода, которой напоил в последний раз, была с таким едким запахом. Гаруда узнает правду, проглатывает героя и выхаркивает его целым и невредимым [Хальмг туульс 1961: 163–164; Алтн чеежтэ 2010: 48–49].

Сказочный текст представляет хана Гаруду как существо иного мира, способное после поглощения вернуть полноценность герою, восстановив его конечности.

В круг действий мифической птицы — хана Гаруды входит пространственное перемещение героя из одного мира в другой мир. В. Я. Пропп о путешествиях героя по воздуху пишет следующее: «Из волшебных помощников древнейшая форма, несомненно, — птица, обычно — орел или какая-нибудь фантастическая птица. Птица — древнее культовое животное. Полагали, что душа человека превращается после смерти в птицу или улетает на птице» [Пропп 2000: 214].

В сказочной традиции калмыков образ мифической птицы — хана Гаруды раскрывается через змея. С. В. Мирзаева отмечает, что в калмыцких сказках популярен мотив противостояния Гаруды и нагов [Мирзаева 2015: 202].

Изображения мифической Гаруды, в индуизме предстающей ездовой птицей (с женскими телом и головой) бога Вишну [Мифы народов 1987: 266], имеются на буддийских танках, представляющих старокалмыцкое искусство [Батырева 2005: 97–99], а также на знамени 3-го донского калмыцкого конного полка [Кукеев 2010: 62].

Птица хан Гаруда фигурирует, помимо сказок, в таких жанрах устной традиции народа, как «Яс кемэлһн» («Сказывание по кости») и героический эпос «Джангар». Мифическая птица Гаруда помогает герою

калмыцкого эпоса Джангар-хану спуститься с неба на землю. Мифологическая картина мира, отраженная в устной традиции народа, рисует верхний мир, населенный божествами и чудесными помощниками главного героя, срединный мир людей, где происходят основные действия с участием богатырей, и нижний мир, принадлежащий хтоническим существам, противникам эпических героев.

Выводы

В устной традиции калмыков в сказках, включающих сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer*, герой, сразив змея, спасает от смерти дочь хана. Герой отправляется в путь для устранения недостачи / беды, путешествует по мирам, спускаясь в нижний мир, возвращаясь в средний мир людей, претерпевает трудности и находит себе невесту. Так, герой сказки «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») отправляется в путь, как и герой тууль-улигера, получив весть о суженой. Сказка описывает встречу героя с вестником о его суженой через традиционную формулу «хороший совет или шкура, величиной с ладонь». При описании отправки героя в путь в сказку включается также жанр *йоряла* (благопожелания), восходящего к магической поэзии народа и вере в силу слова. Достижение иного мира требует определенной подготовки и соответствующих атрибутов, некогда сопровождавших умерших в их последний путь.

Еще одной мотивировкой отправки героя в путь является потеря зрения ханом-отцом. В сказке «Ном Төгсг хаана туск тууж» сыновья должны увидеть то, чего не видел отец, чтобы он прозрел. В данном тексте функцию советчика и дарителя выполняет буддийский священнослужитель — *гелюнг*, замещающий образ заячи. Обратный путь героя сказки из нижнего мира в срединный мир людей связан с образом хана Гаруды.

Таким образом, мотив пути в сказках, включающих сюжет ATU 300 *The Dragon-Slayer*, разрабатывается согласно морфологии волшебной сказки (по В. Я. Проппу) в рамках устной традиции (тууль-улигера) с замещением более ранних представлений — поздними буддийскими.

Литература

- Алтн чеежтэ 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной) / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Сер.: «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»).
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 450 с.
- Бадмаев 2020 — *Бадмаев А. А.* Заяц в традиционных представлениях и обрядах бурят // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 723–729.
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Батырева 2005 — Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века. М.: Наука, 2005. 160 с. с илл.
- Горяева 2016 — *Горяева Б. Б.* Сюжет АТ 508 «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 79–83.
- Горяева 2022 — *Горяева Б. Б.* Мотив пути в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец» // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 394–406.
- Дампилова, Хабунова, Чулуун 2018 — *Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Чулуун З.* Топоним *Алтай* в мотиве пути в эпосе монгольских народов // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 5. С. 166–173. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-166-173
- Джимгиров 1970 — *Джимгиров М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Кичиков 1978 — *Кичиков А.Ш.* О тууль-улигерном эпосе (к постановке вопроса) // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 3–6
- Краткий калмыцко-русский 1971 — Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г. Ц. Пюрбеев. М.; Элиста: [б. и.], 1971. 60 с.
- Кукеев 2010 — *Кукеев А. Г.* Знамя 3-го донского калмыцкого конного полка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 60–63.
- Манджиева 2005 — *Манджиева Б. Б.* «Сказание о Номо Тексег хане» как предтеча «Джангара» // Исследователь монгольских языков: к юбилею Б. Х. Тодаевой. Сер.: «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 106–110.
- Манджиева 2013 — *Манджиева Б. Б.* Сказитель Ш. В. Боктаев и его репертуар // Новые исследования Тувы. 2013. № 1. С. 90–100.
- Манджиева 2016 — *Манджиева Б. Б.* К проблеме изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 1(1). С. 44–50.
- Манджиева 2021 — *Манджиева Б. Б.* О сюжетосложении песни Малодербетовского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2021. № 3(23). С. 26–34.
- Манджиева 2022 — *Манджиева Б. Б.* Мотивы в эпических песнях джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 361–375. DOI: 10.54770/20729316-2022-1-361
- Мирзаева 2015 — *Мирзаева С. В.* О некоторых буддийских чертах сказочного фольклора калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 196–204.
- Мифы народов 1987 — Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. А–К. М.: Советская энциклопедия, 1987. 671 с.
- Неклюдов 2008 — *Неклюдов С. Ю.* Дзаячи [электронный ресурс] // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. М., 2008. С. 310. Индостан.ру. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
- Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- Селеева 2011 — *Селеева Ц. Б.* Динамические и статические свойства пространства и времени в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гу-

- манитарных исследований РАН. 2011. Т. 4. № 1. С. 173–177.
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Убушиева 2011 — Убушиева Д. В. Мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек (на материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение (Монгол судлал). 2011. Т. 5. № 1. С. 302–308.
- Хабунова 1998 — Хабунуова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Хабунуова, Чао 2019 — Хабунуова Е. Э., Чао Гед-жин. Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // Oriental studies. 2019. Т. 12. № 5(45). С. 1026–1033.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.
- ATU 2004 — Uther H. J. The Types of International Folktales: a Classification and Bibliography, based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson / ed. Staff Sabine Dinslage [et al.]. Helsinki: Suomal. tiedekat., 2004. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows). № 284: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. 619 p.
- Dshambinowa 1993 — Märchen der Kalmücken. Herausgegeben und übersetzt von Jelena Dshambinowa. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1993. 144 s.
- Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-166–173
- Dshambinowa J. Märchen der Kalmücken. Herausgegeben und übersetzt von Jelena Dshambinowa. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1993. 144 p. (In Germ.)
- Dzhimirov M. E. About Kalmyk Folk Tales. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 103 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. AT 508 ‘Grateful Dead Man’ plot in the Kalmyk fairy tradition. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 79–83. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Motif of the way in Kalmyk fairy tales of the plot type at 508 ‘Grateful Dead’. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 3(62). Pp. 394–406. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Kalmyk Wedding Ritual Poetry. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Gejin C. Fairy-tale tradition of the Turko-Mongols: Motives for the expulsion of a bear-born hero. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 1026–1033. (In Russ.)
- Kukeev A. G. Banner of the Third Don Kalmyk Cavalry Regiment. *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 60–63. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Motifs in the epic songs of jangarchi Telya Lidzhiev. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 1(60). Pp. 361–375. (In Russ.) DOI: 10.54770/20729316-2022-1-361
- Mandzhieva B. B. On the plot of the Maloderbetovsky cycle songs of the Kalmyk heroic epic *Jangar*. *Vestnik of North-Eastern Federal Uni-*

References

- Badmaev A. A. The hare in traditional beliefs and rituals of the Buryats. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2020. Vol. XXVI. Pp. 723–729. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Barag L. G., Berzovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comps.) The East Slavic Folk-tale: A Comparative Directory of Plots. Leningrad: Nauka, 1979. 437 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Animals in Kalmyk Folklore. Elista: Kalmyk State University, 2019. 192 p. (In Kalm. and Russ.)
- Batyreva S. G. Old Kalmyks Arts: 17th – Early 20th Centuries. Moscow: Nauka, 2005. 160 p. (In Russ.)
- Boktan (Boktaev) Sh. The Custodian of Folk Wisdom Boktan Shanya (Shanya Boktaev). B. Mandzhieva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 172 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: A Study and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 450 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S., Khabunova E. E., Chuluun Z. The epic tradition of Mongolic peoples: Toponym ‘Altai’ in the motif of the way. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 5. Pp. 166–173. (In

- versity. Series "Epic Studies". 2021. No. 3(23). Pp. 26–34. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Storyteller Sh. V. Boktaev and his repertory. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 1. Pp. 90–100. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The issue of studying the motives of the Kalmyk heroic tale and the heroic epos "Jangar". *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"*. 2016. No. 1(1). Pp. 44–50. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Tale of Nomo Tekseg Khan as a forerunner of the Jangar [Epic]. In: *The Researcher of Mongolic Languages. Jubilee collection* (B. Todaeva). Kalmyk Intelligentsia series. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 106–110. (In Russ.)
- Mirzaeva S. V. Kalmyk folktales: Some Buddhist features revisited. In: *Turko-Mongols. Questions of Ethnic History and Culture*. Vol. 3. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. Pp. 196–204. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Dzayachi. In: *Myths of the World. Encyclopedia*. Online edition. Moscow, 2008. P. 310. On: [Indostan.ru](https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf). Available at: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed: 1 August 2022). (In Russ.)
- Propp V. Ya. *Historical Roots of the Magic Tale*. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 365 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. *The Russian Folktale: Collected Works by V. Propp*. Yu. Rasskazov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2000. 416 p. (In Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (comp.) *A Concise Kalmyk-Russian Dictionary of Verbal Phraseological Units*. Moscow, Elista, 1971. 60 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva B., Sangaev L. (comps.) *Kalmyk Folktales*. Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)
- Seleeva Ts. B. Dynamic and static attributes of space and time in Kalmyk heroic epos «Dzhangar». *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2011. Vol. 4. No. 1. Pp. 173–177. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. *Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: A Thematic Guide*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. (ed.) *Myths of the World: An Encyclopedia*. In 2 vols. Vol. 1: A–K. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 671 p. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. The motive of overcoming of water space and of overcoming of a way by means of races (On the materials of songs of the Bagatsohurovsky cycle of the Kalmyk heroic epos «Dzhangar»). *Mongolian Studies (Elista)*. 2011. Vol. 5. No. 1. Pp. 302–308. (In Russ.)
- Uther H. J. *The Types of International Folktale: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson*. S. Dinslage et al. (eds.). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Part 1. FF Communications 284. Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. 619 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1422–1431, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.2: 821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1422-1431

Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012–2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков

Евдокия Эрендженовна Хабунова¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Хабунова Е. Э., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье проводится анализ содержания устных повествовательных нарративов, записанных в полевых условиях на территории Республики Калмыкия в 2012–2017 гг., и отражения в них прошлых событий, деятельности конкретных лиц и фольклорных персонажей, оставивших заметный след в истории народа, в памяти отдельных людей и социума в целом. *Материалы и методы.* Исследование базируется на аутентичном материале — повествованиях, воспроизведенных носителями калмыцкой устной традиции для выражения своего отношения, своей оценки и объяснения событий прошлого. При определении границ объекта изучения особое внимание уделяется теоретико-методологическим обобщениям В. Б. Шкловского, У. Лабова и Д. Валетски в их работах в области изучения устных нарративов. В *результате* исследования установлено, что устные нарративы, зафиксированные в начале XXI столетия в Калмыкии, представляют собой своеобразную форму фиксации событий, сохранения и передачи информации о жизни конкретных лиц и народа во всем ее многообразии и событийности; показано, что калмыки сохранили память об эпических героях, легендарных личностях прошлых эпох, о событиях более позднего времени и находят разные способы вербального воплощения и передачи своих знаний новому поколению.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция, полевой материал, калмыки, устные нарративы, содержание повествований, события, лица, образы, память

Для цитирования: Хабунова Е. Э. Устные нарративы в записи фольклорных экспедиций (2012–2017 гг.) как репрезентация исторической памяти калмыков // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1422–1431. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1422-1431

Folklore Expeditions of 2012–2017: Oral Narratives as a Representation of Kalmyk Collective Memory

Evdokia E. Khabunova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khabunova E. E., 2022

Abstract. Introduction. The article analyzes essentials of oral narratives recorded from respondents across Kalmykia in 2012–2017, focusing on how the former tend to articulate and characterize past events, activities of certain individuals and folklore characters who had left noticeable marks on the history of the ethnos, in the memory of individuals and society at large. *Materials and methods.* The study investigates authentic materials — narratives recorded from bearers of the Kalmyk oral tradition expressing their attitudes, assessments, and interpretations of events of the past. When it comes to define the scope of the research object, special attention is paid to theoretical and methodological generalizations developed by V. Shklovsky, W. Labov and J. Waletzky in their works examining oral narratives. *Results.* The study attests to oral narratives recorded at the beginning of the 21st century in Kalmykia cluster together to shape a specific form employed to register events, preserve and transmit data on the life of certain individuals and ethnos in all its diversity. The paper shows that Kalmyks have preserved the memory of epic heroes, legendary personalities of past eras, about events of later times, and they do find different ways to verbally transmit this knowledge of theirs to the new generation.

Keywords: folklore expedition, field material, Kalmyks, oral narratives, content of narratives, events, faces, images, memory

For citation: Khabunova E. E. Folklore Expeditions of 2012–2017: Oral Narratives as a Representation of Kalmyk Collective Memory. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1422–1431. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1422-1431

Введение

Устная передача информации от поколения к поколению предполагает различные способы и формы повествования, которые можно зафиксировать непосредственно в момент его воспроизведения. Экспедиция, проведенная преподавателями, студентами и аспирантами Калмыцкого государственного университета на территории Республики Калмыкия в 2012–2017 гг., позволила убедиться в их многообразии [Хуучн үгд 2018: 398]. В экспедиционной коллекции значительное место занимают устные повествовательные нарративы, которые могут быть отнесены к несказочной прозе [Хуучн үгд 2018: 57–216].

Проблема жанровой номинации устных повествований, записанных в последние десятилетия в Калмыкии, заслуживает отдель-

ного изучения, в данной статье они объединены термином «нарратив».

Нарративы, полученные в процессе интервьюирования собеседника, были подробно изучены американскими учеными У. Лабовым и Д. Валетским [Labov, Waletzky 1997: 3–38; Labov 1997].

В данном исследовании нарратив понимается как одна из форм вербализации информации о разных аспектах жизни человека и прошедших событиях в кратком изложении ее сути в той временной последовательности и в тех объемах, в какой она сохранилась в памяти рассказчика. Повествование такого рода, на наш взгляд, не лишено субъективизма: информант, сохраняя наиболее устойчивые сегменты полученной информации, актуализирует то, что на его взгляд, представляется значимым и

отражает проблемные темы. Последовательность и суть произошедшего события в таких рассказах интерпретируется с учетом опыта, знаний и мировоззренческих представлений нарратора.

Устные нарративы в записи экспедиций

Рассказчик в свое повествование часто встраивает несколько тематических историй, включает информацию о различных фактах, имевших место в его или общественной жизни. К примеру, экспедиционный материал изобилует воспоминаниями биографического характера, в которые интегрирована информация о памятных событиях и легендарных личностях, об удивительных явлениях и народных обычаях и т. д. Такой тип встроенного повествования названного «рамочным», «обрамленным» [Шкловский 1929: 55–67], в цитируемом издании [Хуучн үгд 2018: 398] выделен в самостоятельный нарратив.

Известно, что во время записи полевого материала фиксатор не должен прерывать речь информанта. Но после длительного монолога у него всегда уточняются детали эпизодов, отличающихся по тематике от основной проблематики повествования. Как правило, знаток фольклора, народных обычаев, традиций и при этом хороший рассказчик всегда выделяет детали, на которые стоит обратить особое внимание, и интерпретирует их по-своему. Если дается развернутый ответ, и в нем явно прослеживается последовательность описываемых событий, просматривается некая сюжетная линия, то такой тип изложения факта вполне может претендовать на самостоятельную историю.

Любому фольклорному жанру, как подмечено Б. Н. Путиловым, «свойственны довольно определенные (хотя и не без труда улавливаемые) границы в содержании, „отборе“ явлений действительности, в тематическом объеме, равно как и определенный „жанровый“ угол зрения и определенная система художественного описания» [Путилов 1976: 225].

Нарративы об исторических личностях

К сообщениям, рассказанным с учетом жанровых черт исторических преданий,

можно отнести нарративы, в которых отражается коллективная память о событиях и личностях, сыгравших ключевую роль в судьбе калмыков, и их предков-ойратов: «Алта тээж хаана көвүн» («Сын Алта-хана»), «Галдан Норбо» («Галдан Норбо»), «Авл хан, Цецн хан» («Аблай-хан, Цецен-хан»), «Моңһл орн нутгт хан уга болад, ха хээснэ тускар» («О поиске хана, когда некому было править Монгольским государством»), «Миитр нойна туск тууж» («Предание о Миитр-нойоне»), «Мазн баатрин туск тууж» («Предание о Мазан-батаре») и т. д.

Исторические события и участие в них конкретных личностей в этих повествованиях трактуются сообразно тому, как они воспринимаются и оцениваются нарратором, к примеру, в одном из них («Авл хан, Цецн хан» («Аблай-хан, Цецен-хан»)), информант Б. В. Б. акцентирует внимание не на воинских доблестях, а на дипломатических способностях Галдмы, сумевшего предотвратить конфликт между двумя ханами: *Авл хан Цецн хан гидг хойр хан хошуд бээж хоюрн. Тегэд, зүткдэд, хоюрн ноолдн гихлэ, Цецн хаана Галдма гидг көвүн Авла хаана Цаган хойр тергн (тедн?) хоорнд орчкад, шатр наадсн юмнч. Эн зүткэхэн кен дишлнэ, тер хан авч болг. <...> Тер шатр наадад, тегэд шатрар дүрцлэд (дамжад) дээдлго харсмн* ‘Аблай-хан и Цецен-хан оба были хошудскими ханами. Когда возникла конфликтная ситуация, и они оказались на грани столкновения, сын Цецен-хана Галдма и Аблай-хана [сын] Цаган расположились между телегами (встали меж них?) и стали играть в шахматы. Решили так: кто победит, тот станет ханом. <...> Сыграв в шахматы, так посредством шахмат им удалось избежать войны’¹ [Хуучн үгд 2018: 78].

Далее рассказчик, объясняя дальновидность, непогрешимость и благородство ойратского нойона Галдмы, говорит о его небесном происхождении: *Чакна Бадм өвгн тууждан келдг билэ. Цецн хаана Галдма Хурмсн Тенгрин өрүни зүүдн болж төрж. Хурмсн Тенгр гидг бурхн өрүни өрлэ үрглэ, Галдма болж зүүдндн үзгдсмн* ‘Старик Чакна Бадм в своем предании отмечал, что Галдма [сын] Цецен-хана явился во сне Хормусн (Хурмуста) Тенгрия утром. Когда

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

божество Хурмуста Тенгрий дремал в пред-
рассветный час, ему во сне явился Галдма’
[Хуучн үгд 2018: 78].

В записанных нарративах встречаются
мотивы и типические ситуации, свойствен-
ные преданиям (ссылка на достоверность и
доказательство правдивости информации:
услышано от старика Чакна Бадм; наши
предки; хошудские ханы и т. д.), но «сохра-
няемые как память о когда-то бывшем, они
далеко не всегда отливаются в форму закон-
ченного рассказа, они часто и не восприни-
маются как художественные произведения,
а имеют чисто познавательное значение и
рассказываются к случаю, когда речь за-
ходит о каком-то событии, лице, объекте»
[Соколова 1970: 6].

В финальной части своего рассказа
Б. В. Б. тоже объясняет причину того, по ка-
кому случаю и почему он поведал нам эту
историю: *Би тиигэд таднла харгсн, хошуд
уңган магтад, хойр хаана тускар келэд авч-
кув* ‘Я вот встретился с вами, поэтому воз-
дал хвалу своим хошудским предкам и рас-
сказал о двух ханах’ [Хуучн үгд 2018: 78].

Устные нарративы об эпических ге- роях

Полевой материал свидетельствует, что
народ хранит память об эпических богаты-
рях и талантливых сказителях джангарчи,
воспевших богатырские подвиги и мечту
калмыков и их предков-ойратов о мирной,
свободной и счастливой жизни. В устных
нарративах этой тематической группы
(«Жаңһр Хоңһр хойрин тууж» («Предание
о Джангаре и Хонгоре»), «Геср богд хан»
(«Гесер богдо-хан»), «Санж-Манж баатр»
(«О богатыре Санджи-Манджи»), «Онч-
хан Жирһл» («Ончхан Джиргал»), «Шавалин
Даван тускар» («О Шавалин Дава»),
«Лижин Төөлтин тускар» («О Лиджин
Тёёлт»)) события и герои изображаемых со-
бытий интерпретируются в рамках тради-
ционной культуры, в пределах стереотипов,
сложившихся в народной памяти об исто-
рическом прошлом: эпос — воплощение
мечты, эпические богатыри — защитники
страны, джангарчи — хранители традиции.
Нарратор причисляет своего персонажа к
определенному классу (нойон, джангарчи,
богатырь и т. д.) и часто наделяет его теми
качествами, которыми этот тип героя харак-
теризуется в обществе и сохранился в об-

щественном сознании, в фольклорной тра-
диции. «Вербальный фольклор мы вправе
рассматривать как средоточие памяти — в
общезначимом ли, групповом или семей-
ном масштабе, получившее организован-
ные формы. В нем концентрируется часть
опыта, накопленного традицией, и матери-
ализуется в известных пределах сама тради-
ция» [Путилов 1994: 54].

Повествователь, используя готовые мат-
рицы фольклорной традиции, по-своему
моделирует свой нарратив. Так информант
С. А. Х. в своем повествовании «Жаңһр
Хоңһр хойрин тууж» («Предание о Джан-
гаре и Хонгоре») использует известный
сюжет эпической главы «О подчинении
Алтан-Чееджи мудрого [Джангару]» из кал-
мыцкого героического эпоса «Джангар», но
в нем нарушается последовательность изо-
бражаемого в эпосе события и его исход:

– в зачине «Предания о Джангаре и
Хонгоре» Джангар и Хонгор представлены
братьями [Хуучн үгд 2018: 89], в эпической
реальности они становятся побратимами
после оживления Джангара ханшей Шилтя
Зандн Герел, вызволившей стрелу, триж-
ды перешагнув через смертельно ранен-
ного Джангара, что приравнивается к акту
рождения и объясняет побратимство двух
богатырей [Джангар 1978: 357];

– Джангар по собственной инициативе,
а не по приказу Бёк Мёнген Шигширге от-
правляется в страну Алтан-Чееджи и уго-
няет его табун [Хуучн үгд 2018: 89]. Таким
образом из биографии Джангара выпадает
факт его пребывания в плену у Бёке Мёнген
Шигширге. Из нарратива следует, что для
С. А. Х. важна фиксация самого действия —
угона табуна, а не его причина — соперни-
чество богатырей старшего поколения Бёке
Мёнген Шигширге и Алтан-Чееджи.

– Алтан-Чееджи поднимается на верши-
ну горы и оттуда сражает Джангара стре-
лой, в эпическом нарративе сказитель ак-
центирует внимание на меткость стрелка,
выпускающего стрелу из-за трех рек [Джан-
гар 1978: 356];

– прозаично выглядит картина богатыр-
ского сражения: *чи зун бийэрнь эргэд, эц-
кдэн күр, би барун бийэрнь орад уга кенэв.
Тегэд Жаңһр цугараһинь уга кенэд, Хоңһр
талан ирэд, Хоңһрин эцкиг мөрнәннь сүүлэр
тач авад ирнэ. Нег залу үлднэ. <...> Тернь
Күңкән Алтн Чеежэ бээжэ* ‘ты обойди левое

крыло и доберись до своего отца, я найду с правой стороны и уничтожу [всех]. Таким образом, Джангар истребил всех, прибыл к своему Хонгору и, вызволив отца Хонгора [вытянув] хвостом его коня, вернулся. [На поле боя] остался один мужчина. <...> Им оказался Алтан-Чееджи» [Хуучн үгд 2018: 89];

– в финальной части повествования нарратор актуализирует незабвенность Джангара и Хонгора, прославивших свое имя, а не факт вошества Джангара на ханский трон, чтобы создать счастливую страну Бумба, как это показано в эпической главе «О подчинении Алтан-Чееджи мудрого [Джангару]».

Преобразования эпических мотивов, обнаруженные в «Предании о Джангаре и Хонгоре» («Жаңһр Хоңһр хойрин тууж»), с одной стороны, являются иллюстрацией трансформации эпических форм и разрушения поэтический стилистики эпоса, с другой — показателем того, какие события прошлого сейчас наполняются актуальным смыслом и в каких ракурсах сохраняются образы древних сказаний. Последовательность и выстроенность мотивов определяют содержание нарратива. Структурно-содержательные аспекты устных повествовательных нарративов, восходящих к сюжетам эпоса «Джангар» и «Гесер» были рассмотрены также Ц. Б. Селевой [Селеева 2017: 120–131], Е. Э. Хабуновой [Хабунова, Цеценбат 2021: 1111–1121].

Устные истории о депортации

К числу памятных событий, запечатленных в устных повествованиях, относится депортация калмыков в 1943 г. в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» [Убушаев 1991: 3]. Эта трагическая история сохранялась в кругу семьи очевидцами тех скорбных событий, но долгое время оставалась табуированной для молодого поколения калмыков. Взрослые пресекали даже попытку упоминания слов, разговоров, касающихся «опасной» темы: *Эгчм намаг: «Чи яһад иһгэд бурад-буслад, кенлэ болвчн бурад буслад, юуһан келэд бәнч?» – гинэ. Ода яахв, үзссн-соңссан, медсэн келхов* ‘Сестра мне говорит: «Зачем болтаешь всякое и с кем угодно, кому и зачем

рассказываешь?»». А что делать? Надо же говорить о том, что пришлось увидеть, услышать, узнать» [ПМ 2017: Л. К. Э.].

Воспроизведение «запретной» истории стало возможным, когда депортация калмыков и других репрессированных народов была признана «варварской акцией сталинского режима» и «тяжелейшим преступлением» [Декларация 1989]. Она обрела значимость как часть истории калмыцкого народа, что послужило основой для возникновения устных рассказов, определяемых нами как «устная история».

В «устной истории» нарратив содержит свидетельства участников или очевидцев прошлых событий, включает исторические сведения или знания отдельных людей о прошлом, воспроизведенные в устной форме, не лишённые элементов субъективизма и обусловленные мировоззренческими представлениями рассказчиков, их социальным опытом, мерой участия в событии [Хабунова 2020: 145].

Этот тип устных нарративов самими рассказчиками определяется как «Сиврин туск туужс» («Истории о Сибири»). Слово *туужс* в данном контексте используется в значении ‘история’ неслучайно, так как записанные устные рассказы представляют собой хронику прошедших событий и отличаются детализацией. Несмотря на то, что устная история отражает индивидуальную историческую память, для воспоминаний наших респондентов, репрессированных в 1943 г., и рассказов их потомков — представителей нового поколения, характерно наличие константных сегментов, подтверждающих общность народной памяти о пережитой трагедии [Хабунова, Убушиева 2018: 125]. В них выделяются основные этапы этого процесса: выселение, нахождение в пути, прибытие к месту назначения, пребывание на чужбине в условиях комендантского надзора, весть о реабилитации, возвращение на родину, точно обозначается время, место, участники, характер, последствия описываемого события. Например, подробности выселения и долгого пути описываются так:

– *Хэжкрэд, «һаран өргтн!» — гиһэд <...> одак пистолетан авч одад, <...> одак указиг умив, дэрк-дэрк, «изменник Родины» гиһэд келх дурн күрхш, ольчад, хэһэд, бу хээжэһнэвидн гиһэд, ямаран зер-зев? <...> Сөөни өрэллэ, хойр-һурвн часла авад һарв*

‘Закричали, чтобы подняли руки. <...> Тот подошел с пистолетом, <...> зачитал тот указ, *дярке-дярке*, не хочется произносить эти слова «изменник Родины»; перевернули все, якобы искали ружье, какое оружие может быть? <...> В полночь, в два–три часа стали вывозить нас’ [ПМ 2013: Э. Б. Б.];

– *Декабрин хөрн доладгчла мадниг негдгч школд хурав, һурвдгч класст би йовлав. <...> Тегэд тенд йовжс йовхла, багшин көвүн үр көвүндэн келнэ: «Хэлэ, тер машид үзжэнч? <...> тер американск машин. Эн машидт хальмгудыг йовулх гинэ. <...> Эkdэн ирчкэд, би келжэнэв: «Багшин көвүн келв, эн американск машид мадниг йовулх гив. Экм келнэ: «Куукм мини, уга, маниг йовулшго, эцкчн дээнд бээнэ»* ‘Нас собрали в первой школе двадцать седьмого декабря, я училась в третьем классе. <...> Пока я шла там, учительский сын сказал своему другу: Смотри, видишь те машины? <...> Это американские машины. В этих машинах повезут калмыков. <...> Прибежав к своей матери, я говорю: «Сын учителя сказал, что на этих машинах отправят нас». Моя мать ответила: «Дитя мое, нет, нас не выселят, твой отец на фронте»’ [ПМ 2017: Н. Е. Ч.];

– *Мал мээлэд, мөөрэд бээнэ. Нохас уульд, мис мээлэд бээнэ. Кун уга. <...> Зууран дегд киштин. Өлн болад, амтн дегд икэр үкэд бээв. Вагона булгд нүк кеһэд, амтн мөр үздг болв. <...> Ку иддг азиат аашна гижэ зэңг һарч. <...> Эмтн һууль һууһад, иддг юмн уга, икэр зовв* ‘Скот мычит и блеет. Собаки воют, кошки мяукают. Людей нет. <...> В пути было очень холодно. Очень многие люди стали умирать от голода. В углу вагона вырубил яму, туда стали справлять нужду. <...> Пустили слух, что идут азиаты-людоеды. <...> Люди попрошайничали, есть было нечего, очень страдали’ [ПМ 2015: Г. Б. Ч.];

– *Сиврт орхларн би арвн һурвта билэв. <...> Арвн долан сууткд хойр көлэрн зогсад күрлэв. Вагон дүүрң амтн, суудг орм уга, хуһар өрк-бүлэрн [вагон] дүүрң. Би һанцарн күүнэ амтслэ* ‘Мне было тринадцать лет, когда выслали в Сибирь. <...> Семнадцать суток, стоя на ногах, добиралась. Вагон полон людьми, сесть негде, сидят все семьями, вагон полон. Я одна с чужими людьми’ [ПМ 2017: Л. К. Э.];

– *Цугтаһинь хээкрүлэд, уулюлдулад, бээглдүлэд орулжс авад, тус-туснь үүдинь хаачкв. Көрэд үкн гивүвидн. Таи харһу.*

Идх хот уга <...> Басл хол һазр бээжл, тер Сибирь гидгнь ‘Всех с криком, с плачем и воем загнали и закрыли по отдельности. Чуть не умерли от холода. Кромешная тьма. Еды нет. <...> Далеким местом оказалась та Сибирь’ [ПМ 2016: А. Д. Л.].

Безусловно, «конкретное содержание исторической памяти <...> вариативно: изменяются оценочные характеристики событий и персонажей, отношение к ним, степень интереса и его устойчивости, восстребованность, объем сохранившейся информации и пр.» [Неклюдов 2004: 77–86].

Рассмотренные фрагменты «устных историй» показывают, как индивидуальная память сохраняет и вербально по-разному транслирует пережитые в прошлом физические и эмоциональные страдания отдельных людей и коллективное мнение калмыков о трагических событиях тех лет (1943–1957).

В композиционной модели «устные истории» о депортации калмыков в 1943 г. также присутствуют аналогии: они часто начинаются с сообщений биографического характера, затем следует описание других событий в той последовательности, в какой они совершались в прошлом.

Нарративы религиозного содержания

В нарративах религиозного содержания сообщается о событиях, связанных с уничтожением буддийских монастырей, и репрессиях духовных лиц, рассказывает о силе молитвы и чудесных явлениях, о культовых предметах и объектах поклонений («Бөөһин тускар», «Зодв Дава», «Джав ламин туск домг», «Бааза Багшин оршасн һазрин тускар», «Ор һанцхарн бээлһнэ тускар» (о медитации), «Ик Бухса хурлын тускар», «Бурхдын туск тууж», «Хойр ирл», «Бүслүртэн хальмг гелң» и т. д. Полевые материалы этой тематической группы документируются особой «печатью» — памятью поколения, испытавшего на себе прессинг антирелигиозной политики советского периода. В них представлены не только исторические факты, но и культурные коды, нравственно-этические ориентиры, духовные ценности, позволившие калмыкам сохранить веру, обычаи, традиции и мудрые наставления предков. Приводим фрагменты рассказа, услышанного от К. Х. Б., 1918 г. р., дербетки, рода Ики Бухус, проживавшей в п. Келькута Юстинского райо-

на с 1957 г.: 1928–1929 ж. кевтэ билэ, сэн медхив, хурла гериг цуцад, авч одад Красносельскд ушколын класс кеһэд, хот кеде замарнь устолов кеһэд, ик цаһан өргэ бээсн — теругэрнь клуб кеһэд... Бидн бичкнд көгшдүд: «Тер өргэд зальврад ортн», — гидмн. Медэтэ улс маднд келэд, медүлэд бээв. Эвр ик гидг хээсн, давшурта билэ, маань веднэхн, дарк тус болг хээрхн! Терүнд манд хот кедмн нег гергн. Тер хурлын багшинрин модн герт бидн сурһаль сурад, маань веднэхн, дарк! Ода альд йовхул тер хамг. <...> Ик Бухса хурлын орм ода эжго һазрт Шарлжн тал бээнэ. Терүнд тоочкд нег күн эврэ малан бэржэнэ. Тер хурлын ормд нег ламын цогц бээнэ. Номта һазр. Номта һазрт одад мөргхлэ, гем уурч одна 'Не помню точно, кажется, в 1928–1929 гг. разрушили все, хурул разобрали и увезли в Красносельское. Из этого материала потом построили школу, из хурульной кухни — столовую, а из белого хурульного храма соорудили клуб. Старик каждый раз напоминали нам, детям, из какого материала изготовлены новые строения, и наставляли нас, чтобы мы, перешагивая порог этих помещений (школа, столовая и клуб), мысленно произносили молитвы. Был огромный котел [хурульный], по ступенькам [поднимались к нему], одна женщина там готовила пищу нам. Интересно, куда все это делось? (где это все сейчас находится?). <...> На месте Икибухусовского хурула в безлюдном месте возле поселка Шарлджин сейчас располагается чабанская точка [стоянка], и там пасется личный скот одного человека. На месте того хурула покоится тело одного ламы. Намоленное место. Если добратся до этого святого места и помолиться там, то исчезают болезни' [Хуучн үгд 2018: 133–134].

Для полного и объективного отражения истории возрождения буддизма, распространения буддийских знаний и традиций в Республике Калмыкия в постперестроечный период представляется важным учесть воспоминания буддистов старшего поколения. Их информация ценна тем, что в основе их памяти лежат ассоциации, явления, предметы, факты, события, связанные с реальной действительностью и убедительные в своей первозданности. У поколения прошлого столетия есть возможность сравнить, сопоставить настоящее с прошлым и предопределить будущее. Воспоминания

о прошлых событиях воспроизводятся через призму накопленного опыта и реалий настоящего. Информант К. Х. Б. в ходе беседы повторяла пословицу *өмнэн кесн буйн хөөнэн герч* 'заслуги, накопленные в прошлом, помогут в будущем', выражавшую ее жизненное кредо, подмечала, что ее добрые поступки и следование буддийским заповедям позволили ей дожить до 96 лет, увидеть восстановление разрушенных буддийских храмов, стать участником многих благих дел и поклониться Его Святейшему Далай-ламе, буддийским монахам, с которыми она связывает процесс возрождения буддизма в Калмыкии: *Кезэнэс нааран буй кеһэд йовсмн* 'С давних времен и до сих пор [они] накапливал заслуги' [ПМ 2015: К. Х. Б.].

Устная традиция передачи информации о прошлом имеет свои мифологические оттенки, но она воспроизводит сведения о прошлом на основе воображения, порожденно-го чувствами и ощущениями, вызванными реалиями настоящего времени, объяснениями и оценками конкретных людей: [Цаһан Амна Һавж] *туугдад, хөөннь 1964 жсйлд сүүдрлж ирхлэнь, элгн саднь эдһэд орулгон бээв. Тигэд нег өвгн эмгн хойр: бидн танд һар-көл болнавидн, кир-нуһдитн уһажэ өгэд бээнэвидн, — гижэ. Тер өвгн урднь хурлд йовсн, хөөннь һар болад бээжэ. Хурл хаагдсн хөөн баахн номтань һар болад, гер авад, бий-эн медүллго бээжэ. Ик номтань гер авч һар божэ чадиго болад, арһ уга, туугдад үкч йовналм. Мана Һавжэ багш гер авсмн биш, кезэн кезэнэс нааран тер кевтэн йова. Номд суусн лам көндрдмн биш. өөрнь һар көл болжэах бурхч ээжэ бээһэд, зул өргдг, зулын тос, һол кеде, ю-күүһинь авч өгдг, кир нуһдын уһадг билэ. Така шовуна мах, малын мах иддго билэ, эвр цевр бээдг билэ. Самолетд суухлань такан мах өгч, идчкжэ, меджэ уга аав. Терүнэ хөөн һурвн хонгин дунд бийнь тас уга болад йовжэ одв. Му болхан меджэ, би өөрнь билэв. Асхн ора болжэ йовла. <...> Аавин өргэд дег дүүрч бурхн билэ. Эмддэн серүни бээсн цагтан музейд залчксн билэ, бичүлчксн билэ. Бурхн болсн хөөннь бурхдын авад йовжэ одв, шажна толһач ирэд. Аавин өргэ хоосн үлдв тигэд. Би хаша-хаацинь ясад, хэләһэд бээдг билэв. Мел зүүднд орад бээдмн тер өргэ. Бээһэ бээтл шажн тогтсмн* 'После благополучного возвращения на родину в 1964 году, его не приняли родственники,

опасаясь гонений. Тогда двое — старик и старуха — предложили ему свою помощь в ведении домашнего хозяйства. Тот старик в свое время был хурульным человеком, впоследствии стал мирянином. Когда хурулы закрылись, духовные лица низшей иерархии стали мирскими людьми, обзавелись семьями и стали неприметными. Ламы с высоким духовным саном не могли стать простолюдинами, поэтому не женились, не стали мирянами. Многие вынуждены были отправиться в ссылку и умереть. Наш Гавжа-багши не женился, с тех давних пор оставался таким, каким был. Так как молящиеся ламы не должны шевелиться, возле него находилась старуха-прислужница, которая зажигала лампадки, подливала масло, готовила фитили для лампадок, стирала. Он не ел мясо животных и птиц, не нарушал обеты. Однажды в самолете по незнанию он съел курятину. После этого ему нездоровилось, и в течение трех суток он скончался. Он предвидел это, я находилась рядом в тот вечер. <...> В доме старца было много культовых предметов. При жизни, вполне осмысленно, он завещал их музею в письменной форме. После его кончины приехал чиновник по делам религии и увез все. Дом старца опустел таким образом. Я присматривала за его двором. Тот храм часто снился мне. Прошло время, и религия возродилась' [Хуучн үгд 2018: 115].

Информация о прошлом помогает устранить «белые пятна» истории, восста-

новить недостающие фрагменты в цепи недосказанностей, выпячивает новые аспекты изучения истории народа. Важно, чтобы знания, опыт и моральные ценности предыдущего поколения укоренились в новой среде, при новых обстоятельствах.

Практической и научной ценностью отличаются устные нарративы калмыков о народной медицине, о ритуально-лечебной практике калмыков, о лечебных свойствах средств животного, растительного, минерального происхождения. Часть из них уже введена в научный оборот [Хуучн үгд 2018: 178–186], вопросы, связанные с различными аспектами народной медицины освещались в статье «Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.)» [Хабунова 2022: 405–416].

Заключение

Нарративы, записанные в Калмыкии в 2012–2017 гг. во время экспедиций, содержат в себе знания предыдущих поколений, ценные сведения о прошедших событиях, они служат вербализованной формой консеквенции жизненного опыта человека во всем его многообразии. Рассмотренные устные повествования представляют собой своеобразную форму фиксации событий, сохранения и передачи информации о жизни конкретных лиц и народа во всем ее многообразии и событийности.

Полевой материал (2013–2017 гг.)

- ПМ 2013: Э. Б. Б., 1927 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой, Д. Б. Гедеевой, М. А. Лиджиевым и Б. Э. Убушиевой в 2013 г. в п. Цаган-Нур Октябрьского района, Республика Калмыкия).
ПМ 2015: Г. Б. Ч., 1927 г. р. (записано Д. Б. Гедеевой в 2015 г. в п. Цаган-Аман Юстинского района, Республика Калмыкия).
ПМ 2015: К. Х. Б., 1918 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой, Д. Б. Гедеевой в 2015 г. в п. Цаган

Аман Юстинского района, Республика Калмыкия).

- ПМ 2016: А. Д. Л., 1926 г. р. (записано Б. Э. Убушиевой в 2016 г. в п. Комсомольский Черноземельского района, Республика Калмыкия).
ПМ 2017: Н. Е. Ч., 1923 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой, Д. Б. Гедеевой и Б. Э. Убушиевой в 2017 г. в Городовиковске, Республика Калмыкия).
ПМ 2017: Л. К. Э., 1938 г. р. (записано Е. Э. Хабуновой и Б. М. Коваевой в 2017 г. в г. Элисте).

Author's Field Data

Informant 1: B. B. E., b. 1927. Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva, M. Lidzhiev and B. Ubushieva in Tsagan-Nur (Oktyabrsky District, Kalmykia, Russia), 2013. (In Kalm. and Russ.)

Informant 2: B. Ch. G., b. 1927. Rec. by D. Gedeeva in Tsagan-Aman (Yustinsky District, Kalmykia, Russia), 2015. (In Kalm. and Russ.)

Informant 3: B. K. Kh., b. 1918. Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva in Tsagan-Aman (Yustinsky

- District, Kalmykia, Russia), 2015. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 4: D. L. A., b. 1926. Rec. by B. Ubushieva in Komsomolsky (Chernozemelsky District, Kalmykia, Russia), 2016. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 5: E. Ch. N., b. 1923. Rec. by E. Khabunova, D. Gedeeva and B. Ubushieva in Gorodovikovsk (Gorodovikovsk District, Kalmykia, Russia), 2017. (In Kalm. and Russ.)
- Informant 6: K. E. L., b. 1938. Rec. by E. Khabunova and B. Kovaeva in Elista (Kalmykia, Russia), 2017. (In Kalm. and Russ.)
- Литература**
- Декларация 1989 — Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав. Москва, Кремль, 14 ноября 1989 [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165903-deklaratsiya-verhovnogo-soveta-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-o-priznanii-nezakonnymi-i-prestupnymi-repressivnyh-aktov-protiv-narodov-podvergshih-sya-nasilstvennomu-pereseleniyu-i-obespechenii-ih-prav-moskva-kreml-14-noyabrya-1989-g> (дата обращения: 20.09.2022).
- Джангар 1978 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / Тексты 25 песен. На калм. яз. Т. I / сост. А. Ш. Кичиков. М.: Наука, 1978. 442 с.
- Лыткин 2003 — *Лыткин Г. С.* Материалы для истории ойратов. I. Хошутский нойон Галдама // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 390–400.
- Неклюдов 2004 — *Неклюдов С. Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 26–36.
- Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. АБ-60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина / ред.: Н. Б. Вахтин и Г. А. Левинтон при участии В. Б. Колосовой и А. М. Пиир (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86.
- Путилов 1976 — *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука. 1976. 242 с.
- Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука. 1994. 457 с.
- Селеева 2017 — *Селеева Ц. Б.* Богатырские сказания о Джангаре и Гесере в калмыцкой сказочно-эпической традиции: к проблеме переходности фольклорного текста // Монголоведение. 2017. Т. 9. № 2. С. 120–131. DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-120-131
- Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М.: Наука. 1970. 287 с.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки. Выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 93 с.
- Хабунова, Цеценбат 2021 — *Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц.* Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 1111–1121. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-112
- Хабунова, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Убушиева Б. Э.* Константы устных историй калмыков о депортации 1943 года как маркеры народной памяти (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38(2). С. 123–131.
- Хабунова 2020 — Устные истории калмыков как семейная ценность: сохранение и передача [электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 144–149. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-12.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).
- Хабунова 2022 — *Хабунова Е. Э.* Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–416. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-416
- Хуучн үгд 2018 — *Хуучн үгд худл уга.* Кеерин хураңху материал. Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., автор вст. ст. на калм. яз. Е. Э. Хабуннова. Элст: НПП «Джангар», 2018. 399 с.
- Шкловский 1929 — *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
- Labov 1997 — *Labov W.* Some Further Steps in Narrative Analysis // The Journal of Narrative and Life History, 1997. Vol. 7. No. 1–4. Pp. 395–415.
- Labov, Waletzky 1997 — *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Journal of Narrative and Life History. Vol. 7. Is. 1–4. Jan 1997. Pp. 3–38.

References

- Declaration of the Supreme Soviet of the USSR of 14 November 1989 (Kremlin, Moscow) Ruling Illegal and Abusive the Repressions against Peoples That Experienced Forced Resettlement, and [Proclaiming] Guarantees for Their Rights. On: Online Library of Historical Documents ([Russian] National History Foundation). Available at: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165903-deklaratsiya-verhovnogo-soveta-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-o-priznanii-nezakonnymi-i-prestupnymi-repressivnyh-aktov-protiv-narodov-podvergshisya-nasilstvennomu-pereseleniyu-i-obespechenii-ih-prav-moskva-kreml-14-noyabrya-1989-g> (accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyk [People]. Texts of 25 songs. Vol. I. A. Kichikov (comp.). Moscow: Nauka, 1978. 442 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. (comp.) The Truth of Ancient Word: Collected Expeditionary Materials. Elista: Dzhangar, 2018. 399 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Kalmyk Folk Knowledge about Traditional Treatment Methods: Factual Data from Folklore and Ethnographic Expeditions, 2012–2017. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 405–416. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-416
- Khabunova E. E. Oral stories of Kalmyks as family value: Conservation and transmission. *Historical Courier*. 2020. No. 5(13). Pp. 144–149. Available at: <http://istkurier.ru/data/2020/IST-KURIER-2020-5-12.pdf> (accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts. The Legend of Geser Bogdo recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk plot elements reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 1111–1121. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-112
- Khabunova E. E., Ubushieva B. E. Constant oral histories of the Kalmyk Deportation of 1943 as markers of national memory (On materials of expeditions). *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 38(2). Pp. 123–131. (In Russ.)
- Labov W. Some further steps in narrative analysis. *Journal of Narrative and Life History*. 1997. Vol. 7. No. 1–4. Pp. 395–415. (In Eng.)
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *Journal of Narrative and Life History*. 1997. Vol. 7. No. 1–4. Pp. 3–38. (In Eng.) DOI: 10.1075/jnlh.7.02nar
- Lytkin G. S. Materials for a history of the Oirats. [Part] I: Khoshut Noyon Galdama. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 390–400. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. ‘Scenario schemes’ of life and narrative. In: Russian School of Anthropology. Transactions. Vol. 2. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2004. Pp. 26–36. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Notes on ‘historical memory’. In: Vakhtin N. B., Levinton G. A. et al. (eds.) AB-60: Celebrating the 60th Birthday of [Prof.] Albert K. Baiburin. Collected papers. *Studia Ethnologica* 4. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2007. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Putilov B. N. Folklore and Ethnic Culture. St. Petersburg: Nauka. 1994. 457 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Methodology of Comparative/Historical Folklore Research. Leningrad: Nauka, 1976. 242 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Heroic legends about Jangar and Gesar in the Kalmyk fairy-tale and epic traditions: The problem of transition of folklore texts revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 120–131. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2017-11-120-131
- Shklovsky V. B. Theory of Prose Revisited. Moscow: Federatsiya, 1929. 265 p. (In Russ.)
- Sokolova V. K. Russian Historical Tales. Moscow: Nauka, 1970. 287 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. The Kalmyks: Deportation and Return. Elista: Sanan, 1991. 93 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2022. Т. 15. № 6

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 29.12.2022.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 27,66.
Тираж 100 экз. Заказ 34-22.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8